

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2018. Том 54. Выпуск 4

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2018. Том 54. Выпуск 4

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2018. Volume 54. Issue 4

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора
Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь
Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка
(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor
Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
IV ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЮ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ»	
<i>Паскаль А.Д.</i>	
Неизвестное апокрифическое сочинение «Сказание Соломона како ясти во вся дни» в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.	13
<i>Набок М.М.</i>	
Исторична основа української народної думи «Про Молдавський похід Хмельницького»	33
<i>Бирюков С.В.</i>	
Сохранение Австро-Венгерской империи посредством федерализации в интересах ее славянских народов: утопия или упущенная возможность?	52
<i>Нікольський Є.В., Юган Н.Л.</i>	
Русофілство як прояв русинського національного руху в середовищі уніатського духовенства Галичини першої половини XIX ст.	72
<i>Зеленко С.В.</i>	
Концептуализация этнонима <i>русин</i> в поэзии Александра Духновича	90
<i>Держанская А.Э., Перетяцько А.Ю.</i>	
О проблемах действительных и проблемах мнимых: опыт применения историко-статистических методов к материалам комиссии Н.А. Маслаковца ...	107
<i>Степнов А.О., Фоминых С.Ф.</i>	
Чествования памяти Н.В. Гоголя (в 1902 и 1909 гг.) и «Шевченковские вечера» как инструментарий политической идентичности либеральной профессуры г. Томска	126
<i>Иванов А.А.</i>	
Граф Владимир Бобринский и Второй Мармарош-Сигетский процесс: по материалам российской прессы	145
<i>Суляк С.Г.</i>	
За веру, царя, Отечество и землю крестьянам (о деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии)	169
<i>Шевелев Д.Н.</i>	
«Наши братья по крови»: чехословацкие легионеры в информационном пространстве востока России (весна–осень 1918 г.)	189
<i>Наумова Н.И., Зиновьева В.И.</i>	
Югославяне в политике белогвардейских правительств. 1918–1920 гг.	211
<i>Конев К.А., Шевелев Д.Н.</i>	
Чехословацкий корпус в символических и коммеморативных практиках антибольшевистских правительств востока России летом 1918 – осенью 1919 г.	230

<i>Морозов С.В.</i> Подкарпатская Русь во внешней политике Польши и Чехословакии (1932–1935 гг.)	251
<i>Твердюкова Е.Д.</i> Злоупотребления при распределении американских подарков в Молдавской ССР (1944–1945 гг.)	264
<i>Саган Г.В.</i> Створення та перші роки діяльності Союзу русинів і українців Югославії .	277
<i>Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.</i> Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского	292
<i>Ломакина О.В., Мокиенко В.М.</i> Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков)	303
<i>Болдин В.А.</i> «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности»: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в.	318
<i>Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П.</i> Организация Договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза	335
<i>Селезнева А.В., Смулькина Н.В.</i> Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии)	352

ИСТОРИЯ РУСИНОВ

Суляк С.Г., Зиновьев В.П.

Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь	372
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Василик В.В.

Никита Ремесианский – пастырь и политик	389
--	-----

CONTENTS

Editor's page	9
---------------------	---

THE FOURTH ALL-RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION "THE SLAVIC WORLD: RESPONDING TO NEW CHALLENGES"

<i>Pascal A.D.</i> Unknown apocrypha "The Legend of Solomon of Healthy Eating for Every Day" (<i>"kako yasti vo vse dni"</i>) in the Slavic-Moldovan literature of the 15th–16th centuries	13
<i>Nabok M.N.</i> Historical basis of Ukrainian national duma "About Khmelnytsky's Moldovan Campaign"	33
<i>Biryukov S.V.</i> The preservation of the Austro-Hungarian Empire by means of federalisation in the interests of the Slavic peoples: myth or missed opportunity?	52
<i>Nikolsky E.V., Yuhan N.L.</i> Russophilia as the manifestation of the Carpatho-Russian national movement among the Uniat clergy of Galicia in the first half of the 19th century	72
<i>Zelenko S.V.</i> Conceptualization of the ethnonym <i>Rusin</i> in the poetry of Alexander Dukhnovich	90
<i>Derzhanskaya A.Z., Peretyatko A.Y.</i> The real and alleged problems: on the application of statistical methods for N.A. Maslakovets's comission	107
<i>Stepnov A.O., Fominykh S.F.</i> Honouring the memory of N.V. Gogol (in 1902 and 1909) and "Shevchenko's evenings" as political identity tools of Tomsk liberal professorate	126
<i>Ivanov A.A.</i> Count Vladimir Bobrinsky and the second Marmaros-Sziget legal trial: based on Russian press	145
<i>Sulyak S.G.</i> For Faith, Tsar, Fatherland and land to peasants (on the activities of the branches of the Union of Russian People Union in the Khotin uезд of Bessarabian province)	169
<i>Shevelev D.N.</i> "Our brothers in blood": Czechoslovakian legionnaires in the information space of the east of Russia (Spring – Autumn 1918)	189
<i>Naumova N.I., Zinovieva V.I.</i> Yugoslavs in the politics of Russia's White Army governments. 1918–1920 ..	211

<i>Konev K.A., Shevelev D.N.</i>	
The Czechoslovakian corps in the symbolic and commemorative practices of the anti-Bolshevik governments in the east of Russia in the summer of 1918 – the autumn of 1919	230
<i>Morozov S.V.</i>	
Subcarpathian Rus' in the foreign policy of Poland and Czechoslovakia (1932–1935)	251
<i>Tverdyukova E.D.</i>	
Abuses in distribution of American gifts in the Moldavian SSR (1944–1945) ...	264
<i>Sagan G.V.</i>	
The Union of Rusins and Ukrainians of Yugoslavia: creation and first years of activity	277
<i>Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G.</i>	
Mapping the Slavic world in <i>The Diary of a Writer</i> by F.M. Dostoevsky	292
<i>Lomakina O.V., Mokienko V.M.</i>	
Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)	303
<i>Boldin V.A.</i>	
“Languages are not studied by sympathies or antipathies, but only by requirements of practical suitability”: The dispute between academists Lamansky and Stojanovich about the role of the Russian language for integration of the Slavs in the early 20th century	318
<i>Troitskiy E.F., Zinovyev V.P.</i>	
The Collective Security Treaty Organisation: emergence, evolution and crisis of the military-political alliance	335
<i>Selezneva A.V., Smulkina N.V.</i>	
Images of the Slavic countries in the consciousness of Russian citizens (a case study of Ukraine and Belarus)	352

FAMOUS RUSINS

<i>Sulyak S.G., Zinovyev V.P.</i>	
G.A. De Wollant and Ugric Russia	372

BIBLIOGRAPHY

<i>Vasilik V.V.</i>	
St. Nicetas of Remesiana: a pastor and a politician	389

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

Журнал, завершающий 2018 г., содержит материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», которая состоялась 4–5 октября 2018 г. в Томске. Его организаторами выступили Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российское общество политологов, Томский региональный общественный Фонд гражданского и политологического образования и редакция международного исторического журнала «Русин».

На мероприятие было заявлено 39 докладов. Участники представляли как ведущие российские университеты (в частности, 8 исследователей из Санкт-Петербургского университета, 6 – из Московского государственного университета и т. д.) и научные центры, так и вузы Белоруссии, Молдовы, Украины, Китая, США. По итогам работы оргкомитетом были отобраны для публикации статьи, выполненные на основе докладов, прошедшие затем процедуру рецензирования.

Данная конференция является одной из четырех ежегодных подобных мероприятий, организуемых редколлегией журнала «Русин» совместно с Томским государственным университетом. Приятно, что в последнее время растет количество соорганизаторов таких форумов, к ним подключаются и другие вузы (Санкт-Петербургский государственный университет, Тараклийский государственный университет).

Уже запланированы даты проведения конференций в 2019 г.:

1. V Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов». 13–14 мая 2019 г., Томск.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlanc>

2. V Международная научно-практическая конференция «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (Межвоенный период)». 29–30 мая 2019 г., Кишинев.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/carpathian>

3. V Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов». 3–4 октября 2019 г., Томск.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

4. Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Восьмые чтения памяти И.А. Анцупова)». 30–31 октября 2019 г., Тараклия.

Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Регистрация начинается с 1 января.

По итогам работы мероприятий организационный комитет может рекомендовать к публикации в журналах – партнерах конференции – статьи, выполненные на материале докладов: в журнале «Русин», индексируемом в Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), РИНЦ, входящем в перечень ВАК (близкие к тематике журнала); в журналах Томского государственного университета («Вестник Томского государственного университета» (Web of Science Core Collection (ESCI), РИНЦ, входит в перечень ВАК); «Вестник Томского государственного университета. Филология» (Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), РИНЦ, входит в перечень ВАК); «Вестник Томского государственного университета. История» (Web of Science Core Collection (ESCI), РИНЦ, входит в перечень ВАК).

С.Г. Суляк
главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL!

This journal contains articles that were peer-reviewed and selected among the presentations delivered at the Fourth All-Russian Conference with International Participation “The Slavic World: Responding to New Challenges” (Tomsk, October 4–5, 2018). The conference was organized by the National Research Tomsk State University, the Russian Society of Political Scientists, the Tomsk Regional Public “Foundation for Civic and Political Science Education” and the editors of the international historical journal *Rusin*. It attracted 39 participants from leading Russian universities (namely, 8 researchers from St. Petersburg University, 6 from Moscow State University, etc.) and research centers and universities from Belarus, Moldova, Ukraine, China and the USA.

This conference is one of four annual events organized by the editorial board of *Rusin* together with Tomsk State University. It should be emphasized that the number of co-organizers of such forums has been steadily growing, with other universities joining (St. Petersburg State University, Taraclia State University).

We have already scheduled the dates for the forthcoming conferences in 2019:

1. The Fifth All-Russian Conference with International Participation “Slavic Languages: Responding to New Challenges”, May 13–14, 2019, Tomsk.

Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

2. The Fifth International Conference “History of the Carpathian-Dniester Lands from ancient times to the Early 21st century (Interwar period)”, May 29–30, 2019, Chisinau.

Conference website: <http://conference.tsu.ru/carpathian>

3. The Fifth All-Russian Conference with International Participation “The Slavic World: Responding to New Challenges”, October 3–4, 2019, Tomsk.

Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

4. International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Seventh Readings in Memory of I.A. Antsupov)”, October 30–31, 2019, Taraclia.

Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Registration begins on January 1, 2019.

The organizing committee can recommend articles based on conference presentations to be published in partner journals, among which are *Rusin* (Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, HAC) and journals of Tomsk State University (*Tomsk State University Journal* (Web of Science Core Collection (ESCI), RISC, HAC)), *Tomsk State University Journal of Philology* (Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RISC, HAC)), *Tomsk State University Journal of History* (Web of Science Core Collection (ESCI), RISC, HAC)).

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 930.272 27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/2

НЕИЗВЕСТНОЕ АПОКРИФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ «СКАЗАНИЕ СОЛОМОНА КАКО ЯСТИ ВО ВСЯ ДНИ» В СЛАВЯНО- МОЛДАВСКОЙ КНИЖНОСТИ XV–XVI вв.

А.Д. Паскаль

Российская государственная библиотека
Россия, 119019, г. Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
E-mail: finvest3@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена публикации неизвестного текста апокрифического сочинения «Сказание Соломона како ясти во вся дни», бытовавшего в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. По содержанию сочинение представляет собой перевод неизвестного греческо-византийского оригинала диетогигиенических рекомендаций на каждый месяц календарного года. Публикация текста осуществлена по выявленным автором трем славянским рукописям молдавского происхождения: 1) Сборник 1447 г. молдавского писца Гавриила Урика (Российский государственный архив древних актов. Ф. 188. № 778; Российская государственная библиотека. Ф. 178. № 923); 2) Сборник ок. 1561 г. (Институт рукописей национальной библиотеки Украины. Ф. 313. № 47); 3) *Часослов* с дополнительными статьями первой четверти XVI в. (Российская государственная библиотека. Ф. 209. № 201). Проведенный текстологический анализ показывает, что наиболее близким по содержанию к нему является сочинение, сохранившееся в *Изборнике Святослава 1073 г.* под названием «Месяцы по римлянам. О различных месяцах». Однако публикуемый календарный текст начинается не с марта, а с сентября, более детализирован и содержит архаичные славянские наименования болезней. Публикация впервые вводит в научный оборот неизвестное апокрифическое сочинение с диетогигиеническими рекомендациями, свидетельствующее о синкретизме христианства и народных верований у славян и молдаван.

Ключевые слова: апокриф, неизвестный, Соломон, календарные рекомендации, Молдавия, средние века, славяно-молдавская книжность, язычество.

UNKNOWN APOCRYPHA “THE LEGEND OF SOLOMON OF HEALTHY EATING FOR EVERY DAY” (“KAKO YASTI VO VSE DNI”) IN THE SLAVIC-MOLDOVAN LITERATURE OF THE 15TH–16TH CENTURIES

A.D. Pascal

Russian State Library

3/5Vozdvizhenka Street, Moscow, 119019, Russia

E-mail: finvest3@gmail.com

Abstract

The article focuses on the publication of an unknown apocrypha “The Legend of Solomon of Healthy Eating for Every Day (“kako yasti vo vse dni”)” related to the Slavic-Moldovan literature of the the 15th – 16th centuries. The work is a translation of an unknown Greek and Byzantine original dietary and healthful recommendations for each month of the calendar year. The text was published on the basis of three Slavic manuscripts of Moldavian origin, identified by the author: 1) The Collection of the Moldovan scribe Gavriil Urik of 1447 (Russian State Archive of Ancient Acts, Fund 188, File 778; Russian State Library, Fund 178, File 923); 2) The Collection of 1561 (Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine, Fund 313, File 47); 3) *Horologion* with additional articles of the first quarter of the 16th century (Russian State Library, Fund 209, File 201). The textual analysis has shown that the content of the work under study is very close to “Month According to Romans. About Different Months” from the *Anthology of Svyatoslav* of 1073. However, the published calendar is more detailed. It begins from September, not from March, and contains archaic Slavic denominations of diseases. For the first time it introduces an unknown apocrypha of dietary and healthful recommendations, indicating the syncretism of Christianity and popular beliefs among the Slavs and Moldovans.

Keywords: apocrypha, unknown, Solomon, calendar recommendations, Moldova, Middle Ages, Slavic and Moldavian literature, paganism.

Культурный ареал Pax Slavia Orthodoxa¹ включал в себя, помимо других государств, также и средневековое Молдавское княжество, поскольку на его территории с преобладавшим романоязычным

населением славянский язык был основным языком письменности, употреблявшимся в воеводских канцеляриях, богослужении и литературе (Толстой 1961: 51; Ильяшенко 1970: 24–25; Rosetti 1986: 428–430; Раевский 1988: 229–231).

Определенная внешнеполитическая независимость княжества от Оттоманской Порты в указанное время, в отличие от болгарских и сербских земель, способствовала сохранению и дальнейшему развитию славянской книжной культуры на его территории. В книгописных мастерских средневековой Молдавии складывается и окончательно оформляется собственный (т. н. молдавский) тип письма с характерной устойчивостью графических форм, ориентацией на определенную орфографическую норму (среднеболгарский извод) и приемами оформления рукописных книг (Паскаль 1991: 9; Турилов 2005: 142).

Переписываемые на славянском языке, они сохранили значительное число не дошедших до нас произведений литературы средневековой славянской книжности, прежде всего – памятников литературного наследия школы Евфимия Тырновского (Бойчева 1977: 83–97; Бойчева 1980: 177–182; Куев 1986: 35–41), одним из каналов рецепции которого было пребывание Григория Цамблака в Молдавии в начале XV в. (Бегунов 2005: 571, 576).

При этом наряду с традиционными, каноническими памятниками в славяно-молдавских рукописях сохранились и т. н. отреченные произведения – апокрифы (греч. ἀπόκριφος – тайный, скрытый, сокровенный) (ПЭ III: 46–58). Создаваемые для освещения недостаточно подробных сведений о персонажах или истории событий, которые упоминаются в канонических книгах Библии, они, несмотря на запреты официальной церкви, переписывались, читались и были распространены практически во всех христианских странах.

Значительное количество подобных произведений в славянской средневековой литературе связано с именем библейского царя Соломона – это, например, рассказы о Соломоне и Китоврасе, человеке с двумя головами, жившем под землей, о Соломоне и царевне, о Соломоне и «ужичкой царицы» (Малкототшке), о судах Соломона, повесть о царе Адариане, молитвы Соломона и целый ряд других (Словарь книжников 1988: 66–68; Словарь книжников 2012: 17–18).

Однако до сих пор вне поля внимания исследователей осталось еще одно апокрифическое произведение, приписываемое в заголовке также царю Соломону. Это небольшой по своему содержанию текст, озаглавленный **Ў прѣмъдрости Го(л)мниа к(а)ко гастри въ вса м(с)ца** (далее по тексту – «Сказание») и получивший свое распространение в славяно-молдавской книжности XV–XVI вв., что наглядно показывают выявленные автором следующие три списка «Сказания».

Первый из них принадлежит руке выдающегося молдавского книжника Гавриила Урика² и был создан им в монастыре Нямц в 1447 г. Список находится в двух отдельных фрагментах из не дошедшего до нас полностью его рукописного Сборника 1447 г. Они в настоящее время хранятся в РГАДА (Ф. 188. № 778. Л. 4об.) и в РГБ (Ф. 178. № 923. Л. 8) (далее – список Гавриила Урика)³.

Правописание рукописи – выдержанное среднеболгарское, как и во всех рукописях Гавриила Урика (Яцимирский 1904: 388–403).

Второй список сохранился в Сборнике ок. 1561 г. бывшего собрания Почаевской лавры № 116 (Институт рукописей национальной библиотеки Украины. Ф. 313. № 47), на л. 420–420об. (далее – список Почаевский) (Славяно-молдавские летописи 1976: 16–17; Иванова и др. 2010: 209–211).

Правописание рукописи – среднеболгарское, а сам текст «Сказания» практически совпадает с текстом Гавриила, за исключением небольших орфографических разночтений в отдельных написаниях (на первом месте указано чтение из списка Гавриила Урика, на втором – из списка Почаевского): Ѡ дъны – Ѡ дъны; нежи(т) – неже(т); врачует тѧ – врачует сѧ; ѡгнѣнѣхѧ хсѣх – ѡгнѣнѣхѧ.

Третий список дошел до наших дней в составе рукописного Часослова с дополнительными статьями первой четверти XVI в. в РГБ из собрания П. А. Овчинникова (Ф. 209. № 201. Л. 201об.–202) (далее – список Овчинникова). Рукопись, как свидетельствует запись Овчинникова на внутренней стороне верхней крышки переплета, была приобретена им у Т.А. Кузьмина в 1896 г. «из Румынии».

Принятое в румынской историографии мнение о том, что эта книга переписана «иноком Григорашко» в 1638 г. (Constantinescu 1984: 121; Constantinescu 1986: 111; Cîndea 2012: 219–220), ошибочно, т. к. оставленная им запись на л. 187 (зде писа(л) тѣха(д)и Бѣ а(з) Глигора(ш)ко Гочю(л) что ви(в) ино(к) аі лѣ(т) пи(с) при дни Іѡ(н) Гѣѡ(р)ги Бѣѣфа(н) воєво(да) текъщее лѣто гп(д)(с)ѡа его ѣ лѣ(т) и когда зде писа(л) ви(с) в лѣ(т) зрді в м(с)ца ге(н) к в днь в пѧ(к) вѣч) отстоит от времени написания рукописи, по крайней мере, на столетие с лишним, поскольку, по показаниям филиграней, она может быть датирована первой четвертью XVI в.⁴

Кодекс долгое время бытовал в Молдавском княжестве, о чем свидетельствуют сохранившиеся владельческие и читательские записи 1638 г. инока Григорашки (Л. 166об., 187, 254об.), Константина (Л. 242, 276об.), архиепископа Романского Анастасия (?) (Л. 211об., 254об.), Григория попа, сына Василя (Л. 74, 88об., 98об.), Пантелея, сына попа Андрея (Л. 63–64), 1738 г. иеродиакона Тодирашко из скита Брэтешти (Л. 1а), который отреставрировал рукопись, дописав утраченные л. 1,

2, и подклеил по краям и форзацу листы с утратами.

Рукопись содержит Часослов с последованиями вечерни, павечерницы, утрени, 1–9-го часов (Л. 1об.–97об.), месяцеслов (Л. 96–169), тропари и кондаки триодной части с Недели о мытаре и фарисее до Недели всех святых с уставными указаниями «по Студийскому уставу» (Л. 169 об.–187), обширную подборку апокрифических и астрономо-астрологических статей (Л. 187 об.–261)⁵, лунное течение (Л. 261–279), два сказания о благоприятных днях для кровопускания (Л. 279–279об.), таблицу вруцелето (Л. 280), богородичные и крестобогородичные на 1–8-й гласы (Л. 280об.–282), тропарь (Л. 282об.) и параклис св. Николаю (Л. 283–289об.).

Основная часть рукописи (Л. 2–279об.) написана одним и тем же почерком, другими же двумя (XVI в.) – дополнения к ней (Л. 282об. и 283–289об. соответственно).

Правописание рукописи – невыдержанное среднеболгарское, почерк в целом не характерен для каллиграфического полуустава молдавских рукописей, так же, как и украшения, которые выполнены достаточно неумело, – заставки (на л. 96, 187об., 214об.), концовки в виде руки, поддерживающей окончание текста (на л. 24об., 59, 95об., 214, 233, 245об., 282).

Однако, поскольку в основном тексте встречаются слова, переведенные на молдавский язык, вероятнее всего, ареалом происхождения рукописи были все же земли с романоязычным населением. Так, напр., в тексте на л. 233 читаем: *Измаиль е(с) копиль Авраамовъ* (Измаил сын Авраамов), на л. 237об.: *зло лъжж и клеветъж фоунъ завистъ* (зло, ложь и клевета, беда, зависть).

Писец рукописи при копировании текста с оригинала ошибся, переставив рекомендации с **декабря** на **ноябрь**, и пропустил (гаплография?) текст рекомендации на **январь**. Кроме того, ряд неправильных и ошибочных прочтений (см. далее комментарии к тексту в публикации), допущенных писцом, говорит, скорее всего, о том, что старинные редкие старославянские термины и выражения ему как носителю романского языка были не совсем понятны.

Возможно, мы имеем список, сделанный в своей основной части (Л. 2–279об.) с более ранней рукописи⁶ вне монастырского скриптория⁷ любопытным настоятелем какого-то провинциального прихода⁸.

Отдельного внимания заслуживает уточнение рекомендации из этого списка на май по сравнению со списком Гавриила Урика и известных автору сербских списков этого сочинения⁹: **Вароуиса ногы и главы овчі не вькоушан**. Возможно, этот гастрономический репер **овчі** указывает на географический ареал нахождения писца – молдавские земли, где разведение овец было традиционным занятием.

Другое разночтение относится к рекомендациям на июнь: указано **Ū въсьекого зѣла** вместо **Ū въсьеого** в списке Гавриила Урика.

Само же «Сказание», примыкающее по своему практическому назначению к таким памятникам, как «Стихии двенадцати месяцев», «Галеново на Гиппократе», «О добрых и злых днях и способах их определения», «Лунник», безусловно, следует отнести к диетогигиеническим рекомендациям, соотнесенным с различными месяцами календарного года.

Наиболее близким по содержанию рекомендаций относительно предметов употребления к тексту «Сказания» является известное сочинение о Римских днях (далее – «О римских днях»), попавшее в *Изборник Святослава 1073 г.* под названием «Месяцы по римлянам. О различных месяцах» также в форме рекомендаций, разработанных, скорее всего, «представителями византийской науки» (Герасимова и др. 2015: 364, прим. 12).

Греко-византийский прототип X в. сочинения «О римских днях» из *Изборника Святослава 1073 г.* известен (Герасимова и др. 2015: 356, прим. 2), однако возможный аналогичный греческо-византийский оригинал славянской адаптации «Сказания» автором не найден¹⁰.

Часть рекомендаций «Сказания» и «О римских днях» относительно предмета употребления совпадают на **июнь** – о применении воды, запреты на **декабрь** – об употреблении капусты, а на **апрель** – репы.

Однако при этом рекомендации «Сказания» начинаются не с марта, а с сентября, более развернуты, детализированы, содержат архаичные наименования болезней славян и не только отличаются соотношением ряда предписаний для различных календарных месяцев, но и иногда даже противоположны по смыслу.

Так, в **сентябре** «Сказание» рекомендует употреблять молоко¹¹, а «О римских днях», наоборот, запрещает. В **январе** «Сказание» рекомендует пить натошак, а «О римских днях» запрещает употребление неразбавленного вина в 20-й час.

Ряд предписаний «Сказания» коррелируют с предписаниями «О римских днях» относительно действий, но соотносятся они с разными месяцами. Так, в **октябре** «О римских днях» запрещает употребление уксуса, а в **феврале** «Сказание» советует его принимать с вареной пищей.

Рекомендации избегать бани в «Сказании» соотносятся с **октябрем**, в то время как аналогичный запрет в тексте «О римских днях» указан в **ноябре**.

Ряд предписаний «Сказания» не находит соответствия в тексте «О римских днях» – это совет избегать лука и чеснока в **ноябре**, запрет на озвучивание своего сна в **марте**, предписание избегать употребления

теплой еды в **июле**, запрет на овощи в **августе**.

Аналогично и ряд предписаний «О римских днях» не находят соответствия в тексте «Сказания»: это предписание не есть свеклу в **феврале**, рекомендация сладко есть и пить в **марте**, избегать половых сношений в **июле**, не есть мальву в **августе**.

Сравнение предписаний «Сказания» с текстом «О римских днях»

	«О римских днях» ¹²	Список Гавриила Урика ¹³	Список Овчинникова ¹⁴
Сентябрь	Не употребляй молока	Употребляй молоко натошак, и излечит тебя на весь год	Употребляй молоко натошак, и излечит тебя на весь год
Октябрь	Не употребляй уксуса	Избегай баню и омовения, поскольку появится в тебе влага и нежит и до года будет	Избегай баню и омовения, поскольку появится в тебе влага и нежит и до года будет
Ноябрь	Не мойся часто	Избегай лука, чеснока, поскольку на третий год сипаница или буба появится	Избегай капусты и на год не будешь иметь огненную узу прескаа
Декабрь	Не ешь капусты	Избегай капусты и на год не будешь иметь огненную узу и треску	Избегай лука, чеснока, поскольку на третий год сипаница или буба появится
Январь	В 20-й час воздержись от употребления неразбавленного вина	Пей вино натошак, и злые ветры тобой не обладают на год	<i>Пропущено переписчиком</i>
Февраль	Не ешь свеклы	Всякую вареную пищу употребляй с уксусом, и он тебя хорошо сохранит	Всякую вареную пищу употребляй с уксусом, и он тебя хорошо сохранит
Март	Сладко ешь и пей	Свой сон в марте не говори, поскольку тебе будет зло	Свой сон в марте не говори, поскольку тебе будет зло
Апрель	Не ешь репы	Избегай репы, не ешь ее, и злая уза не родится в тебе и не появится на пятый год	Избегай репы, не ешь ее, и злая уза родится в тебе и появится на пятый год

Май	Не ешь поросятины	Избегай есть ноги и голову, и сердечная уза в тебе во второй год не появится	Избегай есть ноги и голу узы , и сердечная уза в тебе во второй год не появится
Июнь	В два часа выпей немного воды	Пей воду натошак, и она тебя лечит от всего, пей вино с водой и не дропискаешь	Пей воду натошак, и она тебя лечит от всякого зла , пей вино с водой и дропискаешь
Июль	Воздержись от половых сношений	Избегай теплой еды и ешь ее остывшую и огненную узу не добу-дешь	Избегай теплой еды и ешь ее остывшую и огненную узу не добу-дешь
Август	Не ешь слеза	Овощи с утра не ешь, но только что-либо с вечера ешь, теплой еды избегай	Овощи с утра не ешь, но только что-либо с вечера ешь, теплой еды избегай

Архаичность происхождения данного апокрифа характеризуется упоминанием болезней славян со следующими названиями: «уза¹⁵ злая», «уза огненная», «уза сердечная», «сипаница»¹⁶, «буба»¹⁷, «нежит»¹⁸.

Таким образом, публикуемый текст «Сказания» не только служит новым источником для изучения состава славяно-молдавской книжности XV–XVI вв., но и является памятником культурного ареала *Rex Slavia Orthodoxa*, свидетельствующим о синкретизме христианства и народных верований как у славян, так и молдаван.

Текст «Сказания» публикуется ниже с сохранением правописания оригиналов, выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Жирным шрифтом выделен текст, выполненный в рукописях киноварью. Двумя косыми чертами показана разбивка текста по строкам в рукописях.

Список Гавриила Урика	Список Почаевский	Список Овчинникова
<p>Ъ прѣмждрости Го(л) мшна к(а)ко гаси въ вса м(с)ца // Ге(п) въкоушан млѣко на гла(д)нжа жтробж, // и врачует тѣ ѿ дъны прѣзъ въса г(о) динж. // W(к) Вароуиса бана и мыенїа. понеже начне//тса въ тевѣ влвга. нежи(т) и до годинж // обявнитса. Ное(в) Вароуиса лоука чеснови//та. понеже на третїж годинж сипани//ца или бжва тави(т)са. Де(к) Вароуиса зелїа капоустж. да не на лѣто вгнѣнжа // жсж имаши и трѣскж. Ге(н) Вино на гла // днжа жтробж въкоушан да злы вѣ//три тобож не вбладажтъ за годинж. // Фе(в) Съ щцтомъ въсѣко варенїе въкоушан. // И съхранит тѣ добрѣ. Ма(р) Мартїа сънъ // свои не скажи понеже зло ти бжде(т). // А(п) Вароуиса рѣпы, не въкшан. да не зла // жса зачнетса (въ тевѣ)19. патѣ годинѣ обяв//витса. Ма(и) Вароуиса нугы и главы20 не въ//коушан. да не ср(д)чнаа жса вторѣи го//динѣ</p>	<p>Ъ прѣмждрости Го(л)мшна како гаси въ вса м(с)ца: Ге(п) въкоушан млѣко на гла(д)нжа //жтробж. и врачует тѣ ѿ дж//ны прѣзъ въса годинж. // W(к) Вароуиса бана и мыенїа. по// неже начнетса въ тевѣ влв//га. неже(т) и до годинж обяви//тса. Ное(в)Вароуиса лоука чесно//вита. понеже на третїж го// динж сипаница или бжва тав//н(т)са. Де(к) Вароуиса зелїа ка//поустж. да не на лѣто вгнѣ// нжа жсж имаши и трѣскж. Ге(н) Вино на гла (д)нжа жтробж въкоу//шан да злы вѣтри тобож не в//бладажтъ за одинж. // Фе(в) Съ щцто(м) въсѣко варенїе въкоу//шан. И съхранит тѣ добрѣ. // Ма(р) Мартїа сънъ свои не скажи поне// же зло ти бжде(т). А(п) Вароуиса // рѣпы. не въкоушан. да не зла // жса зачнетса въ тевѣ. па//тѣ годинѣ обявнитса. //Ма(и)</p>	<p>Ъ прѣмж(д)росты Голомна како гаси въ вса м(с)ца се(п)врї // въкоушан млѣко на гладнж//а жтробж и врачует са ѿ дънї // прѣзъ въсе лело21: w(к) Вароуиса // бана и мыенїа. понеже начне(т)сѣ // въ тевѣ влога и нежитъ. и до го//дина вбыавитса: де(к) Вароуисѣ // лоука чесновита. понеже на тре//тїа година. сїпаница или гжва22 // тави(т)са: Ное(м) Вароуиса капоу// капоуста 23. да не на лѣто вгнѣ//на жсж имаеши прѣскаа: фе(в) Съ щцтомъ вѣскако варенїе въ// коушан. съхранїт тѣ добрѣ. // М(р) Мартїе сънъ свои не кажи понеже зло ти бжде(т): апрї(л) Вароу//иса рѣпы не въкоушан. да не зла//а жса зачнетса въ тевѣ. пети // годинѣ вбыавитса: Маиа Вароуиса ногы и главы овчі не въ//коушан. да не ср(д)чнаа жса въ вто//рѣи годинѣ вбрѣщетса въ тевѣ. // їзнїа вода пїи на гладнжа тробж // и врачуетъ тѣ</p>

Список Гавриила Урика	Список Почаевский	Список Овчинникова
<p>обращетса въ тебѣ. // И(н) Водж пін на гладнѣж жтробж. и вра/чюет тѣ ѿ всего. вино с водож пін// да не дропикасашь. И(л) Вароѹиса то// плаа гастѣа. и впла// днѣвши гаждь. да // не вгнѣнѣж жсж // довждеши. // Дѹ(г) ввщцїа с оѹтра не гаждь. // нж //что либо ѿ в(ч)ра гаждь. тѣ//плаа гастѣа // вароѹи//са.</p>	<p>Вароѹиса нѣгы и главы не въ/коѹшан. да не ср(д)чнаа жса вто//рѣи годинѣ обращетса въ // тебѣ. И(н) Водж пін на гла(д)нѣж//ж жтробж. и врачюет са ѿ // всего. вино с водож пін да// не дропикасашь. И(л) Вароѹи//са топлаа гастѣа. и вплад// нѣвши гаждь. да не вгнѣнѣж//ж жсж // довждеши. // Дѹ(г) ввщцї//а с оѹтра не гаждь. нж что либо // ѿ в(ч)ра гаж(д)ь. тѣплаа гастѣа // вароѹиса.</p>	<p>ѿ всекого зла вї// но съ водож пін да дропикаса(ш): // ї(л) Варѹиса топла тла24 гастн//а и ѿ плодне гаждь. да не огнѣна//а жса довждеши: авгоѹ(с) Овоцїе // съ оѹтра не гаж(д). нж толїво25 ѿ // в(ч)ра гаждь. топла гастѣа вароѹи//са.</p>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин введен итальянским славистом Р. Пиккио (Пиккио 2003: 3–56).
2. Подробную библиографию о нем см.: Паскаль 2016а: 101, прим. 8.
3. О реконструкции состава «Сборника» подробнее см.: Паскаль 1988: 88–89; Каталог 2000: 274–275; Паскаль 2016б: 33; Паскаль 2018: 246–252.
4. Филигранные рукописи – шляпа и якорь в круге под шестиконечной звездой – близки (Лихачев 1899: № 1389 (1511 г.); 1490 (1520 г)).
5. Среди них такие известные апокрифические произведения, как «Сказание о злых днях», «Сказание о 12 пятницах», «Хождение Богородицы по мукам», «Трепетник», «Беседа трех святителей» и др.
6. Об этом говорит как архаичная система надстрочных знаков, так и состав некоторых памятников, включенных в сборник.
7. Рисунки явно монастырского храма, выполненные на полях л. 109об., 181, скорее всего, принадлежат иноку Григорашко, который, по его словам, одиннадцать лет провел в монастыре. Схематичность рисунка не

позволяет безошибочно идентифицировать архитектуру изображенного на рисунках храма с реальными церквями в молдавских монастырях. Остается непонятным, почему румынский исследователь определил место написания рукописи как монастырь Быстрица (Constantinescu 1984: 121).

8. Современный исследователь Ж.Л. Левшина в своей работе по выявлению сохранившихся в южнославянских и древнерусских рукописных книгах апокрифических врачевальных молитв от нежита справедливо заметила о характере подобных сборников: «Все выявленные рукописи, несмотря на широкий разброс во времени, имеют общие особенности, а именно: почти все они написаны некаллиграфическими, т. е. непрофессиональными, почерками и ни одна из них не отличается роскошным декоративным оформлением. Это частично определяется жанром и назначением данных книг для частого практического использования, а с другой стороны, может свидетельствовать об их периферийном происхождении» (Левшина 2016: 155).

9. Например, в рукописях № САНУ 428 (Сербская академия наук) и № РС 36 (Народная библиотека Сербии). Автор сердечно благодарит за указание на них Ж.Л. Левшину, которая в настоящее время готовит отдельную публикацию о бытовании этого произведения в сербской книжности. А.А. Турилов также любезно указал на еще один сербский список, который находился в составе погибшего в 1941 г. малоформатного «лекарского» сборника XIV–XVII вв. из старого собрания Народной библиотеки Сербии в Белграде № 54, за что автор приносит ему свою искреннюю благодарность.

10. О практической медицине в Византии подробней см., напр.: Temkin 1962; Трапп 1972; Hohlweg 1981. Обзор византийских греческих медицинских источников с указанием основной литературы см.: Иванов 2011: 103–108.

11. Так же, как и в сочинении «Стихии двенадцати месяцев» (Герасимова и др. 2015: 369).

12. Перевод сделан по изданию: Герасимова и др. 2015: 360.

13. Перевод автора.

14. Перевод автора.

15. Значение слова отмечено в Словаре старославянского языка: сухожилие; nervus (жила, мускул, нерв) (Slovník 1994: 1013).

16. Болезнь, характеризующаяся сыпью (корь, оспа); см., напр., серб. сипаница 'оспинка', т. е. «та, которая обсыпает» (Агапкина 2016: 135), болг. сипаница – 'оспа' (Бернштейн 1953: 711).

17. Буба – «опухоль, желвак» (Фасмер 1986: 225–226). Среди других значений в польском, болгарском, литовском, украинском языках – «ушиб, опухоль, болячка, ранка, прыщ» (подробнее об этимологии слова см.: Аникин 2011: 13–14).

18. «Нежить ж. сев. – всё, что не живёт человеком, что живёт без души и без плоти, но в виде человека: домовый, полевой, водяной, леший, русалка, кикимора и пр. Нежить, особый разряд духов, это не пришельцы с того мира, не мертвецы, не привидения: не мара или морока и не чертовщина, не дьявол; только водяной образует ка-

кой-то переход к нечистой силе и нередко зовётся шутом, сатаной. По выражению крестьян, нежить не живёт и не умирает. Он знает с нежитью, знахарь. Есть поверье, что нежить – сверженное архангелом Михаилом воинство сатанино. У нежити своего обличия нет, она ходит в личинах. Всякая нежить бессловесна (домовой, леший, водяной и пр.)» (Толковый словарь 1881: 533). «В образе Нежита персонифицируется носитель болезней. Нежит – это смыслозначимый мифоним, а сами функции именованного так существа помогает понять древняя языковая форма, восходящая к кругу базовых понятий с основой на “жи”. Этимология мифического существа определяется приложением отрицания к глаголу “жить” (ср.: не-жити). Как воплощение болезнетворного начала, Нежит расстраивал течение “жития”» (Герасимова и др. 2015: 123). Среди наиболее ранних письменных упоминаний имя Нежит зафиксировано в заклинании на оловянном амулете X–XI в. из Болгарии (Дончева, Попконстантинов 1994: 288–292). Наименование этого мифического языческого существа отмечено как в русском, так и в болгарском, чешском, польском языках, а также в хорватских и сербских говорах (Никос Чаусидис 1995: 159).

19. Текст на поле страницы выполнен индивидуальным курсивом Гавриила Урика.

20. Запрет на поедание голов и ног животных мог возникнуть в результате разделения слова в греко-византийском оригинале «головоногие» на более понятные части «голова» и «ноги» (Герасимова и др. 2015: 361, прим. 4).

21. Так в рукописи. Очевидно, ошибка переписчика – должно быть «лето».

22. Так в рукописи. Очевидно, ошибка переписчика – должно быть «буба».

23. Так в рукописи.

24. Так в рукописи.

25. Так в рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2016 – *Агапкина Т.А.* Наименования демонов в южнославянской версии Сисиниевой молитвы // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 2. С. 126–145.

Аникин 2011 – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 5 (буба – вакштаф). М.: Знак, 2011. 344 с.

Бегунов 2005 – *Бегунов Ю.К.* Творческое наследие Григория Цамблака. 3: Новые издания и переиздания по славистике, вып. 3: Slavistic printings and reprintings. Буй тур. Велико Търново, 2005. 731 с.

Бернштейн 1953 – *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. 886 с.

Бойчева 1977 – *Бойчева Павлина.* Молдова – центр румынско-болгарского церковного и культурного общения в XV столетии // Etudes balcaniques. Sofia. 1977. № 1. С. 83–97.

Бойчева 1980 – *Бойчева Павлина*. Традициите на търновската книжовна школа и делото на Гавриил Урик // Търновска книжовна школа. София, 1980. № 2. С. 177–182.

Герасимова и др. 2015 – *Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А.* Сокровенные знания Древней Руси. М.: КРОНУС, 2015. 680 с. (Памятники древнерусской мысли: исследования и публикации. Вып. VIII).

Дончева, Попконстантинов 1994 – *Дончева Л., Попконстантинов К.* Апокрифна молитва от X–XI в. върху оловен амулет от с. Одръци, Толбухинско // Сборник в чест на акад. Дмирър Ангелов. София, 1994. С. 288–292.

Иванов 2011 – *Иванов И.А.* Античная медицинская литература в контексте византизма // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), СПб.: Астерион, 2011. С. 103–108.

Иванова и др. 2010 – *Иванова О., Гальченко О., Гнатенко А.* Слов'янська кирилична рукописна книга XVI ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: наук. кат.: палеогр. альбом / Редкол.: Л.А. Дубровіна (голова) та ін. НАН України. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського; Інститут рукопису. К., 2010. 791 с.

Ильашенко 1970 – *Ильашенко Т.П.* Языковые контакты (на материале славяно-молдавских отношений). М.: Наука, 1970. 205 с.

Каталог 2000 – Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. И.Л. Жучкова, Л.В. Мошкова, А.А. Турилов. М.: Древлехранилище, 2000. 409 с.

Кув 1986 – *Кув Куйо*. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. София: Наука и изкуство, 1986. 285 с.

Левшина 2016 – *Левшина Ж.Л.* Врачевальные молитвы «от нежита» у южных и восточных славян (Археографический обзор) // Археографски прилози. 2016. № 38. С. 151–171.

Лихачев 1899 – *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб.: Тип. В.С. Балашев и К°, 1899. Ч. 1–3. 748+680+560 с.

Никос Чаусидис 1995 – *Никос Чаусидис*. Оловен амулет со испишана молитва против «Нежит» од градот Чрешне // Сборник. Нова серија. Бр. 1: Археологија. Скопје, 1995. С. 153–166.

Паскаль 1988 – *Паскаль А.Д.* Автограф древнемолдавского книжника XV века из ЦГАДА // Советские архивы. 1988. № 5. С. 88–89.

Паскаль 1991 – *Паскаль А.Д.* Источники по истории славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.: (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): автореф. дис.... канд. ист. наук. М.: Моск. гос. историко-архивный ин-т, 1991. 22 с.

Паскаль 2016а – *Паскаль А.Д.* Изучение гаплогрaфии как один из методов локализации средневековой рукописной книги (по материалам славяно-молдавской книжности XV–XVI вв.) // Современные проблемы археографии. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2016. Вып. 2. С. 94–110.

Паскаль 2016б – *Паскаль А.Д.* Новые данные о рукописном наследии

Гавриила Урика в славяно-молдавской книжности первой половины XV в. // Румянцевские чтения – 2016: материалы междунар. науч.-практ. конф. Российской государственной библиотеки (12–13 апреля 2016). М.: Пашков дом, 2016. Ч. 2. С. 31–36.

Паскаль 2018 – *Паскаль А.Д.* О новых автографах молдавского книжника Гавриила Урика из собрания Рогожского кладбища Отдела рукописей РГБ // Румянцевские чтения – 2018: материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 апреля 2018 года). М.: Пашков дом, 2018. Ч. 2. С. 246–252.

Пиккио 2003 – *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.

ПЭ III – Православная энциклопедия. Т. III: Анфимий – Афанасий. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. 751 с.

Раевский 1988 – *Раевский Н.Д.* Контактеле романичелор рэсэритень ку славий. Пе базэ де тате лингвистиче. Кишинэу: Штиинца, 1988. 288 р.

Славяно-молдавские летописи 1976 – Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. 151 с.

Словарь книжников 1988 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. 516 с.

Словарь книжников 2012 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб.: Буланин Д.М., 2012. 767 с.

Толковый словарь 1881 – Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2 / Авт.-сост. В.И. Даль. 2-е изд. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. 810 с.

Толстой 1961 – *Толстой Н.И.* К вопросу о древнеславянском языке как общем языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.

Турилов 2005 – *Турилов А.А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 139–168.

Фасмер 1986 – *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с.

Яцимирский 1904 – *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб.: Императорская Академия наук, 1904. 501 с.

Constantinescu 1984 – *Constantinescu Radu.* Vechiul drept românesc scris. Repertoriul izvoarelor 1340–1640. Intocmit de Radu Constantinescu. București: Direcția generală a arhivelor statului, 1972. 311 p.

Constantinescu 1986 – *Constantinescu Radu.* Manuscrise de origine românească din colecții străine: repertoriu. București: Direcția Generală a Arhivelor Statului din Republica Socialistă România, 1986. 297 p.

Сăндеа 2012 – *Сăндеа Virgil.* Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate. Serie nouă. IV.

Polonia – Rusia. București: Editura Biblioteca Bucureștilor, 2012. 465 p.

Hohlweg 1981 – *Hohlweg A.* Praktische Medizin in Byzanz // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Akten. 1. Beiheft. Wien, 1981. 2. 2. (JÖB. Bd. 31).

Rosetti 1986 – *Rosetti Al.* Istoria limbii române. I. De la origini pîna la începutul secolului al XVII-lea. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986. 933 p.

Slovník 1994 – *Slovník jazyka staroslověnského.* 48: Херовь–цѣгль. Praha: Slovanský ústav Akademie věd ČR, 1994. S. 769–832.

Temkin 1962 – *Temkin O.* Byzantine Medicine: Tradition and Empirism // *Dumbarton Oaks Papers.* 1962. Vol. 16. P. 95+97–115.

Trapp 1972 – *Trapp E.* Die Stellung der Ärzte in der Gesellschaft der Palaiologenzeit. In: *Byzantinoslavica.* Bd. 33/2, Prague, Academia, etc. 1972. S. 230–234.

REFERENCES

Agapkina, T.A. (2016) Names of Demons in the South Slavic Versions of St Sisinnius's Apocryphal Prayer. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics.* 13(2). pp. 126–145 (In Russian). DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.2.021

Anikin, A.E. (2011) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Znak.

Begunov, Yu.K. (2005) *Tvorcheskoe nasledie Grigoriya Tsamblaka* [Gregory Zamblak's Creative Heritage]. Vol. 3. Veliko Tarnovo: Pik-V-T'rnovo.

Bernstein, S.B. (1953) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [Bulgarian-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Boycheva, P. (1977) Moldova – tsentr rumynsko-bolgarskogo tserkovnogo i kul'turnogo obshcheniya v XV stoletii [Moldova as the centre of the Romanian-Bulgarian church and cultural communication in the 15th century]. *Etudes balcaniques.* 1. pp. 83–97.

Boycheva, P. (1980) Traditsiite na t'rnovskata knizhovna shkola i deloto na Gavriil Urik [traditions of the Tarnovo Literary School and the work by Gabriel Urik]. *T'rnovska knizhovna shkola.* 2. pp. 177–182.

Gerasimova, I.A., Milkov, V.V. & Simonov, R.A. (2015) *Sokrovennye znaniya Drevney Rusi* [Private knowledge of Old Russia]. Moscow: KRONUS.

Doncheva, L. & Popkonstantinov, K. (1994) Apokrifna molitva ot X–XI v. v'rkhu oloven amulet ot s. Od'rtsi, Tolbukhinsko [Apocrypha prayer from the 10th – 11th centuries. On a lead amulet from the village of Odurtsi, Tolbukhinski]. In: Velkov, V.I. (ed.) *Sbornik v chest na akad. Dmir'r Angelov* [Collection in honour of Academician Dimir Angelov]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 288–292.

Ivanov, I.A. (2011) Antique medical literature in the context of Byzantism. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana) – Society. Environment. Development (Terra Humana).* 2. St. Petersburg: Asterion. pp. 103–108 (In Russian).

Ivanova, O., Galchenko, O. & Gnatenko, A. (2010) *Slov'yans'ka kirilichna rukopisna kniga XVI st. z fondiv Institutu rukopisu Natsional'noi biblioteki Ukraïni* [Slavic Cyrillic manuscripts of the 16th century from the funds of the Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine]. Kyiv: NAS of Ukraine.

Ilyashenko, T.P. (1970) *Yazykovye kontakty (na materiale slavyano-moldavskikh otnosheniy)* [Language contacts (on the basis of Moldovan-Slavic relations)]. Moscow: Nauka.

Zhuchkova, I.L., Moshkova, L.V. & Turilov, A.A. (2000) *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XV veka, khraryashchikhsya v Rossiyskom gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov* [Catalog of Slavic-Russian manuscripts of the 15th century, stored in the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow: Drevlekhranilishche.

Kuev, K. (1986) *S'dbata na starob"lgarskata r"kopisna kniga prez vekovete* [The fate of the Old Bulgarian handwritten book over the centuries]. Sofia: Nauka i izkustvo.

Levshina, Zh.L. (2016) Vracheval'nye molitvy "ot nezhit" u yuzhnykh i vostochnykh slavyan (Arkhograficheskiy obzor) [Medical prayers "ot nezhit" in the southern and eastern Slavs (Archeographic review)]. *Arkhografski prilozhi*. 38. pp. 151–171.

Likhachev, N.P. (1899) *Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov* [The paleographic significance of paper watermarks]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balashev i K°.

Chausidis, N. (1995) Oloven amulet so ispishana molitva protiv "Ne-zhit" od gradot Chreshne [The lead amulet with a prayer "ot nezhit" from the town of Črešna]. *Zbornik. Nova serija*. 1. pp. 153–166.

Paskal, A.D. (1988) *Avtograf drevnemoldavskogo knizhnika XV veka iz TSGADA* [Autograph of the ancient Moldavian scribe of the 15th century from the Central State Architectural Archives of the City of Moscow]. *Sovetskie arkhivy*. 5. pp. 88–89.

Paskal, A.D. (1991) *Istochniki po istorii slavyano-moldavskoy knizhnosti XV–XVI vv.: (Po materialam khranilishch Moskvyy i Leningrada)* [Sources on the history of the Slavic-Moldavian literature of the 15th–16th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Paskal, A.D. (2016a) *Izuchenie gaplografii kak odin iz metodov lokalizatsii srednevekovoy rukopisnoy knigi (po materialam slavyano-moldavskoy knizhnosti XV–XVI vv.)* [The study of haplography as a method of localisation of the mid-century manuscript book (based on materials from Slavic-Moldavian literature of the 15th–16th centuries)]. *Sovremennye problemy arkheografii*. 2. pp. 94–110.

Paskal, A.D. (2016b) [New data on the handwritten heritage of Gavriil Urik in the Slavonic Moldovan literacy of the first half of the 15th century]. *Rumyantsevskie chteniya – 2016* [The Rumyantsev Readings – 2016]. Proc. of the

International Conference. Moscow. April 12–13, 2016. pp. 31–36 (In Russian).

Paskal, A.D. (2018) [On the new autographs of the Moldavian scribe Gavriil Urik from the collection of the Rogozhsky cemetery of the the RSL Department of Manuscripts]. *Rumyantsevskiyе chteniya – 2018* [The Rumyantsev Readings – 2018]. Proc. of the International Conference. Moscow. April 24–25, 2018. pp. 246–252 (In Russian).

Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and Language]. Translated from Italian by S. Nikolsky, P. Petrukhin, M. Abramova, O. Belova, G. Denisova, I. Milyaeva. Moscow: Znak.

Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) (2001) *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya.

Raevsky, N.D. (1988) *Kontaktele romanichelor reseriten' ku slaviy. Pe baze de tate lingvistice*. Chişinău: Shtiintsa.

Buganov, V. (ed.) (1976) *Slavyano-moldavskiyе letopisi XV–XVI vv.* [Moldavian Slavonic Chronicles of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Nauka.

Likhachev, D.S. (ed.) (1988) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The Dictionary of Scribes and Literature of Old Rus]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.

Bulanin, D.M. (ed.) (2012) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The Dictionary of Scribes and Literature of Old Rus]. Vol. 2 (3). St. Petersburg: Bulanin D.M.

Dal', V.I. (1881) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

Tolstoy, N.I. (1961) K voprosu o drevneslavyanskom yazyke kak obshchem yazyke yuzhnykh i vostochnykh slavyan [On the Old Slavonic language as a common language of southern and eastern Slavs]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 1. pp. 52–66.

Turilov, A.A. (2005) Kriterii opredeleniya slavyano-moldavskikh rukopisey XV–XVI vv. [Criteria for the determination of Slavic-Moldavian manuscripts of the 15th–16th centuries]. In: Dobrynin, E.N. (ed.) *Khrozograf* [Chrysograph]. Vol. 2. Moscow: SkanRus. pp. 139–168.

Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Translated from German by O.N.Trubachev. Moscow: Progress.

Yatsimirskiy, A.I. (1904) *Grigoriy Tsamblak: Ocherk ego zhizni, administrativnoy i knizhnoy deyatelnosti* [Grigory Tsamblak: Essay on his life, administrative and literary activities]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Constantinescu, R. (1972) *Vechiul drept românesc scris. Repertoriul izvoarelor 1340–1640. Intocmit de Radu Constantinescu* [Old Romanian written law. The repertoire of the springs of 1340–1640]. Bucharest: Direcția generală a arhivelor statului.

Constantinescu, R. (1986) *Manuscrise de origine românească din colecții*

străine: repertoriu [Manuscripts of Romanian origin in foreign collections: repertoire]. Bucharest: Direcția Generală a Arhivelor Statului din Republica Socialistă România.

Cândea, V. (2012) *Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate. Serie nouă. IV. Polonia – Rusia* [Romanian Testimonies Abroad: Romanian creations and sources about Romanians in collections abroad New series. IV. Poland - Russia]. Bucharest: Editura Biblioteca Bucureștilor.

Hohlweg, A. (1981) *Praktische Medizin in Byzanz* [Practical Medicine in Byzantium]. In: *XVI. Internationaler Byzantinistenkongress* [XVI. International Byzantine Congress]. Vol. 1. Vienna: Verlag der Akademie der Wissenschaften.

Rosetti, Al. (1986) *Istoria limbii române. I. De la origini pînă la începutul secolului al XVII-lea* [History of the Roman language. I. From the origins until the beginning of the 17th century]. Bucharest: Editura Științifică și Enciclopedică.

Hauptova, Z. (ed.) (1994) *Slovník jazyka staroslověnského* [The Dictionary of the Old Slavonic language]. Prague: Slovanský ústav Akademie věd ČR. pp. 769–832.

Temkin, O. (1962) *Byzantine Medicine: Tradition and Empirism. Dumbarton Oaks Papers*. 16.

Trapp, E. (1972) *Die Stellung der Ärzte in der Gesellschaft der Palaiologenzeit* [The position of physicians in the society of the Palaiologos time]. *Byzantinoslavica*. 33/2. pp. 230–234.

Паскаль Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки (Россия).

Aleksandr D. Pascal – Russian State Library (Russia).

E-mail: finvest3@gmail.com

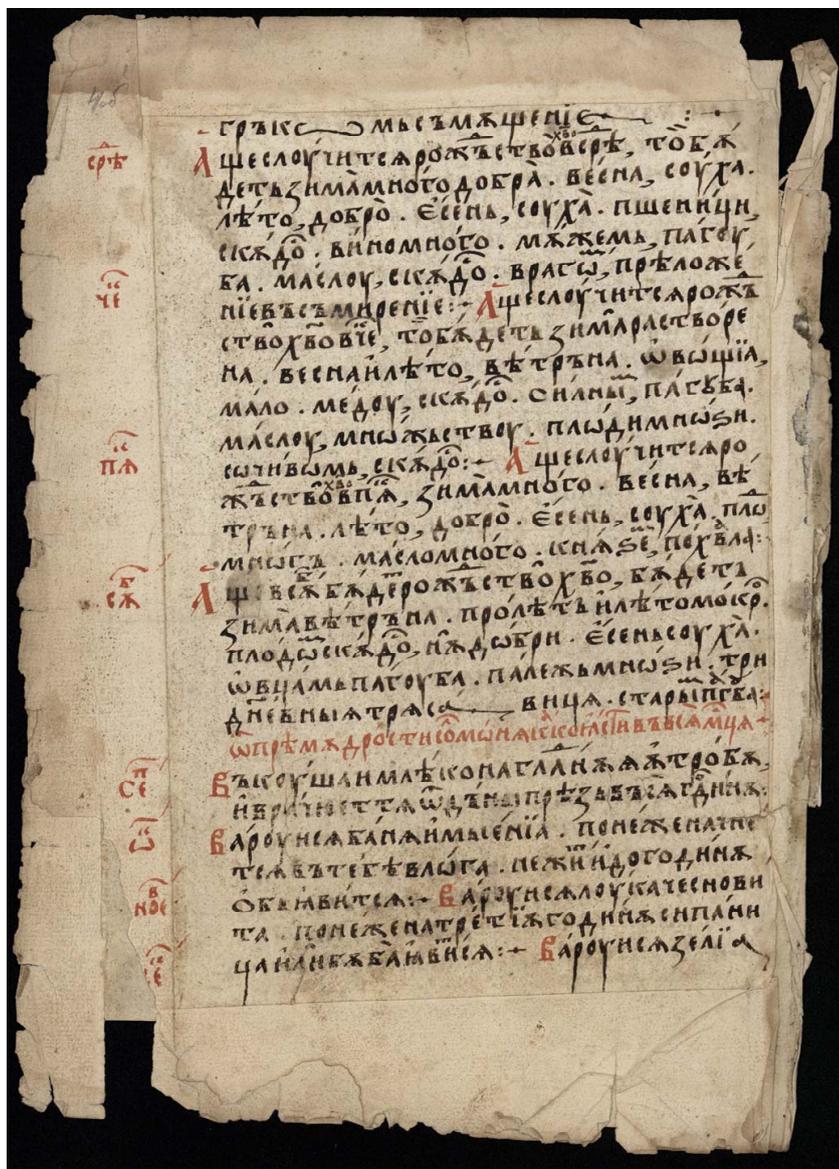

Рис. 1. Сборник 1447 г. Гавриила Урика. РГАДА. Ф. 188. № 778. Л. 4об.

УДК 398.87:94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/3

ІСТОРИЧНА ОСНОВА УКРАЇНСЬКОЇ НАРОДНОЇ ДУМИ «ПРО МОЛДАВСЬКИЙ ПОХІД ХМЕЛЬНИЦЬКОГО»

М.М. Набок

Сумський державний університет

Україна, 40007, м. Суми, вул. Римського-Корсакова, 2

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Авторське резюме

У статті проаналізовано варіанти народної думи «Про Молдавський похід Хмельницького» у зіставленні з історичними фактами та версіями. Аналізуючи історичні розвідки про ці події, ми зауважуємо подібність у відтворенні певних фактів, наведених у них та в народній думі. Це говорить про те, що деякі історичні події були перенесені у фольклорний твір, в якому за допомогою композиційних засобів увиразнилися особливості національного світосприйняття українського та молдавського народів. На цій основі визначено спільне та відмінне в зображенні мотиву походу Б. Хмельницького в молдавські землі, зіставлено сюжетні лінії трьох варіантів думи з історіографічними даними. В історичному контексті здійснюємо спробу охарактеризувати його постать і постать керманіча Молдавського князівства та порівняти їх з фольклорними образами в народній думі.

Ключові слова: народна дума, Молдавський похід, історичні джерела, політика, стратегія, поетика зображення, фольклорні образи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ДУМЫ «О МОЛДАВСКОМ ПОХОДЕ ХМЕЛЬНИЦКОГО»

М.Н. Набок

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Авторское резюме

В статье проанализированы варианты народной думы «О Молдавском походе Хмельницкого» в сопоставлении с историческими фактами и версиями. Анализируя исторические документы, мы обращаем внимание на сходство в воспроизведении определенных фактов, приведенных в них и в народной думе. Это говорит о том, что некоторые исторические события были перенесены в фольклорное произведение, где с помощью композиционных средств подчеркнуты особенности национального мировосприятия украинского и молдавского народов. На этой основе определено общее и различное в изображении мотива похода гетмана Б. Хмельницкого в молдавские земли, сопоставлены сюжетные линии трех вариантов думы с историографическими данными. В историческом контексте была предпринята попытка охарактеризовать личность гетмана и личность государя Молдавского княжества и сравнить их с фольклорными образами в народной думе.

Ключевые слова: народная дума, Молдавский поход, исторические данные, политика, стратегия, поэтика изображения, фольклорные образы.

HISTORICAL BASIS OF UKRAINIAN NATIONAL DUMA “ABOUT KHMELNYTSKY’S MOLDOVAN CAMPAIGN”

M.N. Nabok

Sumy State University
2 Rimsky-Korsakov Street, Sumy, 40007, Ukraine,
E-mail: nabok.marinka@gmail.com

Abstract

The article compares the variants of the national duma “About Khmelnytsky’s Moldavian Campaign” with historical facts and versions, drawing attention to the simila-

riety of certain facts. This suggests that some historical events were transferred to the folklore composition to emphasise the specificity of Ukrainian and Moldavian national world with composition means. Comparing the plot lines of three duma versions with historiographical data, the author determines common and different features in how the motive of Hetamn B. Hmelnytsky's campaign to the Moldovan lands is represented to characterise the personality of the Ukrainian hetman and the ruler of the Moldavian principality and to compare them with their folklore images in the national duma.

Keywords: national duma, Moldavian military campaign, historical data, politics, strategy, poetics of image, folklore images.

Історичне життя українського народу представляють думи. М. Дмитренко подає розгорнуте визначення їх жанру: «Українські народні думи – це епічні монументальні словесно-музичні твори героїчного, соціально-побутового характеру, що відображають модус художнього мислення козацької доби, бароко та кульмінаційний етап формування національної самосвідомості етносу, ідеї державності; мають астрофічну будову, вільний віршовий розмір (від шести до сімнадцяти і більше складів у рядку, рядки об'єднані в уступи), переважно паралельне дієслівне римування. Думи, як правило, виконують експресивним імпровізованим у межах традиції соло-речитативом (мелодекламацією) – під супровід гри на кобзі або бандурі, рідше – лірі» (Українські народні думи 2009: 15).

За змістом думи поділяються на тематичні групи, а саме: 1) думи про героїчну боротьбу українського народу проти турецько-татарських загарбників та про турецьку неволю (XIV–XV ст. – рання козацька доба); 2) думи про героїчну боротьбу українського народу проти національного поневолення (XVI – поч. XVII ст. – доба Хмельниччини і Гетьманщини); 3) соціально-побутові думи (кін. XVII ст. – період Руїни та політичного занепаду). В думах про Хмельниччину зображено історичні події 1648–1657 рр., постаті відомих осіб («Про Хмельницького та Барабаша», «Битва під Корсунем», «Оренди», «Про Молдавський похід Хмельницького», «Про Білоцерківщину», «Про Івана Богуна», «Смерть Богдана Хмельницького»). В них виспівана героїчна боротьба українського народу проти польської шляхти, турецьких і татарських загарбників. Українська народна дума «Про Молдавський похід Хмельницького» – яскравий приклад звеличення історичних подій того часу під проводом гетьмана Богдана Хмельницького. Вперше дума була надрукована у збірці М. Цертелева «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (1819 р.) і мала назву «О походѣ гетьмана Богдана Хмѣльницкаго въ Молдавію».

Дума записана тричі: на Миргородщині у 1914 р. М. Цертелєвим від невідомого кобзаря «Опыт собрания старинных малороссийских песен» (1819 р.); на Чернігівщині в Олександрівці у 1854 р. П. Кулішем від кобзаря А. Шута і видана А. Метлинським у збірці «Народныя южнорусскія пѣсни» (1854 р.); третій варіант у 1872 р. записала С. Хв. Ліндфорс (Русова) від молодого лірника в Олешні на Чернігівщині, опублікований у першому томі «Историческі пѣснь Малорусскаго народа» М. Драгоманова (1875 р.). Існують ще два варіанти: перший – І. Срезневського («Запорожская старина», часть II, 1834 р., але це перероблений варіант М. Цертелєва); другий – М. Грушевського («Історія України-Руси» т. IX, ч. I), який є реконструкцією основного тексту, складеного з трьох варіантів.

Про мотиви походу Б. Хмельницького в Молдавію М. Грушевський писав так: «Справжніх мотивів свого плану, причини і рації волоського епізоду гетьман і старшина таки не вважали можливим дати ні своїм союзникам, ні своїм українським масам, як ми бачили. Але ж надати відповідне освітлення і оправданне сьому несподіваному епізодові вони мали в розпорядженню. Їх офіційні рапсоди дістали завдання звеличати сей вимушений обставинами і в ґрунті річи зовсім не симпатичний епізод козацької політики як славний і величний акт її мудрости, що служить на честь і хвалу Запорозького війська» (Грушевський 1996: 95).

Молдавський державний та політичний діяч, літописець, поет Мирон Костін зауважує, що саме через розгром молдаванами татар, які йшли через їх землі та вчиняли там розбій, кримський хан «отправил жалобу султану турецькому на Василя воеводу и обвинил его в измене империи турецкой, и потребовал права предать землю молдавскую набегу татар. Султан же после долгого раздумья разрешил хану за такие дела молдован землю молдавскую разорить. Ибо рассуждал турок так: если две земли рядом, которые обе в большой силе сегодня, то пусть одна из них от другой ослабеет, и так ею управлять будет и проще, и надежней» (Костін 2014: 99).

Сучасні дослідники В. Смолій та В. Степанков дотримуються думки про те, що український гетьман лише виконував наказ татар (Смолій, Степанков 2003: 218). Л. Дробіна в статті «Буковина під час молдавського походу Б. Хмельницького 1650 р.: проблема ситуації в регіоні» також вказує на роль татар, які були постійними союзниками козаків (Дробіна 2014: 128), дослідниця допускає, що в задумах гетьмана Хмельницького було бажання послабити пропольську орієнтацію керманича Молдавського князівства Василя Лупула та налагодити з ним дипломатичні зв'язки: «Невелика за розмірами держава Молдавія мала великий потенціал у сфері впливу, адже її господар

Василе Лупу був васалом Османської імперії, тестем литовського князя Януша Радзивілла, прихильником політики Речі Посполитої та Московської держави. Саме на території Молдавії перетиналися інтереси таких могутніх сусідів. Б. Хмельницький, проаналізувавши становище України, прийшов до висновку про необхідність дружніх дипломатичних стосунків з господарем. В молдавських землях була досить сильна пропольська група бояр, які мали в Польщі і маєтки, і родичів, крім того боялася за долю своїх станових привілеїв, тому пропозицію підтримати сторону козаків у цій війні відхилила. Така розстановка сил не сподобалась гетьману, необхідно було зробити бояр більш поступливішими і призупинити активну пропольську діяльність Лупу... Реалізація цього задуму повинна була забезпечити південно-західні фланги українського війська» (Дробіна 2014: 128). Тому саме молдавські землі були необхідні гетьману як територія для майбутніх походів на Польщу, що давала можливість вільно рухатись до Покуття та у центр Речі Посполитої.

Деякі історики вбачають причину походу у відмові господаря Молдавського князівства Василя Лупула видати свою доньку Домну-Локсандру, яку ще називали Домною-Розандою, за Тимофія Хмельницького, сина Богдана Хмельницького. У *Літописі Самовидця*, наприклад, зазначено, що саме задля звільнення молдавських земель господар погодився видати свою дочку заміж: «А напотом господар поєднал орду и гетмана Хмелницкого, жеби ся вернули з его земли, и учинил сватство з Хмелницким – дочку свою за сина Хмелницкого приобицал дати, що напотом и учинил» (Літопис Самовидця 1971: 59).

За іншими версіями похід на волоську землю спровокований його господарем, бо саме він допомагав полякам, викупив Потоцького у кримського хана, що нашкодило Україні. Польська шляхта мордувала українське населення, священників, спустошувала землі. Тому історики допускали, що Хмельницький пішов на Польщу війною, але потім повернув на Молдову. Не вказано на причину походу в Молдавію і в думі «Про Молдавський похід Хмельницького»:

Тільки Богъ святий знае,
Що Хмельницькій думає гадає,
О тимъ не знали ни сотники,
Ни атаманы куринныи, ни полковныки,
Тільки Богъ святий знае
Що Хмельницькій думає гадає!

(Українські народні думи 1931: 188 (запис М. Цертелєва))

З поданого уривку також стає очевидною невизначеність українського гетьмана щодо військового походу, що, як знаємо, допускали

й історики. Та, вочевидь, це питання не стільки є невизначеним, скільки утаємниченим. Нерозголошення про похід не є дивним, адже Б. Хмельницький був чудовим полководцем і стратегом. Засекреченість проведення військових операцій для гетьмана була однією із його стратегічно-тактичних напрямків ведення бою. Так, наприклад, історик Т. Чухліб називає гетьмана батьком «психологічних війн», який в час національно-визвольної боротьби створив триступеневу структуру керівництва розвідагентами – гетьман, керівник розвідслужби, резиденти на місцях. Розвідники мали ґрунтовну підготовку (в них були задіяні навіть жінки). Агенти перевтілювалися у безхатченків, калік, циркачів, кобзарів, священників, монахів та поширювали неправдиву інформацію, щоб посяяти паніку серед противника, дізнавалися про військові таємниці ворога, встановлювали чисельність та місце розташування, маршрут противника тощо (Чухліб 2004: 8). Б. Хмельницький створив й агентурну мережу у Варшаві та столиці Великого князівства Литовського Вільно, яка вчасно подавала необхідну політичну та військову інформацію (Котов 2010: 2). В історико-документальному дослідженні Ю. Джеджули «Таємна війна Богдана Хмельницького: історико-документальна оповідь» йдеться про таємні зв'язки українського гетьмана з Польщею, Кримським ханством, Московією (Джеджула 1995: 224). На нашу думку, саме про таку утаємничість йдеться в думі, а це психологічно готує її читачів та слухачів до неочікуваного розвитку подій. Епітет «тихий вітер», художнє використання паралельних дієслівних образних формул як «тихо віє – тільки Бог святий знає – Хмельницький думає, гадає – двадцять пар пушок відсилає» увиразнюють це:

Як из низу из Днистра *тыхый витер*
повивае,

Бог святий знае, Бог святий и видае,
Що Хмельницький думає-гадає.

Тогди-ж то не могли знаты ны сотныкы, ны

полковныкы

Ны джуры козацькыи,
Ны мужы громадськыи

(Українські народні думи 1931: 189 (запис П. Куліша))

Изнизу из Днѣстра

Стіхо вѣтер повивае,

Бог Святий вѣдає,

Як наш пане готьмань

Хмѣльницькій в городѣ Чігринѣ

Загадав двадцять пар пушек

У перед себе отсылає
(Українські народні думи 1931: 190 (запис С.Хв.Ліндфорс (Русова)).

Така стратегічна підготовка гетьмана до військових походів лякала ворогів. Не випадково доктор історичних наук професор Варшавського університету М. Нагельський зазначає, що війна проти козаків змусила внести суттєві зміни у військовий вишкіл польської армії (Nagielski 2002: 315).

За історичними даними похід у Молдавію здійснювався протягом трьох чи чотирьох тижнів, що не дало змогу докладно зафіксувати події того часу. Тому й сучасні історики «в своїх оповіданнях про події того року або збувають їх простою згадкою, або заступають недостачу конкретних і докладних вістей літературними, більш менш шаблонними прикрасами» (Грушевський 1996: 87–88). В думі таку «недостачу конкретних відомостей» маємо багато, зокрема і в питанні місця виходу гетьмана в похід. У варіанті М. Цертелєва, наприклад, не вказано, з якого міста вирушає козацьке військо. Наголошується лише на тому, що гетьман прибуває до Дністра, трьома частинами переправляється через нього і зупиняється у Хатії (укр. *Хотин*, рум. *Hotin*) – зараз місто у Чернівецькій області:

Якъ до Днистра прибували
Черезъ три перевози переправу малы;
Самъ Хмельницкій на передь всихъ рушавъ
До Хатии прибувавъ
(Українські народні думи 1931: 188)

У двох інших варіантах дум, що їх записали П. Куліш та С.Хв.Ліндфорс (Русова), відправним пунктом походу на Молдову було місто Чигирин. Саме з нього Хмельницький з чисельним козацьким військом вирушає у похід, здійснює переправу через Дністер та прибуває у місто Сороки, де зупиняється табором:

Двадцять пар пушок вперед себе одислав,
А ще сам з города Чыгырна рушив;
За им козаки йдуть,
Яко ярая пчола гудуть.

.....
Оттогди-ж то, як до рички Днистра прыбував,
На тры часты козакив переправляв,
Пид городом Сорокою шанци копав,
У шанцях куренем стояв.
(Українські народні думи 1931: 189).

За деякими історичними даними похід розпочато з околиць Умані в останні дні серпня. За іншими – наступ Хмельницького на Молдову був з Ямполь (Вінницька область) 1 вересня за новим стилем (22 серпня за старим стилем). Відтак допускається, що до походу, ймовірно, штаб гетьмана був саме в Ямполі.

В українській народній думі зображено масштабність походу в Молдавію. Підсилює цю чисельність козацького війська порівняльний зворот, «яко ярая пчола гудуть». В історичних джерелах зазначається, що козацьке військо дійсно було чисельним. За одними даними налічувалось близько 70–80 тис. чол., з них 20–30 тис. нараховував татарський корпус (Грушевський 1996: 88), за іншими – 16 тис. козаків під проводом Тимофія Хмельницького, прилуцького полковника Носача, полтавського полковника Пушкаря й арматного писаря Дорошенка, і з ними 20 тис. кримців, які рушили до міста Сорок і спалили його (Костомаров 2004: 450). В думі, натомість, про татар не згадується. Відповідно й переправу через Дністер здійснювали козацькі війська без участі татар і робили це у три етапи: «Оттогди-ж то, як до рички Днистра прыбував / На тры часты козаків переправляв» (Українські народні думи 1931: 189 (запис П. Куліша)). Зважаючи на це, виникає питання про можливість відтворення в народній думі історичного факту переправи військ саме під проводом сина Хмельницького Тимофія, полковників Носача, Пушкаря і Дорошенка. Звісно, часовий проміжок у декілька століть від часу тих подій та часу запису думи великий. І у фольклорному творі не варто шукати точного опису подій. Та й оповідачі, творці та виконавці дум не мали на меті відтворити їх хронологію. Беручи за основу історичні події, вони оспівували стихію характеру, відтінки почуттів народу, героїчний образ гетьмана Хмельницького, його вміння об'єднувати навколо себе козацькі маси, не вказуючи за цього на його прорахунки, прихильність, а часом і прислужництво перед Польщею. Можливо прихильність українського керманіча полякам пояснюється його шляхетським походженням. Проте і в цьому питанні дослідники політичної та військової діяльності Б. Хмельницького неоднозначні. Виникають дискусії з приводу цього і в колі польських науковців. Так, наприклад, Януш Качмарчик в монографії «Гетьман Богдан Хмельницький» (Качмарчик 1996), що була перекладена і українською мовою, піддав сумніву шляхетське походження Хмельницького. Ю. Шуйський навпаки наголошував на шляхетському походженні гетьмана (Szujski 1896). В народній думі Б. Хмельницький зображений мудрим керівником, поборником шляхти, якій «Всім, як галкам, с пліч головки поздіймав» (Українські народні думи 1931: 190 (запис П. Куліша)).

Вивершення, героїзація образу Богдана Хмельницького в народній думі применшує роль інших персонажів твору, а то й зовсім виключає їх участь у діях. Тут маємо на увазі татар, про яких в думі «Про Молдавський похід Хмельницького» не згадується, проте участь яких у поході в молдавські землі була очевидною. За одними версіями хан дістав від султана наказ розправитися із Лупулом (прототип Василя Молдавського). Тобто похід стався з волі Порти. Такої версії дотримувався і молдавський хроніст Мирон Костін. За його словами, кримці хотіли віддячити собі за шкоди, завдані їм під Братулянами, коли у них забрано здобич, що вони взяли з Польщі: «Татари же, те, что спаслись бегством в Буджак, тут же отправили весть к своему хану и сообщили, как напали на них внезапно молдаване, а повода к тому татары не давали, ибо шли через молдавские земли, не чиня разбоя и ущерба им, а молдаване же, отняли у них и добычу и пленных. И было это хану сообщение поводом собрать своих беев крымских, и наполнились они гневом и враждой» (Костін 2014: 98–99).

Український історик В. Мурахов у статті «Українсько-молдавські політичні відносини в контексті розбудови Української національної держави в 50-х рр. XVII ст.» писав про те, що саме пропольська орієнтація Василя Лупула змусила гетьмана Хмельницького в 1648 р. проводити переговори з турецьким двором про «видалення господаря та про передачу Молдавського князівства в управління гетьману» (Мурахов 2016: 12). Хоча султан Мехмет IV і дав обіцянку, однак виконувати її не збирався. Як бачимо, дипломатичні зв'язки України з турками були очевидними. Хто, окрім татар, входив до складу козацького війська в період національно-визвольних змагань під проводом Б. Хмельницького – це питання окремих наукових розвідок. С. Суляк, зокрема, вказував на присутність вихідців з Молдавії, яких називали волохами (молдаванами) в козацьких загонах. Вони активно брали участь в суспільно-політичному житті України, починаючи з часів Б. Хмельницького, займали навіть керівні посади (Суляк 2013: 42–61).

Також існують різні версії переходу полків Хмельницького з татарами через Дністер. За одними даними першими перейшли річку татари, і це, мовляв, був стратегічний хід Хмельницького. Керманіч в такий спосіб хотів подивитися на те, як сприйме це Потоцький. За іншими даними – татари й українці діяли окремо, а вже потім об'єдналися. В думі, як бачимо, про це не розповідається. Для фольклорного твору характерним є возвеличення походу та ідеалізація гетьмана Хмельницького. Така гіперболізація образу українського гетьмана в думі усуває значимість татар у цьому поході.

В народній думі (варіант П. Куліша) відображено історичний факт зупинки військ Хмельницького у Сороках. Звідти гетьман пише листи Василю Молдавському (Василю Лупулу). У варіанті думи в записі М. Цертелєва гетьман пише листи з Хотина, а не з Сорок:

До Хатїи прибувавъ,
У старшаго копытана на кватыри ставъ,
До Василя Молдавського листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
Що ты зо мною будешъ гадаты:
Чи будешъ бится,
Чи будешъ мирится,
Чи напримырье будешъ приматы,
Чи Славной Волоцины половину отдаваты?
(Українські народні думи 1931: 188 (запис М. Цертелєва))

Пид городом Сорокою шанци копав,
А ще до города Сорокы прыбував,
У шанцях куренем стояв;
А ще од своих рук лысты пысав,
Васылыя Молдавського посылав,
А в лыстах прыпысував:
Эй, Васылю Молдовський,
Господарю Волоський!
Чи що тепер будеш думаты й гадаты:
Чи будеш зо мною быться?
Чи мырьтсья?
Чи города свои волоськи уступаты?
Чи чирвинцями полумыскы сповняты?
(Українські народні думи 1931: 189 (запис П. Куліша))

Завдяки таким листам Хмельницького, в думі відтворено факт звертання Василя Молдавського до Потоцького:

Гетьмане Потоцькій!
Що вь тебѣ розумъ жиноцткій!
Ты за дорогими напитками бенкетами уганяешь!
Чомь ты Хмельницкаго нееднаешь?
(Українські народні думи 1931: 189 (запис М. Цертелєва))

Звісно, в творі засобами художнього зображення і вираження возвеличується образ Б. Хмельницького, натомість підкреслюється недалекоглядність польського гетьмана: у нього «розумъ жиноцькій», він «за дорогими напитками бенкетами» не бачить наступ козацьких

військ. Історично підтверджується факт листування Лупула з Потоцьким. Вони були приятні один до одного. Саме Лупулу був вдячний Потоцький за своє звільнення з татарської неволі. Для України таке звільнення було небезпечно. Та й для самого Хмельницького рішення хана стало своєрідним приниженням та ганьбою. Справа в тім, що гетьман вихвалявся перед московськими агентами про те, що доля Потоцького залежить від його рішень, мовляв, без його дозволу хан Потоцького не випустить. Проте так не сталося. Тож ця ситуація змусила українську сторону замислитися над характером оточення навколо себе і бути далекоглядним, «оглядатися наоколо – по своїй землі і по за нею» (Грушевський 1996: 10). У другій частині Літопису гадяцького полковника Григорія Грабянки «Розповідь про похід козаків на волохів та про польських комісарів» теж згадується листування В. Лупула з Потоцьким. Саме з Хотина він писав листи та скаржився йому на те, «що Хмельницький з ханом стали табором над Прутом, наїздами спустошують його землю, нівечать її вогнем та мечем, він просив у гетьмана допомоги. Сподіваючись на прихильність поляків, молдавський господар з погордою ставився до послів Хмельницького і відкидав його дружбу. Та гетьман Потоцький відписав так: “Ти що ж не знаєш, що він і мені добре дався взнаки? Це ж він мого сина і його військо геть до єдиного чоловіка знищив. А незабаром і мене самого разом з пальним гетьманом полонив та мало з світу білого не зігнав”» (Літопис гадяцького полковника 1992).

У варіанті думи, записаній П. Кулішем, Василь Молдавський спершу не звертається до Потоцького, а відповідає Хмельницькому:

Пане гетьмане, Хмельницький,
Батьку Зинов Богдану Чыгрынський!
Не буду я з тобою ны бытсья,
Ны марытсья,
Ны городов тоби своїх волоських уступаты,
Ны чирвинцямы полумыскив сповняты:
Не лучче-б тоби покорытсья меншому,
Ненужли мыни тоби старшому?
(Українські народні думи 1931: 89)

Така відповідь обурює гетьмана Хмельницького, тому він вирушає війною на Сороки, а потім на Сичаву:

Оттогди-ж то Хмельницький, як сіи слова зачавав,
Так вин сам на доброго коня сидав,
Коло города Сорокы поижжав,
На город Сороку поглядав.

Город Сороку у недилю рано задобидде взяв,
На рынку обид пообидав,
К полудній години до города Сичавы прыпав,
Город Сичаву огнем запалыв
И мечем исплиндровав.
(Українські народні думи 1931: 189 (запис П. Куліша))

У варіанті думи в записі М. Цертелева про знищення Сорок, Сичави та Ясь не говориться. Вказується лише на загальний факт завоювання Хмельницьким Волощини та розчарування польського гетьмана: «То пань Хмельницькій добре учинивъ: Польшу засмутивъ, Волощину побидивъ, Гетьманщину взвеселывъ!» (Українські народні думи 1931: 189 (запис М. Цертелева)). Якщо у варіантах дум П. Куліша та С. Хв. Ліндфорс (Русової) Василь Молдавський відповідає на лист Богдана Хмельницького, то у варіанті М. Цертелева про це не згадується. Молдавський керманіч звертається лише до Потоцького за допомогою, проте той відмовчується. З приводу цього історики зауважують, що Потоцький горів бажанням помститися козакам, але не наважився це зробити через значні переваги військ Хмельницького і не тільки. Зокрема, з лівого боку війська гетьмана прикривав Нечай. Крім того, допомога польського гетьмана Лупулу могла б загострити конфлікт з кримським ханом, адже саме в нього Потоцький перебував у полоні 1648 р. Тому він остерігався повторно потрапити у немилість татар. Єдине, на що наважився польський гетьман, то це відправити на Волощину кінноту під проводом камінецького ротмістра Кондрацького, який повернувся із відомостями про те, що козаки пішли на Молдавію з волі татар (Грушевський 1996: 90). В думі ж зображується факт втечі поляків із Сичави: «Тогда ляхи изъ города изъ Сочавы утикалы, Василию Молдавскому знаты давалы» (Українські народні думи 1931: 189 (запис М. Цертелева)). У двох інших варіантах цієї думи у записах П. Куліша та С. Хв. Ліндфорс (Русової), із Сичави втікали не лише поляки, але й інші жителі цього міста:

Оттогда-то иныи Сичавци гетьмана
Хмельницького у вичи не выдалы;
Уси до города Ясы повтикалы.
(Українські народні думи 1931: 90)

Такий факт втечі, як і приїзд Василя Лупула до Ясси (колишня столиця Молдавського князівства), підтверджують й історики. Ці події є спільними для всіх трьох варіантів думи «Про Молдавський похід Хмельницького»:

То Василій Молдавській до Ясь прибуває,

Словами промовляє:

«Гей ви Яси мої, Яси!

Були єсть бирзо красні,

Давже не будете такі,

Якь прибудуть козаки»

(Українські народні думи 1931: 189 (запис М. Цертелєва))

За історичними оповідями Василь Лупул був у столиці, але через наступ козацьких та татарських військ мусив покинути її. Існує версія й про те, що Хмельницький звелів браславському полковнику Нечаю йти під Ясси, що він і зробив. Почувши, що татарам прийшла допомога від козаків, молдавський господар залишив Ясси та поїхав до Нямецького монастиря, звідки направив до татар послів з відкупом у 300 тис. левкових єфимків (талярів). За іншими даними – 180 тис. та 600 тис. талярів (Костомаров 2004: 451).

Взявши відкуп, татари пішли, спаливши разом із козаками Ясси і Сичаву, замки і села Волощини. Якщо союзників задовольнив відкуп, то Хмельницькому потрібні були політичні гарантії. В цій ситуації Василь Лупул й погоджується видати свою дочку за молодого Хмельниченка. В народній думі ні про факт відкупу, «сватання» і татар знову ж таки не згадується. Увагу читачів та слухачів зосереджено на спустошенні Хмельницьким молдавських земель, возвеличенні образу гетьмана Хмельницького, не заглиблюючись в історичні подробиці та образи інших персонажів. Та якщо проаналізувати історичні оповіді тих часів, то найбільшого руйнування молдавським землям завдали не так українські війська, як татарські. Наприклад, посилаючись на польські відомості, а саме, лист Язлівця від невідомого з датою 24 вересня, М. Грушевський пише: «(Татари й козаки) Волоську землю огнем і мечем всю чисто спустошили, багато людей стинали, нікого не милували. Столичне місто Ясси спалили так, що тільки замок лишився та кілька церков. Сам господар ледве втік до лісів з дітьми, пославши наперед свої скарби. Був (тоді) у нього шведський посол і шляхтич польський, що вийшовши з неволі від татар приїхав до Ясс – їх господар попросив поїхати до калги на трактати і просити за господаря, щоб більше Волощини не спустошили. Стала згода і замирення на певних умовах: господар дав калзі 120 тисяч твердих талярів, щоб він уступився з Волощини, і одержавши сю суму, татари з Волощини пішли, але здобич забрали. Козакам з тих грошей нічого не дісталось, тільки хто що зарвав. Татари небагато чоловіків забрали, тільки стинали; жінок забрали тільки молодих. Волів дуже багато вигнали, коней і баранів не багато брали – і тим баранам ноги утинали» (Грушевський 1996: 92). У Молдавському літописі теж вказано,

що В. Лупул був наляканий саме через спустошення татарами його володінь: «В большой тревоге и заботе оказался Василий воевода. А уж когда татары захватили монетный двор со всеми его денежными запасами, обуял его страх неописуемый. К тому же достались татарам и все его конюшни с лошадьми. ... Дворец господаря, двory боярские да и весь город менее чем за час обратился в пепел и дым. Но монастыри же устояли нетронутые, поскольку защитили их казаки Хмиля и не дали татарам на разграбление. Только в монастыре Трех святителей укрывшиеся за стенами его люди пострадали. Ибо, когда загорелось торговище от искр огненных, запылал и монастырь. И, спасаясь от пламени, бросились люди к калитке, что выводила на монастырский пруд, и там многих из них похватили в плен татары. Другие же, чтобы не попасть в плен и рабство, сами же в пруду утопились» (Костін 2014: 101).

З наведених прикладів можемо зробити висновок про те, що українська сторона не так бажала збагачення, як гарантій військово-стратегічного спрямування, пов'язаних з особливостями географічного розташування України, де були зосереджені основні військові дії (захід України) та розташування кордонів України з Річчю Посполитою та її союзником Молдавським князівством. Разом з цим козаки на Січі дотримувалися кодексу лицарської честі, за яким виховували у собі героїзм, готовність боротися до загибелі за волю України, непохитну вірність принципам народної моралі, духовності та *байдужість до матеріального збагачення*. Українські народні думи, а особливо героїчного циклу – яскраве підтвердження цьому. Дума «Про Молдавський похід Хмельницького» не є винятком. У зв'язку з цим, доцільно згадати й представників краківської історичної школи та її засновника Ю. Шуйського, які були прихильниками угоди з Україною, вбачали в козацтві потенційних партнерів, вказуючи за того на їх духовні, моральні цінності» (Szujski 1880).

Якщо у скороченому варіанті думи в записі М. Цертелева Василь Молдавський пише листи Потоцькому (місто, з якого він посилає ці листи, не зазначено) і вказує на його байдужість до проблем молдавських, то в наступних двох варіантах молдавський господар пише їх з Хотина, після від'їзду з Ясс. Оповідачі, творці та виконавці дум емоційно, розлого подають це звертання:

Эй, Ивану Потоцький,
Кролю Полский!

Ты-ж бо то на славній Украины пьеш, гуляеш,
А об мой ты прыгоди ничего не знаеш;
Що-ж то в вас гетьман Хмельницький, русын,

Всю мою землю Волоську обрушив,
Все мое поле копьем изорав,
Усим моим волохам, як галкам,
З плич головки познымав;
Де буллы в поли стежки, дорожки,
Волоською кровью повымощував;
Де булы в поли глыбокыи долины,
Волоською кровью повыповнював.
(Українські народні думи 1931: 190 (запис П. Куліш))

Щирість почуття, любов молдавського керманіча до свого народу, землі підсилює вживання здрібніло-пестливої форми «з плич *головки* познымав», просторово-часової моделі, що звучується від образу *поля до стежки, дорожки, долини*, що підкреслює їх значення у житті Василя Молдавського. Як зазначають історики, Василь Лупул звертався до польського гетьмана із звинуваченнями, мовляв це Богдан Хмельницький і хан покарали його за те, що був надто прихильним до поляків. М. Грушевський, посилаючись на відповідні історичні джерела, з цього приводу зазначає: «Нарікав з великим жалем, що за свою зичливість і прихильність, котру свідчив полякам і козакам, невинно спала на нього ся війна: що він переховував у себе (поляків) підчас, коли війна бушувала в державі короля, і поводився з ними з усякою людяністю» (Грушевський 1996: 83). Натомість в народній думі Потоцький відмовляє Василю Молдавському в допомозі, вказуючи за того на причину такої відмови:

Эй, Васылю Молдавський!
Колы-ж ты хотив на свой Украины проживаты,
Було тоби Хмельныцького у вичные часы не займаты;
Бо дався мыни гетьман Хмелныцький гаразд добре знаты:
У першій войны
На Жовтій Води
П'ятнадцять моих лыцарив стричав, –
Не велькый им одвит оддав:
Всим, як галкам, с плич головки поздыймав;
Трох сынив моих живцем узяв,
Турьському салтану в подарунок одислав;
Мене Йвана Потоцького,
Кроля Полского,
Тры дни на прыкови край пушкы держав,
А ны пить мени, ны исты не дав.
То дався мени гетьман Хмелныцький
гаразд добре знаты,

Буду його во вик вичный памятаты!
(Українські народні думи 1931: 190 (запис П. Куліша)).

Хоча й добрі часи тоді були для молдавського та польського народу, і «земля Ляшская была вся в золоте, как говорится, а Молдова, Зобильная и скотом и лошадыми и медом, – все это ляхам давала, а от них наполняла кошельки золотом и серебром» (Костін 2014: 88), та все ж пропольська орієнтація Василя Лупула, як бачимо, не стала вирішальним у рішенні Потоцького.

В кінцівці ж народної думи «Про Молдавський похід Хмельницького» свідченням незаперечної міці, сили та звитяги козацтва є рядки:

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!

Сама себе на смихъ не давала,
Неприятеля пидъ ноги топтала!

(Українські народні думи 1931: 189 (запис М. Цертелєва)).

Таким чином, в усній народній творчості відтворений багатовіковий життєвий досвід народу, характер, його почуття та переживання. Завдяки порівняльному аналізу історико-документальних досліджень, історичних оповідей, версій з літературно-художнім аналізом народного твору про похід Хмельницького в молдавські землі, ми по-іншому сприймаємо, оцінюємо мотиви дій та вчинків героїв думи. Деякі історичні факти в думі зовсім не згадуються, як от участь татарського корпусу в поході на Молдавію, і це не випадково. Зокрема, композиційний закон відбору життєво важливого матеріалу, свідоме впорядкування компонентів думи з ідейною і художньою метою спрямовані на виокремлення образів Б. Хмельницького та В. Лупула для того, щоб підкреслити своєрідність їх національного характеру, увиразнити глибокі переживання за долю свого народу. На жаль, зважаючи на багатий історичний матеріал дум, такий історико-літературний аналіз думи проводиться вперше. Тому в подальшому необхідно вводити в наукову практику такого роду порівняльний аналіз фольклорного матеріалу, адже це значно розширить сприйняття народних творів, створить сприятливі умови в міжетнічному спілкуванні та працюватиме не на роз'єднання, а об'єднання народів світу на основі своїх питомо національних підстав.

ЛІТЕРАТУРА

Грушевський 1996 – *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т. Київ: Наукова думка, 1996. 12 кн. Т. 9. Кн. 1. 880 с.

Джеджула 1995 – *Джеджула Ю.* Таємна війна Богдана Хмельницького: історико-документальна оповідь. К.: Молодь, 1995. 224 с.

Дробіна 2014 – *Дробіна Л.* Буковина під час молдавського походу Б.Хмельницького 1650 р.: проблема ситуації в регіоні. URL: <http://www.pravoznaves.com.ua/period/article/48955/%СВ#chapter> (останній перегляд: 5.09.2018).

Качмарчик 1996 – *Качмарчик Я.* Гетьман Богдан Хмельницький. Перемишль; Львів: Друк. Василян, 1996. 327 с.

Котов 2010 – *Котов А.* «Деца» зразка 1648 року // *День*. 2010. 21–22 травня. С. 4.

Костин 2014 – *Костин М.* Летопись земли Молдавской. Кишинев: Б.и., 2014. 192 с.

Костомаров 2004 – *Костомаров М.* Богдан Хмельницький: Історична монографія. Дніпропетровськ: Січ, 2004. 843 с.

Літопис Самовидця 1971 – *Літопис Самовидця*. Київ: Наукова думка, 1971. 175 с.

Літопис гадяцького полковника 1992 – *Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки*. Київ: Т-во «Знання» України, 1992. 192 с.

Мурахов 2016 – *Мурахов В.* Українсько-молдавські політичні відносини в контексті розбудови Української національної держави в 50-х рр. XVII ст. // *Гілея: науковий вісник*. 2016. Вип. 115 (№ 12). С. 11–13.

Смолій, Степанков 2003 – *Смолій В., Степанков В.* Богдан Хмельницький. Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 2003. 400 с.

Суляк 2013 – *Суляк С.* Казак Андрей Суляк (к вопросу об участии выходцев из Молдавии в гайдамацком движении 1734 г.) // *Русин*. 2013. № 2 (32). С. 42–61.

Українські народні думи 1931 – *Українські народні думи*. Том другий корпусу. Тексти № 14–33 і вступ Катерини Грушевської. Харків; Київ: Пролетар, 1931. 304 с.

Українські народні думи 2009 – *Українські народні думи: в 5 т. / Упоряд.: Дмитренко М.К., Грица С.Й., Довженок Г.В., пер. Дмитренко М.К., Грици С.Й.; ст. ком., прим. Довженок Г.В., Ясенчук А.Ю., Шевчук Т.М., Шалак О.І., Пазяк Н.М., Кімакович І.І.; за заг. ред. Дмитренко М.К., Грици С.Й.; відп. ред. Скрипник Г.А.* Київ: ІМФЕ НАН України, 2009. 856 с.

Чухлиб 2004 – *Чухлиб Т.* Отец «психологических войн» // *День*. 2004. 10 января. С. 3.

Nagielski 2002 – *Nagielski M.* Preobrażenia w armiikoronnej w dobie wstania B.Chmielnickiego (1648–1654) // *Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epocenowożytniej / Pod red. J. Staszewskiego*. Toruń: Wyd. A. Marszałek, 2002. P. 308–335.

Szujski 1880 – *Szujski J.* Historji Polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1880. 26 p.

REFERENCES

Hrushevsky, M. (1996) *Istoriya Ukrayiny-Rusy: v 11 t.* [The History of Ukraine-Russia]. Vol. 9 (1). Kyiv: Naukova dumka.

Dzhedzhula, Yu. (1995) *Taemna viyna Bogdana Khmel'nits'kogo: istoriko-dokumental'na opovid'* [Bohdan Khmelnytsky's Secret War: A Historical-Documentary Story]. Kyiv: Molod'.

Drobina, L. (n.d.) *Bukovina pid chas moldavs'kogo pokhodu B. Khmel'nits'kogo 1650 r.: problema situatsii v regioni* [Bukovina during the Moldavian campaign B. Khmelnitsky of 1650: the situation in the region]. [Online] Available from: <http://www.pravoznavec.com.ua/period/article/48955/%CB#chapter> (Accessed: 5th December 2018).

Kachmarchik, Ya. (1996) *Get'man Bogdan Khmel'nitskiy* [Hetman Bogdan Khmelnitsky]. Peremyshl-Lviv: Druk. Vasyliyan.

Kotov, A. (2010) "Deza" zrazka 1648 roku ["Desa" sample of 1648]. *Den'*. 21st–22nd May. p. 4.

Kostin, M. (2014) *Letopis' zemli Moldavskoy* [Chronicle of the Moldavian Land]. Chişinău: [n.d.].

Kostomarov, M. (2004) *Bogdan Khmel'nits'kiy* [Bogdan Khmelnytsky]. Dnipropetrovsk: Sich.

Szira, Ya.I. (1971) *Litopis Samovidtsya* [Chronicle of Samovydet's]. Kyiv: Naukova dumka.

Grabyanka, G. (1992) *Litopis gadyats'kogo polkovnika Grigoriya Grabyanki* [Chronicle of The Hadiach Regiment Colonel Grigory Grabianka]. Translated from Old Ukrainian. Kyiv: Znannya.

Murakhov, V. (2016) Ukraïns'ko-moldavs'ki politichni vidnosini v konteksti rozbudovi Ukraïns'koï natsional'noï derzhavi v 50-kh rr. XVII st. [Ukrainian-Moldovan political relations in the context of the development of the Ukrainian national state in the 1650s]. *Gileya: naukoviy visnik*. 115 (12). pp. 11–13.

Nagielski, M. (2002) Preobrazenia w armiikoronnej w dobiewalk z powstaniem B. Chmielnickiego (1648–1654) [Transformations in the crown army in the early days of the rise of B. Khmelnitski (1648–1654)]. In: Staszewski, J. (ed.) *Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epocenowożytnej* [Between West and East. Studies in the history of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the modern age]. Toruń: Wyd. A. Marszałek. pp. 308–335.

Smolij, V. & Stepankov, V. (2003) *Bogdan Khmel'nits'kiy* [Bogdan Khmelnitsky]. Kyiv: Al'ternativi.

Sulyak, S. (2013) Cossack Andrey Sulyak (regarding the part of native Moldavians in the Haidamak Movement of 1734). *Rusin*. 2 (32). pp. 42–61 (In Russian).

Anon. (1931) *Ukraïns'ki narodni dumi* [Ukrainian national dumas]. Vol. 2. Kharkiv; Kyiv: Proletar.

Dmitrenko, M.K. & Gritsa, S.Yu. (eds) (2009) *Ukraïns'ki narodni dumi: v 5 t.*

[Ukrainian national Dumas: In 5 vols]. Kyiv: NAS Ukraine.

Chukhlib, T. (2004) Otets "psikhologicheskikh voyn" [The Father of "Psychological Wars"]. *Den'*. 10th January. p. 3.

Szujski, J. (1880) *Historyi Polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście* [The history of Polish twelve-story books]. Warsaw: Gebethner i Wolff.

Набок Марина Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки іноземних громадян Сумського державного університету (Україна).

Набок Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (Украина).

Marina M. Nabok – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: nabok.marinka@gmail.com

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/4

СОХРАНЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСРЕДСТВОМ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРЕСАХ ЕЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ: УТОПИЯ ИЛИ УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

С.В. Бирюков

Восточно-Китайский педагогический университет

КНР, 200062, г. Шанхай, ул. Чжуншань Бэй, 3663

E-mail: birs.07@mail.ru

Авторское резюме

Австрийская (с 1867 г. – Австро-Венгерская) империя – страна, представлявшая собой уникальное соединение различных народов под эгидой монархии Габсбургов. При этом существовавшая модель национально-государственного устройства не позволяла отразить запросы, формировавшиеся в рамках ее этнополитической системы, прежде всего – запрос на адекватное политическое представительство славянских народов империи. При этом стремление соблюсти наднациональный принцип со стороны монархии, а также консерватизм венской бюрократии вкупе с общей инерционностью политико-административного механизма Австрии затрудняли реформирование государственного устройства империи. В то же время, по заключению автора, определенные возможности для подобной реформы – с учетом этнического фактора – сложились после событий «Весны народов» 1848 г. и после поражения Австрии в войне 1866 г. с Пруссией, когда Вена была фактически исключена из процесса общегерманского объединения и получила возможность заняться решением внутренних проблем. Однако совокупность субъективных и объективных факторов, а также позиция основных политических акторов, вовлеченных в процесс преобразования устройства империи, благоприятствовали компромиссу Вены с представителями Венгрии. Внедренная таким образом дуалистическая модель на время стабилизировала и сохранила страну, однако непринятие требований лидеров славянских движений (прежде всего чешского) о более глубокой национально-территориальной реформе ограничило свободу маневра для имперских властей и способствовало углублению кризиса, приведшего в итоге к распаду империи в 1918 г.

Ключевые слова: Австрийская империя, Австро-Венгрия, славянство, империя, этнополитическая система, национально-государственное устройство, федерализация, модернизация.

THE PRESERVATION OF THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE BY MEANS OF FEDERALISATION IN THE INTERESTS OF THE SLAVIC PEOPLES: MYTH OR MISSED OPPORTUNITY?

S.V. Biryukov

East China Normal University
3663 Zhongshan Road (N), Shanghai, 200062, China
E-mail: birs.07@mail.ru

Abstract

Austrian (Austro-Hungarian since 1867) Empire was a country with a unique combination of different peoples under the auspices of the Habsburg monarchy. However, the existing model of the national-state structure did not reflect the requests of its ethno-political system, mainly that for adequate political representation of the Slavic peoples. The desire of the monarchy to observe the supranational principle as well as the conservatism of the Vienna bureaucracy and the general inertia of Austrian political and administrative mechanism made it difficult to reform the state structure of the Empire. The author concludes that certain opportunities for this reform that would take into account the ethnic factor developed after the “Spring of Nations” in 1848 and Austria’s defeat in the war with Prussia in 1866, when Vienna was excluded from the process of German unification and could address internal problems. However, the combination of subjective and objective factors together with the position of the main political actors in the process of transforming the structure of the Empire promoted Vienna’s compromise with Hungary. This dualistic model strengthened and preserved the country for a while, but the rejected demands of Slavic (mostly Czech) leaders for a deeper national-territorial reform limited the maneuver for the Imperial authorities and exacerbated the crisis that eventually led to the collapse of the Austrian Empire in 1918.

Keywords: Austrian Empire, Austria-Hungary, Slavs, Empire, ethno-political system, national-state structure, federalisation, modernisation.

Осмысление наследия Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) империи снова востребовано политической и исторической науками. «Изучение империй снова в моде» (Voas 1960: 76), – констатируя этот факт, М. фон Хаген называет в качестве одной из его причин то обстоятельство, что «вспыхнувшие не только в Европе, но и в Евразии в целом этнические и национальные конфликты пробудили ностальгию, по крайней мере, по некоторым многонациональным династическим империям, которые умели лучше регулировать долгосрочные межэтнические отношения и проводить национальную политику с менее апокалиптическими последствиями, чем современные национальные государства, созданные на обломках великих империй, развалившихся во время и после Первой мировой войны» (Гатагова 1996: 332–333). Немецкий исследователь Р. Мюнклер в своей недавно опубликованной в России книге ставит вопросы «пределов империи», рассматривает соотношение моделей «имперского порядка» и хаотического состояния системы национальных государств, а также стремится преодолеть табу на сам имперский дискурс (Мюнклер 2015).

Тем важнее для нас понять природу имперской власти и механизмы ее функционирования. С точки зрения российского исследователя С.И. Каспэ, империя – это «вариант организации отношений господства – подчинения, связанный с максимальной концентрацией властного потенциала в руках господствующего меньшинства» (Каспэ 2001: 9).

И хотя имперская форма государственности традиционно отождествляется с унитаризмом и унификацией, в определенных случаях для империи возможно использование элементов федерализма в ее государственно-территориальной структуре (Каспэ 2001: 53–54).

Славянские народы Австро-Венгерской империи, распавшейся в 1918 г. в результате глубокого кризиса, усугубленного Первой мировой войной, приобрели весьма неоднозначный и достаточно противоречивый опыт политического развития и государственного строительства (либо участия в проектах государственного строительства других этнонаций) (Шарый, Шимов 2010); драматическая судьба единой югославянской и чехословацкой государственности в XX в. может служить подтверждением данного тезиса. В этой связи сегодня ставится вопрос о том, могло ли гипотетическое сохранение Австро-Венгрии как единого, но глубоко реформированного (федерализированного) государства с полноценным политическим представительством славянских народов содействовать политической консолидации страны и защите славянских интересов последних с учетом политических вызовов первой половины XX ст.

Проблемы государственного устройства и национальной политики Австрийской империи получили достаточно полное отражение

у видных отечественных и зарубежных специалистов по истории монархии Габсбургов: Т.М. Исламова, В.И. Фрейдзона, И.В. Чуркиной, А. Тэйлора, этнологов Ю.В. Бромлея, М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана, а также в работах более молодого поколения исследователей, таких, как О. Яси, А.В. Шарий, Я.В. Шимов, С.А. Романенко и др., сделавших акцент на рассмотрении этнополитических проблем Австро-Венгрии в контексте анализа причин ее итогового распада. В этих исследованиях показано несовпадение устремлений властей империи и участников национальных движений, ставшее причиной ее демонтажа. Вместе с тем достижения названных исследователей в разработке заявленной темы не отменяют необходимости более детального изучения изменчивого соотношения позиций различных политических акторов империи и основных значимых факторов, от которых зависела возможность преобразования имперского устройства в направлении федерации. Теоретическая новизна подхода автора состоит в перспективном анализе внутренней динамики этнополитической системы, существовавшей в Австро-Венгрии с момента учреждения дуализма до ее распада в 1918 г., а практическая – в осмыслении трансформационного потенциала национальной политики и федералистской идеи в условиях империи. Использование автором вторичного анализа представляется в целом оправданным для работы политологического характера.

Современная этнополитология предлагает собственный инструментарий для подобного анализа. Американский политолог Д. Горовиц выделяет этнополитические системы централизованного и дисперсного типа (Horowitz 1991).

Централизованные этнические системы – системы, в которых доминирующие позиции принадлежат представителям одного численно преобладающего этноса, а другие этносы образуют его периферию. Дисперсные этнические системы – системы, в которых доминирующий этнос отсутствует, присутствуют несколько этносов с примерно одинаковым политическим и экономическим статусом.

Какая же ситуация имела место в Австрии? Из 51 млн жителей империи в 1910 г. немногим менее половины 23,5 млн составляли славянские подданные (чехи, словаки, поляки и др.), более 12 млн – австрийские немцы, 10 млн – венгры, 3 млн – румыны (Taylor 2013: 286).

Таким образом, мы можем заключить, что в Австро-Венгрии существовал некоторый промежуточный вариант этнополитической системы, в рамках которой доминировавшее центральное «ядро» (не большинство), рассматривавшее себя символическим создателем государства, противостояло совокупности периферийных этнических групп.

Равновесие в подобном многонациональном государстве могло быть обеспечено только за счет гибкой и взвешенной национальной политики, поддерживающей сбалансированную иерархию народов за счет уступок, компромиссов, а также использования принципа «разделяй и властвуй». Выстроить устойчивую иерархию этносов в подобной системе достаточно сложно, однако обойтись без «ядра» в лице государство- и культуuroобразующего этноса (в лице австрийских немцев) оно не могло.

Из-за сложности и неизбежной инерционности подобной системы возможности для глубоких реформ могли возникнуть лишь в ситуации глубоких кризисов и потрясений, когда династия и имперская элита не могли больше править в соответствии с принятыми образцами. Впервые действительно глубокое реформирование национально-государственного устройства империи могло быть осуществлено после 1848 г., в ситуации «весны народов» и паралича имперской власти после отставки Меттерниха и отречения императора Австрии Фердинанда I в декабре 1848 г. в пользу его племянника Франца Иосифа. В ситуации глубокого кризиса умеренные славянские лидеры (Ф. Палацкий, К. Зап и др.) на знаменитом Славянском конгрессе в Праге поддержали сохранение единства Австрии при условии ее федерализации с учетом интересов славянских народов. И если в 1848 г. большую роль в сохранении империи сыграла поддержка славян, то после 1866 г. Вена прибегла к поддержке Венгрии. Однако в обоих случаях к федеративным реформам это не привело, и основная политическая уступка была сделана в 1867 г. венграм за счет словаков, сербов и – в меньшей степени – хорватов.

Таким образом, очевидными являлись изначальная гетерогенность и неравновесность австрийской этнополитической системы, затруднявшие реформы государственно-территориального устройства страны. Используя факторный анализ (Ким, Мьюллер, Клекка 1989) и реконструируя логику основных политических акторов, мы попробуем выяснить, почему реформирование государственного устройства Австрии (позже Австро-Венгрии) так и не состоялось. К числу этих факторов, препятствовавших глубокому реформированию ее государственного устройства, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1) **Лоскутный характер империи и ее «чересполосность»**, затруднявшие рациональное и последовательное реформирование ее государственно-территориального устройства в связи с невозможностью выделить «чистые» в этническом отношении компактные территориальные единицы, границы которых не оспаривались бы представителями ее соседних народов, как, например проект «Ве-

ликой Венгрии» в пределах короны Святого Стефана, неизбежно приходивший в столкновение с великорумынским, чехословацким и югославянским проектами;

2) **Трудность совмещения монархически-имперского принципа** (предполагавшего монистическую структуру власти, пусть и с делегированием части этой власти некоторым институтам) **с последовательным федерализмом, опиравшемся на принципы естественного права** (Elazar 1987: 38);

3) **Нежелание имперских властей трансформировать систему этносословий (приписывавшую основным этносам определенный социальный статус)**, существовавшую в империи (условно – немцы-военные и гражданские чиновники, венгры – землевладельцы – дворяне, также призывавшиеся на военную и гражданскую службу, русины – крестьяне и др.);

4) **Ограниченная политическая субъектность многих территориальных субъектов империи – потенциальных участников процесса федерализации**, связанная со слабостью органов представительства и формальным отсутствием политической элиты (аристократии, интеллигенции, бюрократии) у народов этих территорий. По этой причине, например, не могли реализовать свое политическое самоопределение не имевшие собственного властно-управленческого класса и интеллигенции русины Галиции и Закарпатья (несмотря на дарованную короной в 1907 г. автономию). Столь же затруднительным было территориальное самоопределение также получившей в 1907 г. автономию Буковины, где, несмотря на ее многонациональность (население края в начале века было таким: около 40 % – русины, 35 % – молдаване, 13 % – евреи, 8 % – немцы, 4 % – поляки), политически доминировали румынские бояре (Дьяченко 2013);

5) **Опасения немецкой имперской бюрократии в отношении пангерманского («великогерманского») национального движения**, представлявшего на момент «Весны народов» различные фракции («правый» и «левый» центр, собственно «левые» и др.), заявившего о себе в период революции 1848 г. и стремившегося к конституционным реформам и к единству с другими немецкими государствами в рамках «большой Германии» (при одновременном безразличии к проблемам политического развития собственно Австрии) (Wandruszka 1980: 110–112);

6) **Традиционный консерватизм австрийской имперской бюрократии**, предпочитавшей диалог с консервативно настроенными элитами негерманских народов империи диалогу с новыми национальными движениями славянских народов и отрицавшей глубокие трансформации государственного устройства (говоря словами выдающегося

австрийского писателя Ф. Грильпарцера, «политика наполовину осуществленных дел, наполовину пройденных путей»);

7) **Неготовность имперской власти к диалогу со славянскими национал-демократами**, которые считались потенциальными революционерами и подозревались в нелояльности к империи (что во многих случаях соответствовало истине – так, например, достаточно вспомнить участие некоторых радикально настроенных участников Славянского съезда 1848 г. в Праге – тех же К. Либельта и Л. Штура – в революционных уличных боях в этом городе);

8) **Венгерский фактор** – опасение венгерского влияния и неизбежные уступки венской бюрократии венгерским элитам после 1866 г., когда ослабленная империя нуждалась во влиятельном и политически консолидированном внутреннем союзнике, каким и стали перешедшие на более умеренные позиции лидеры Венгерской революции 1848–1849 гг., стремившиеся максимально возможно закрепить политические достижения революционного периода путем переговоров с представителями династии и имперской бюрократии (Király 1975). Таким образом, после перехода к дуалистической монархии и предоставления особых привилегий Венгрии дальнейшие преобразования государственного устройства считались нежелательными;

9) **Колебания правящей династии в ситуации после революции 1848 г. между «замораживанием страны» и осторожной либерализацией**. Так, 20 октября 1860 г. после определенного «успокоения» в результате «революционных потрясений» был издан т. н. Октябрьский диплом – новая Конституция империи, восстановившая автономию регионов и расширившая права региональных ландтагов, прежде всего Венгерского государственного собрания; венгерский язык был объявлен официальным на территории Венгрии. Однако ожидавшегося «успокоения» в Венгрии в итоге не произошло, и продолжались требования восстановить в полноте венгерскую Конституцию 1849 г. («петиция Деака»). В результате 26 февраля 1861 г. был опубликован «Февральский патент», изменявший октябрьскую Конституцию в духе централизации. Реформы были заморожены.

В свою очередь, осуществленный автором факторный анализ позволяет утверждать, что в ситуации, сложившейся после 1848 г. (и особенно после 1867 г.), основные политические силы не были заинтересованы в трансформации исторической Австрии (Австро-Венгрии) в полноценную федерацию германцев, славян, венгров и других народов. Позиции внутренних политических игроков по «национальному вопросу» и проблемам реформирования государственно-территориального устройства империи были следующими:

1. Император Франц Иосиф («последний политик старой школы», по его собственному определению) стремился сохранить личную власть и империю как наднациональную конструкцию, балансируя между различными этническими группами; при этом в сторонниках национально-территориальной федерации он, очевидно, был не заинтересован, поскольку не желал зависеть ни от одной этнической общности, стремясь прежде всего укрепить личную власть (Яси 2011). С помощью уступок венграм монарх рассчитывал избежать уступок другим народам империи, что явно не располагало к преобразованиям федеративного толка.

Помимо этого, необходимо помнить, что после 1866 г. (когда Австрия вышла из войны с Пруссией проигравшей и в роли младшего партнера последней, превратившись из «проекта Меттерниха» в «проект Бисмарка») усилилась зависимость Габсбургской династии от Пруссии и созданной ей Германской империи, которая использовала Венгрию как союзника с целью влияния на Австрию; в итоге Австрия, по справедливому замечанию, превратилась из «европейской потребности» в «германскую».

2. Имперская «наднациональная» бюрократия (т. н. имперские космополиты) – консерваторы и противники государственного переустройства на базе национального принципа, который увязывался ими с «революционным духом».

Следует помнить, что после 1866 г. Австрия из барьера распространению «пангерманского» влияния на западных славян превратилась в барьер панславистским устремлениям России (на которую переориентировались многие деятели чешского и других славянских национальных движений империи, включая Ф. Палацкого, отошедшего от прежних австрославистских убеждений и принявшего участие в Славянском конгрессе 1867 г. в Москве). В итоге имперские бюрократы, боясь любой дестабилизации, были готовы на уступки только консервативно настроенным и лояльным Вене и Габсбургам этническим группам. Однако и представители вполне умеренных и лояльных национальных движений постепенно приходили к выдвиганию собственно политических требований.

3. Германские национал-либералы (как проправительственные, так и оппозиционные) – сторонники Великой («Большой») Германии, считавшие, начиная с 1848 г., своим основным политическим союзником именно Венгрию (идея Франкфуртской ассамблеи 1848 г.), что и отталкивало от них славян. Они не принимали миссию империи по созданию «гармоничного сообщества народов», настаивая на реализации миссии немцев как «юного народа» («немецкой образованной республики» (Hein 2016: 14–15), призванного внести свой

вклад в мировую политику и культуру. Последние достаточно легко пережили упразднение империи в 1918 г., связывая свои надежды не столько с Австрийской республикой, сколько с восстановлением германского единства.

4. Сами венгры (сторонники «Великой Венгрии» в пределах короны Святого Стефана) – сторонники административного подчинения славян империи и ассимиляции последних в пределах «Великой Венгрии» (с отказом славянам в способности «управлять собой»), как очевидно, против трансформации дуалистической монархии в тройственную.

В 1866 г. венгры пошли на переговоры и сближение с императором, отказавшись от радикальных позиций, но стремясь максимально сохранить в рамках нового статуса свои прежние политические завоевания. Главными партнерами Вены стали лидер венгерского национального движения Ференц Деак и его соратник Дьюла Андраши. В сложившейся тогда ситуации выступления славян и румын за свои политические процессы беспокоили не только Габсбургов, но и венгерскую элиту, опасавшуюся потерять свое значение и власть. Этот фактор сблизил ее с австрийской элитой, что ускорило поиск компромисса (ведший переговоры от имени Будапешта граф Д. Андраши в итоге отказался от поста премьера Венгрии ради поста главы имперского МИДа). В 1867 г. искомый компромисс был найден: Австрийская империя превратилась в дуалистическую конституционную Австро-Венгерскую монархию. И именно венгры нашли тогда новую миссию империи в сохранении для будущего «Великой Венгрии».

При этом венгерские джентри, счастливо избежавшие навязывания им с общеимперского уровня нежелательных для них либеральных реформ, были последовательными сторонниками мадьяризации. Вчерашний сподвижник Лайоша Кошута граф Дьюла Андраши хотел Австрии централизованной, либеральной и германской и Венгрии, соответственно, централизованной, либеральной и венгерской. Немцев и венгров он рассматривал как два государственных народа. Внутренняя политика обретшей новый статус Венгрии в национальном вопросе неизменно следовало этим принципам.

В 1868 г. венгры предложили меньшинствам Венгрии (словакам, сербам, румынам) «Акт о национальностях», обеспечивавший им права меньшинств (языковые и на самоуправление), но отказались от этих гарантий после 1874 г., когда венгерский язык стал единственным официальным в системах образования и государственного управления. Хорваты (в лице магнатов) получили восстановление некоторых традиционных прав, участие в областных собраниях Венг-

рии с преимущественно апелляционными правами и квотируемое представительство в органах власти Венгрии и империи.

5. Представители консервативной аристократии славянских народов (например, польское дворянство), думающие о своих привилегиях и враждебные любым национально-демократическим и национально-федеративным устремлениям.

6. Лидеры национально-демократических движений славянских народов, выступавшие за федерализацию в интересах славян, но чуждые имперской политической структуре и не имевшие массовой социальной поддержки в среде представляемых ими народов.

Основную роль в борьбе за федеративную реформу государственно-территориального устройства империи играло чешское национальное движение. Первый и наиболее последовательный проект подобной реформы опубликовал на рубеже XIX–XX вв. упомянутый нами Ф. Палацкий. Согласно его обнародованному плану, преобразованная Габсбургская монархия должна была представлять собой союзное государство, «одновременно немецкое и славянское, венгерское и румынское, но прежде всего – союз свободных и полностью равноправных народов». Последнее предполагало отмену существовавшего деления империи на Цислейтанию и Транслейтанию с последующим разделом на относительно гомогенные в этническом отношении в статусе автономии, в число которых должны были войти:

1) немецкая Австрия (немецкие земли Внутренней Австрии, населенные немцами земли на венгерской границы, немецкие области Юго-Западной Богемии и Южной Моравии);

2) немецкая Богемия (северо-западная часть Богемии вместе с областью Траутенау);

3) немецкая Моравия (Силезия) (немецкая Силезия вместе с немецкими областями Моравии и Богемии, без чешских анклавов);

4) Богемия (включая чешские области Богемии, Моравии и Силезии);

5) Западная Галиция (населенные поляками области);

6) Восточная Галиция (русинская часть этой земли вместе с русинскими комитатами Венгрии и русинской частью Буковины);

7) Семиградье (вместе с населенными румынами областями Венгрии и Буковины);

8) Хорватия (включая Далмацию, хорватскую Истрию и остров Мур в районе г. Грац);

9) Краина (включая все словенские поселения);

10) Словакия;

11) Воеводина (населенная сербами область Южной Венгрии);

12) Венгрия (населенные мадьярами области);

- 13) Зеклер (мадьярская часть Семиградья);
- 14) Тренто;
- 15) Триест.

По мнению Палацкого, все эти «этногеографические единицы были бы гомогенны как немногие государства в Европе». Помимо автономизации, Палацкий полагал, что в Австрии следует «создать и обеспечить для всех живущих в империи наций все необходимые условия для их полноценного политико-национального и экономического развития... Мы все должны в действительности чувствовать себя в составе Австрийской державы лучше, чем в каком-либо другом государстве» (Lehmann 1973: 86, 94).

При этом способность данных областей к консолидации, их бесконфликтные отношения с соседними этническими территориями оставались спорными. Разочарованный неприятием собственного проекта властями империи, ранее убежденный приверженец австрославизма, Франтишек Палацкий переориентировался на Россию, попутно заявив, что «чешский народ существовал и до Австрии и будет существовать после нее».

В последующем наиболее активны в вопросах преобразования империи были лидеры чешского движения, представлявшие Национальную партию (т. н. старочехи), возвращенные властями в политику после 1868 г. с целью создания противовеса заметно усилившемуся венграм. В своем базовом проекте («Фундаментальные статьи») они выдвинули план восстановления «Великой Богемии» (в качестве «ядра» земель короны Святого Вацлава), а также хотели распространить власть Праги на Силезию и Моравию. Чешские лидеры не ограничивались идеей тройственной монархии, но предлагали федеративное преобразование империи, в т. ч. с превращением рейхсрата в полноценный Конгресс делегатов от провинций.

В то же время претензии чешских лидеров на «историческую Богемию» были симулякром, и они не имели массовой базы даже среди чехов (чешские дворяне не желали преобразования Богемии, а крестьяне были консервативны и в массе своей лояльны правившей монархии). Помимо этого, против «Великой Богемии» категорически выступали представители Венгрии (из-за проблем с собственными меньшинствами), а также польские аристократы Галиции, получившие от империи автономию и не желавшие политической эмансипации проживавших там русинов. Для имперских чиновников и знати Богемия была неотъемлемой частью «Священной Римской империи германской нации». Против равноправия чехов в Богемии были настроены и германские либералы.

В итоге после отказа чехов от автономии в рамках «Малой Боге-

мии» (части этой исторической провинции, компактно населенной чехами) Франц Иосиф принял аргументы Д. Андраши и свернул торг с лидером старочехов Франтишеком Ригером и его сторонниками (речь о коронации императора богемской короной больше не шла).

10 октября 1871 г. ландтаг Королевства Богемия принял резолюцию, требовавшую предоставления Чехии равного с Венгрией и Австрией статуса в структуре империи. Но попытки урегулировать таким способом чешский вопрос, предоставив чешским землям статус автономии, были заблокированы вследствие непримиримой позиции австрийских немцев, считавших Богемию интегральной частью Священной Римской империи германской нации, правопреемницей которой считалась Австрийская империя Габсбургов.

Далее борьба была уже за ограниченную автономию и ограниченные права. В 1880 г. правительство Цислейтании во главе с Эдуардом Тааффе приняло постановление, обязывавшее администрацию и суды в рамках Богемии вести дела на языке лица, чье дело разбиралось. В 1882 г. чешские активисты добились разделения по языковому признаку Пражского университета, создав весьма значимый прецедент. При этом подписание чешско-немецкого соглашения 1890 г. между старочехами и немецкими организациями и распространение избирательного права привели к потере первыми массовой поддержки чешских избирателей. Симпатии сместились в пользу младочехов из Национальной партии свободомыслящих Карла Крамаржа, которые перешли на более радикальные позиции, включая требования о проведении политики равенства в отношении народов Австро-Венгрии и введения всеобщего избирательного права, а также заключения союза Австро-Венгрии и России.

7. Консервативно настроенное славянское население империи (в основном представители крестьянства – праобраз будущих «крестьянских наций») было в основной своей массе лояльно императору и монархии, не поддерживало в своей массе федералистские устремления лидеров номинально «своих» национальных движений. Ситуацию могли исправить появление в городах массовой печати и распространение образования на селе. Однако для этого требовалось время, а на рубеже XIX–XX вв. единственным политическим медиатором у крестьянских «протонаций» выступали священники – католические либо униатские.

8. Национальная городская буржуазия и интеллигенция славянских народов, которые оказались политически слабы и слишком малочисленны (за исключением активно формировавшегося чешского «городского класса» в Богемии). Островки национальной городской культуры славянских народов, постепенно освобождавшиеся от влия-

ния германизации, были не в состоянии консолидировать вокруг себя свои «титультные нации», обеспечив их политическую субъектность в борьбе за автономный либо федеративный статус собственных земель в составе империи.

9. Австрийские марксисты и социал-демократы, объединившись в 1889 г. усилиями Виктора Адлера в единую партию, оставались верны универсалистской империи и династии. Следуя этой линии, они последовательно выступали за ответственное правительство вместе с германскими либералами. При этом австромарксисты традиционно рассматривали славянские национальности как «реакционные». Русины Галичины виделись им консервативным противовесом «революционной Польше». Социал-демократы Австрии принципиально разделяли оценку Ф. Энгельса о том, что чешские и хорватские движения 1848 г. имели династический и феодальный характер, а также мнение классика марксизма о том, что славяне империи «имеют недостаточно условий для политического существования» и должны быть поглощены «революционной германской демократией» (Энгельс 1995–1974: 181–182). Следуя этой логике, они принимали любое «русское вмешательство» в дела славян Центральной и Восточной Европы как безусловно «реакционное влияние».

Поэтому не случайно, что австромарксисты в конечном итоге не приняли идею федерализации империи на основе этнического фактора, продвигая вместо этого идею «внетерриториальной автономии», основанную на понимании нации как «сообщества одинаково мыслящих людей» («культурная общность группы современных людей, не связанных с землей») (Kulturgemeinschaft) (Бауэр 2002: 59). О. Бауэр изложил свои идеи в книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (Bauer 1908), а К. Реннер (Шпрингер) написал свою знаменитую программную работу «Национальная проблема» (Шпрингер 1902).

Иные этнополитические приоритеты австромарксистов также были весьма характерными. Помимо этого, К. Реннер приветствовал борьбу с Венгрией, задавая риторический вопрос: «Когда император сядет на лошадь?».

В свою очередь более радикально настроенный О. Бауэр требовал от династии реализации революционной программы, настаивал на подчинении Венгрии общеимперским законам, включая распространение на нее всеобщего избирательного права и права на учреждение свободных профсоюзов. Однако Францу Иосифу, к которому они обращались, эти идеи были чужды.

В конструировании нации по персональному признаку и в предоставлении ей, а не территории, публично-правового статуса

О. Бауэр и Р. Шпрингер усматривали оптимальный способ разрешения национальных противоречий и, прежде всего, обеспечения прав национальных меньшинств в структуре Австрии как «государстве национальностей» (Nationalitaetenstaat).

Подобный подход позволял не затрагивать непрочное устройство «лоскутной империи», но, очевидно, не удовлетворял запросы ее национальных движений.

Отдельного анализа заслуживает влияние внешних акторов, прежде всего Пруссии (впоследствии – Германской империи) Отто фон Бисмарка, проводившего политику исключения Австрии из общегерманских дел и блокирования «великогерманского» проекта объединения в пользу «малогерманского» проекта во главе с Пруссией (Еуск 1964: 107–109; Darmstaedter 2008: 289). Бисмарк последовательно выступал за союз с приобретшей в рамках «дуалистической монархии» особый статус Венгрией, сохранение в неизменном виде самой Австрии (без усиления в ней «славянского элемента»), а также против усиления влияния России на славянскую Восточную Европу. Немцы поняли, что именно Австрия в ее изначальном виде обеспечивает германскую культурную и политическую гегемонию в Центральной и Восточной Европе. Данная идея впоследствии получила свое развитие в форме концепции «Срединной Европы» Ф. Науманна (1915), рассматривавшей союз Германии и Австро-Венгрии в качестве ключевой предпосылки доминирования двух немецких государств над Центральной и Восточной Европой, объединенной для этого в экономический союз (Naumann 1915).

В ситуации, сложившейся после 1866 г., Бисмарк не желал возрождения прежней сильной Австрии, но одновременно не хотел утраты ею германского характера и превращения в союзника Франции или России. Идеальным вариантом для нее стало сохранение Вены в качестве управляемого «младшего партнера» (Hobsbaum 1987: 312).

В конечном итоге Бисмарк и Франц Иосиф, при всем расхождении их взглядов по более частным вопросам, не желали ни «Великой Германии», ни российской экспансии в «славянскую часть» Европы. И без помощи Берлина имперские власти Австрии не могли балансировать между своими ключевыми народами. «Германо-славянская федерация» была совершенно чужда и Бисмарку, и Францу Иосифу.

Многое зависело от позиции Российской империи – консервативной и противостоявшей панславизму на практике, но декларативно и конъюнктурно панславистской. В период Крымской войны 1853–1854 гг. Австрия отказала ей в благожелательном нейтралитете,

согласившись на него на время войны 1877–1878 гг., связанной с освобождением славянских народов от власти Османской империи. Однако, отказавшись от активной игры в Центральной и Восточной Европе, Россия разочаровала многих славянских лидеров, связывавших с ней не только реформирование Австрии, но и возможность своего последующего национального самоопределения. Наконец, свой вклад внесла в сохранение статус-кво Англия, нуждавшаяся в Австро-Венгрии как, в устойчивой имперской конструкции для сдерживания России.

В конечном итоге, политический «пазл» в пользу федерализации Австрии с учетом интересов славян не выстраивался. Дунайская монархия, не обретя должной политической поддержки со стороны имперских славян, потеряла ее в лице венгров и австрийских немцев, оказавшись в политическом вакууме, который неизбежно означал и конец империи.

Имея огромный потенциал в качестве модели сообщества народов, примиряющего и соединяющего германский и славянский миры, Австрия сохранила неизменной политическую структуру, которая в результате подъема национальных движений неизбежно вела ее к распаду. Такова была логика общеевропейского процесса, ведшая к Первой мировой войне.

Возможно, большая гибкость в «славянском вопросе» могла бы позволить Австро-Венгрии сохраниться в видоизмененном виде. Однако использованный нами факторный и акторный анализы позволяют заключить, что шанс на федеративное преобразование империи с обретением ею новой устойчивости был сугубо теоретическим. Федерализм (если попытаться развить мысль Э. Хобсбаума) не стал «золотой серединой» между крайностями социальной революции и национализма (Hobsbaum 1996: 153). Обеспечить сохранение империи на основе наднационального принципа, очевидно, не удавалось, межэтничный баланс не был достигнут, и различные (нередко противоположные по своему характеру) национальные устремления не могли быть реализованы в рамках имперского политического пространства. В результате распад древней монархии на конгломерат национальных государств со временем стал практически неизбежным (Ефремов 2011).

События 28 июня 1914 г. окончательно перечеркнули любые надежды на мирное реформирование Австро-Венгрии: с убийством эрцгерцога Франца Фердинанда и началом Первой мировой войны политика Габсбургов по отношению к национальным движениям резко ужесточилась, вызвав ответный всплеск центробежных устремлений.

В 1916 г. умер император Франц Иосиф – главный символ единства

Габсбургской монархии. Его внучатый племянник, коронованный как Карл I, пытался сохранить страну путем уступок национальным движениям. В октябре 1918 г. Карл I издал манифест «К моим верным австрийским народам», которым пообещал автономию национальным меньшинствам и федерализацию страны в будущем. Но было слишком поздно: прежде лояльные народы уже ничего не хотели слышать о новом статусе в составе распадавшейся на глазах и терявшей привлекательность Австро-Венгрии, стремясь к независимости; формировавшиеся по предложению императора комитаты (собрания) в национальных областях говорили не о федерализации, а о самоопределении. Всего через день после опубликования императорского манифеста чешские депутаты рейхсрата объявили о своем стремлении к государственной самостоятельности, а вскоре венгерский парламент провозгласил расторжение личной унии и низложение Карла I. Месяц спустя император сложил полномочия в Австрии, что означало конец единого имперского государства.

В то же время в случае реализации более разумной и взвешенной политической стратегии у Австрийской империи все же был шанс сохраниться в качестве влиятельного современного государства. Ответственность за этот упущенный шанс традиционно возлагается на Габсбургов с их догматически-консервативной и при этом крайне непоследовательной политикой.

О нереализованных возможностях Австрии в деле национально-государственного строительства позже не раз сожалели многие славянские интеллектуалы – от Ч. Милоша до В. Гавела и И. Сабо, памятуя о драме «потери отечеств» в результате катаклизмов XX в. (Кундера 2001). Признающая этнокультурное разнообразие австрийская имперская традиция в отсутствие самой империи – противовес узкому этническому национализму, который сегодня набирает силу во многих странах Центральной и Восточной Европы. Но противовес этот скорее идеологический и культурный, не связанный с конкретным политическим проектом федералистского толка. Пример Австрии показал, что федерализм как форма государственного устройства в течение XIX–XX вв. не проявил себя в качестве политической формы, способной эффективно решить национальный вопрос в ситуации трансформирующегося имперского устройства и не смог полноценно содействовать реализации интересов славянских народов, о чем, в частности, свидетельствует драматическая судьба как бывшей имперской Австрии, так и двух многонациональных славянских федераций, являвшихся наследницами империи.

ЛИТЕРАТУРА

Бауэр 2002 – *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия // *Нации и национализм.* М.: Практикс, 2002. С. 52–120.

Гатагова 1996 – *Гатагова Л.С.* Империя: идентификация проблемы // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.* М., 1996. С. 332–353.

Дьяченко 2013 – *Дьяченко В.* Украина «добротого цесаря». Как жили западноукраинские земли под властью императора Франца Иосифа. URL: http://yagazeta.com/nepoznannoe/tajny/kak_zhili_zapadnoukrainskie_zemli_pod_vlastyu_imperatora_franca-iosifa.html (дата обращения: 18.11.2018).

Ефремов 2011 – *Ефремов А.* Уроки погибшей империи // *Вопросы национализма.* 2011. № 8. С. 233–237.

Ким, Мьюллер, Клекка 1989 – *Ким Дж., Мьюллер Ч.У., Клекка У.Р.* Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М., 1989. 215 с.

Каспэ 2001 – *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. 256 с.

Кундера 2001 – *Кундера М.* Семьдесят три слова // *Урал.* 2001. № 5. С. 161–177.

Мюнклер 2015 – *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015. 400 с.

Шарый, Шимов 2010 – *Шарый А., Шимов Я.* Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2010. 478 с.

Шпрингер 1902 – *Шпрингер Р.* Национальная проблема. М., 1902. 328 с.

Энгельс 1955–1974 – *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // *Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. : в 39 т.* М.: Изд-во полит. лит., 1955–1974. Т. VI. С. 181–182, 550–569.

Яси 2011 – *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011. 608 с.

Bauer 1908 – *Bauer O.* Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1908. 600 s.

Boas 1960 – *Boas G.* La tradition // *Diogene.* 1960. № 31. P. 76.

Darmstaedter 2008 – *Darmstaedter F.* Bismarck and the Creation of the Second Reich. New Jersey, 2008. 426 p.

Elazar 1987 – *Elazar D.* Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987. 335 p.

Eyck 1964 – *Eyck E.* Bismarck and the German Empire. New York City, 1964. 332 p.

Hein 2016 – *Hein D.* Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. München, 2016. 128 с.

Hobsbaum 1987 – *Hobsbaum E.* The Age of Empire: 1875–1914. London, 1987. 448 p.

Hobsbaum 1996 – *Hobsbaum E.* Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780. München, 1996. 256 s.

Horowitz 1991 – *Horowitz D.L.* A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Oakland, 1991. 304 p.

Király 1975 – *Király B. K.* Ferenc Deák. Twayne's world leaders series. Boston, 1975. 243 p.

Lehmann 1973 – *Lehmann H.* (Hrsg.). Das Nationalitätenproblem in Oesterreich. 1848–1918. Goettingen, 1973. 126 s.

Naumann 1915 – *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915. 299 s.

Taylor 2013 – *Taylor A.J.P.* The Habsburg Monarchy, 1809–1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. Oxford, 2013 (reprinted). 304 p.

Wandruszka 1980 – *Wandruszka A.* Großdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 // Robert Kann; Friedrich Prinz (Hrsg.): Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch. Wien, 1980. S. 110–142.

REFERENCES

Bauer, O. (2002) Natsional'nyy vopros i sotsial-demokratiya [Marxism and the national question]. In: Anderson, B., Bauer, O., Hroch, M., Habermas, J. et al. *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation]. Translated from English and German. Moscow: Praksis. pp. 52–120.

Gatagova, L.S. (1996) Imperiya: identifikatsiya problemy [Empire: Identification of the problem]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let* [Historical Research in Russia. Recent Trends]. Moscow: AIRO-XX. pp. 332–353.

Dyachenko, V. (n.d.) *Ukraina "dobrogo tsísarya". Kak zhili zapadnoukrainskie zemli pod vlast'yu imperatora Frantsa Iosifa...* [Ukraine of "good Caesar". How Western lands lived under the rule of Emperor Franz Josef]. [Online] Available from: http://yagazeta.com/nepoznannoe/tajny/kak_zhili_zapadnoukrainskie_zemli_pod_vlastyu_imperatora_franca-iosifa.html (Accessed: 18th November 2018).

Efremov, A. (2011) Uroki pogibshey imperii [Lessons of the lost Empire]. *Voprosy natsionalizma*. 8. pp. 233–237.

Kim, D., Müller, Ch.U. & Klekka, U.R. (1989) *Faktornyy, diskriminantnyy i klasternyy analiz* [Factorial, discriminant and cluster analysis]. Translated from English by A. Khotinsky, S. Korolev. Moscow: Finansy i statistika.

Kaspe, S.I. (2001) *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika* [Empire and Modernisation: General model and Russian Specificity]. Moscow: ROSSPEN.

Kundera, M. (2001) Sem'desyat tri slova [Seventy-three words]. *Ural*. 5. pp. 161–177.

Muenkler, G. (2015) *Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SSHA* [Empires. The logic of domination over the World: from the Ancient World to the United States]. Translated from German by L.V. Lannik. Moscow: Kuchkovo Pole.

Sharyy, A. & Shimov, Ya. (2010) *Korni i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii: sud'ba imperii* [Roots and crown. Essays on Austria-Hungary: the fate of the Empire]. M., 2010. 478 c.

Springer, R. (1902) *Natsional'naya problema* [National Problem]. Moscow: M. Braginskiy, A. Brumberg.

Engels, F. (1955–1974) *Bor'ba v Vengrii* [Fighting in Hungary]. In: Marks, K. & Engels, F. *Sobranie sochineniy: v 39 vols* [Collected Works in 39 vols]. Vol. 6. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. pp. 181–182, 550–569.

Jászi, O. (2011) *Raspad Gabsburgskoy monarchii* [The Collapse of the Habsburg Monarchy]. Translated by English by O.A. Yakimenko, A. Ayrapetov. Moscow: Tri kvadrata.

Bauer, O. (1908) *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie* [National Question and Social Democracy]. Vienna: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung Ignaz Brand.

Boas, G. (1960) La tradition [Tradition]. *Diogene*. 31. p. 76.

Darmstaedter, F. (2008) *Bismarck and the Creation of the Second Reich*. New Jersey: Transaction Publishers.

Elazar, D. (1987) *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.

Eyck, E. (1964) *Bismarck and the German Empire*. New York City: W. W. Norton & Company.

Hein, D. (2016) *Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert* [German History in the 19th century]. Munich: C.H.Beck.

Hobsbawm, E. (1987) *The Age of Empire: 1875–1914*. London: Weidenfeld a. Nicolson.

Hobsbawm, E. (1996) *Nationen und Nationalismus: Mythos und Realität seit 1780* [Nations and Nationalism: Myth and Reality since 1780]. Munich: Campus Verlag.

Horowitz, D.L. (1991) *A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society*. Berkeley: University of California Press.

Király, B.K. (1975) *Ferenc Deák*. Boston: Twayne Publishers.

Lehmann, H. (eds) (1973) *Das Nationalitätenproblem in Oesterreich. 1848–1918* [The national problem in Austria. 1848–1918]. Goettingen: Vandenhoeck + Ruprecht Gm.

Naumann, F. (1915) *Mitteleuropa* [Central Europe]. Berlin: [s.n.].

Taylor, A.J.P. (2013) *The Habsburg Monarchy, 1809–1918: a History of the Austrian Empire and Austria-Hungary*. Oxford: [s.n.].

Wandruszka, A. (1980) Großdeutsche und kleindeutsche Ideologie 1840–1871 [Greater German and small German ideology 1840–1871]. In: Kann, R. & Prinz, F. (eds) *Deutschland und Österreich. Ein bilaterales Geschichtsbuch* [Germany and Austria. A Bilateral History Book]. Vienna: Jugend u. Volk. pp. 110–142.

Сергей Владимирович Бирюков – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (КНР).

Sergey V. Biryukov – Centre for Russian Studies, East China Normal University (China).

E-mail: birs.07@mail.ru

УДК 947(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/5

РУСОФІЛЬСТВО ЯК ПРОЯВ РУСИНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО РУХУ В СЕРЕДОВИЩІ УНІАТСЬКОГО ДУХОВЕНСТВА ГАЛИЧИНИ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХІХ ст.

Є.В. Нікольський¹, Н.Л. Юган^{2,3}

¹ Варшавський університет

Республіка Польща, 02676, м. Варшава, вул. Смичкова, 4

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Київський національний університет ім. Т. Шевченка

Україна, 03022, м. Київ, вул. Васильківська, 36;

³ Приазовський державний технічний університет

Україна, 87555, Донецька обл., м. Маріуполь, вул. Університетська, 7

E-mail: ugannl2@gmail.com

Авторське резюме

Проаналізовано русофільські тенденції в греко-католицькому середовищі на Галичині в першій половині ХІХ ст. Розглянуто причини виникнення, етапи еволюції, вплив інтелігенції на розвиток русофільства. На основі першоджерел охарактеризовано 3 етапи руху галицького уніатського духовенства до православ'я: перші прояви русинського національного руху (1792–1830); зародження проправославні симпатій і русофільських ідей серед уніатів Галичини (30-х рр. ХІХ ст. до 1848–1849); апогей проправославних тенденцій галицьких уніатів на базі синтезу русинського національного руху та русофільських ідей у 1848–1867 рр. (від початку революції «Весна народів» до відновлення державної політики колонізації). Проведене наукове дослідження руху за повернення в православ'я галицьких уніатів в першій половині ХІХ ст. сьогодні набуває особливої актуальності, оскільки наведені факти дозволяють уточнити суперечливі твердження уніатської історіографії та показати, що Галичина була історичним оплотом унії. На ціле століття пізніше, ніж на центральній території України, унія була надана галичанам, але навіть при австрійсько-римському заступництві унії на галицьких західноукраїнських землях збереглося і значимо виявлялося прагнення до православ'я. Подібні тенденції були

тісно пов'язані з русофільством, боротьбою за збереження і розвиток русинської мови та народних традицій.

Ключові слова: русофільство, русини, національний рух, уніатське духовенство, православ'я, Галичина.

РУСОФИЛЬСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РУСИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СРЕДЕ УНИАТСКОГО ДУХОВЕНСТВА ГАЛИЧИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Е.В. Никольский¹, Н.Л. Юган^{2,3}

¹ Варшавский университет
Республика Польша, 02676, г. Варшава, ул. Смычкова, 4
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Киевский национальный университет им. Т. Шевченко
Украина, 03022, г. Киев, ул. Васильковская, 36

³ Приазовский государственный технический университет
Украина, 87555, Донецкая обл., г. Мариуполь, ул. Университетская, 7
E-mail: ugannl2@gmail.com

Авторское резюме

Проанализированы русофильские тенденции в греко-католической среде на Галичине в первой половине XIX в., рассмотрены причины возникновения, этапы эволюции, влияние интеллигенции на развитие русофильства. На основе первоисточников охарактеризованы три этапа движения галицкого униатского духовенства к православию: первые проявления русинского национального движения (1792–1830); зарождение проправославных симпатий и русофильских идей среди униатов Галичины (с 30-х гг. XIX в. до 1848–1849); апогей проправославных тенденций галицких униатов на базе синтеза русинского национального движения и русофильских идей в 1848–1867 гг. (от начала революции – «Весны народов» до восстановления государственной политики полонизации). Проведенное научное исследование движения за возвращение в православие галицких униатов в первой половине XIX в. сегодня приобретает особую актуальность, поскольку приведенные факты позволяют уточнить противоречивые утверждения униатской историографии и показать, что Галичина не была историческим оплотом уни. На целое столетие

позже, чем на центральной территории Украины, уния была предоставлена галичанам, но даже при австрийско-римском покровительстве унии на галицких западноукраинских землях сохранилось и значимо проявлялось стремление к православию. Подобные тенденции были тесно связаны с русофильством, борьбой за сохранение и развитие русинского языка и народных традиций.

Ключевые слова: русофильство, русины, национальное движение, униатское духовенство, православие, Галичина.

RUSSOPHILIA AS THE MANIFESTATION OF THE CARPATHO-RUSSIAN NATIONAL MOVEMENT AMONG THE UNIAT CLERGY OF GALICHINA IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

E.V. Nikolsky¹, N.L. Yuhan^{2,3}

¹ University of Warsaw

4 Smyczkova Street, Warsaw, 02676, Poland

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Taras Shevchenko National University of Kyiv

36 Vasilkovskaya Street, Kyiv, 03022, Ukraine

³ Priazovsky State Technical University

7 Universitetska Street, Mariupol, 87555, Ukraine

E-mail: ugannl2@gmail.com

Abstract

The article analyses the Russophile tendencies among the Greek Catholic in Galicia in the first half of the nineteenth century, with the focus on the causes of emergence, stages of development, and the influence of intellectuals on the evolvement of Russophilia. The author characterises three stages of the Galician Uniat Clergy's movement to Orthodoxy on the basis of authentic sources, related to the first manifestations of the Carpatho-Russian national movement (1792–1830), the rise of pro-Orthodox proclivities and Russophile ideas among the Uniates of Galicia (from the 1830s to 1848–1849), the peak of the pro-Orthodox tendencies of the Galician Uniates based on the synthesis of the Carpatho-Rusin national movement and Russophile ideas in 1848–1867 (from the beginning of the “Spring of Nations” to the restoration of the policy of colonisation). The study of the Galician Uniates' movement for the return to

Orthodoxy in the first half of the 19th century is of particular relevance today, since the facts cited clarify the contradictory statements of Uniate historiography and show that Galicia was not a historical stronghold of the union. The union was granted to the Galicians a century later than in the central part of Ukraine, but even under the Austrian-Roman patronage, Galician West Ukrainian lands preserved and demonstrated the aspiration for Orthodoxy. Such tendencies were closely connected with Russophilism, with the struggle for the preservation and development of the Rusin language and folk traditions.

Keywords: Russophilia, Carpatho-Rusins, national movement, Uniat Clergy, Orthodoxy, Galicia.

Українська греко-католицька церква (автентична назва у XVII–XVIII ст. – уніатська) у Галичині сформувала, а точніше, отримала свою організаційно-ієрархічну структуру 29 червня 1700 р. актом перепідпорядкування православної Львівської єпархії Риму.

XVIII ст. для галицьких уніатів пройшло в дусі протиборства домаганням Риму латинізувати їх богослужбово-ієрархічний устрій, вирізнялось прагненням самоцінної національно-церковної ідентифікації. Окрім того, стан уніатів ускладнювався агресивно-прозелітичною політикою владних структур Речі Посполитої та місцевого римо-католицького кліру.

З 1772 р. ситуація змінюється: внаслідок першого поділу Речі Посполитої Галичина опиняється під владою Австрії. Імператриця Марія Тереза у 1774 р. дарує безликій унії назву «греко-католицька церква», австрійській уряд підвищує уніатський приходський клір до розряду нижчого панства, беручи на себе матеріальне забезпечення управлінських, приходських та освітніх структур греко-католицької церкви.

Однак всупереч старанням австрійської влади та католицької церкви з середини XIX ст. в Галичині розвиваються дві течії:

1. потужний так званий «русофільський» рух – від відозви за приєднання до «Великої України» Народних зборів 1848 р. до популяризації російської мови навіть серед членів Львівської капітули;

2. рух за повернення у православ'я уніатського духовенства та інтелігенції.

Важливо вивчити причини зародження та особливості розвитку цих двох течій у першій половині XIX ст.

Зазначимо, що рух за повернення до православ'я у греко-католицькому середовищі першої половини XIX ст. як прояв русофільських настроїв до сьогодні не був предметом окремої наукової розвідки. Деякі світські та церковні вчені торкаються цієї теми лише як дру-

горядного доповнення своїх спеціальних тем: історія Київської та Львівської митрополій, історія УГКЦ, історія руського руху в Галичині в XIX ст., історія москвофільства, русофільства, українофільства, національного відродження тощо (зі світського середовища – Я.Й. Грицак, А.М. Колодний, В. Осадчий, В.Ф. Кметь (Грицак 1996; Колодний 1997; Кметь 2003; Osadczy 2007), з греко-католицького – І. Скочиляс, О. Турій, Г. Лужницький (Лужницький 1954; Турій 1992; Турій 2009; Скочиляс 2010), з католицького середовища – Л. Беньковський і І. Козик (Bieńkowski 1962; Kozik 1973), православні – О. Добош, Н.М. Пашаєва (Пашаєва 2001; Пашаєва 2003; Добош 2006а; Добош 2006b).

Мета статті – проаналізувати русофільські тенденції у греко-католицькому середовищі Галичини у першій половині XIX ст. (причини появи, етапи еволюції, вплив інтелігенції Галичини на розвиток русофільства).

Русофільство – мовно-літературна й суспільно-політична течія (рух), представники якої відстоювали ідею існування «русского народа», до складу якого зараховували українців, білорусів і росіян. (Майор 2017: 156). На Галичині русофільство зароджується та активно розвивається у першій половині XIX ст. та тісно пов'язується з рухом до повернення у православ'я.

Ми визначаємо 4 етапи цього руху на Галичині:

перші прояви русинського національного руху (1792–1830);

зародження проправославних симпатій та русофільських ідей серед уніатів (30-ті рр. XIX ст. до 1848–1849 рр.);

апогей проправославних тенденцій галицьких уніатів на основі синтезу русинського національного руху та русофільських ідей у 1848–1867 рр. (від початку революції «Весни народів» до відновлення державної політики колонізації);

занепад руху за повернення у православ'я під впливом державної політики колонізації Галичини (1867–1900).

У статті ми не розглядаємо четвертий етап розвитку руху, що виходить за часові рамки нашого дослідження.

На момент приєднання галицьких земель до Австрійської імперії уніатська церква перебувала у досить скрутному становищі. Не отримуючи матеріальної допомоги від імперської влади та з боку української шляхти, яка в той час масово переходила з грецького в латинський обряд та піддавалася колонізації, греко-католицька церква була неспроможною утримувати власні богословські навчальні заклади. Великим ударом для уніатського нижчого духовенства стало від'єднання державним кордоном від Києва, який завжди для них був символом початку християнства на Русі (в тому числі Червоної

й Галицької): «Поляки намагалися знищити русинів у Галичині. Уряд австрійський, як за Марії Терезії, так і за його сина Йосифа II, взяв русинів в оборону» (Безсторонний 1893: 36).

Народну мову та східний обряд зберігало лише українське дворянство Галичини, і лише в домашньому побуті. Вірними народності залишилися дрібні ремісники, селянські кріпаки, провінційне та сільське духовенство. Ставлення до священника було гіршим, ніж до кріпака: у дворянських домах уніатський священник не мав права сидіти за одним столом з господарем, для нього накривали окремий стіл. Щодо уніатського духовенства з боку влади часто застосовувалися тілесні покарання (Енциклопедический словарь 1892: 914).

Хоча австрійська фінансова допомога була мізерною для русинів, діями австрійського уряду уніатське духовенство було піднято з темного та неосвіченого стану. У 1774 р. у Відні при церкві на честь св. мч. Варвари було засновано «Barbareum» – семінарію для уніатського духовенства (Українсько-австрійські 1999: 13). Через десять років її було перенесено до Львова, де першим ректором став український галицький діяч М. Щавницький (ректорство 1784–1787 рр.) (Серкіз 1995: 31). У 1787 р. відкрився богословський факультет при Львівському університеті, на якому мовою викладання стала народна мова (Українсько-австрійські 1999: 13).

Ворожнеча та боротьба русинів з поляками за рівність у правах була постійним та сталим явищем: «Несмотря, однако, на свою приниженность, галицко-русское духовенство долго боролось с поляками за права своего народа, сознавая себя русским и употребляя русский разговорный язык, вопреки требованию перешедшего в 1700 г. в унию львовского епископа Иосифа Шумлянского усвоят польскую речь» (Гопцусь 1909: 4). Пізніше, 1844 р., Я.Ф. Головацький у листі до О.М. Бодяньського так описував становище уніатського духовенства та його пригноблення поляками-латинянами на початку ХІХ ст.: «В Галиції ж польщина все приголомшила, подавила Русь – русин освічений соромиться своєї мови, хапається за польську, нею говорить, орудує, легше йому висловлюватися польською, вивченою в школі та у суспільствах, ніж на своїй природженою. Для того й декотрі русини пишуть польською» (Савченко 1930: 15).

Поляки активно намагалися контролювати культурну та релігійну сфери галичан, домагаючись, щоб «...у русинського народу виробилося для уряду почуття вдячності» (Безсторонний 1893: 56). Без протестів у 1817 р. була прийнята урядова ухвала про викладання по всій Східній Галичині лише польською мовою (Петровський 1945: 20). Однак це було не узгоджено з русинським народом, який

«там, внизу» жив своїм національним життям. Через рік, 22 травня 1818 р., галицький намісник видав новий указ про дозвіл викладання русинською мовою у школі (Безсторонный 1893: 54).

У боротьбу між поляками й русинами втрутився навіть папа римський, ставши на захист галицького греко-католицького духовенства та обряду (Добрянский 1885: 50; Безсторонный 1893: 56). Вірогідно, папа побоювався, щоб у галичан взагалі не сформувалася апатія до католицького та уніатського світоглядів. Головною небезпекою Римський престол вважав сусідство Галичини з православною Буковиною: Галичина у подальшому могла піти на зближення з Буковиною і стати ще одним духовним джерелом православ'я для Львову.

Уніатська церква, у її безпосередньому підпорядкуванні папі римському, старалася зберігати свої народні руські традиції та протистояти колонізації латинян. Уніати вважали, що перехід із православ'я 1596 р. в адміністративне підпорядкування Риму допомогло зберегти їх устрій, однак як в XVI ст., так і в XIX ст. проблема була одна і та ж сама – колонізація.

На території поділеної Польщі між католиками, уніатами й православними постійно точилися дискусії. Якщо на австрійській території православних майже не було, то на території, яка потрапила під владу Російської імперії, зокрема на околицях Варшави, православні могли без державних заборон пояснювати основні доктрини православної церкви, будучи вільними у діалозі з католиками та уніатами. Головна ідея русинів – об'єднання з іншими руськими народами: «Хоча наш руський народ і підпав було під польських королів і панів і вони то завели у нас на час унію, аби нас таким чином знищити і в поляків обернути, але наш народ все те пережив і тепер, слава Богу, сполучився з іншими руськими народами і твердо зберігає православну християнську віру, яку дістав при св. Володимирі від святого патріарха із Цариграду і святого Ієрусалиму» (з листа православного християнина А. Рондковського до «упорствующего уніата» Йосифа Спуста із Рудна) (Сцусь, Родковський 1884: 11). З цього ж листа ми дізнаємося, чим саме православним не подобається латинська віра: «Подумай сам, Іосафате, над тим добре, а сам побачиш, же того не маєш. Якщо папа помре, то поки латиняки не оберуть у них голову костелу? Хіба тоді їх костел без голови. Так і є. А у нас, православних, є завжди одна голова вічна Іісус Христос, як про те й пише святе письмо» (Сцусь, Родковський 1884: 11). Православні в Польщі ще до Першого Ватиканського собору засуджували надмірну владу папи в церкві.

Уніати постійно стежили, щоб православні ідеї не проникали в середовище їх прихожан, оскільки боротьба проти колонізації могла привести до іншої крайнощі – поверненню у православ'я. Такі

побоювання можна побачити у зверненні Львівського греко-католицького єпископа Л. Шептицького в 1776 р. до чесько-галицької придворної ради у Відні. У цьому меморіальному записі він передбачає відхід українського населення Галичини від уніатської церкви. Л. Шептицький пише, що перш за все потрібно заохочувати світське духовенство до навчання, оскільки «заразлива схизма з допомогою зброї й переслідувань розповсюджується по всій широкій Україні і має такі успіхи, що в хоч Україна (Наддніпрянина), Поділля та Галичина належать різним монархам, проте – це одна нація, споріднена однаковістю мови, звичаїв, обрядів. Тому слід боятися відходу від унії темного народу, якщо духовенство залишатиметься неуками, що стосується Львівської єпархії, то їй загрожує найбільша небезпека. До неї дотикаються схизматицькі Молдавія, Волощина і Поділля, яке межує з Україною» (Правда 1968: 93).

«Велика Польща» ще довго після польського повстання 1830–1831 рр. жила ідеями про галицьке населення, мотивуючи поляків щодо чергової полонізації Галичини. Цьому протидіяли галицькі русини, які вважали, що відновлення Польщі – це не їх справа. У галичан вже затвердилася ідея руху «на Схід», тобто ідея об'єднання з наддніпрянськими українцями (Зоря Галицька 1848: 1). У семінаріях між русинами та поляками поширювалися не тільки богословські та обрядові суперечки, які часто греко-католиків «повертали лицем» до православного сходу, але й доноси один на одного (Енциклопедический словарь 1892: 914).

Новий етап культурного розвитку Галичини почав зароджуватися ще до польських повстань і навіть до «Руської Трійці». Наприкінці 20-х рр. XIX ст. на ниві руського національного відродження непомітно трудився Д.І. Зубринський. Будучи керуючим Ставопігійної типографії в 1830 р., він видає оду «Бог» Г.Р. Державіна мовою оригіналу (Пашаєва 2001: 13–14).

Освічене духовенство (Д.І. Зубринський, І. Вагилевич, М. Шашкевич та Я. Головацький) трудилося на ниві руського національного відродження, непомітно ставало двигуном підняття слов'янських народів над німецькою та польською зверхністю в імперії Габсбургів. Найбільш спорідненими народами для галицького народу були народи на схід від р. Збруч, тобто подоляни та вся Наддніпрянська Україна, до яких вони завжди схилялися, маючи однакову мову, традиції й обряди. Національне відродження, пов'язане з діяльністю групи «Руська трійця», мало об'єднати український народ не лише за національними, але й за релігійними ознаками.

Діячі «Руської Трійці» «ходили в народ», записували народні пісні, оповіді, приказки та вислови (Головацький, Вагилевич). Деякі її члени

(М. Ількевич, М. Кульчицький та ін.) були пов'язані з польським революційним підпіллям. Збираючи усну народну творчість, вивчаючи історію рідного народу, перекладаючи твори слов'янських діячів національного відродження та пишучи власні літературні й наукові твори, учасники угруповання стверджували, що русини Галичини, Буковини й Закарпаття є частиною українського народу, який має свою історію, мову та культуру (Українсько-австрійські 1999: 13).

Головацький став першим професором української мови на новоствореній кафедрі у Львівському університеті. Саме за його сприянням галицький альманах «Русалка Дністрова» (Русалка 1837: 133) був виданий руською мовою. Це видання відіграло велику роль у галицькому літературному відродженні (Українсько-австрійські 1999: 13). В 1834 р. М. Шашкевич, Я. Головацький та І. Вагилевич уклали перший український альманах під назвою «Зоря», що породило суперечку між вищим полонофільським уніатським духовенством та русинською інтелігенцією (Серкіз 1995: 32). У липні 1835 р. друкування «Зорі» було заборонено віденською цензурою, а М. Шашкевич як її упорядник підпав під підозру, ніби він цією книгою мав намір викликати антипатію до латинського духовенства та унії та домогтися зближення з російським урядом та церквою. Таку думку висловлювало вище уніатське духовенство, засуджуючи будь-які, хоч і незначні, погляди в бік православної України.

Австрійська влада, не розібравшись до кінця в справі національних діячів, прислуховуючись до скарг митрополичої консисторії, постановила заборонити та конфіскувати всі видання «Русалки», а членів товариства засудила до ув'язнення у Шпильбург. Уніатська вища ієрархія хотіла припинити діяльність «Руської Трійці», оскільки побоювалася того, що австрійці разом з придушенням польських революціонерів покарають й греко-католицьке духовенство.

У цілому «Руська Трійця» стала фундаментом для русофільства та москвофільства на Галичині. Результат роботи цього товариства виявиться аж 1848 р., коли галичани зможуть вільно висловити свою позицію в «Одозві до руського народу». Один із членів цього товариства Головацький до кінця життя буде відстоювати русинські ідеї, та, не витримавши утисків від австрійців та поляків, іммігрує до Російської імперії, приймає православ'я.

Австрійська влада, засудивши видання альманаху «Зоря», почала пильно спостерігати за підготовкою до виходу в світ «Русалки Дністрової». Галицькі русини через уніатську цензуру у Львові змушені були друкувати свої твори за кордоном (До історії 2001: 70). Після розгону в 1837 р. творців «Русалки Дністрової» діяльність народовців затихла аж до 1846 р. Лише Яків Головацький зі своїм братом Іваном

продовжували працювати: вони видали народною мовою збірку «Венок русинам на обжитку» з посвятою сербському православному патріарху Й. Раячичу (Енциклопедический словарь 1892: 915).

У 30–40 рр. XIX ст. відбувається таємне листування, а також обміни книгами галичан Зубринського, Вагилевича і Головацького з такими російськими вченими, як М.П. Погодін, М.О. Максимович, І.І. Срезневський, О.М. Бодяньський та ін. Русинів підтримував також знаменитий російський лексикограф, етнограф, фольклорист та письменник В.І. Даль, який у кінці 1840-х – на початку 1850-х рр. був тісно пов'язаний з названими діячами. 1856 р. Даль опублікував у журналі «Современник» фольклорне оповідання «Червонорусские предания», у якому він познайомив широкий загал з національним фольклором русинів (Даль 1856).

Я.Ф. Головацький у листі до О.М. Бодяньського в жовтні 1844 р. писав про складну для уніатської церкви ситуацію. З одного боку, утиски латинян, з другого – бажання простого народу відроджувати свою культуру. На думку Головацького, ті русини, які залишилися православними, мають краще називатися волохами, ніж русинами, як себе називали уніати, бо православ'я для галичан асоціювалося з Буковиною та Валахією. Автор листа підкреслює, що руські уніати й православні в Галичині живуть так, як між собою живуть словацькі протестанти й католики. Православні дивляться на уніатів лише як на міст в римо-католицизм й не можуть зрозуміти, що уніатська церква – це не польсько-латинська (Савченко 1930: 16–17).

У роки активізації діяльності «Руської Трійці» та видання «Русалки Дністрової» виникає новий суспільно-культурний рух, який отримав назву «галицьке москвофільство» (Історія Австро-Угорщини 2003: 13–14), – «суміш українського етнографічного патріотизму, російської великодержавності та класового догматизму» (Труханенко 2002: 7).

Ліберальний уклад галицького суспільства призвів до того, що русини у 60-х рр. XIX ст. розділилися між собою на два ворожі табори: старорусини, або москвофіли, і молодорусини (Дем'янюк 2007: 8). Старорусини самі себе називали «русскими», а молодорусини – «руськими», «русськими», потім «народовцями» і ще пізніше «українцями». Головна відмінність між цим рухами полягала в трактуванні національної ідеї (Труханенко 2002: 19).

Революція під назвою «Весна народів» суттєво змінила соціально-культурний та етнічно-релігійний розвиток Галичини. Народницькі русинські рухи вже стали легальними та отримали можливість відкрито висвітлювати свої ідеї. Відбулися зміни і в соціальному статусі галицького духовенства, а відносини галицьких українців з поляками загострилися іще більше. Під час цієї революції русинам вдалося,

використавши австрійську лютю до поляків, відгорнути колонізацію та запровадити свою культуру, мову й обряд щодо навчальних закладів краю.

17 березня 1848 р. в Галичині з'явилася перша руська газета «Пчоло Галицька», яку незабаром перейменували в «Зорю Галицьку». Ця газета проіснувала до 1856 р. У перші роки вона притримувалася народного напрямку, друкуючи статті чистою «хлопською» мовою (Енциклопедический словарь 1892: 915). Саме в цій газеті 15 травня 1848 р. був надрукований маніфест Головної Руської Ради «Одозва до руського народу». Головними завданнями були порівняння у правах всіх обрядів (римо-католиків з греко-католиками) та розвиток народної мови й запровадження її в усіх державних закладах. Маніфест став наслідком того, що поляки на початку революції хотіли перетворити Галичину у виключно польський край, не беручи до уваги права і бажання русинів. Тому не дивно, чому саме русинська еліта – уніатське духовенство на чолі з єпископом Г. Яхимовичем – взялося за створення руського уряду.

Найголовнішим та найактивнішим осередком галицького народу було духовенство, яке вважало себе русинським і не любило поляків-латинників. Для того щоб виразити своє ставлення до революції та показати свою окремішність від поляків-латинників, руське духовенство публічно виступило 19 березня 1848 р. з вимогою введення руської мови у школи, а в галицькому уряді зрівняння у правах латинського духовенства з греко-католицьким (Osadczy 2007: 30). Одночасно з появою «Зорі Галицької» у світ виходить видання «Галичо-русскій вѣстник» (ред. Н. Устіанович), а у 1850 р. – нова дитяча «Читанка» народною мовою (Енциклопедический словарь 1892: 915). Але з 1860 р. всі ці досягнення будуть утискатися самими ж австрійцями, які знову примиряться з польським двором.

Руські настрої домінували навіть серед німців-галичан. Я. Головацький підкреслював, що вони по-різному підтримували русинів, вчилися русинській мові та привчалися до східного обряду, тоді як бракувало руських викладачів, щоб мову не замінили польською. Так, у своїй промові ректор університету висловлював задоволення, що заклад очолюють русинські або русинсько-німецькі представники (Osadczy 2007: 31). Таким чином, австрійська влада була прихильною до процвітання в Галицькому королівстві русинського патріотизму, що унеможливлювало протести місцевого населення.

У 1851 р. австрійський уряд після «революційного шуму» ліквідував Головну Руську Раду. Також імператор відмінив Конституцію. Відновилися утиски щодо русинів. Головну Руську Раду було розпущено за сприяння тодішнього галицького намісника поляка графа

А. Голуховського. Саме він головним своїм завданням вважав не допустити налагодження духовного зв'язку Галицької Русі з Росією. Для цього він і сприяв розвитку галицько-руської, або української мови, аби ще далі розійтися з Наддніпрянським народом і з Росією (Труханенко 2002: 23–24).

Революція 1848 р. і розділ Галичини на українську і польську посприяли подальшому розвитку західноукраїнської культури. Почали відроджуватися народні традиції, а в школах була впроваджена українська мова. Це стало першим результативним кроком до наближення двох частин українського народу (Українсько-австрійські 1999: 12).

Ідейні погляди найвідомішого русофіла Д. Зубрицького, як і інших відомих його однодумців, були досить суперечливими і неоднозначними. Вони визнавали унікальність малоросійського народу, однак, разом із тим, спираючись на історичні підстави, звертали свої погляди до Російської держави – спадкоємиці Київської Русі як до «рятівниці» від польського наступу. Світогляд галицьких русофілів був не національним у сучасному розумінні, а перехідним до нього – історично-територіально-підданським, із намаганням, спираючись на аргументи давнього минулого, відмежувати себе від поляків (Де 1906: 9).

Ставлення уніатської верхівки до русофільства було недовірливим. Один із тогочасних уніатів писав про русофільство так: «Зате настала інша небезпека, грізніша, а це, напір православ'я, відповідно московської схизми. Придатне поле до тої небезпеки приготували наші доморослі русофіли. Захваляючи все, що російське, викликали у неосвіченого населення певного роду пієтизм до Росії, а за тим і до православ'я. Це приходило тим легше, що православний обряд з деякими різницями тотожній з нашим» (Греко-католицька 1928: 4). Події 1848–1849 рр. в Галичині показали, що галичани не стільки стояли за папізм, скільки за національну і духовну єдність з наддніпрянськими «схизматиками» – тобто православною Україною.

У цілому на кінець 50-х рр. XIX ст. москвофільство стало занепадати та давати дорогу руху народолюбів. В 1858 р. «Церковна газета» перестала видаватися, з'явився «Церковний вісник для русинів Австрійської держави», в першій частині якого було заявлено, що «перш ми старалися писати за формами великоруської мови, нині же хочемо писати за нашим обласним російським наріччям» (До історії 2001: 70). Таким чином, розпочався новий період в історії народних рухів Галичини. Відомий галицький громадсько-політичний діяч, публіцист та літературознавець О. Терлецький писав, що з «Церковного вісника» «віяло духом православ'я і прихильності до Росії» (До історії 2001: 70).

Наприкінці XIX ст. у Галичині українофільська течія взяла верх.

Наведені події й до сьогодні не було вивчено – вони кардинально суперечать певним уніатським ідеологемам про церковно-народницьке месіанство УГКЦ і взагалі не укладаються у міф про те, що Галичина споконвічно була уніатською. Про це наголошує й наш сучасник протоієрей Василій Петьовка (Петьовка Василій 2006: 30).

Проведене нами дослідження руху за повернення у православ'я галицьких уніатів у першій половині XIX ст. сьогодні набуває особливої актуальності, оскільки наведені факти дозволяють висвітлити суперечливі твердження уніатської історіографії й показати, що Галичина не була історичним оплотом унії. На ціле століття пізніше, ніж на центральній території України, унія була надана галичанам, але навіть за умов австрійсько-римського протегування унії на галицьких західноукраїнських землях збереглося та потужно (особливо у першій половині XIX ст.) проявлялося прагнення до православ'я. Таке прагнення тісно пов'язане з русофільством, боротьбою за збереження та розвиток народної мови та традицій.

ЛІТЕРАТУРА

Безсторонный 1893 – *Безсторонный И.* Объективный поглядъ на отношеня обрядови въ Востодной Галичинь. Л., 1893.

Гопцусь 1909 – *Гопцусь П.О.* Зарубежная Русь в борьбе за свою національно-культурную самобытность. Народно-просветительная деятельность общества им. М. Качковского в Галицкой Руси, основанного просвятителем ея, о. Иоанном Наумовичем. Полтава: Тип. Ф. Шиндлера, 1909.

Греко-католицькая 1928 – Греко-католицькая церква. Її історія від початку аж до наших днів та два життєписи її перших подвижників. Л.: Правда, 1928.

Грицак 1996 – *Грицак Я.Й.* Нариси історії України: Формування модерної української нації XIX–XX ст. К., 1996.

Даль 1856 – *Даль В.И.* Червонорусские предания // Современник. 1856. Т. LIX, № 6. Отд. I. Словесность.

Де 1906 – Де є руский клир? Пише брат вірний у Львові, з друкарні народової Манецких. 1906.

Дем'янюк 2007 – *Дем'янюк О.Й.* Український молодіжний рух Західної України: від зародження до боротьби за українську державність: монографія. Луцьк: Твердиня, 2007.

Добрянский 1885 – *Добрянский А.И.* О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. М.: Изд. П.Ф. Левдака, 1885.

Добош 2006a – *Добош О.* Римська унія – не для українців. К., 2006.

Добош 2006b – *Добош О.* Унія в Україні в XX ст. К., 2006.

До історії 2001 – До історії національних меншин Австро-Угорщини (XIX – поч. XX ст.). Ужгород: Карпати-Гражда, 2001.

- Зоря Галицька 1848 – Зоря Галицька. Число 1. Львів. Дня 19 мая 1848.
- Історія Австро-Угорщини 2003 – Історія Австро-Угорщини: Програма курсу та навчальна метода. Харків: ХДАК, 2003.
- Кметь 2003 – *Кметь В.Ф.* З історії становлення Львівської православної кафедри. К., 2003.
- Колодний 1997 – *Колодний А.М.* Український східний обряд. К., 1997.
- Лужницький 1954 – *Лужницький Г.* Українська церква між Сходом і Заходом. Нарис історії Української церкви. Філадельфія, 1954.
- Майор 2017 – *Майор Р.І.* Русофільство на Закарпатті у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.: генеза, розвиток та ідеологія // Русин. 2017. № 1 (47). С. 154–176.
- Пашаева 2001 – *Пашаева Н.М.* Очерки истории Русского движения в Галичине ХІХ–ХХ вв. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001.
- Пашаева 2003 – *Пашаева Н.М.* Немного об унии в Галичине. М., 2003.
- Петровський 1945 – *Петровський М.І.* Західна Україна (Історична довідка). К.: Укр. держ. вид-во, 1945.
- Петьовка 2006 – *Петьовка Василій, протоієрей.* Православ'я як консолідуюча сила у формуванні національної свідомості русинів // Русин. 2006. № 1 (3). С. 30–31.
- Правда 1968 – Правда про унію. Документи і матеріали. Л.: Каменярь, 1968.
- Русалка 1837 – Русалка Днѣстровая. Письмо Корол. всеучилища Пештанского. У Будумѣ. 1837.
- Савченко 1930 – *Савченко Ф.* Західна Україна в листуванні Головацького з Бодянським 1843–1876 рр. К., 1930.
- Серкіз 1995 – *Серкіз Я.* Історичне краєзнавство. Навч.-метод. посібн. Л.: Львівський обласний інститут освіти, 1995.
- Скочиляс 2010 – *Скочиляс І.* Галицька (Львівська) єпархія ХVІІ–ХVІІІ століть: організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010.
- Сцусь, Родковський 1884 – *Сцусь И., Родковський А.* Письмо упорствующего брата уніата к воссоединившимся православным и ответ ему одного из них. Варшава, 1884.
- Труханенко 2002 – *Труханенко А.В.* Акценты, материалы круглого стола: «Русофильство в австрийской Галиции: современные исторические исследования и уроки». Л.: Ахилл, 2002.
- Турій 2009 – *Турій О.* Вплив реформ Габсбургів на еклезіальний статус і суспільне життя галицьких греко-католиків наприкінці ХVІІІ – у першій половині ХІХ ст. Л., 2009.
- Турій 1992 – *Турій О.* Греко-католицька церква і зародження москвофільства в Галичині. Л., 1992.
- Українсько-австрійські 1999 – Українсько-австрійські культурні взаємини другої половини ХІХ – поч. ХХ століття. Київ; Чернівці, 1999.
- Энциклопедический словарь 1892 – Энциклопедический словарь. СПб.:

Тип. И.А. Ефрона, 1892. Т. VII.

Bieńkowski 1962 – *Bieńkowski L. Organizacja Kościoła Wshodniego w Polsce. Kraków, 1962.*

Kozik 1973 – *Kozik I. Ukrainski ruch narodowy w Galieji 1830–1848 rr. Kraków, 1973.*

Osadczy 2007 – *Osadczy W. Święta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłowskiej. Europejskie Kolegium Polskich i Ukraińskich Uniwersytetów. Instytut Europy Środko-Wschodniej, 2007.*

REFERENCES

Bezstoronnyy, I. (1893) *Obektivniy poglyad” na otnoshenya obryadovi v” Vskhodnoy Galichin”* [An objective view of ritual relations in Eastern Galicia]. L., 1893 [An objective view of ritual relations in Eastern Galicia]. Lviv: V drukarn” Tovaristva im. Shevchenka.

Goptsus, P.O. (1909) *Zarubezhnaya Rus’ v bor’be za svoyu natsional’no-kul’turnuyu samobytnost’. Narodno-prosvetitel’naya deyatel’nost’ obshchestva im. M. Kachkovskogo v Galitskoy Rusi, osnovannogo prosvyatitelem yeya, o. Ioannom Naumovichem* [Russia abroad in the struggle for its national and cultural identity. People’s educational activities of the society by M. Kachkovsky in Galician Russia, founded by the Enlightenment Father John Naumovich] Poltava: Tip. F. Shindlera.

Anon. (1928) *Greko-katolits’kaya tserkva. Ī istoriya vid pochatku azh do nashikh dniv ta dva zhittepi si ĩershikh podvizhnikiv* [Greek Catholic Church. Its story from the beginning to the present day and two biographies of its first ascetics]. Lviv: Pravda.

Gritsak, Ya.Y. (1996) *Narisi istorii Ukraїni: Formuvannya modernoi Ukraїns’koi natsii XIX–XX st.* [Essays on the History of Ukraine: Formation of the Modern Ukrainian Nation of the 19th – 20th centuries]. Kyiv: Geneza.

Dal’, V.I. (1856) *Chervonorusskie predaniya* [Red-Ruthenian legends] *Sovremennik*. 60 (6).

Anon. (1906) *De e ruskiy klir? Pishe brat virniy u L’vovi, z drukarni narodovoi Manetskikh* [Where is the Russian cleric? A true brother writes in Lviv, from the Manetski printing house]. [s.n.].

Demyanyuk, O.Y. (2007) *Ukraїns’kiy molodizhniy rukh Zakhidnoi Ukraїni: vid zarozhennya do borot’bi za Ukraїns’ku derzhavnist’* [The Ukrainian Youth Movement of Western Ukraine: From the Origins to the Struggle for Ukrainian Statehood]. Lutsk: Tverdinya.

Dobryanskiy, A.I. (1885) *O sovremennom religiozno-politicheskom polozhenii avstro-ugorskoj Rusi* [On the contemporary religious and political situation of

the Austro-Ugric Rus]. Moscow: P. F. Levdak.

Dobosh, O. (2006) *Rims'ka uniya – ne dlya ukraintsiv* [The Roman Union is not for Ukrainians]. Kyiv: [s.n.].

Dobosh, O. (2006) *Uniya v Ukraïni v XX st.* [Union in Ukraine in the 20th century]. Kyiv: Svyato-Uspens'ka Pochaïvs'ka Lavra.

Kibal, Y.V. (2001) *Do istorii natsional'nikh menshin Avstro-Ugorshchini (XIX – poch. XX st.)* [To the history of the national minorities of Austria-Hungary (the 19th – early 20th centuries)]. Uzhhorod: Karpati-Grazhda.

Zorya Galitska (1848) 19th May.

Anon. (2003) *Istoriya Avstro-Ugorshchini. Programa kursu ta navchal'na metoda* [History of Austro-Hungary: Syllabus and teaching method]. Kharkiv: KHDAK.

Kmet, V.F. (2003) *Z istorii stanovlennya Lvivs'koï pravoslavnoi kafedri* [From the history of the formation of the Lviv Orthodox Church]. Kyiv: [s.n.].

Kolodniy, A.M. (1997) *Ukraïns'kiy Skhidniy obryad* [Ukrainian Oriental Rite]. Kyiv: [s.n.].

Luzhniitskiy, G. (1954) *Ukraïns'ka Tserkva mizh Skhodom i Zakhodom. Naris istorii Ukraïns'koï Tserkvi* [Ukrainian Church between East and West. Essay on the history of the Ukrainian Church] Philadelphia: [s.n.].

Mayor, R.I. (2017) Russophilia in transcarpathia in the second half of the 19th – early 20th centuries: origins, development and ideology. *Rusin.* 1 (47). pp. 154–176 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/47/13

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii Russkogo dvizheniya v Galichine XIX – XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Pashaeva, N.M. (2003) *Nemnogo ob unii v Galichine* [Something about the Union in Galicia]. Moscow: Sputnik+.

Petrovskiy, M.I. (1945) *Zakhidna Ukraïna (Istorichna dovidka)* [Western Ukraine (A historical background)]. Kyiv: Ukraïns'ke derzhavne vidavnistvo.

Petyovka, V. (2006) *Pravoslav'ya yak konsoliduyucha sila u formuvanni natsional'noi svidomosti rusiniv* [Orthodoxy as a consolidating force in shaping the national consciousness of the Rusins]. *Rusin.* 1 (3). pp. 30–31.

Anon. (1968) *Pravda pro uniyu. Dokumenti i materialy* [The truth about the union. Documents and materials]. Lviv: Kamenyar.

Anon. (1837) *Rusalka Dnïastrovaya. Pis'mo Korol. Vseuchilishcha Peshtanskogo* [Mermaid the Dniester. Letter to the King of the Peshtansky College]. Budapest: [s.n.].

Savchenko, F. (1930) *Zakhidna Ukraïna v listuvanni Golovats'kogo z Bodyans'kim 1843 – 1876 rr.* [Western Ukraine in correspondence between Golovatsky and Bodiansky from 1843 to 1876]. Kyiv: Druk.

Serkiz, Ya. (1995) *Istorichne kraeznavstvo* [Historical local studies]. Lviv:

L'vivs'kiy oblasniy institut osviti.

Skochilyas, I. (2010) *Galits'ka (L'vivs'ka) eparkhiya XVII–XVIII stolit': organizatsiyna struktura ta pravoviy status* [Galician (Lviv) diocese of the 17th – 18th centuries: organizational structure and legal status]. L'viv: UKU.

Stsus', I. & Rodkovskiy, A. (1884) *Pis'mo uporstvuyushchego brata uníata k vossoedinivshimsya pravoslavnym i otvet emu odnogo iz nikh* [The letter of the persistent uniate to the reunited Orthodox and the answer to him]. Warsaw: [s.n.].

Trukhanenko, A.V. (2002) *Aktsenty, materialy kruglogo stola: "Rusofil'stvo v Avstriyskoy Galitsii: sovremennye istoricheskie issledovaniya i uroki"* [Accents, materials of the round table: "Russophilia in Austrian Galicia: Contemporary Historical Studies and Lessons"]. Lviv: Akhll.

Turiy, O. (2009) *Vpliv reform Gabsburriv na eklezial'niy status i suspil'ne zhittya galits'kikh greko-katolikiv naprikintsi XVIII – u pershiy polovini XIX st.* [Influence of the Habsburg Reforms on the Ecclesial Status and Public Life of the Galician Greek Catholics at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Lviv: [s.n.].

Turiy, O. (1992) *Greko-katolits'ka tserkva i zarozhennya moskvofil'stva v Galichini* [Greek Catholic Church and the Birth of Moscophiles in Galicia]. Lviv: [s.n.].

Fedoruk, O. (ed.) (1999) *Ukrains'ko-avstriys'ki kul'turni vzaemini drugoi polovini XIX – poch. XX stolittya* [Ukrainian-Austrian cultural relations of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kyiv; Chernivtsi: [s.n.].

Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1892) *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 7. St. Petersburg: I.A. Efron.

Bieńkowski, L. (1962) *Organizacja Kościoła Wshodniego w Polsce* [Organization of the Eastern Church in Poland]. Kraków: [s.n.].

Kozik, I. (1973) *Ukrainski ruch narodowy w Galieji 1830 – 1848 rr.* [Ukrainian national movement in Galicia in 1830–1848]. Kraków: [s.n.].

Osadczy, W. (2007) *Święta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawostawia w Galicji* [Saint Rus. The development and influence of the idea of the Orthodox Church in Galicia]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklowskiej.

Нікольський Євген Володимирович – доктор філологічних наук, магістр богослов'я, професор кафедри історії російської літератури Інституту русистики Варшавського університету (Республіка Польща).

Никольский Евгений Владимирович – доктор філологічних наук, магістр богослов'я, професор кафедри історії російської літератури Інституту русистики Варшавського університету (Республіка Польща).

Evgeny V. Nikolsky – University of Warsaw (Poland).

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Юган Наталія Леонідівна – доктор філологічних наук, доцент підготовчого відділення Київського національного університету ім. Т. Шевченка, професор кафедри російської мови і слов'янської філології Приазовського державного технічного університету (Україна).

Юган Наталья Леонидовна – доктор філологічних наук, доцент підготовчого відділення Київського національного університету ім. Т. Шевченка, професор кафедри російської мови і слов'янської філології Приазовського державного технічного університету (Україна).

Natalia L. Yuhan – National Taras Shevchenko University, Priazovsky State Technical University (Ukraine).

E-mail: ugannl2@gmail.com

УДК 811.161(477.87)+821.16
UDC
DOI: 10.17223/18572685/54/6

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОНИМА *РУСИН* В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается вопрос концептуализации этнонима *русин* в поэтических произведениях писателя, этнографа, просветителя, педагога, религиозного и общественного деятеля Александра Васильевича Духновича (1803–1865), посвятившего жизнь делу национального возрождения и развития русинов. Акцентируется внимание на том, что личность А.В. Духновича, его произведения и значимые этапы жизни стали прецедентными (значимыми, концептуально важными) для русинского лингвокультурного сообщества. На примере прецедентных текстов, написанных в разные годы А.В. Духновичем (стихотворения «Жизнь русина», «Вручание», «Гимнь подкарпатских русиновъ», «Русский маршь», «Пѣснь народна»), изучены концептуальные определения национальных, этнических, историко-культурных явлений и объектов русинской картины мира как совокупности их отличительных категориальных признаков, исключительно важных для русинского лингвокультурного сообщества. Проведенный анализ поэтического наследия А.В. Духновича позволил выявить доминантные ментальные константы концептуального поля этнонима *русин* на семейно-родовом, бытовом, историко-культурном, образовательном, морально-этическом, религиозном и самоидентификационном уровнях. Сделан вывод о том, что произведения художественной литературы, актуализирующие семантическое наполнение этнонима, формируют у представителей определенного лингвокультурного сообщества национальный историко-культурный стереотип (символ), который в перспективе может стать идеологической основой общества и государства.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, этноним, русин, русины, Духнович, поэзия, концептуальный анализ.

CONCEPTUALIZATION OF THE ETHNONYM *RUSIN* IN THE POETRY OF ALEXANDER DUKHNOVICH

S.V. Zelenko

Belarusian State University
4 Nezavisimosti Avenue, 220030 Minsk, Belarus
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article deals with the conceptualisation of the ethnonym *Rusin* in the poetic works of the writer, ethnographer, enlightener, educator, religious and public figure Alexander Vasilyevich Dukhnovich (1803–1865), who devoted his life to the national revival and development of Rusins. The article focuses on the fact that A.V. Dukhnovich's personality, his works and significant stages of life became precedent (conceptually important) for the Rusin language and cultural community. A.V. Dukhnovich's precedent texts of different years (poems "The Life of a Rusin", "Vruchanie", "The Anthem of Subcarpathian Rusins", "The Russian March", "People's Song") are used to study the conceptual definitions of national, ethnic, historical and cultural phenomena and objects of the Rusin picture of the world as a combination of its distinctive categorical features, which are extremely important for the Rusin language and cultural community. The analysis of the poetic heritage of A.V. Dukhnovich made it possible to reveal the dominant mental constants of the conceptual field of the ethnonym Rusin at the family, everyday, historical, cultural, educational, moral, ethical, religious and self-identification levels. The author concludes that works of fiction that actualize the semantic content of the ethnonym form a national historical and cultural stereotype (symbol) among representatives of a certain language and cultural community, which in the future can become the ideological basis of society and the state.

Keywords: concept, conceptualization, ethnonym, Rusin, Rusins, Dukhnovich, poetry, conceptual analysis.

В этнических сообществах (это касается и славянского мира), которые в силу ряда исторических причин долгое время были лишены прав на международное признание и национальное самоопределение, в т. ч. числе культурное и языковое, зачастую не политики и дипломаты, а общественные деятели, просветители и мастера художественного слова выступали в качестве глашатаев-защитни-

ков притесняемых народов. Например, у белорусов это народные песняры Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) и Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) – классики и одни из основоположников новой белорусской художественной литературы и современного литературного белорусского языка. Украинцы национальным героем по праву считают поэта и прозаика, общественного деятеля и просветителя Тараса Григорьевича Шевченко, называя его «символом Украины». У русинов такой личностью стал Александр Васильевич Духнович – народный русинский будитель, писатель и этнограф. Например, И. Каминский в одной из своих лекций, прочитанных 30 апреля 1925 г. в Культурно-просветительском обществе им. А. Духновича в Ужгороде, справедливо подчеркнул значимость его личности в формировании национального самосознания русинов: «Без сознательного национального чувства нет свободы, нет народной культуры, нет жертвы на алтарь культуры. Видя воодушевление в сердцах сознательных элементов нашего народа и стремление хранить принципы первых будителей, Духновича и его наследников, видя и опыты денационализации, мы уверены, что скоро настанет время, когда весь карпаторусский народ будет охвачен творческой силой национального самосознания» (Каминский 1925: 11).

Сами имена (творческие и политические псевдонимы) значимых для определенного этнического сообщества людей, их художественные, публицистические и научные произведения и цитаты из них, а также события, связанные с общественной жизнью подобных личностей, становятся прецедентными – исключительно важными, известными, классическими, цитируемыми. Исследователи, изучающие влияние прецедентных феноменов (ПФ) на социальное сознание, утверждают: «Социоспецифические прецедентные явления – это ссылки, которые в большей или меньшей степени известны представителям общества и являются частью так называемого "коллективного когнитивного пространства". Такое пространство может быть ограничено, например, религиозными, профессиональными, бытовыми и другими социальными "границами". Национальные прецедентные феномены расширяют сферу действия возникающих ассоциативных взглядов еще больше, поскольку они входят в когнитивную базу всего лингвокультурного сообщества. В этом случае вероятность изменения ассоциативного значения значительно уменьшается, поскольку такие прецеденты, похоже, знакомы более широким группам людей» (Гришечко, Аكوпова 2016: 73). В.В. Красных, опираясь на классификацию Ю.Н. Караулова (Караулов 1987: 216), выделяет три специфические особенности прецедентных феноменов, исключительно важные для понимания того, как они способны влиять на представителей опре-

деленного лингвокультурного сообщества: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества ("имеющие сверхличностный характер"); ПФ "хорошо известен всем представителям..." постольку, поскольку последние имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; за ПФ всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену "прозрачными", понятными, коннотативно окрашенными; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества; говоря о постоянной апелляции ПФ (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что "возобновляемость" обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть "потенциальной", т.е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (иначе это будет апелляция не к прецедентному феномену)» (Красных 1997: 9).

Таким образом, имя А.В. Духновича, безусловно, можно считать прецедентным для русинов, как и его произведения, как и цитаты из них, как и значимые этапы его жизни, что обуславливает актуальность их изучения как в плане историческом, так и культурологическом. Например, Е.И. Сабов в «Очерке литературной деятельности и образования карпатороссов» подчеркивал особую роль А. Духновича в развитии русинской литературы и в деле просвещения народа: «Давний у нас обычай поминать отца-мамку, деда-бабку. Культурный народ поминает и тех людей, что трудились для его просвещения. И у нас бывали такие люди с Александром Духновичем на челе. Они учили не только устно нас и наших предков, но изложили свою науку в письме. То были наши писатели; они оставили нам книжки и напечатали их. Так переняли мы у них посредством печатных книг просвещение. А что в книгах писалось и печаталось, то и есть наша литература» (Сабов 1925: 3). Значение печатных изданий А. Духновича Е.И. Сабов отразил и в «Речи по поводу торжества открытия памятника-бюста Александра В. Духновича в В. Севлюше 8/VI 1925»: «Но как почитали книжечки Духновича, то и недоверяющие успеху взялись за народное дело, и в течение двадцати лет Подкарпатье преобразилось» (Сабов 1925b: 10). Знаменитый историк и этнограф профессор Ф.Ф. Аристов отмечал эпохальность личности А. Духновича: «Значение

деятельности А.В. Духновича для развития Угорской Руси настолько велико, что составляет целую эпоху в ее истории <...> Вообще, своими трудами А.В. Духнович указал угрорусам то направление, по которому должно совершаться их национальное развитие» (Аристовъ 1916: 54). В современных исследованиях также подчеркивается значимость для русинов как самой личности А. Духновича, так и его произведений: «У русинов национальным символом является незабвенный, любимый многими русинскими поколениями Александр Духнович. С его именем связаны проблемы развития русинской культуры, литературы, народного образования, педагогики как науки» (Алмаший 2006: 17); «А.В. Духнович являлся одной из центральных фигур в жизни русинов» (Тудосе 2007: 23); «А.В. Духнович – автор стихотворений, написанных на русинском наречии, в том числе и "Я русин был, есмь и буду", ставшего впоследствии народным гимном Подкарпатской Руси» (Суляк 2008: 11). Подобных примеров можно привести множество.

Богатейшее творческое наследие людей, которые многое сделали, чтобы пробудить самосознание своих народов, как правило, входит в золотые фонды национальных литератур, становится классикой, образцом для подражания и современников, и последующих поколений писателей, а также объектом всестороннего научного анализа и изучения. Автор диссертационного исследования, в котором были изучены корреляционные отношения национального самосознания, языка и культуры, небезосновательно утверждает: «Самосознание этнической общности, подобно всем формам общественного сознания, существует не только на уровне индивида, но и "надличностно" в объективированных массовых формах общественного сознания: в языке, в произведениях культуры и искусства, в научной и публицистической литературе, в нормах морали и права. Именно сознанию принадлежит приоритетная роль в формировании национальной картины мира или, точнее, концептуальной картины мира нации как группы людей, объединенных только им присущими особенностями мышления, восприятия, интерпретации и концептуализации объектов и предметов окружающей действительности» (Ма 2001: 4). Именно в эксплицитном и имплицитном влиянии на процессы развития национального самосознания и самоопределения, становления национальной (в перспективе – государственной) идеологии, этнической самоидентификации, сохранения и широкой популяризации национальных языков, а также формирования их литературных форм как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах заключается концептуальная значимость литературных (художественных и публицистических) трудов подобных личностей. При этом литературное наследие значимых для определенного лингвокуль-

турного сообщества авторов представляет собой субстрат, который содержит вербализированные семантические единицы (концепты), в значительной степени влияющие на формирование той или иной национально-этнической картины мира.

Под концептом в данном случае понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин 2007: 34). При этом, как утверждают исследователи, «концепт организован по принципу полей, то есть не локализован в качестве единицы, а благодаря своей динамике распределен в культурном пространстве... В этом смысле концептуальное поле – это самоорганизующееся пространство распространения смыслов и символов, создающих своеобразное ментальное напряжение, функционирующее в качестве интерпретационной активности то возникающей, то угасающей в зависимости от актуализации отдельных составляющих этого концептуального поля» (Ромащенко, Ромащенко 2015: 151).

Поэзия А. Духновича представляет собой ярчайший пример концептуализации различных национальных, этнических, историко-культурных явлений и объектов в плане определения (в т. ч. и метафорического) совокупности их отличительных категориальных признаков. Е.Л. Недзельский в монографической работе «Очерк карпаторусской литературы», отдавая должное поэтическому таланту А.В. Духновича, подчеркивал: «Прежде всего Духнович был поэт – и не только в эстетическом значении, но поэт народа своего; вся его деятельность предполагает национальное вдохновение, которое равно отразилось и в его стихотворениях, и в его народно-педагогической деятельности» (Недзельский 1932: 148).

В историко-культурном плане наибольший интерес для научного исследования представляет концептуализация А.В. Духновичем как прецедентной личностью этнонима *русин*, который, в частности, представлен в стихотворениях «Жизнь русина» (Книжица 1850: 88–93), «Вручаніє» (Поезіи 1922: 36–37), «Гимнь подкарпатскихъ русиновъ» (Поезіи 1922: 84), «Русскій маршъ» (Поезіи 1922: 66–67), «Пѣсьнь народна» (Поезіи 1922: 65). Актуализацию в творчестве А.В. Духновича данной концептуальной единицы можно истолковать с опорой на выявление совокупности экстралингвистических факторов, главный

из которых – многолетнее служение делу национального, культурного и языкового возрождения русинов.

Специфика актуализации и репрезентации этнонима *русин* в различных дискурсах (историческом, лингвистическом, культурологическом, политическом) широко представлена в международном историческом журнале «Русин». Так, например, С.Г. Суляк в статье «Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии» анализирует количественную распространенность имен и фамилий с данным корнем (Суляк 2017: 82–88); в работе Е.И. Зиновьевой «Этнонимы *русин*, *русак* и *русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв.» рассматриваются особенности функционирования лексем – наименований человека (Зиновьева 2017: 94–100); в исследовании З.И. Резановой и К.С. Шиляева «Этнонимы "русин", "русинский" в русской речи: корпусное исследование» выявляются типовые контексты, дискурсы и жанры, в которых актуализирована семантика анализируемых слов (Резанова, Шиляев 2015: 239–252); в статье И.В. Нам и Н.И. Наумовой «Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг.» подвергается анализу роль коллективной исторической памяти в политической идентификации и национальном строительстве Галицкой Руси (Нам, Наумова 2015: 127–136).

Что касается литературоведческих рефлексий русинской тематики, то этноним *русин* становится предметом анализа. Так, в статье «Национальное кредо А. Духновича: "Я русин был, есмь и буду"», М. Алмаший подчеркивает: «Для А. Духновича "русин" – священное слово, которому надо поклоняться, давать ему клятву на верность. Что и делал сам Духнович. В его поэзии, прозе, драматических произведениях, научных и педагогических трудах находим свыше 500 случаев обращения к этнониму "русин"» (Алмаший 2006: 18). В. Тудосе, анализируя творческое наследие русинских прозаиков и поэтов в работе «Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в.», отмечает: «В поэзии А.В. Духновича преобладали патриотические мотивы, идея славянской солидарности ("Песнь земледельца – весной", "Подкарпатские русины", "Поздравления русинов"), духовные установки: цель жизни – благо ближнего, счастье – в умении довольствоваться малым, вечность и красота природы как мерило земного бытия (например, "Мысль в начале весны", 1852; "Надежда", 1860)» (Тудосе 2007: 22). Н.Ф. Алефиренко и И.И. Чумак-Жунь в статье «Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко» исследуют феномен русинского поэтического дискурса, акцентируя внимание на его этноязыковых особенностях: «Так как в индивидуально-авторской поэтической картине мира (метафоре, концепте) И. Франко доминирует этнический

компонент, можно говорить о народном поэте русинского этноса (как в России о С. Есенине или в Польше об А. Мицкевиче)» (Алефиренко, Чумак-Жунь 2017: 18). Последний тезис, на наш взгляд, может быть актуальным и по отношению к творческой личности Духновича.

Концептуальная значимость поэтического творчества А.В. Духновича для русинов подтверждается интертекстуальными модификациями, которым подвергаются его произведения. Так, например, в сатирической газете «Сова» (Народная 1871: 2) находим интертекстуальную пародию на стихотворение А. Духновича «Вручаніє» (Поезії 1922: 36–37). Результаты редакторско-концептуального анализа модифицированного прецедентного текста (Зелянко 2007: 118–121) указывают на правомерность лексических трансформаций в газете концептуального поля этнонима *русин* с целью привлечения внимания читательской аудитории к общественно-политической и социальной ситуации (религиозное притеснение русинов, ассимиляционная мадьяризация, закрытие редакций русинских изданий), которая сложилась в данный исторический период в Закарпатье.

Опираясь на факт прецедентности как самой личности А.В. Духновича, так и его текстов, можно утверждать, что наиболее приемлемым подходом к изучению особенностей концептуализации этнонима *русин* в поэтическом наследии А. Духновича будет семантико-когнитивный анализ концепта, описанный в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика» (Попова, Стернин 2007: 112). Данный подход, в частности, предполагает анализ и описание семантики речевых единиц, определяющих концепт, выявление ментальных признаков, его формирующих, описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Концептуальное поле этнонима *русин* в поэзии А. Духновича образуется системой семантических координат, каждая из которых «описывает область содержательной интерпретации знака, отражающую отношение знака и его мыслительного эквивалента (значения) и несущую в себе совокупность знаний о мире через установленную и используемую в социуме систему понятий, категорий и т. д. о нем» (Методология 1998: 18). Семантические координаты при этом опосредуются соответствующими тематическими векторами – совокупностью конкретных вербальных знаков (определений, характеристик, описаний) в авторском дискурсе, которые в своем многообразном единстве направлены на раскрытие значения определенного концепта. Так, например, сакральный вектор указывает на отношение русинов к Богу и религии, что в анализируемых стихотворениях подтверждается следующими определениями, характеризующими представителя данного этнического сообщества: «богобойный»; «по-

койно, богобойно Бога почитаетъ»; «грѣха незнає»; «Бога любить»; «жїє богобойно»; «вдячно дасть Богу божое ничь непротивитя»; «такъ жїє, такъ працує, въ ласць Бога свого»; «О призри Боже, и Отче потѣшь невиннаго, помилуй ласкавый Творче русина бѣднаго, чтобы онь тебѣ служити могъ сердцемъ невинный, и побожно, чесно жити» (Книжица 1850: 88–93).

Сакральный вектор в лирике А. Духновича во многом предопределяет семантическое наполнение морально-этической координаты концептуального поля этнонима *русин*, в основе которой лежат христианские ценности, подтверждением чему служит ряд описательных конструкций: «незавидит онь никому въ високихъ полатахъ»; «єдноє сердце благоє суть его богатства»; «онь не злодѣй, не разбойникъ, сумлиня чистаго, онь благій, добрый человѣкъ і сердца щираго»; «все претерпитъ и здѣласть для свого ближнього»; «не жадаєть ничь чужое своимъ заходится»; «покой, любовь все чувствує, не рушитъ никого» (Книжица 1850: 88–93).

Как видно из приведенных примеров, экстралингвистический фактор – священство автора, опосредующий творчество А. Духновича, тесно связан с интралингвистическим – наличием в анализируемом стихотворении «Жизнь русина» (Книжица 1850: 88–93) отсылок к Декалогу. Например, «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Втор. 5: 6–7) – «Бога любить»; «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Втор. 5: 8–10) – «покойно, богобойно Бога почитаетъ»; «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно» (Втор. 5: 11) – «О призри Боже, и Отче потѣшь невиннаго, помилуй ласкавый Творче русина бѣднаго»; «Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, как и ты. И помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний» (Втор. 5: 12–15) – «вдячно дасть Богу божое ничь не противитя»; «такъ жїє,

такъ працує, в ласцѣ Бога свого»; «Не убивай» (Втор. 5: 17) – «онъ не злодѣй, не разбойник, сумлиня чистаго, онъ благий, добрый человек і сердца щираго»; «покой, любовь все чувствує, не рушить никого»; «Не кради» (Втор. 5: 19) – «не жадає ничъ чужое своимъ заходится»; «Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 21) – «все претерпеть и здѣлаєть для своего ближнего».

Профанно-бытовой вектор концептуального поля этнонима *русин* в стихотворениях А. Духновича также опосредуется семантикой сакрального (христианского), что четко прослеживается в поэтизированных описаниях процессов жизнедеятельности русинов: «Русинь бѣдно жіє»; «онъ маєтности не має, ни сребра, ни злата»; «не в богатой он полатѣ пребывает гойно. В низкой, малой халупинѣ бывает покойно»; «пшеничнаго и житнаго хлѣба онъ не просить, овесь, ячминь кормить его, но и той не досить»; «землю широко дѣлає и бѣдно трудится, по горахъ быстро бѣгає, ташко мозолится»; «весело работає, трудится покойно»; «и такъ жіє, такъ працує, въ ласцѣ Бога свого»; «все невинно, и острожно самъ себе питаєт» (Книжица 1850: 88–93). Приведенные примеры раскрывают значение соответствующей семантической координаты в исторической проекции, дают ретроспекцию материальной необеспеченности русинов (отсутствие собственности, бедность в бытовом плане, недостаток продуктов питания, стесненные жилищные условия), что опосредует жизненную необходимость в тяжелом физическом труде в суровом природном окружении (возделывание земли в гористой местности, культивирование неприхотливых и урожайных сельскохозяйственных зерновых культур), а также демонстрируют личностные качества представителей данного этнического сообщества, коррелирующие с трудовой деятельностью (трудолюбие, усердие, добросовестность, высокая работоспособность, ловкость) и отношением к своему недостаточно благополучному положению (спокойствие, миролюбие, отсутствие зависти и обиды на судьбу, жизнерадостность, упование исключительно на себя и свои силы).

Образовательно-просветительский вектор в анализируемых произведениях представлен всего несколькими описательными конструкциями: «здраваго разума онъ есть, хоть неучиль школу» (Книжица 1850: 88–93); «Коль первый разъ отвориль ротъ, русское слово прорекъ» (Поезіи 1922: 36–37). Лапидарность знакового наполнения данной семантической координаты в творческом наследии А. Духновича объясняется экстралингвистическими факторами, часть из которых поэтизирована автором в стихотворении «Жизнь русина»

(Книжица 1850: 88–93): «Русинь бѣдно жиє»; «Онъ маєтности не має ни сребра, ни злата»; «бѣдно трудитяся». Таким образом, А. Духнович в своих стихотворениях концептуализирует русинов как умных (здравомыслящих, интеллектуально развитых, рассудительных) людей, указывая на отсутствие у представителей данного этнического сообщества материальной возможности получить образование. Также автор акцентирует внимание на принадлежности русинов к конкретной языковой группе. Отражение данных фактов находим не только в поэтическом творчестве автора. Подвижничество А.В. Духновича на ниве образования и просвещения русинов, желание дать своему народу учебные пособия на понятном и привычном (родном) языке воплощены в его изданиях «Книжица читалная для начинающихъ» (Книжица 1847; Книжица 1850), «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» (Сокращенная грамматика 1853).

Семейно-родовой вектор, опосредующий соответствующую семантическую координату в концептуальном поле этнонима *русин*, в творчестве А. Духновича довольно широкий. Данный факт можно трактовать как способ вербального воздействия на потенциальных читателей для их сплочения по принципу этнической принадлежности. Именно поэтому в стихотворениях А. Духновича конструкции, связанные с семантикой семейно-родового вектора, имеют констатирующий или прокламационный характер: «Я русинь былъ, есмь и буду, я родился русиномъ, честный мой родъ не забуду, останусь его сыномъ; русинь былъ мой отецъ, мати, русская вся родина, русины сестры, и братья, и широка дружина. Великій мой родъ и главный, міру есть современный»; «Русинь мене колысаль»; «не забылъ съ своимъ знатися родомъ»; «Прото тобѣ, роде мой, кленуся живимъ Богом за печальный потъ и трудъ твой повинуюся долгомъ» (Поезіи 1922: 36–37); «Русски дѣти, вамъ свѣтаєть ужъ зорничка всходитъ вамъ, Слава мати васъ витаєть и зоветъ къ своимъ рядамъ»; «Слава, Слава наша мати пробудилась отъ сна сновъ, зачинаєть царствовати взываєть храбрыхъ сыновъ»; «Сильна наша Слава мати, ей золотый крѣпкій щитъ не дасть сынамъ погигати, она братьєвъ помѣритъ» (Поезіи 1922: 66–67); «Подкарпатскіи русины, оставьте глубокой сонъ! Народный голось зоветъ васъ: не забудьте о своемъ! Нашъ народъ любимый да будетъ свободный» (Поезіи 1922: 84); «Братня сила намъ поможе защищать Славы престолъ» (Поезіи 1922: 66–67); «Подобно роду своему жиє во Карпатахъ» (Книжица 1850: 88–93). Приведенные примеры указывают на исключительную важность для русинов внутрисемейных взаимоотношений, а также транслируют во внетекстовую реальность модусы почитания предков, любви к родителям и детям, уважения к другим родственникам, единения

всех представителей данного лингвокультурного сообщества. Также в семейно-родовом векторе находят отражение следующие концептуальные для русинов понятия: патриотизм, желание национального самоопределения, миролюбие, традиционализм.

Самоидентификационный вектор этнонима *русин* в поэзии А. Духновича вербализируется конструкциями, раскрывающими смысл личностных качеств представителей данного национального лингвокультурного сообщества, отличных от характеристик, актуализированных в сакральном векторе: «Каждый русинъ добрый хлопъ» (Поэзии 1922: 65); «Бодро, крѣпко, храбро, сильно ржавый въ руки беръте зброй, безустрашно и правильно отважно грядьте на бой»; «Ноже хлопцы въ имя Боже станемъ храбро съ горы въ доль»; «Не боится русинъ врага, ему нѣтъ дороги въ задъ, грудь отверту все безъ страха держить и на кулей градъ»; «Ноже бодро въ рядъ ставайме насъ не пугаетъ буря, и свободу защищайме» (Поэзии 1922: 66–67). Как видно из приведенных примеров, в ситуациях, противопоставленных бытовым, в опасном положении, при угнетении, при угрозе жизни и ограничении свободы русины концептуализируются А.В. Духновичем как смелый, храбрый, мужественный, бесстрашный, отважный народ. При этом сами себя русины (в концептуальной картине мире А. Духновича) воспринимают добрыми, энергичными, сильными и вольнолюбивыми людьми, готовыми защищать свою Родину, отвоевывать свободу и независимость.

При анализе тематических векторов концептуального поля *русин* в стихотворениях А.В. Духновича обращает на себя внимание энциклопедичность некоторых определений, положений и трактовок, которые выражаются поэтическим языком (иногда иносказательно). Подтверждение этому, например, находим при сопоставлении информации, изложенной в статье «Русины» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, и стихотворных строк А. Духновича: «Сами р. зовуть себя в ед. числѣ русинъ» (Ир. П. 1899: 297) – «Я русинъ былъ, есмь и буду, я родился русиномъ, честный мой родъ не забуду, останусь его сыномъ; русинъ былъ мой отецъ» (Поэзии 1922: 36–37); «Высшихъ классовъ (дворянъ или пановъ) р. не имѣють» (Ир. П. 1899: 297) – «Не в богатой он полатъ пребываетъ гоино» (Книжица 1850: 88–93); «Р. В Венгрии – около 400 000 человек – живутъ по южному склону Карпатъ» (Ир. П. 1899: 297) – «Жіе во Карпатахъ» (Книжица 1850: 88–93); «Они лучше другихъ сохранили свой первоначальный типъ сильнаго пастушескаго племени» (Ир. П. 1899: 297) – «Два волики и коровка, кляча не кована, сколько овецъ, ягнятенка, богатства мударна» (Книжица 1850: 88–93); «Обыкновенно флегматичные, въ минуту опасности они обнаруживаютъ большое мужество» (Ир. П. 1899: 297) –

«станем храбро съ горы въ доль», «Не боится русинь врага»; «нас не пугаетъ буря» (Поезії 1922: 84); «Рядомъ съ скотоводствомъ они занимаютъ земледѣіемъ и промыслами: плотничаютъ, сплавляютъ плоты, копаютъ руду, извозничаютъ, рубятъ дрова, жгутъ уголь» (Ир. П. 1899: 297) – «Он ремесло не кохаетъ, лишь землю дѣлает» (Книжица 1850: 88–93). Как видно из приведенных примеров, в некоторых трактовках наблюдаются противоречия. При чем для самих русинов корректной, вероятнее всего, будет информация, изложенная А. Духновичем – представителем того же лингвокультурного сообщества, что, безусловно, следовало бы учитывать автору энциклопедической статьи И.Н. Половинкину и редакторам соответствующего тома издания словаря – академику К.К. Арсеньеву и профессору Ф.Ф. Петрушевскому.

Таким образом, концептуальное поле этнонима *русин* в поэтическом наследии А.В. Духновича представляет собой систему взаимосвязанных семантических координат, тематические векторы которой содержат практически энциклопедические сведения о семейно-родовых отношениях русинов, их быте, истории, культуре, образовании, характере, отношении к Богу, морально-этических ценностях и личностных качествах. Концептуализация анализируемого этнонима прецедентной личностью, которой для русинов, безусловно, является А.В. Духнович, позволяет закрепить в картине мира представителей данного национального лингвокультурного сообщества исключительно положительные коннотации и ассоциации, связанные с этим наименованием. Можно утверждать, что подобные вербализированные концептуальные структуры, характеризующие этнонимы, настолько статусные в когнитивном плане, что переходят в разряд доминантных ментальных констант для определенного народа и практически не поддаются деформации и разрушению, транслируются последующими поколениями как национальный историко-культурный стереотип (символ), становятся идеологической основой общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко, Чумак-Жунь 2017 – *Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И.* Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко // *Русин.* 2017. № 2 (48). С. 13–30.

Алмаший 2006 – *Алмаший М.* Национальное кредо А.Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // *Русин.* 2006. № 1 (3). С. 17–19.

Аристов 1916 – *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам: в 3 т. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. Т. 1. 304 с.

Гришечко, Акопова 2016 – *Гришечко О.С., Акопова А.С.* Понятие прецедентных феноменов и их роль в формировании социального сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12, ч. 1. С. 71–74.

Зелянко 2007 – *Зелянко С.В.* Інтэртэкстуальны эффект журналісцкай дзейнасці // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 1. С. 117–122.

Зиновьева 2017 – *Зиновьева Е.И.* Этнонимы *русин, русак и русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Русин. 2017. № 1 (47). С. 92–105. DOI: 10.17223/18572685/47/8

Ир. П. 1899 – Ир. П. Русины // Энциклопедический словарь. Т. XXVII. Розавень – Рѣпа. СПб.: Типография Акц. общ. «Издат. Дѣло, бывшее Брокгаузь-Ефронь», 1899. С. 296–297.

Каминский 1925 – *Каминский І.* Національное самосознание нашего народа. Въ память А.Духновича. Ужгородь: Типография «Школьной помощи», 1925. 20 с.

Книжица 1847 – Книжица читальная для начинающих. Будинь Градь: Всеучилища Пештанского, 1847. 115 с.

Книжица 1850 – Книжица читальная для начинающих. Будинь: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.

Караулов 1987 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Красных 1997 – *Красных В.В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Филология, 1997. С. 5–12.

Ма 2001 – *Ма Т.Ю.* Национальное самосознание в контексте языка и культуры (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 186 с.

Методология 1998 – Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Белгосуниверситет, 1998. Вып. I. 283 с.

Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10

Народная 1871 – Народная пѣсня рутеновъ // Сова. Сатирическая газета. 1871. 20 июня (2 Июл.). С. 2.

Недзѣльскій 1932 – *Недзѣльскій Е.* Очеркъ карпаторусской литературы. Ужгородь: Типография «Школьной помощи», 1932. 290 с.

Поезії 1922 – Поезії Александра Духновича / З перводруков собрав, житепись написав и пояснения додав др. Франтішек Тихій. Ужгородь: Книгопечатня акційного тов. «УНІО», 1922. 88 с.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Резанова, Шиялев 2015 – Резанова З.И., Шиялев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255. DOI: 10.17223/18572685/39/16

Ромашенко, Ромашенко 2015 – Ромашенко М.А., Ромашенко А.А. Актуализация понятий «концепт» и «концептуальное поле» в методологии историко-философских исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57): в 2 ч. Ч. 1. С. 147–150.

Сабовь 1925а – Сабовь Е. Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 36 с.

Сабовь 1925б – Сабовь Е. Рѣчь по поводу торжества открытія памятника-бюста Александра В. Духновича въ В. Севлюшѣ 8/VI 1925. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 15 с.

Сокращенная грамматика 1853 – Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка изданная Александромъ Духновичемъ. Буда: Типографія Мартина Баго, 1853. 51 с.

Суляк 2008 – Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.

Суляк 2017 – Суляк С. Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии // Русин. 2017. № 1 (47). С. 80–91. DOI: 10.17223/18572685/47/7

Тудосе 2007 – Тудосе В. Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.

REFERENCES

Alefirenko, N.F. & Chumak-Zhun, I.I. (2017) The Rusinian Universe in Ivan Franko's Poetical Discourse. *Rusin*. 2 (48). pp. 13–30 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/2

Almashiy, M. (2006) Natsionalnoe kredo A. Dukhnovicha: “Ya rusin byl, esm i budu” [National credo of A. Dukhnovich: “I was, am and will be Rusin”]. *Rusin*. 1 (3). pp. 17–19.

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Izsledovanie po neizdannym istochnikam* [Carpatho-Russian Writers. Research on Unpublished Sources]. Vol 1. 1. Moscow: T-vo Ryabushinskikh.

Grishechko, O.S. & Akopova, A.S. (2016) Ponyatie pretsedentnykh fenomenov i ikh rol v formirovanii sotsialnogo soznaniya [The concept of precedent phenomena and their role in the formation of social consciousness]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (1). pp. 71–74.

Zelyanko, S.V. (2007) Intertekstualny efekt zhurnalistskay dzeyavnosti [Intertextual effect of journalistic activity]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta. Ser. 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 1. pp. 117–122.

Zinovieva, E.I. (2017) The ethnonyms *rusin*, *rusak* and *ruskiy* in the russian vernacular of Muscovite Rus in the 16th-17th centuries. *Rusin*. 1 (47). pp. 92–105 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/8

Ir. P. (1899) Rusiny [Rusins]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27. St. Petersburg: Tipografiya Akts. obshch. "Izdat. Delo, byvshee Brokgauz-Efron". pp. 296–297.

Kaminskiy, I. (1925) *Natsional'noye samosoznanie nashogo naroda. V" pamyat' A. Dukhnovicha* [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Anon. (1847) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

Anon. (1850) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoj Knigopechatny.

Karaulov, Yu.N. (1987) *Ruskiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.

Krasnykh, V.V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy [The system of precedent phenomena in the context of modern research]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: Filologiya. pp. 5–12.

Ma, T.Yu. (2001) *Natsionalnoe samosoznanie v kontekste yazyka i kultury (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [National Identity in the Context of Language and Culture (on the material of the American English)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Ukhvanova-Shmygova, I.F. (1998) *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktualnye problemy sodержatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Methodology of political discourse research: Actual problems of a content analysis of socio-political texts]. Minsk: Belarussian State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

Anon. (1871) Narodnaya pesnya Rutenov [Rusin folk song]. *Sova. Satiricheskaya gazeta*. 20th June. p. 2.

Nedzelskiy, E. (1932) *Ocherk karpatorusskoj literatury* [An Essay on Carpathian Literature]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1922) *Poezii Aleksandra Dukhnovicha* [Alexander Dukhnovich's Poems]. Uzhhorod: UNIO.

Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok-Zapad.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms "Rusin" and "Rusinian" in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239–255 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/16

Romashchenko, M.A. & Romashchenko, A.A. (2015) Aktualizatsiya ponyatiy "kontsept" i "kontseptual'noye pole" v metodologii istoriko-filosofskikh issledovaniy [The notions "concept" and "conceptual field" in the methodology of historical and philosophical research]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7(57). pp. 147–150.

Sabov, E. (1925a) *Ocherk literaturnoy deyatelnosti i obrazovaniya karpatorossov* [Essay on literary activities and the formation of Carpatho-Rusins]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Sabov, E. (1925b) *Rech po povodu torzhestva otkrytiya pamyatnika-byusta Aleksandra V. Dukhnovicha v V. Sevlyushe 8/VI 1925* [Oratory about the celebration of the opening of the monument to Alexander V. Dukhnovich in Sevlush in 1925]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Brief Grammar of the Written Russian language]. Buda: Martin Bago.

Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

Sulyak, S. (2017) The ethnonym rus in the anthroponymics of Medieval Moldavia. *Rusin*. 1 (47). pp. 80–91 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/7

Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1 (7). pp. 17–32.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus').

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/7

О ПРОБЛЕМАХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРОБЛЕМАХ МНИМЫХ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ К МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ Н.А. МАСЛАКОВЦА

А.З. Держанская¹, А.Ю. Перетяцько²

¹ Южный федеральный университет

Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

E-mail: a.derzhanskaya@yandex.ru

² Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований

США, 20036, г. Вашингтон, Коннектикут Авеню, 1150

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Авторское резюме

Деятельность комиссии для исследования причин, подрывавших хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния неоднократно привлекала внимание историков. Эта комиссия, работавшая под руководством генерал-лейтенанта Н.А. Маслаковца, собрала и обработала обширный массив статистических данных, значение которых трудно переоценить. Однако дискуссии, развернувшиеся между членами комиссии, до сих пор не освещались в исторической литературе. В то время как депутаты от казачьих округов доказывали, что главной причиной обеднения казачьих станиц является недостаток земли (это мнение до сих пор преобладает в историографии), сам Н.А. Маслаковец не считал малоземелье однозначно негативным фактором. На основании как опубликованных, так и архивных материалов мы попытались понять логику странной, на первый взгляд, позиции военного чиновника, показать, что Н.А. Маслаковец считал ключевой проблемой казачества неспособность многих казаков встроиться в современные хозяйственные отношения, преодолеть свое «устарелое мировоззрение». Затем мы применили математико-статистические методы к материалам ко-

миссии. Как следует из расчетов, генерал был прав: в сравнительно малоземельных округах Области войска Донского было меньше бедных казаков. Математико-статистическому анализу подвергаются и другие причины обеднения казаков, отмеченные членами комиссии: рост площадей земельных наделов, сдававшихся в аренду иногородним, и нежелание части казаков самостоятельно обрабатывать свои паи.

Ключевые слова: экономика Области войска Донского начала XX в., обеднение казачества, комиссия Н.А. Маслаковца, Н.А. Маслаковец.

THE REAL AND ALLEGED PROBLEMS: ON THE APPLICATION OF STATISTICAL METHODS FOR N.A. MASLAKOVETS'S COMMISSION

A.Z. Derzhanskaya¹, A.Y. Peretyatko²

¹ Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: a.derzhanskaya@yandex.ru

² International Network Center for Fundamental and Applied Research

1150 Connecticut Avenue, Washington, 20036, USA

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The activities of the commission to investigate what undermined the economy of Don Cossack Hosts and to find measures to restore its well-being has often been in the focus of scholarly attention. The commission headed by Major-General N.A. Maslakovets collected and processed extensive array of statistics, the importance of which cannot be overestimated. However, the discussions between the Commission members have not been covered in the historical literature before. While deputies from the Cossack districts argued that the main cause of impoverishment of the Cossack villages was the lack of land (this opinion is still prevalent in historiography), N.A. Maslakovets did not treat it as a solely negative factor. The authors try to analyse this strange logic on the basis of both published and archival materials, which show that N.A. Maslakovets considered a key problem the inability of the Cossacks to integrate into modern economic relations and to overcome their "outdated ideology". The authors applied mathematical and statistical methods to the materials of the commission to find out that the General was right: the districts suffering from the lack of lands accounted for fewer poor Cossacks. Other causes identified by the Commission were subjected to mathematical and

statistical analysis as well. Among them are the growth of land plots leased to nonresidents and the unwillingness of the Cossacks to work manually on their own land.

Keywords: economy of the Don Host Oblast at the beginning of the 20th century, impoverishment of the Cossacks, N.A. Maslakovets's Commission, N.A. Maslakovets.

1899 г. ознаменовался для донского казачества деятельностью «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния». Столь многословно названная комиссия, известная также как «комиссия Н.А. Маслаковца» – по имени своего председателя, выделялась из числа других подобных временных органов при войсковой администрации сразу по двум причинам. Во-первых, большую часть ее членов составляли не назначенные чиновники, а депутаты, выбранные в равной пропорции от дворян и от станичных обществ. Из 22 чел. только двое представляли Военное министерство, по одному человеку делегировали областное правление, войсковой штаб, Торговое общество и Распорядительный комитет по земским делам. Зато по 8 членов комиссии выставляли окружные дворянские собрания и станицы донских округов, причем в числе избранных ими были и младшие офицеры, и даже один простой казак, и один неслуживый дворянин (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3–3об.). Во-вторых, комиссия должна была обсуждать не какие-то малопонятные обывателям специальные военные или государственные дела, а, вероятно, наиболее актуальный для донского казачества того времени вопрос. Во второй половине XIX в. донские казачьи хозяйства стремительно беднели. П.Г. Мордвинцев, депутат в комиссию Н.А. Маслаковца от хоперского дворянства (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3), сумел описать этот процесс в емкой и афористичной форме: «Если в 1870 г. войсковая администрация безуспешно искала между зажиточными семьями нищих, то через двадцать лет придется, быть может, еще с большей безуспешностью искать затерявшихся между нищими состоятельных» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 8–8об.). И комиссия, как следовало уже из ее названия, должна была разобраться в причинах этого процесса и найти способы повернуть его вспять.

Однако очень быстро оказалось, что взгляды избранных депутатов и правительственных чиновников на причины обеднения донского казачества серьезно расходятся. Уже весной 1899 г. в комиссии Н.А. Маслаковца начались споры. Упомянутый выше П.Г. Мордвинцев и двое его коллег, А.А. Донецкий, выбранный от станиц Черкасского

округа, и В.Я. Бирюков, выбранный от станиц Хоперского округа, подготовили собственные доклады, посвященные экономическим проблемам казачьих хозяйств (Маслаковец 1899b: 1). Несмотря на серьезные различия в аргументации и самом тоне документов (Н.А. Маслаковец противопоставлял доскональный и фактически ценный текст П.Г. Мордвинцева «пикантной» и «фантастической» работе В.Я. Бирюкова (Маслаковец 1899b: 5), в ключевых вопросах все трое депутатов продемонстрировали редкостное согласие. Они связывали обеднение казачьих хозяйств со следующими основными факторами: с лишением войска и станичных обществ прежних доходных статей; с падением наделов в станицах; и, наконец, с ростом после 1875 г. требований к амуниции казаков, выходящих на службу (Маслаковец 1899b: 1). Нетрудно понять, что первый и последний факторы в равной степени влияли на все Донское войско в целом. А вот паевые наделы в разных станицах уменьшались разными темпами, и именно несоответствие этих темпов с темпами падения благополучия казаков и привлекло внимание Н.А. Маслаковца.

Таблица 1

**Сравнительные хозяйственные показатели Преображенской
и Михайловской станиц (по Н.А. Маслаковцу)**

Показатель	Преображенская станция	Михайловская станция
Доля казаков, способных без проблем самостоятельно снарядиться на службу	29,9%	10,25%
Доля казаков, способных снарядиться на службу ценой расстройства хозяйства	38,18%	47,5%
Доля казаков, не способных снарядиться на службу без посторонней помощи	32,73%	42,25%
Соотношение пайевой земли	2,08	1
Соотношение богатства казаков	1,2	1

Источник: Маслаковец 1899b: 2.

Председатель комиссии обратил особое внимание на станицу Преображенскую, паевые участки в которой достигали 25 десятин земли, т. е. соответствовали средним казачьим наделам благополучных 1860–1870-х гг. Несмотря на это, почти 1/3 населения станицы (32,73 %) относилась к бедным казакам, не способным снарядиться на службу без посторонней помощи (Маслаковец

1899b: 2). Таким образом, большой надел еще не гарантировал зажиточности. Правда, обеднение казаков Преображенской станицы можно было связать с двумя другими факторами, о которых писали П.Г. Мордвинцев, А.А. Донецкий и В.Я. Бирюков, – с уменьшением станичных доходов и с возрастанием требований к амуниции выходящих на службу казаков. Однако Н.А. Маслаковец предлагал до того, как переходить к таким выводам, сравнить хозяйственные показатели Преображенской станицы с соседней Михайловской, в которой средний надел не превышал 12 десятин (Маслаковец 1899b: 2).

К сожалению, Н.А. Маслаковец не объяснил, каким образом он высчитывал соотношение богатства казаков в различных станицах. Уже это заставляет с определенной осторожностью подходить к выводам генерала, тем более что он допускал и ошибки в расчетах: так, сумма долей всех категорий населения станицы Преображенской, выделенных в таблице, составляет более 100 %, чего, разумеется, не должно быть. Тем не менее приведенный Н.А. Маслаковцом пример ясно показывал, что даже в соседних станицах, находившихся в схожих экономических условиях, нельзя было напрямую связать уровень благосостояния и размер земельных наделов. Для Области войска Донского военный чиновник и вовсе выводил обратную зависимость: Усть-Медведицкий и Донецкий округа, для которых были характерны меньшие паевые наделы, были благополучнее Черкасского, 1-го Донского, Сальского и Ростовского округов, где паевые наделы были больше (Маслаковец 1899b: 2). В пику казачьим депутатам Н.А. Маслаковец заявлял, что зажиточность казаков напрямую зависела от их хозяйственности, от умения использовать уже имеющиеся ресурсы (Маслаковец 1899b: 2). Он даже доходил до утверждений о том, что обезземеливание имело серьезные положительные стороны, которые игнорировались самими казаками: так, хотя в прежние десятилетия их душевой надел доходил до 25 десятин, только малая часть казачьих участков активно использовалась, и на семью в среднем приходилось не более 5 десятин запаханной земли. К 1899 г. душевой надел сократился до 14 десятин, зато средняя казачья семья запахивала уже 12 десятин (Маслаковец 1899b: 3). И поскольку, по мнению Н.А. Маслаковца, главная причина обеднения казачьих хозяйств заключалась в самих казаках, многие из которых из-за кажущегося многоземелья не сумели адаптироваться к изменившимся условиям, оказывать им помощь следовало крайне осторожно, чтобы не усугубить проблемы (Маслаковец, 1899b: 4).

Однако в долгосрочной перспективе доводы донских депутатов возобладали над доводами председателя «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный

быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния». Крупный современный исследователь донского казачества второй половины XIX в. А.А. Волвенко пишет по этому поводу: «Сами же казаки в ответе на вопрос о причинах "упадка благосостояния казачьего земледельческого населения" прежде всего указывали на уменьшение паевого надела» (Волвенко 2017: 147). Однако, не критикуя общепринятую в историографии концепцию, в соответствии с которой «казачье малоземелье традиционно связывают с обеднением казачьих семей и, как следствие, с неспособностью выставить на службу казака согласно требованию военного устава», А.А. Волвенко подчеркивает, что «были и другие причины экономических трудностей донского казачества» (Волвенко 2017: 149). Из вышедших в последние годы работ любопытна статья одного из авторитетнейших ростовских историков Н.А. Мининкова, посвященная проектам донского экономиста начала XX в. И.В. Тимощенко. Современный ученый следующим образом характеризует взгляды своего героя, никак не комментируя их: «Говоря о нехватке земли у казаков, Тимощенко на основании своих обследований указывал, что все это касается не всех, но только лишь некоторых станиц и их юртов. Он обращал внимание на существенные различия в земельном обеспечении разных станиц» (Мининков 2016: 170–177). Заслуживает внимания и позиция А.П. Скорика, уделившего работе комиссии Н.А. Маслаковца заметное внимание в своей последней книге (Скорик 2015: 80–110). Этот автор концентрирует главное внимание не на какой-либо отдельной причине обеднения казачьих хозяйств, а на их совокупности, которая вела к «процессам расказачивания» (Скорик 2015: 110). Однако утверждения Н.А. Маслаковца об «устаревшем мировоззрении» казаков и неэффективности их хозяйств не привлекли внимания и А.П. Скорика.

Таким образом, хотя традиционно важнейшей причиной обеднения донского казачества в полном соответствии с утверждениями депутатов комиссии Н.А. Маслаковца считается малоземелье, из публикаций последнего десятилетия следует, что подобная точка зрения все менее удовлетворяет историков. Авторы, специально занимающиеся периодом конца XIX – начала XX в., обращают внимание на иные причины этого процесса, а также, соглашаясь уже с Н.А. Маслаковцем, на тот факт, что малоземелье, в отличие от обеднения казаков, было характерно далеко не для всех станиц Области войска Донского. Однако поставить точку в этом уже более чем столетнем споре крайне сложно. Как же можно отделить истинные

утверждения от тех, которые кажутся логичными, но не соответствуют действительности?

Чтобы получить хотя бы предварительный ответ на этот вопрос, мы решили применить к материалам комиссии Н.А. Маслаковца некоторые математико-статистические методы. Следует уточнить, что, насколько нам известно, подобные методы еще не использовались при исследовании донского казачества второй половины XIX в. Этому есть как субъективные, так и объективные причины: прежде всего, сами сведения донской статистики этого периода не слишком точны, и одни и те же цифровые показатели в отчетах одного десятилетия могут расходиться в десятки раз (Peretyatko 2015: 259). Материалы Донского статистического комитета в Государственном архиве Ростовской области отражают причины возникновения такой ситуации: основной источник статистической информации – посемейные списки – составлялись без должного контроля сверху, часто по заявлениям местных жителей, не соответствовали действительности (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 233–234), а такой крупный донской ученый, как Н.И. Краснов, считал их еще и методологически неправильно собираемыми (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 302–304 об.). Поэтому проведенные нами расчеты не претендуют на то, чтобы репрезентативно отражать ситуацию 1890-х гг. Мы пытаемся только уловить важнейшие тенденции, исходя из того предположения, что некоторые сведения официальной статистики этого десятилетия хотя бы приблизительно верны.

Поэтому мы и приняли решение ограничиться обращением исключительно к материалам комиссии Н.А. Маслаковца. С одной стороны, сопоставление содержащихся в ее докладах статистических сведений с другими источниками потребовало бы отдельного исследования, рассматривающего, как минимум, вопросы о том, каким образом была получена первичная статистическая информация для этих источников, по каким методологическим принципам велась их обработка. С другой стороны, именно материалы интересующей нас комиссии кажутся заслуживающими наибольшего доверия, поскольку в ее состав входили депутаты из всех донских округов, некоторые из них даже проводили собственные статистические исследования в ходе своей работы (Мордвинцев 1899: 1–16). Исходя из сложившейся ситуации, мы использовали только наиболее базовые и очевидные статистические сведения, в которых серьезные ошибки наименее вероятны (площади паевых наделов, объемы финансовой помощи неисправным казакам и т. п.), а также наиболее простые формулы, претендующие только на обнаружение очевидной взаимосвязи между двумя факторами. Речь идет о формулах вычисления коэффициента

детерминации. Этот коэффициент, по определению известного российского историка Б.Н. Миронова, «служит непосредственным способом выражения доли, или процента, тех изменений, которые в данном явлении зависят от изучаемой причины» (Миронов 1991: 94). Приведем формулы, по которым нами будет высчитываться коэффициент детерминации в данной статье.

Формула вычисления коэффициента детерминации (Миронов 1991: 94; Негин, Миронос 2012: 18):

$$D = r^2, 100\%$$

где D – коэффициент детерминации; r – коэффициент корреляции.

Формула вычисления коэффициента корреляции (Миронов 1991: 94; Негин, Миронос 2012: 18):

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

где x_i, y_i – значения признаков x и y для i -го объекта; n – число объектов; \bar{x}, \bar{y} , – средние арифметические значения признаков x и y .

К сожалению, материалы возглавляемой комиссии Н.А. Маслаковца не содержат прямых указаний на степень благосостояния тех или иных станиц. Однако в одной из таблиц итогового доклада ее председателя отмечено, каковы были ежегодные расходы «на снаряжение неимущих казаков» в каждом округе. Исходя из этих данных, можно рассчитать, какие суммы для помощи беднейшим хозяевам при выходе на службу тратились в разных округах на душу населения. Может показаться, что расчет благосостояния казаков по этому признаку, а не по размеру запаханной земли или количеству голов скота, несколько искусствен. Однако сами члены комиссии Н.А. Маслаковца делили казаков на три категории (условно богатых, средне зажиточных и бедных) в прямом соответствии с их возможностями самостоятельно закупить необходимую для несения воинской повинности амуницию. Так, богатые семьи могли «без особенного для своего хозяйства ущерба» «даже выставлять в совершенно исправном виде одного из своих членов на действительную службу», средние «теряли хозяйственную устойчивость при всяком обстоятельстве, выходящем из среды обыкновенных житейских потребностей», включая, очевидно, и снаряжение на службу, а бедные «за редкими лишь исключениями являлись постоянными должниками станичного общества за снаряжение их при выходе на действительную службу (курсив наш. –

А.П., А.Д.)» (Маслаковец 1899а: 46). Следовательно, по объему денежной помощи казакам, не сумевшим самостоятельно купить амуницию, можно судить если не о благосостоянии округов в целом, то хотя бы о доле откровенно недостаточных хозяйств. Исходя из этих соображений, мы составили табл. 2.

Таблица 2

Объем финансовой помощи казакам, не способным самостоятельно снарядиться на службу, на душу паевого казачьего населения различных округов Области войска Донского

Округ	Число казаков, наделенных паями / имеющих право на пай	Общая сумма помощи, руб.	Сумма помощи на казака, имеющего пай / право на пай
Черкасский	31 717 / 31 914	47 693	1 руб. 50 коп. / 1 руб. 50 коп.
Донецкий	74 102 / 77 448	30 320	41 коп. / 39 коп.
1-й Донской	64 606 / 65 145	44 550	69 коп. / 68 коп.
2-й Донской	63 708 / 64 424	32 030	50 коп. / 50 коп.
Усть-Медведицкий	56 738 / 57 498	15 444	27 коп. / 27 коп.
Хоперский	55 679 / 55 679	30 903	56 коп. / 56 коп.
Сальский	2 419 / 5 024	16 360	6 руб. 76 коп. / 3 руб. 26 коп.
Ростовский	4 692 / 5 379	9 187	1 руб. 96 коп. / 1 руб. 71 коп.
Таганрогский	1 705 / 1 705	1 340	79 коп. / 79 коп.

Источник: Маслаковец 1899а: 44, 49.

Напомним, что, согласно утверждениям Н.А. Маслаковца, Усть-Медведицкий и Донецкий округа в конце XIX в. были довольно зажиточными, а Черкасский, 1-й Донской, Сальский и Ростовский, напротив, отличались относительной бедностью. Как мы видим, составленная нами на основании не вполне очевидного признака казачьей бедности таблица полностью совпадает с нецифровыми утверждениями крупного знатока Дона. Только в Усть-Медведицком и Донецком округах на казачью душу приходилось менее 50 коп. финансовой помощи при выходе на службу, а в Черкасском, Сальском, Ростовском и 1-м Донском округах на такую же душу приходилось более 68 коп., а если исключить из рассмотрения последний округ – даже 1 руб. 50 коп. Настало время вычислить коэффициент

детерминации между этими суммами помощи и размером земельных паев в станицах (табл. 3).

Таблица 3

Расчетная таблица для вычисления корреляции и детерминации между объемами финансовой помощи казакам при снаряжении на службу на душу паевого казачьего населения и размерами паевых участков

Округ	Сумма помощи на казака, имеющего пай / право на пай	Общий размер пая, дес.	Площадь пашенных земель в пае, дес.	Площадь луговых земель в пае, дес.
Черкасский	1 руб. 50 коп. / 1 руб. 50 коп.	15,5	12	3,5
Донецкий	41 коп. / 39 коп.	10,25	9	1,25
1-й Донской	69 коп. / 68 коп.	11,2	9,2	2
2-й Донской	50 коп. / 50 коп.	10,5	9,7	0,8
Усть-Медведицкий	27 коп. / 27 коп.	10,3	9,4	0,9
Хоперский	56 коп. / 56 коп.	9,6	9	0,6
Сальский	6 руб. 76 коп. / 3 руб. 26 коп.	22	16	6
Ростовский	1 руб. 96 коп. / 1 руб. 71 коп.	17	12,5	4,5
Таганрогский	79 коп. / 79 коп.	15,2	15	0,2
Коэффициент корреляции		0,89 / 0,95	0,74 / 0,79	0,85 / 0,93
Коэффициент детерминации		78 % / 90 %	55 % / 62 %	72 % / 86 %

Источник: Маслаковец 1899а: 44, 49.

Таким образом, использование математических методов полностью подтверждает правоту Н.А. Маслаковца, поскольку коэффициент корреляции между площадью казачьего пая и объемом ссуд для снаряжения на службу из станичных сумм на душу населения имеет положительное, а не отрицательное значение, и, следовательно, между этими факторами наблюдалась прямая, а не обратная зависимость: чем больше был средний пай в округе, тем больше денег требовалось для помощи бедным казакам. Более того, по оценке Б.Н. Миронова, если коэффициент детерминации

выше 50 %, то «можно говорить о тесной связи и зависимости между переменными и о решающей роли данной причины (курсив наш. – А.Л., А.Д.)» (Миронов 1991: 94–95). Хотя, как мы писали выше, к любым статистическим сведениям об Области войска Донского 1890-х гг. нужно относиться с осторожностью, теперь очевидно, что историк, опиравшийся на материалы «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния», должен был понимать: приводимые в ее докладах цифровые данные опровергают утверждения донских казаков о вредном влиянии малоземелья на благосостояние их хозяйств, зато, напротив, подтверждают правоту Н.А. Маслаковца, писавшего, что избыток земли казакам скорее опасен.

Впрочем, члены комиссии Н.А. Маслаковца выдвигали предположения о связи еще одного фактора со все возрастающим обеднением казачества. Донские депутаты много говорили о негативном влиянии иногородних на казачье благосостояние. П.Г. Мордвинцев вообще сравнивал иногородних с пиявками, сосущими казачьи соки (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 5 об.). Но Н.А. Маслаковец не вполне соглашался с донскими депутатами и в этом вопросе. В принципе, генерал признавал, что аренда казачьих участков представляет собой крайне негативное явление. Еще в бытность оренбургским атаманом он жаловался, что «станичные довольствования стали разбиваться на отдельные паи, захватываться у недавних хозяев-казаков и часто на невыгодных для них условиях иногородними промышленниками» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7). Тем не менее еще тогда Н.А. Маслаковец возлагал вину за это не столько на иногородних, сколько на самих станичников. Он писал: «Казачи же, воспользовавшиеся правом передачи земельных паев для обработки в посторонние руки, сдав таковые на более или менее продолжительные сроки и часто за незначительную арендную плату, очутились без земли и без денег на тягость как собственным семьям, так и целому обществу» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7 об.). В бытность генерала председателем «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» его позиция по этому вопросу не претерпела серьезных изменений. Он признавал, что хозяйственная деятельность иногородних арендаторов крайне невыгодна для жителей станиц, но оговаривал при этом, что богатые пришельцы из других губерний, при всей критике в их адрес, остаются «желательными для казака эксплуататорами обширных земельных довольствий последнего»

(Маслаковец 1899b: 3). Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем вниманию читателя табл. 4, 5.

Таблица 4

Сведения о размерах площадей казачьих наделов в разных округах и о доле земли, занятой иногородним

Округ	Общая площадь казачьих наделов, дес.	Количество земли, занятой иногородними, десятин	Доля земли, занятой иногородними, по отношению к казачьим наделам, %
Черкасский	491 938	59 898	12,1
Донецкий	361 658	1 873	0,5
1-й Донской	746 397	18 444	2,5
2-й Донской	791 052	2 757	0,3
Усть-Медведицкий	700 780	3 260	0,5
Хоперский	840 955	36 121	4,3
Сальский	59 600	48 310	81
Ростовский	81 346	8 441	10,4
Таганрогский	25 860	8 954	34,6

Источник: Маслаковец 1899a: 49–50.

Таблица 5

Расчетная таблица для вычисления корреляции и детерминации между объемами финансовой помощи казакам при снаряжении на службу на душу паевого казачьего населения и количеством/долей сдаваемых иногородним земель

Округ	Сумма помощи на казака, имеющего пай/право на пай	Количество земли, занятой иногородними, дес.	Доля земли, занятой иногородними, по отношению к казачьим наделам
Черкасский	1 руб. 50 коп. / 1 руб. 50 коп.	59 898	12,2 %
Донецкий	41 коп. / 39 коп.	1 873	0,5 %
1 Донской	69 коп. / 68 коп.	18 444	2,5 %
2 Донской	50 коп. / 50 коп.	2 757	0,3 %
Усть-Медведицкий	27 коп. / 27 коп.	3 260	0,5 %
Хоперский	56 коп. / 56 коп.	36 121	4,3 %

Окончание таблицы 5

Округ	Сумма помощи на казака, имеющего пай/право на пай	Количество земли, занятой иногородними, дес.	Доля земли, занятой иногородними, по отношению к казачьим наделам
Сальский	6 руб. 76 коп. / 3 руб. 26 коп.	48 310	81 %
Ростовский	1 руб. 96 коп. / 1 руб. 71 коп.	8 441	10,4 %
Таганрогский	79 коп. / 79 коп.	8 954	34,6 %
Коэффициент корреляции		0,55/0,62	0,92 / 0,86
Коэффициент детерминации		30 % / 38 %	84 % / 74 %

Источник: Маслаковец 1899а: 44, 49–50.

Как мы видим, донские депутаты были правы: несмотря на то, что только в Сальском и Таганрогском округах иногородние хозяйства занимали более 15 % от площади казачьей паевой земли, коэффициент детерминации между площадями наделов иногородних и выплатами неисправным казакам при снаряжении на службу составил 30 % / 38 %, в зависимости от того, будем мы учитывать в своих расчетах казаков, имевших право на пай, но не получивших его, или нет. Любой из этих коэффициентов доказывает наличие взаимосвязи между двумя факторами, и сбрасывать его со счетов было бы неразумно (Миронов 1991: 95). Однако очевидно, что куда большее влияние на благосостояние казачьих хозяйств оказывала доля участков, переданных в пользование иногородним. Коэффициент детерминации в данном случае, как мы видим, достигает 84 % / 74 %.

Может показаться странным, что средний размер казачьих паев и отношение к их общей площади земли, занятой иногородними, в сумме оказывали на богатство казаков влияние, превышающее 100 %. Однако тут следует сделать важное уточнение. Мы высчитывали т. н. полные парные коэффициенты корреляции, которые не учитывают возможности влияния на результат нескольких факторов. Соответственно, не принимается в расчет и то, что действие этих факторов может суммироваться (Миронов 1991: 97–100). Между тем оба рассмотренных нами фактора дополняли друг друга, и между

ними наблюдалась тесная корреляция, что подтверждается данными табл. 6.

Таблица 6

Расчетная таблица для вычисления корреляции и детерминации между размерами паевых участков и долей занятых иногородними земель

Округ	Общий размер пая, дес.	Доля земли, занятой иногородними, по отношению к казачьим наделам
Черкасский	15,5	12,1 %
Донецкий	10,25	0,5 %
1-й Донской	11,2	2,5 %
2-й Донской	10,5	0,3 %
Усть-Медведицкий	10,3	0,5 %
Хоперский	9,6	4,3 %
Сальский	22	81 %
Ростовский	17	10,4 %
Таганрогский	15,2	34,6 %
Коэффициент корреляции		0,87
Коэффициент детерминации		76 %

Источник: Маслаковец 1899а: 44, 49–50.

Формат статьи заставляет нас ограничиться приведенными вычислениями, оставив на будущее проверку историко-статистическими методами других факторов, которые современники связывали с обеднением донского казачества. Дело в том, что этих факторов слишком много, и их детальное рассмотрение потребовало бы полноценной монографии. Мы уже писали, что члены комиссии Н.А. Маслаковца связывали обеднение казачества с ростом требований к казачьей амуниции и с лишением войска и станичных обществ прежних доходных статей. Кроме того, например, в Государственном архиве Ростовской области мы обнаружили частную записку, связывающую обеднение донских станиц с неразвитостью системы образования на Дону и с некомпетентностью тех станичных атаманов, которые прежде были писарями и не имели должной подготовки (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3282. Л. 14–22).

В заключение же отметим, что даже В.Я. Бирюков, самый радикальный из членов комиссии Н.А. Маслаковца, писал, что только

«поверхностные исследователи» могут обвинять донских казаков в неумении или нежелании заниматься сельским хозяйством. Да, их поля часто бывали плохо обработаны, но исключительно из-за стесненного материального положения (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 9–9 об.). Однако даже он был вынужден признавать, что увеличение казачьих наделов – тупиковый путь, обреченный с самого начала, поскольку в Области войска Донского уже физически не хватало земли, чтобы обеспечить ей в прежней пропорции все казачье население (Бирюков 1899: 13). И радикальный казакоман в конце своего доклада неожиданно начинал излагать мысли, на редкость близкие его противнику Н.А. Маслаковцу: «Если прежде главным залогом прочного благосостояния казаков было обилие и плодородие земли (а не питейный доход, удовлетворявший тогда только незатейливые общественные и земские повинности и выручавший казака в несчастных случаях), то теперь таковым может быть *только личный, постоянно упорный и свободный труд казака и усовершенствование этого труда* (курсив наш. – А.П., А.Д.)» (Бирюков 1899: 13). Таким образом, даже В.Я. Бирюков не считал главной казачьей проблемой малоземелье и тоже признавал, что казакам прежде всего необходимо адаптироваться к новым условиям. Поэтому наши странные, на первый взгляд, выводы вовсе не противоречат мнению современников комиссии Н.А. Маслаковца: просто математико-статистические методы, опровергнув наиболее распространенные в историографии утверждения, подтвердили личные и менее известные наблюдения, разбросанные по множеству текстов конца XIX – начала XX в.

Малоземелье отнюдь не обрекало донских казаков на бедность, как утверждали многие авторы. Наоборот, оно неожиданно оказалось благом в масштабе округов Области войска Донского: в то время как на сравнительно многоземельных территориях юга, к тому же близких к городским и административным центрам, большая часть казаков вела «легкий, пассивный образ косного существования», в северных, относительно малоземельных районах все больше казаков вставали на «серьезный, освященный знанием и опытом путь личной инициативы и активной деятельности в сфере эксплуатации окружающих их естественных богатств природы». Поскольку мы располагаем не слишком точными статистическими данными и высчитывали только полные парные коэффициенты корреляции, то вопрос о том, насколько малоземелье способствовало изменениям в казачьих хозяйствах и их адаптации к новым отношениям, остается открытым. Однако сам факт подобного полезного влияния малоземелья не в масштабе отдельных станиц, но в масштабе округов представляется нам доказанным, по крайней мере, для тех цифр,

которые приводились в докладе Н.А. Маслаковца. Мы встаем на скользкий путь предположений, но, судя по нашим расчетам, генерал был прав в своих опасениях и в борьбе с донскими депутатами. В деле помощи казачеству власти должны были быть очень осторожными, и увеличение наделов не только в самых малоземельных станицах, но по Области войска Донского в целом, скорее всего, привело бы к негативному эффекту, поскольку «встраивание» станиц в изменившиеся условия замедлилось бы.

Зато подтвердились утверждения донских депутатов, согласно которым передача значительной части земли иногородним свидетельствовала об общем неблагополучии дел в округе. Депутаты связывали это с тем негативным воздействием, которое чужаки-«пиявки» оказывали на казаков. На наш взгляд, вернее было бы говорить о том, что иногородние были допущены на донские земли относительно недавно, и крупные земельные довольствия были переданы им только в самых многоземельных округах. Но это предположение носит уже субъективный характер, а пока можно констатировать, что из статистических материалов комиссии Н.А. Маслаковца можно вывести два фактора, оказывавших негативное влияние на богатство казаков: большой средний паевой надел в округе и высокая доля земель, переданных иногородним в том же округе.

Хотя наша статья представляет собой только первую попытку применения математико-статистических методов к Области войска Донского второй половины XIX в., тем не менее, уже понятно, что дальнейшее применение этих методов может привести к очень интересным выводам и заставить как пересмотреть многие традиционные в историографии утверждения, так и, напротив, подтвердить.

ЛИТЕРАТУРА

Бирюков 1899 – *Бирюков В.Я.* Доклад члена комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск: [Б. и.], 1899. 13 с.

Волвенко 2017 – *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднейимперский период (II пол. XIX – нач. XX в.). Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. 226 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3282. Материалы комиссии генерал-лейтенанта Маслаковца. 1898–1899 гг.; Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Протоколы заседаний комитета. 1839–1869 гг.

Маслаковец 1899а – *Маслаковец Н.А.* О занятиях высочайше учрежденной

16-го июня 1898 года комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899а. 123 с.

Маслаковец 1899b – *Маслаковец Н.А.* Представленные г. председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск: [Б. и.], 1899. 11 с.

Мининков 2016 – *Мининков Н.А.* «Столыпинский» проект на Дону: донской экономист И.В. Тимошенко о переселениях казаков и создании новых станиц // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 170–177.

Мионов 1991 – *Мионов Б.Н.* История в цифрах. Л.: Наука, 1991. 167 с.

Мордвинцев 1899 – *Мордвинцев П.Г.* Доклад члена комиссии П.Г. Мордвинцева о современном экономическом и сельскохозяйственном положении казачьего населения Донской области. Новочеркасск: [Б. и.], 1899. 16 с.

Негин, Миронос 2012 – *Негин А.Е., Миронос А.А.* Математические методы в исторических исследованиях. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2012. 41 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Министерство военное. Канцелярия министерства. Программа занятий «Высочайше утвержденной комиссии для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт войска Донского, и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния». Приложение «Список лиц, входящих в комиссию». 1898 г.; Ф. 1055. Ед. хр. 24. Чигринцев А.А. Записка по поводу заключений о причинах обеднения казачьего населения области войска Донского, установленных комиссией. 1899 г.; Ф. 1055. Ед. хр. 104. Маслаковец Н.А. Записка о вредном влиянии реформ 1860-х гг. на экономическое положение Оренбургских казачьих войск и о мерах подъема их благосостояния. 1889 г.

Скорик 2015 – *Скорик А.П.* Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с.

Peretyatko 2015 – *Peretyatko A.Y.* Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. (16), is. 4. S. 258–282.

REFERENCES

Biryukov, V.Ya. (1899) *Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyanii voynskoi sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt* [Report of the Commission member V.Ya. Biryukov on the impact of military service of the Don Cossacks on their economic life]. Novocherkassk: [s.n.].

Volvenko, A.A. (2017) *Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the history of the Don Cossacks in the late Imperial period (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: Rostov State Economical University.

The State Archive of Rostov Region. (n.d.) *Materialy komissii general-leitenanta Maslakovtsa, 1898–1899* [Materials of the Major-General Maslakovets' Commission, 1898–1899]. Fund 46. List 1. File 3282.

Maslakovets, N.A. (1899a) *O zanyatiyakh vysochayshe uchrezhdennoy 16-go iyunya 1898 goda komissii v oblasti voyska Donskogo i o dostignutykh yeyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voyennogo ministra General'nogo shtaba general-leytenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g.* [On the occupations of the Highest Commission in the Don Cossack Host on June 16, 1898 and on the results achieved by it: Report of Major-General Maslakovets of August 23, 1899]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.

Maslakovets, N.A. (1899b) *Predstavlennye g. predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova.* [Considerations submitted by the Chairman of the Commission related to the reports from Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk: [s.n.].

Mininkov, N.A. (2016) “Stolypinskii” proekt na Donu: donskoi ekonomist I.V. Timoshchenkov o pereseleniyakh kazakov i sozdaniy novykh stanits [The “Stolypin” project on the Don: the Don economist I.V. Timoshchenkov about the resettlement of Cossacks and about the creation of new stanitsas]. *Novoe proshloe – The New Past*. 4. pp. 170–177.

Mironov, B.N. (1991) *Istoriya v tsifrakh* [History in Numbers]. Leningrad: Nauka.

Mordvintsev, P.G. (1899) *Doklad chlena Komissii P.G. Mordvintseva o sovremennom ekonomicheskom i sel'skokhozyaistvennom polozhenii kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti* [Report of the Commission member P.G. Mordvintsev about the contemporary economic and agricultural situation of the Cossack population of the Don region]. Novocherkassk: [s.n.].

Negin, A.E. & Mironos, A.A. (2012) *Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Mathematical methods in historical research]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

Department of Manuscripts of Russian National Library. (n.d.) *Ministerstvo voennoe. Kantselyariya ministerstva. Programma zanyatii “Vysochaishe utverzhdennoi komissii dlya issledovaniya prichin, podryva yushchikhk hozyaistvennyi byt voyska Donskogo, i dlya izyskaniya mer k vosstanovleniyu ego ekonomicheskogo blagosostoyaniya”*. Prilozhenie “Spisok lits, vkhodyashchikh v komissiyu” [The Ministry of War. Chancellery of the Ministry. The program of studies “The Highest Commission for the study of the causes undermining the economy of the Don Hosts, and to find measures to restore its economic well-being”. Appendix “List of persons included to the commission”]. Fund 1055. File 18.

Skorik, A.P. (2015) *Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [The Milyutin Cossack yurt: Historical reconstruction]. Novocherkassk: Lik.

Peretyatko, A.Yu. (2015) Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR. *Russkaya Starina*. 4. pp. 258–282.

Держанская Анастасия Захаровна – студентка кафедры математического моделирования Института математики, механики и компьютерных наук им. И.И. Воровича Южного федерального университета (Россия).

Anastasiia Z. Derzhanskaya – Southern Federal University (Russia).

E-mail: a.derzhanskaya@yandex.ru

Перетяцько Артем Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (США).

Artyom Yu. Peretyatko – International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA).

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

УДК 947.083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/8

ЧЕСТВОВАНИЯ ПАМЯТИ Н.В. ГОГОЛЯ (В 1902 И 1909 гг.) И «ШЕВЧЕНКОВСКИЕ ВЕЧЕРА» КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОФЕССУРЫ г. ТОМСКА*

А.О. Степнов¹, С.Ф. Фоминых²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

В статье на материалах периодической печати Сибири рассматриваются взаимовлияние просветительской деятельности профессоров-юристов Императорского Томского университета (М.А. Рейснера и И.А. Малиновского) в ходе чествований памяти Гоголя и Шевченко и политическая идентичность либеральной интеллигенции начала XX в. Подчеркивается, что 50-летняя годовщина смерти в 1902 г. и 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя в 1909 г. приняли национальный характер, что нашло отражение в целом ряде мероприятий, организованных в т. ч. числе в Томске. Заметное место в общественной жизни города играли и «Шевченковские вечера», приуроченные к 40-летию со дня смерти поэта и отмены крепостного права в России. Подчеркивается, что для просветительской репрезентации образов писателей в лекциях и публичных выступлениях Рейснера и Малиновского характерна транстемпоральность – перевод проблем современности в историческую плоскость. Важной тенденцией этого процесса было слияние этнического и политического дискурсов, в результате чего борьба «младшего брата» за национальную независимость отождествлялась с борьбой за гражданскую свободу. В выступлениях профессоров данная тенденция проявилась в усилении категории права метафорой «почвы».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

Трактовка биографий и творчества писателей, а также исторического контекста проходила по принципу избирательности. С одной стороны, это влекло за собой ряд противоречий между провозглашением Гоголя «борцом за освободительное движение» и содержанием его творчества, так же, как и личной позицией, а с другой стороны, результатом этой исторической технологии стало появление двух великих писателей на символической карте либерального дискурса русской интеллигенции.

Ключевые слова: Гоголь, Шевченко, славянский мир, либеральный дискурс, Томск, М.А. Рейснер, И.А. Малиновский, чествование памяти.

HONOURING THE MEMORY OF N.V. GOGOL (IN 1902 AND 1909) AND “SHEVCHENKO’S EVENINGS” AS POLITICAL IDENTITY TOOLS OF TOMSK LIBERAL PROFESSORATE*

A.O. Stepnov¹, S.F. Fominykh²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Abstract

In this article the Siberian periodicals are used to examine the mutual influence of educational activities of law professors of Imperial Tomsk University (M.A. Reisner and I.A. Malinovsky) during the honouring of the memory of N.V. Gogol and T. Shevchenko and the political identity of liberal intelligentsia in the early 20th century. The national celebrations of Gogol's anniversaries in 1902 and 1909 included a number of events in Tomsk. “Shevchenko's evenings”, dedicated to the 40th anniversary of the poet's death and the abolition of serfdom in Russia also played a prominent role in the city's public life. The educational representation of writers' images in Reisner's and Malinovsky's lectures and public speeches were of atranstemporal character, i.e. the problems of modernity were discussed in the historical perspective. An important trend of this process was the merging of ethnic and political discourses, when the struggle of the “younger brother” for national independence was identified with the struggle for civil

* The research was supported by the Russian Science Foundation (Project Nr. 18-18-00121).

freedom. Speaking about the category of law, the professor used the metaphor “soil”. The interpretation of writers’ biographies and works as well as the historical context were of selective nature. On the one hand, this entailed a number of contradictions between the proclamation of Gogol as a “fighter for the liberation movement” and the content of his works and personal position. On the other hand, this historical technology resulted in the appearance of the two writers on the liberal discourse symbolic map of Russian intelligentsia.

Keywords: Gogol, Shevchenko, Slavic world, liberal discourse, Tomsk, M.A. Reisner, I.A. Malinovsky, honouring the memory.

Формирование политической идентичности либеральной интеллигенции подчас проходит в отражении диалога с обществом, в социальной коммуникации интеллектуала, просвещающего народ. Здесь цель нередко совпадает со средствами: попытка донести до «просвещенного внимания» публики определенный корпус идей сама по себе становится вехой в формировании социально-политических воззрений адресантов этого просвещения. Представители томской либеральной профессуры начала XX в., ориентировавшиеся в своих устремлениях на реформу социального и политического строя, на водворение начал гражданской и политической свободы и на гармоничное развитие личности как приоритет (Харусь 2011: 27), в истории, которую нам предстоит рассмотреть, образы прошлого подчинили повестке настоящего.

В общественной жизни г. Томска, первого научно-образовательного и просветительского центра Северной Азии, в конце XIX – начале XX в. заметную роль играли чествования памяти русских писателей: Жуковского, Пушкина, Чехова и др. В своем исследовании мы обращаемся к двум фигурам, знаковым для славянского мира, хотя и сложным в плане этнокультурной идентификации, – Т.Г. Шевченко и Н.В. Гоголю.

В 1901 г. профессура и городские обыватели отдавали дань памяти Шевченко по случаю 40-летней годовщины смерти поэта. А двумя годами ранее, 26 февраля 1899 г., местное Общество попечения о начальном образовании организовало «Шевченковский вечер». В феврале – апреле 1902 г. «Сибирский Оксфорд» провел целый ряд мероприятий чествования памяти, приуроченных к 50-летию со дня смерти Гоголя. На вечере, устроенном 17 февраля тем же Обществом попечения в помещении общественного собрания, вниманию публики была представлена «разнообразная и интересная программа», в которую входили чтение биографии писателя, а также постановка отдельных сцен из «Мертвых душ», «Старосветских помещиков», «Тараса Бульбы» (Томская хроника 1902а).

Отметим, что по циркуляру министра народного просвещения П.С. Ванновского в тот год «по отслужении всеобщей накануне дня кончины», или «Божественной заупокойной литургии в самый день кончины», «или, наконец, панихиды, как то представляется наиболее удобным по местным условиям», в помещениях всех учебных заведений устраивались торжественные акты «с разъяснением значения почившего писателя в отечественной литературе и истории» (Циркуляр 1902). 22 февраля в здании бесплатной (народной) библиотеки Томска состоялось литературно-вокальное утро для учащихся народных школ. Апофеозом тогда стало, под пение «Слава», поднесение венков, надетых на древко знамен, к сцене, где воспитанники школ, «склоняя знамена», увешивали венками портрет великого писателя. Подобные акты памяти проходили в Александровской и Уржатской школах, а также во всех средних учебных заведениях Томска.

Днем ранее, 21 февраля, помещение мужской гимназии декорировали флагами. В зале, предназначенном для торжественного вечера, эстрада была обтянута красным сукном, а на одной из стен присутствующие наблюдали портрет Гоголя, «удачно исполненный учеником 8-го класса гимназии Горбатовым». Вновь на торжественном вечере звучали гимны, исполненные хором гимназистов, в частности «Слава Гоголю» на музыку Гинзбурга; стихотворение «В честь Гоголя», декламированное одним из учеников; представлялись постановки сцен из «Ревизора». Вечер в числе прочих почтил своим присутствием и попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев (Томская хроника 1902b).

Не осталась безучастной и местная власть. Так, гласный местной думы А.Н. Шипицын накануне чествований обратился к городскому голове А.П. Карнакову с предложением учредить бесплатную библиотеку-читальню им. Н.В. Гоголя «в одной из отдаленных частей города, например на Воскресенской горе», а также «назвать бульвар, расположенный по Садовой улице», именем писателя и там же установить его бюст (Томская хроника 1902с). Лишь 19 марта 1909 г. городская дума г. Томска большинством голосов высказалась за переименование улицы Жандармской в Гоголевскую (ныне ул. Гоголя). Тогда же именем писателя было названо Юрточное женское училище (Дума 1909). Здание на берегу реки Ушайки, где располагалось училище, долгие годы после этого было знакомо томскому обывателю как «гоголевский дом».

1909-й – год 100-летнего юбилея со дня рождения Н.В. Гоголя. Март снова стал временем торжественных заседаний, литературно-музыкальных вечеров, театральных инсценировок, художественных выставок, характерных обрядовых ритуалов. И снова события эти

не обошли стороной весь просвещенный Томск. В качестве ремарки отметим, что 100-летие со дня рождения Шевченко в 1914 г. не нашло существенного отражения в общественной жизни и прессе Сибири и, в отличие от европейской части России, не имело существенного резонанса.

Все же трудно недооценить размах избранных в качестве предмета исследования торжеств, возведенных до поистине национально-государственного масштаба. Если придерживаться той точки зрения, согласно которой государственная машина своей сверхзадачей имеет сохранение статус-кво и укрепление собственной безопасности, прежде всего, моральной, то вполне закономерно, что личности Гоголя и Шевченко, равно как и иных знаковых литераторов русского (шире – славянского) мира, становились предметом просветительского изваяния. Результат же этого процесса должен был укреплять «установленный в России законный порядок вещей». Неудивительно, что по предписанию Министерства народного просвещения во время памятных мероприятий должна была происходить «раздача, где позволят средства, разрешенных Министерством биографий или сочинений чествуемого писателя (речь о Гоголе. – А.С., С.Ф.)» (Циркуляр 1902).

Как нам предстоит убедиться в ходе настоящего исследования, цель с противоположным знаком преследовали оппоненты самодержавной власти – представители либеральной профессуры. Так чей же Гоголь и чей Шевченко? Обратимся к битве сил на арене репрезентации великих писателей в зеркале современности.

Важно в связи с вышесказанным отметить, что лекции, текстовые варианты которых печатались на разворотах местных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник», посвященные двум писателям и читанные профессорами-юристами Императорского Томского университета М.А. Рейснером и И.А. Малиновским на вечерах в общественном собрании и бесплатной библиотеке, на юбилейных заседаниях в университете, носили транстемпоральный характер. Говорившие о далеком прошлом вели речь о настоящем – о той живой реальности, которая через риторические эффекты, намеки и полутона проступала в рассказах о том же «гении Малороссии» Шевченко, погибавшем в «удушливой и смрадной атмосфере». Последние слова принадлежат профессору государственного права Рейснеру. Произнес он их 26 февраля 1901 г. на «малороссийском литературно-музыкальном вечере» в народной библиотеке. Рейснер на том вечере был распорядителем.

М.А. Рейснер на протяжении жизненного пути неоднократно менял свою политическую философию и общественную позицию. Стоявший в молодости «на точке зрения славянофильства в духе Киреевских и

Хомякова», сегодня профессор Рейснер известен прежде всего как левый общественный деятель, один из авторов первой советской Конституции и отец известной революционерки. По собственному признанию, в Томском университете (служил здесь с 1898 по 1903 г.) на заключительном этапе жизни и творчества в этом сибирском городе он «стал под влиянием русской действительности только либералом» (Рейснер 1917).

Зрители, так же, как и студенты юридического факультета Томского университета, обыкновенно не оставались равнодушными к словам профессора, исполняемые которым литературные номера «благодаря прекрасным ораторским приемам... походили на блестящую речь». «Перед зрителем, – отмечалось в очерке "Сибирской жизни" о выступлении Рейснера 26 февраля, – как в калейдоскопе каком, проходили одна другой печальней картины тяжелой жизни народного певца, призывавшего свой народ на путь обновления» (Театр и музыка 1901).

Умение Рейснера производить впечатление на публику в лице более искушенных слушателей вызывало, впрочем, скептическую реакцию. Так, профессор истории русского права И.А. Малиновский, научная и общественная биография которого аналогичным образом во многих отношениях выстраивалась по либеральным канонам, вспоминал: «Рейснер говорил о жизни Шевченко, передавал общеизвестные факты из книги А.Я. Конисского и так при этом кривлялся, что сидевшая с нами в глубине ложи О.А. Зубашева не выдержала и сказала Марусе (жене Малиновского Марии Александровне. – А.С., С.Ф.), которая сидела впереди: "Покажите ему дулю!"» (Малиновский 2014: 334).

Вспомним, что годовщина смерти Тараса Шевченко в 1901 г. совпала с 40-летием отмены крепостного права. Исторический контекст жизни и смерти поэта стал предметом лекции профессора Малиновского «"Кобзарь" Шевченко», посвященной, по словам самого лектора, историческим и общественным мотивам. «Крепостничество», «нищета, мракобесие и невежество» – таков безотрадный фон становления Шевченко, который, как выразился Рейснер, «широко размахнул своими могучими крылами» (Театр и музыка 1901).

«Предки бились за волю, но не добыли воли для своих потомков», – подчеркивал И.А. Малиновский. Один из ключевых лейтмотивов в лекции Иоанникия Алексеевича касался традиционного для либерального мировидения принципа – главенства человека в системе общественных отношений, его приоритета над государством. В лекции, прочитанной в торжественном заседании в память о Гоголе Томского университета 23 апреля 1902 г., он отмечал: «Недостатки дореформенной Руси, изображенные в художественных произведе-

ниях Гоголя, вызывают мысль о необходимости реформ общественного строя, о необходимости новых лучших учреждений, законов». И далее: «Учреждения, законы являются одним, но не единственным фактором прогрессивного развития человечества. Другой необходимый фактор – нравственное совершенствование личности» (Малиновский 1902а).

В Гоголиаде, вместившей «различные явления, образовавшиеся на почве крепостного права», профессор Малиновский находил богатую галерею образов, воссоздавая перед внутренним взором слушателя два берега этого мира. На одном из них – паноптикум помещиков, Манилов и Тентетников, Коробочка и Плюшкин, Ихарев и Ноздрев, братья Платоновы и Собакевич, Семен Семенович Батюшек и Афанасий Иванович Товстогуб и т. д. На коллективном портрете русского помещика-крепостника лектор показывал черты безделья и праздного прожигания жизни, отношение к еде как к «источнику кипучей деятельности» (о Петре Петровиче Петухе из «Мертвых душ»), охоту, «превращающуюся в страсть» («Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), карточные игры, «тешащие всю Россию».

На другом берегу этого мира – крепостной человек как «рабочая сила и только». «Физическая рабочая сила», по горькому замечанию Малиновского, «а не человек, созданный по образу и подобию Божию», не достойный стать предметом литературы и искусства, но достойный имен «мошенника, свиньи, мерзавца». «Унижение человеческой личности крепостного крестьянина, – отмечал Малиновский, – не ограничиваясь постоянной бранью, принимало и более резкие формы. Одной из наиболее резких форм являются телесные наказания, свободно применявшиеся помещиками по отношению к крепостным крестьянам».

Профессор Малиновский, демонстрируя глубокие познания творчества Гоголя, подобно виртуозному кукловоду, играл его образами и микросюжетами, раскрывая ту реальность, где человеческое достоинство подавлено непререкаемым диктатом бесправия, где духовный мир как помещика, так и крепостного подвергся печальному разложению, где крестьяне «не только служили предметом гражданских сделок», но и проигрывались в карты «наравне с прочим имуществом». Профессор подчеркивал: «Картины из жизни крепостных крестьян свидетельствуют о полном отсутствии духовных интересов, о приниженности, деморализации. Депрессия и унижение достались в удел человека в обществе, на тысячи лье далеко от совершенства и справедливости». Утешающим следствием на этой картине становится сохранение духа свободы. Речь идет о побегах и об открытом протесте – восстании. «Бегут крестьяне Плюшкина, – замечает Мали-

новский, – отлучаются беспаспортно крестьяне Хлобуева, числятся в бегах крестьяне Довгочунов» (Малиновский 1902b).

Схожие тенденции усматривал профессор и в творчестве Тараса Шевченко, которое неотделимо от истории Южной Руси: «Шевченко – народный малорусский поэт-кобзарь. Содержание его поэзии – Малороссия с красотами ее природы, Малороссия в ее прошлом и настоящем». Сквозь призму борьбы против польско-католических порядков, против угнетения и закрепощения крестьян, навязывания Брестской унии 1596 г., преследования православия Малиновский анализирует и «грандиозное восстание при Богдане Хмельницком», результатом которого стало «присоединение Малороссии к Москве», и последующие народные движения в правобережной Украине XVII в., «известные под именем “Гайдамачины”». «По первоначальному значению, – отмечал профессор, – гайдамак – разбойник. Но разбой этот получает идейное значение» (Малиновский 1901a).

Борьба кобзаря Шевченко против бесправия и неволи была ключевой в жизни и творчестве последнего и в конечном итоге приобрела роковой характер. И.А. Малиновский сделал особый акцент на этом обстоятельстве, рассуждая в ходе своей лекции о финале жизни Шевченко: «Будущее приближалось. ...В последних своих стихотворениях поэт с лихорадочным нетерпением ожидает – скоро ли будет объявлена воля? Поэт так и не дождался ее объявления; он умер 26 февраля, а 5 марта был объявлен манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (Малиновский 1901b).

Свобода действительно пришла. Но едва ли это становится поводом для торжества героев нашего исследования, писателей эпохи «жесточкой неволи» и тех интеллигентов, которые на заре XX в. «в дне сегодняшнем» находили пугающие переключки с эпохой прошлого, казалось бы, скрывшейся за поворотом. «Пали крепостные оковы, – отмечал И.А. Малиновский в день 40-летия со смерти Шевченко и отмены крепостного права. – Но остаются и в наше время темнота, невежество и связанные с этим другие оковы на младшем брате» (Малиновский 1901b).

А вот какими словами профессор завершил свою упомянутую уже лекцию 25 апреля 1902 г. о Гоголе: «Пусть не умолкает между нами то всемогущее, по выражению покойного писателя, слово впродоль, которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов русский человек» (Малиновский 1902a).

Протестный потенциал двух профессоров либерального мировоззрения обрел свое выражение не только в исторической интерпретации образов Шевченко и Гоголя, но и в более широком биографическом контексте: и тот и другой столкнулись с той самодер-

жавной властью, образ которой контрастно оттеняет смыслы и категории свободы личности. Так, М.А. Рейснер в 1902 г. по возвращении из заграничной командировки прочел в университете скандальную лекцию о «различном положении общества и государства» в России и Европе. Профессор тогда публично выразил свою солидарность со строем, где «государство по существу есть само общество» и где находит «особую почву для своего развития область личной деятельности» (Чадов 1902), отрекшись от политической реальности России. Конфликт со студентом Томского университета Чадовым, обнародовавшим текст лекции в местной прессе, и дальнейшие прения с руководством вуза и Министерством народного просвещения привели к тому, что в 1903 г. Рейснер был уволен со службы и лишен права преподавания в России. Восстановлен в данном праве он был лишь по окончании Первой русской революции 1905–1907 гг. (Фоминых 1996: 206).

Имели место проблемы с законом и в случае с И.А. Малиновским. В 1909 г. он опубликовал свою работу «Кровная месть и смертная казнь» в поддержку депутатов Государственной Думы, выступивших с требованием отмены смертной казни. В следующем году профессор был обвинен «в возбуждении к бунтовщическим деяниям и к ниспровержению существующего строя». Позднее он был приговорен к тюремному заключению сроком на месяц. Впрочем, по случаю празднования 300-летия Дома Романовых неограниченная власть по милости своей амнистировала Малиновского. Тираж книги, тем не менее, постановили уничтожить (Фоминых 1996: 162).

Существование «под пятою» всякий раз заставляло оглядываться, выражая свою гражданскую позицию. Это же делало популярным эзопов язык, а также исторические рассуждения с едва угадываемой актуализацией рассматриваемого материала в связи с происшедшим в стране. Быть может, здесь кроются причины обращения либеральной профессуры к образам прошлого, к просветительскому их освещению. Закономерно потому и то, что данные памятные мероприятия, приобретая политические оттенки, использовали неподцензурные механизмы, прежде всего музыку (неподцензурность которой, впрочем, как известно, будет опровергнута дальнейшей отечественной историей).

Вечера, посвященные памяти Гоголя и Шевченко, всегда включали в себя т. н. малорусские концерты. Местные певцы, пользуясь благодушной реакцией слушателей, распевали «Ой Дніпре, мій Дніпре», «Гетьманы», переложенное на музыку завещание Шевченко «Заповіть» (Томская хроника 1899). На вечере 26 февраля 1901 г. выступал смешанный хор из 40 чел., «одетых в малороссийские

костюмы», исполнив «известные украинские песни»: «Закувала та сыва зозуля», «Бють пороги», «Гей не дівуйте» и др. (Томская хроника 1901). В конце вечера упомянутая О.А. Зубашева «с большим воодушевлением» под аккомпанемент на рояле С.А. Жбиковского спела «Ой одна я, одна» и «Утокала стелнечку». Публика, как отмечалось в «Сибирской жизни», устроила исполнительнице шумные овации.

Участником торжественного вечера в общественном собрании 20 марта 1909 г. был томский отдел Императорского музыкального общества. Ариозо Солохи из оперы «Черевички» Чайковского, исполненное О.М. Соболевской, стало «украшением музыкальной части программы». Над эстрадой в тот вечер зрители наблюдали портрет Н.В. Гоголя, написанный художницей Л.П. Базановой, женой профессора-юриста Томского университета И.А. Базанова. Изображение писателя утопало в зелени тропических цветов, принесенных из университетской оранжереи (Томская хроника 1909).

Осознавая роль и значение музыкального аспекта, И.А. Малиновский в декабре 1903 г. подготовил для публикации в газете очерк, посвященный композитору Н.В. Лысенко. Приурочен он был к 35-летию его музыкальной деятельности. Автор множества песен, опер и оперетт, фортепьянных и оркестровых пьес, арий на слова Шевченко (его авторству принадлежат упомянутые «Ой Дніпре, мій Дніпре», «Гетьманы», а также «Огні горять» и др.) и пьес на слова Франко, Лысенко предстает перед Малиновским как «собиратель украинских народных песен», в области чего композитор стал одновременно этнографом и музыкантом. «Как этнограф, – отмечал Малиновский, – Николай Витальевич стремится к правдивой передаче простой мелодии народной песни, к сохранению всех ее типичных особенностей» (Малиновский 1903). Легендарной стала и эпическая народно-музыкальная драма (опера) композитора «Тарас Бульба».

Звуки музыки сохраняют все несказанное словами, тот скрытый протест, прямое выражение которого подчас становится преступным. Рассуждая об этническом начале в выражении национального духа, мы приближаемся к другой важной тенденции в либеральной репрезентации Гоголя и Шевченко, проходившей по линии совмещения национально-этнического и протестного сословно-политического дискурсов.

В своих речах, посвященных Шевченко, М.А. Рейснер подчеркивал, что «вышедший из народа знаменитый украинский поэт слишком рано начал познавать все ужасы крепостной зависимости, какие переживала горячо им любимая Украина» (Театр и музыка 1901). Поэт в выражении профессоров предстал в двух ипостасях: как малорусский деятель, певец народной поэзии и в то же время как

инсургент, гонимый властью и попираемый критикой (Малиновский, в частности, упомянул о скептической реакции на творчество поэта со стороны В.Г. Белинского). Две стихии эти сливались в органичное целое и подчас неделимое.

«Много печальных страниц, – отмечал Малиновский, – видит Шевченко в истории Малороссии; много зла видит он в современном ее положении при полном расцвете крепостного права». И далее: «Прошлое Малороссии и ужасы крепостного права – вот два основные мотива поэзии Шевченко».

И.А. Малиновский очертил художественный микрокосм Шевченко, сдавленный тремя мирами. В сборнике «Кобзарь» народ поэта предстает в интерьерах «героической эпохи борьбы казаков с басурманами» – «магометанским миром – турецким султаном». Метафорический след этой борьбы зафиксирован в трагическом образе ее немых свидетелей – «Могили по полю!».

«Позже появился другой враг, – добавлял Малиновский, – этот враг способствовал наплыву южнорусских крестьян в Запорожскую Сечь... Враг этот – поляки». Шляхетское землевладение, закрепощение крестьян, «не стесняющаяся никакими средствами пропаганда католичества», притеснения православных, насильственная уния – таковы были спутники «нового хозяина» Южной Руси, с середины XVI в. вошедшей в состав Речи Посполитой. «Южнорусское население поднимает открытые восстания в защиту воли и веры», – пишет Малиновский. «Сопровождавшееся ужасной резней» восстание 1768 г. нашло отражение в самом большом произведении Шевченко – поэме «Гайдамаки». Иоанникий Алексеевич так отозвался о ней: «Здесь Шевченко дает правильную с исторической и этнографической точки зрения характеристику обеих борющихся сторон. На одной стороне всесильная шляхта, в руках которой сосредоточена вся политическая власть, которая не знает пределов своему произволу и насилиям, которая совершенно не уважает прав личности за остальным населением... На другой же стороне южнорусское угнетенное население».

И, наконец, третий мир – Москва, которая вместе с верностью «старшего брата» приносит закрепощение и бедноту для крестьян Южной Руси. «Падение Сечи и раздача запорожских земель, – подчеркивал Малиновский, – сливается в народных преданиях с установлением крепостного права». А казак Степан, возвращавшийся через Балканы из турецкого плена («Невольник»), от встретившихся на своем пути запорожцев узнал: «І як степи запорозьські / Німоті ділила / Та бахурям і байстрюкам / Люд закріпістила...» (Шевченко 1970а: 286).

Малиновский добавлял: «“Лыцарски сыны” изнемогают под тяжким

игом крепостного права у своих братьев – панов-христиан» (Малиновский 1901b).

Заметим, что особого внимания в лекциях профессора Малиновского удостоены были художественные достоинства произведений Гоголя и Шевченко. Среди них, в частности, контрастное сопоставление изначальной красоты природы и несовершенств мира социального. Данный романтический прием приобретает особое звучание в процессе отражения исторического контекста первой половины XIX в. и более ранних периодов отечественной истории. Так, для поэта, вспоминающего «на чужбине» Днепр и славную Украину, лучше которых для него в целом мире нет, возвращение на Родину оборачивается картиной «Чорніше чорної землі»: «А скрізь на славній Україні / Людей у ярма запрягли / Пани лукаві» (Шевченко 1970b: 117–118).

Борьба национальная становится борьбой за свободу, а категория естественного права приобретает свою опору в метафоре почвы. Двойкий смысл в связи с этим принимает и образ «наименьшего брата» – как «младшего» этноса Малороссии и вместе с тем народа, угнетенного юридически, социально, экономически. Младшим братом становится и эксплуатируемый народ, и всякий человек, подавленный бесправием, вне зависимости от национальной и этнической принадлежности. И.А. Малиновский подчеркивал, что поэзия Шевченко «чужда национальной исключительности и национального самовосхваления», а «национальные особенности у него не исключают общечеловеческих идеалов» (Малиновский 1901a).

Не можем мы обойти стороной еще одну закономерность в реанимации образов прошлого – избирательную трактовку творческого наследия писателей, ориентированную на идейно-либеральное поле, на свободу и право. «Своего» Гоголя И.А. Малиновский выстраивал в дискуссионном ключе с позицией историка В.И. Семевского. Последний в фундаментальном исследовании «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине и XIX века» не склонен был отделять Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» от Гоголя – автора художественных произведений. «Гоголь нигде в своих произведениях не обличает мерзостей крепостного права», – отмечал Семевский. Добавим, что историк, анализируя творчество писателя, находил, что Гоголь «или вовсе обходит крепостное право, или не упоминает о дурных его сторонах». Более того, В.И. Семевский утверждал, что и в художественных, и в публицистических своих произведениях взгляд Гоголя на крестьянский вопрос сводился к тому, что «русскому народу не нужна воля», «свобода может только развратить его» (Семевский 1888: 267, 272).

Малиновский, в свою очередь, писал: «До сих пор нет единомуш-

ного и согласного признания литературных заслуг Гоголя, до сих пор происходят споры об отношении между его личными убеждениями и литературным творчеством». Обращаясь к трехчастной структуре незаконченного романа «Мертвые души» и справедливо сравнивая произведение с «Божественной комедией» Данте, Малиновский в черновых версиях 2-го тома, по контрасту с 1-м, в котором «изображена дореформенная Россия – ад», замечает «перелом в сторону нравственного просветления», а в ненаписанном 3-м (т. е. «Раю») предвосхищает «типы, воплощающие в себе все благородное и высокое начало русской природы». «Здесь, – подчеркивал профессор, – должно было “предстать несметное богатство русского духа”» (Малиновский 1902а). Любопытно, что в данных словах вновь категория нравственного соединяется с национальными чертами.

В лекции И.А. Малиновского «Общественное значение литературной деятельности Гоголя» (20 марта 1909 г.), как и в других его выступлениях, автор «Выбранных мест...» предстает в качестве «одного из видных деятелей освободительного движения». Едва ли мы найдем основание упрекнуть в интеллектуальной недобросовестности профессора, который и сам удивлялся тому, что «и западники, и славянофилы считали его (Гоголя) своим». «Если все сохраняется, то это не значит, что все имеет равную ценность», – отмечал он и Гоголю – гениальному художнику отдавал приоритет в сравнении с Гоголем – «посредственным ученым и посредственным публицистом».

Малиновский следующим образом защищал свою позицию: «В “Переписке с друзьями” Гоголь высказывает свои личные мнения по вопросам государственной и общественной жизни. Взгляды эти имеют биографический интерес, но не имеют значения общественного» (Малиновский 1909а).

Возвращаясь к проблеме транстемпоральности исследуемого просветительского контента, отметим, что в ссылках на современность Малиновский образца 1909 г. оказался радикальней себя в 1902 г. «В своих художественных произведениях, – подчеркивал он, выступая в общественном собрании 20 марта 1909 г., – Гоголь дал уничтожающую критику всего современного ему и отчасти дожившего до наших дней... Россия при господстве самодержавно-бюрократического и крепостнического режима – страна мертвых душ».

«Когда проснется человеческое чувство у русского человека и когда наступит воскресенье России?» – задавался вопросом И.А. Малиновский. Вслед за этим он произнес такие слова: «Воскресенье наступит тогда, когда будет ликвидирован старый порядок, когда будут проведены реформы политического и социального строя. Таков естественный вывод, на который наталкивает читателей Гоголь».

художник... Царство мертвых душ не вечно. Воскресенье наступит. Будем верить в него, будем ждать его, будем стремиться к нему» (Малиновский 1909b).

Однако что мы можем сказать о Гоголе-человеке? Досталось ли в период торжеств и поминовений 1902 и 1909 г. слово ему? А ведь, по собственным словам Николая Васильевича, приведенным в воспоминаниях И.С. Тургенева, он «всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал» (Тургенев 1968: 365). Строка из Библии, начертанная на надгробном камне Гоголя, в данном случае и правда заставит многих из нас «посмеяться горьким словом» автора «Мертвых душ».

Великий писатель, переступая черту вечности, перестает принадлежать себе. В современности остаются существовать несколько его воплощений, иные из которых подчинены законам формирования политической идентичности. Вспомним, что правители древности нередко подвергали жестокому наказанию всякого, кто использовал историю для борьбы с действующим порядком. Профессор Малиновский в этом смысле вел опасную игру. Но результатом данной интеллектуальной алхимии стало появление на символической карте либерального дискурса России начала XX ст. величественного писателя в своей «железной шинели».

Просветительская репрезентация Гоголя и Шевченко, таким образом, стала механизмом символического обогащения либерального капитала представителей корпорации томских профессоров. Стоит ли говорить о том, что история общественно-политической мысли России знает и противоположные примеры, когда творческий и биографический образ того же Гоголя становился опорой для иных – консервативных и реакционных – взглядов. Эту «темную» сторону отразила речь профессора богословия Томского университета Д.Н. Беликова. Произнесена она была 21 февраля 1902 г. по окончании заупокойной литургии по Николаю Васильевичу Гоголю в университетской домово́й церкви. «Вслед за приглашением к молитве, – произнес в тот день профессор, – принимаю на себя долг во имя великого достоинства почившего и высокой славы его дела просить слушателей еще о другом: я просил бы не произносить или не соразделять того легкомысленного суждения о гоголевской “Переписке с друзьями”, которое теперь так обычно в устах всякого критика». И далее: «Будем в этом случае осмотрительны и осторожны, помня слова автора, что в “Переписке с друзьями” “есть много того, что нескорю может быть доступно всем”, помня в своем осторожном суждении и то, что узкая мудрость нынешнего времени никак не может быть критерием для оценки в осуждение мудрых вещаний мыслителя» (Беликов 1902).

Заметим, что процесс борьбы за «безгласных» писателей связан с трендом русской общественной жизни (который сохранился вплоть до конца XX в.) – традиционным авторитетом в ней писателя, слово которого подчас оказывается сильнее закона и политического порядка. Неслучайно поэтому И.А. Малиновский в ходе борьбы своей против смертной казни обращается к этому слову как аргументу, в частности и творчеству Н.В. Гоголя (Малиновский 1910: 25–27).

«Концепция Гоголя» авторства Малиновского парадоксальным образом нашла свое продолжение в разгар сталинской эпохи – времени, которое сам профессор едва ли счел бы удовлетворяющим своим идеалам. Отмечается, что образ Гоголя, «слабого» в своих заблуждениях и «сильного» в прозрениях, вполне «удачно вписывался в сложную архитектуру» того периода (Манекин 2009).

Впрочем, в мышлении И.А. Малиновского Николай Васильевич сохранял важное место и тогда, когда либеральные идеалы профессора терпели крах. В начале 1920-х гг., отбывая наказание в Ивановском лагере в Москве, он в рамках культмассовых мероприятий продолжал освещать творчество писателя, который, «изобразил Россию своего времени, то есть того времени, когда существовало крепостное право» (Малиновский 1922).

ЛИТЕРАТУРА

Беликов 1902 – Речь профессора Д.Н. Беликова перед панихидой по Н.В. Гоголю // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (далее – Сибирский вестник). 1902. 27 февр.

Дума 1909 – Городская дума // Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая (далее – Сибирская жизнь). 1909. 21 марта.

Малиновский 1901а – Малиновский И.А. «Кобзарь» Шевченко // Сибирская жизнь. 1901. 4 марта.

Малиновский 1901б – Малиновский И.А. «Кобзарь» Шевченко. Окончание // Сибирская жизнь. 1901. 6 марта.

Малиновский 1902а – Малиновский И.А. Жизнь и литературная деятельность Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 27 апр.

Малиновский 1902б – Малиновский И.А. Крепостное право в художественных произведениях Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 21 февр.

Малиновский 1903 – Малиновский И.А. Н.В. Лысенко (К 35-летию юбилею) // Сибирская жизнь. 1903. 20 дек.

Малиновский 1909а – Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя // Сибирская жизнь. 1909. 24 марта.

Малиновский 1909б – Малиновский И.А. Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Окончание // Сибирская жизнь. 1909. 25 марта.

Малиновский 1910 – *Малиновский И.А.* Русские писатели-художники о смертной казни // Известия Императорского Томского университета. 1910. Кн. 38 [пагин. 2-я]. С. 1–99.

Малиновский 1922 – *Малиновский И.А.* О Гоголе (1922 г.) // Музей истории ТГУ.

Малиновский 2014 – *Малиновский И.А.* Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.

Манекин 2009 – *Манекин Р.В.* Гоголь околелитературный. Посмертные метаморфозы // Известия ДГПУ. 2009. № 2. С. 71–76.

Рейснер 1917 – *Рейснер М.А.* Профессор Рейснер и Е. Колосов // Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. 1917. 4 янв.

Семевский 1888 – *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. Т. 2: Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1888. 625 с.

Театр и музыка 1901 – Вечер в память Т.Г. Шевченко в бесплатной библиотеке // Сибирская жизнь. 1901. 28 февр.

Томская хроника 1899 – Шевченковский вечер // Сибирская жизнь. 1899. 2 марта.

Томская хроника 1901 – К вечеру в память поэта Т.Г. Шевченко // Сибирская жизнь. 1901. 21 февр.

Томская хроника 1902a – К чествованию памяти Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 15 февр.

Томская хроника 1902b – Гоголевский вечер в гимназии // Сибирская жизнь. 1902. 26 февр.

Томская хроника 1902c – К юбилею Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. 2 февр.

Томская хроника 1909 – Гоголевский вечер // Сибирская жизнь. 1909. 22 марта.

Тургенев 1968 – Гоголь. Литературные и житейские воспоминания // Тургенев И.С. Собрание сочинение в шести томах. Т. VI. М.: Правда, 1968. С. 362–379.

Фоминых 1996 – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 1996. 288 с.

Харусь 2011 – *Харусь О.А.* Проблемы формирования гражданского общества в либеральном дискурсе России начала XX в. (из интеллектуального наследия профессоров Томского университета) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 19–27.

Циркуляр 1902 – Циркуляр министра народного просвещения попечи-

телям учебных округов // Сибирская жизнь. 1902. 13 февр.

Чадов 1902 – *Чадов С.Д.* Первая лекция профессора М.А. Рейснера // Сибирский вестник. 1902. 10 окт. № 218.

Шевченко 1970а – *Шевченко Т.Г.* Твори: у п'яти томах. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1970. Т. 1. 408 с.

Шевченко 1970б – *Шевченко Т.Г.* Твори: у п'яти томах. Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1970. Т. 2. 416 с.

REFERENCES

Belikov, D.N. (1902) Rech' professora D.N. Belikova pered panikhidoy po N.V. Gogolyu [Speech by Professor Belikov before the Requiem for Gogol]. *Sibirskiy vestnik*. 27th February.

Anon (1909) Gorodskaya дума [Municipal Duma]. *Sibirskaya zhizn'*. 21st March.

Malinovskiy, I.A. (1901a) “Kobzar” Shevchenko [“Kobzar” by Shevchenko]. *Sibirskaya zhizn'*. 4th March.

Malinovskiy, I.A. (1901b) “Kobzar” Shevchenko. Okonchaniye [“Kobzar” by Shevchenko. Final]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th March.

Malinovskiy, I.A. (1902a) Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' N.V. Gogolya [N.V. Gogol's life and literary activity]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th April.

Malinovskiy, I.A. (1902b) Krepostnoe pravo v khudozhestvennykh proizvedeniyakh N.V. Gogolya [Serfdom in Gogol's fiction]. *Sibirskaya zhizn'*. 21st February.

Malinovskiy, I.A. (1903) N.V. Lysenko (K 35-letnemu yubileyu) [N.V. Lysenko (on the 35-years of activity)]. *Sibirskaya zhizn'*. 20th December.

Malinovskiy, I.A. (1909a) Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya [Social meaning of Gogol's literary activity]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th March.

Malinovskiy, I.A. (1909b) Obshchestvennoe znachenie literaturnoy deyatel'nosti Gogolya. Okonchaniye [Social meaning of Gogol's literary activity. Final]. *Sibirskaya zhizn'*. 25th March.

Malinovskiy, I.A. (1910) Russkie pisateli-khudozhniki o smertnoy kazni [Russian writers about death penalty]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 38(2). pp. 1–99.

Malinovskiy, I.A. (1922) O Gogole (1922 g.) [About Gogol (1922)]. TSU Museum of History.

Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti [Marusya and children]. In: Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Gribovskiy, M.V., Litvinov, A.V., Merkulov, S.A. & Dunbinskiy, I.A. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk

State University. pp. 286–340.

Manekin, R.V. (2009) Gogol' okololiteraturnyy. Posmertnyye metamorfozy [Gogol near-literature. Postmortem metamorphoses]. *Izvestiya DGPU – Dagestan State Pedagogical University*. 2. pp. 71–76.

Reisner, M.A. (1917) Professor Reisner i E. Kolosov [Professor Reisner and E. Kolosov]. *Utro Sibiri*. 4th January.

Semevskiy, V.I. (1888) *Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i pervoy polovine XIX veka: v 2 t.* [Peasant question in Russia during the 18th and the first half of the 19th centuries]. Vol. 2. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Sibirskaya zhizn'. (1901a) Večer v pamyat' T.G. Shevchenko v besplatnoy biblioteke [T. Shevchenko's memory evening in the folk library]. 28th February.

Sibirskaya zhizn'. (1899) Shevchenkovskiy večer [T. Shevchenko's memory evening]. 2nd March.

Sibirskaya zhizn'. (1901b) K večeru v pamyat' poeta T.G. Shevchenko [To Shevchenko's memory evening]. 21st February.

Sibirskaya zhizn'. (1902a) K chestvovaniyu pamyati N.V. Gogolya [To the honouring the memory of Gogol]. 15th February.

Sibirskaya zhizn'. (1902b) Gogolevskiy večer v gimnazii [Gogol's memory evening at the gymnasium]. 26th February.

Sibirskaya zhizn'. (1902c) K yubileyu N.V. Gogolya [To Gogol's anniversary]. 2nd February.

Sibirskaya zhizn'. (1909) Gogolevskiy večer [Gogol's memory evening]. 22nd March.

Turgenev, I.S. (1968) *Sobraniye sochineniye v shesti tomakh* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Pravda. pp. 362–379.

Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Vol.1. Tomsk: Tomsk State University.

Kharus, O.A. (2011) Problems of formation of a civil society in the liberal discourse of Russia at the beginning of the 20th century (from the intellectual heritage of TSU professors). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 19–27 (In Russian).

Sibirskaya zhizn'. (1902) Tsirkulyar ministra narodnogo prosveshcheniya popechitel'yam uchebnykh okrugov [Circular note from the Ministry of National Education to the school districts]. 13th February.

Chadov, S.D. (1902) Pervaya lektsiya professora M.A. Reysnera [Professor Reisner's first lecture]. *Sibirskiy vestnik*. 10th October.

Shevchenko, T.G. (1970a) *Tvori: u pyati tomakh* [Works in 5 vols]. Vol. 1. Kyiv: Dnipro.

Shevchenko, T.G. (1970b) *Tvori: u pyati tomakh* [Works in 5 vols]. Vol. 2. Kyiv: Dnipro.

Степнов Алексей Олегович – аспирант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета.

Aleksey O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

УДК 94(47)"1914"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/9

ГРАФ ВЛАДИМИР БОБРИНСКИЙ И ВТОРОЙ МАРМАРОШ-СИГЕТСКИЙ ПРОЦЕСС: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Впервые в российской и зарубежной историографии подробно исследуются участие и роль депутата Государственной Думы Российской империи графа В.А. Бобринского во Втором Мармарош-Сигетском процессе, проходившем над православными русинами Австро-Венгрии. Поездка Бобринского на судебный процесс в начале 1914 г. в качестве свидетеля приковала к себе пристальное внимание министерств иностранных дел России и Австро-Венгрии, российской и зарубежной прессы. В публикации подробно реконструируются обстоятельства поездки российского политика в Венгрию, выступление графа на судебном процессе, а также трактовка этих событий, данная им по возвращении в Санкт-Петербург. Особое внимание в статье уделено освещению участия Бобринского на судебном процессе ведущими российскими периодическими изданиями разной партийной направленности. Опираясь на публикации российских либеральных и консервативных газет («Биржевые ведомости», «Голос Москвы», «Голос Руси», «Гражданин», «Колокол», «Московские ведомости», «Новое время», «Речь», «Русское знамя», «Русское слово», «Свет» и др.), автор реконструирует и анализирует отношение различных общественно-политических сил в России к панславистской деятельности графа. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что, сочувствуя подсудимым русинам и осуждая репрессии австро-венгерских властей, российское общество не было едино в оценке роли Бобринского в Мармарош-Сигетском процессе. Если для праволиберальных и умеренно консервативных газет Бобринский был героем, то для ряда правоконсервативных изданий — политическим авантюристом, толкающим Австро-Венгрию к военному конфликту с Россией.

Ключевые слова: Второй Мармарош-Сигетский процесс, русины, карпатороссы, В.А. Бобринский, Австро-Венгрия, русская пресса, российское общественное мнение.

COUNT VLADIMIR BOBRINSKY AND THE SECOND MARMAROS-SZIGET LEGAL TRIAL: BASED ON RUSSIAN PRESS

A.A. Ivanov

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

This article focuses on the participation and the role of the Russian Imperial Duma deputy, Count V.A. Bobrinsky in the Second Marmaros-Sziget legal trial of Austro-Hungarian orthodox Rusins. Bobrinsky's trip to the trial in the early 1914 as a witness attracted the close attention of the Russian and Austro-Hungarian Ministries of Foreign Affairs as well as the Russian and foreign news media. The publication provides a detailed reconstruction of the circumstances of the Russian politician's trip to Hungary, his speech at the trial and his interpretation of the event after his return to Saint Petersburg. Particular attention is paid to the coverage of Bobrinsky's trip by leading Russian periodicals of different party orientations. Basing on publications in Russian liberal and conservative newspapers ("Birzhevye vedomosti", "Golos Moskv", "Golos Rusi", "Grazhdanin", "Kolokol", "Moskovskie vedomosti", "Novoe vremya", "Rech", "Russkoe znamya", "Russkoe slovo", "Svet" etc.), the author reconstructs and analyzes the attitude of different Russian political and social forces to the Pan-Slavic activity of Count Bobrinsky. The research allows to conclude that, while sympathizing with the accused Rusins and condemning the reprisals of Austro-Hungarian authorities, the Russian society did not share their assessment of Bobrinsky's role in the Marmaros-Sziget legal trial. If the right-wing liberal and moderately conservative newspapers considered him a hero, some right-wing conservative periodical called him a trigger-happy politician pushing Austria-Hungary to the military conflict with Russia.

Keywords: Second Marmaros-Sziget Trial, Rusins, Carpatho-Russians, V.A. Bobrinsky, Austria-Hungary, Russian press, Russian public opinion.

Второй Мармарош-Сигетский процесс¹, организованный в 1913–1914 гг. властями Австро-Венгрии против православных

закарпатских русинов, неоднократно освещался в исследовательской литературе и достаточно изучен. Историки уделяли внимание подготовке процесса, самому судилищу и реакции на него австро-венгерской, американской и российской прессы (Bachmann 2001; Грабец 1934; Данилець 2013; Данилец 2014а; Данилец 2014b; Данилец 2017; Суляк 2009). Значительно меньше внимания уделено участию в этом процессе известного российского политика, депутата Государственной Думы и одного из лидеров русского национализма графа Владимира Алексеевича Бобринского. Единственная статья, специально посвященная данному вопросу, вышла на украинском языке (Передерко 2010), однако в ней автор опирается не столько на источники, сколько на работы историков, писавших о судебном процессе в целом, в результате чего ряд важных моментов в указанной публикации не рассмотрен. Не уделяется внимания этой странице биографии Бобринского и в посвященных ему статьях. А между тем поездка Бобринского в январе 1914 г. в Мармарош-Сигет приковала к себе внимание центральной российской прессы, весьма подробно освещавшей этот рискованный визит российского парламентария в Австро-Венгрию.

Не останавливаясь подробно на истории процесса, позволим себе лишь кратко напомнить его причины и ход. В связи с тем, что крестьяне-русины из сел Иза, Ясиня, Осой, Великие Лучки, Теремля, Кошелево, Великий Бычков и др. стали оставлять унию и переходить в лоно православной церкви, австрийские власти прибегли к репрессиям. В 1903–1904 гг. состоялся Первый Мармарош-Сигетский процесс, в ходе которого крестьян-русинов пытались обвинить в государственной измене, а в 1912 г. австро-венгерские власти, возмущенные миссионерскими успехами православного иеромонаха Алексия (Кабалюка), начали новую волну гонений на закарпатских крестьян. В государственной измене в пользу Российской империи были заподозрены 188 местных жителей, и 29 декабря 1913 г. в Мармарош-Сигете начался судебный процесс против о. Алексия и 94 крестьян-русинов.

Среди выдвинутых против русинов обвинений было указание на финансирование их В.А. Бобринским, который, по мнению следствия, занимался подстрекательством местного населения к неповиновению австро-венгерским властям и содействовал разжиганию сепаратистских настроений среди русинов. В связи с этим Бобринский, считавший себя продолжателем дела славянофилов и активно участвовавший в деятельности различных славянских обществ, посчитал своим долгом принять участие в процессе, на котором прозвучало его имя. Это решение известного российского политика, потомка императрицы

Екатерины II, одного из лидеров думской фракции русских националистов и Всероссийского национального союза, также являвшегося председателем Галицко-русского благотворительного общества, тут же приковало к нему внимание российской и европейской прессы.

Как сообщала стоявшая на славянофильских позициях газета «Свет», вопрос о вызове на судебный процесс в качестве свидетеля графа Бобринского был поднят иеромонахом Алексием (Кабалюком), но лишь при условии, что власти Австро-Венгрии гарантируют российскому политику неприкосновенность. Однако венгерский министр правосудия дал уклончивый ответ, отметив при этом, что, согласно 9-й статье венгерского уголовного судопроизводства, он имеет полное право арестовать Бобринского как соучастника «преступления» (К поездке 1914).

При таких условиях адвокат о. Алексия не мог настаивать на приезде в Венгрию российского депутата, но, поскольку выступление в суде известного политика в пользу обвиняемых, как тогда казалось, могло облегчить их положение, граф решил ехать, несмотря на риск подвергнуться аресту. Кроме того, вскоре стало известно, что у Бобринского и без того были проблемы с австро-венгерским правосудием. В декабре 1910 г. австрийская полиция издала распоряжение о розыске и задержании Бобринского за его речь, произнесенную в 1908 г. в поддержку русского дела в Галиции (Клопова 2016: 228).

В интервью газете «Свет» Бобринский сообщал: «Поеду я в Венгрию на будущей неделе, когда окончится допрос всех обвиняемых. Но я уверен, что на самый процесс, куда мне хотелось бы очень попасть в качестве свидетеля, меня не допустят и арестуют, едва только переступлю через русскую границу. Дело в том, что австрийскими судебными властями три года тому назад я приговорен к заключению в тюрьме по одному делу, созданному самими австрийцами. Естественно, что арест этот я не собирался отбывать и не отбывал. <...> Свидетельские мои показания очень важны. Зная же об этом, австрийцы непременно постараются арестовать меня и таким образом лишить мучеников за православную веру своей правовой защиты. В случае моего ареста, в осуществлении которого я глубоко убежден, все православные русские люди убедятся в дутости Сигетского процесса» (Младенович 1914).

Позже граф рассказывал журналистам, что когда русская дипломатия заявила Вене, что ждет российского депутата, если он появится на территории Австрии, то был получен следующий ответ: приговор к пяти годам каторги. «Такой ответ был дан, конечно, с целью запугать меня, чтобы я не поехал на процесс, — полагал Бобринский. — Мне, как известно, было инкриминировано оскорбление императора и

стремление к ниспровержению существующего в Австро-Венгрии строя» (Гр. В.А. Бобринский 1914).

Допустить выступления В.А. Бобринского на процессе власти Австро-Венгрии действительно не желали, и австрийское посольство в Санкт-Петербурге отказалось визировать заграничный паспорт российского депутата (Отказ 1914). Но эти трудности не остановили графа, твердо вознамерившегося добраться до Мармарош-Сигета. Он напрямую обратился в Будапешт, где ему сообщили о возможности прибыть на процесс в Венгрию через территорию Румынии, а затем таким же способом вернуться в Россию. «В теории, – писал корреспондент газеты "Свет", – постановления австрийских властей о воспрещении въезда в Австрию на Венгрию не распространяются. На практике, однако, возможно, что свои люди – австрияки и мадьяры – столкнутся между собою, а расплатиться за это придется графу Бобринскому» (Комаров 1914а).

Видный русинский деятель А.Ю. Геровский полагал, что, указывая графу путь в обход Австрии, венгры таким способом решили «показать свою "независимость" от австрийского правительства» (Геровский 1961: 3). Как отмечали в российском МИДе, правительству Австро-Венгрии предстояло решить сложную дилемму: либо не допустить выступления Бобринского в суде и тем самым «подвергнуть себя неопасной, хотя и шумной критике европейской прессы», либо допустить российского политика в Мармарош-Сигет и тем самым «дать новую пищу сепаратическим наклонностям (как в церковном, так и в государственном отношении) угрорусов» (Международные отношения 1931: 145). Поначалу правительство Дунайской империи остановилось на первом варианте, сообщив российскому поверенному в Вене, что Бобринский будет тут же арестован, как только пересечет границу.

Отметим, что российский МИД также не одобрял поездки депутата, отмежевавшись от ведения на территории Дунайской монархии «русской пропаганды» и назвав «недопустимым вмешательством» в дела иностранного государства деятельность, которую со «свойственной ему необузданной пылкостью и бестактностью» допускал граф Бобринский (Клопова 2016: 252–253). В российском МИДе считали, что, «с точки зрения торжества правосудия, выступление в суде графа Бобринского едва ли имело бы значение», а с «политической же точки же точки зрения, для нас важно поддерживать добрососедские отношения с Австро-Венгрией». «Упорство же графа Бобринского явиться свидетелем на суде угрорусов, – подчеркивал в депеше главе российского МИДа С.Д. Сазонову поверенный в делах в Вене князь Н.А. Кудашев, – было бы истолковано как акт политической агитации, способный лишь повредить этим отношениям» (Международные от-

ношения 1931: 144–145). Несмотря на предупреждения российских властей об опасности такой поездки, Бобринский решил непременно ехать – и ехать не инкогнито, а с «поднятым забралом». Высоко оценив решимость политика, газета «Свет» опубликовала на своих страницах посвященное ему стихотворение, написанное активным участником славянского движения М.Я. Балясным:

За Русь и веру погибая,
Они на помощь вас зовут
И ждут как ангела из рая,
Угрюмо ждет венгерский суд.

И как палач кует оковы
И тяжкий крест на вашу грудь...
Вы говорите: долг суровый
Зовет вас к ним – в далекий путь.

О нет! Не долг – то подвиг славный,
То русский искренний порыв
В защиту веры православной,
То к правде и любви призыв.

В путь добрый!.. Русские молитвы,
Любовь Руси, народ родной
В дни благородной вашей битвы
Вас охранят в борьбе святой... (Балясный 1914а).

Ранним утром 17 января 1914 г. В.А. Бобринский выехал с Варшавского вокзала Петербурга. Вместе с ним в это рискованное путешествие отправились сотрудник газеты «Свет» В.А. Комаров (племянник видного журналиста и общественного деятеля славянофильского толка В.В. Комарова), корреспонденты «Нового времени» и «Голоса Руси» (Граф Бобринский в пути 1914; С гр. В.А. Бобринским 1914). В Кишиневе к ним присоединился член Государственной Думы М.П. Дмитриев (фракция центра), который, по сообщению газет, «чрезвычайно живо» интересовался этим процессом (Комаров 1914а; Процесс угроруссов 1914b).

Проводить Бобринского собрались многие члены Государственной Думы, Галицко-русского и Славянского обществ. «Поездка эта – не легкая прогулка, а целый поход против неправды – будет иметь при всяком исходе громадное общественное и политическое значение, – утверждал "Свет", не жалеющий красок в описании трудностей и ис-

пытаний, которые предстояло преодолеть российскому политику. – Граф Бобринский едет на призыв сердца и русско-национального долга, можно сказать, в волчью пасть. К врагам, и не думающим скрывать своей дикой злобы к России и всему русскому. Идет на суд в качестве свидетеля первостепенной, классической важности для защиты о. Алексея Кабалюка и с ним 94 исповедников. Едет по заявлению защиты, но после того, как Иродов мадьярский суд отказал не только в вызове такого важного свидетеля, но и в пропуске его в пределы Австро-Венгрии». Пугая далее читателей тем, что русского националиста мадьярские власти могут выдать мазепинцам (т. е. украинским националистам), которые «давно ждут графа Бобринского, жадно облизываясь при мысли, что наконец-то он достанется в их хищные лапы», «Свет» призывал своих читателей объединиться в поддержке мужественного поступка депутата (Отъезд 1914).

Для демонстрации этого единения вскоре после отъезда графа из России состоялось собрание Галицко-русского благотворительного общества, на котором по почину Д.Н. Вергуна и М.Я. Балясного была принята резолюция «ко всем русским людям без различия партий», к братьям-славянам «в Австро-Венгрии, на Балканах и в Америке», а также к представителям обеих русских законодательных палат, русской печати и общественных организаций с призывом заклеить «беспримерное злодеяние венгерских властей» (Процесс мучеников 1914).

Утром 21 января (3 февраля) В.А. Бобринский прибыл в Будапешт, где остановился у русского генерального консула М.Г. Приклонского, а оттуда, по его же собственным словам, не встретив никаких затруднений, на следующий день добрался до Мармарош-Сигета (Процесс мучеников 1914). 23 января (5 февраля) граф явился на судебный процесс и дал свидетельские показания. Как вспоминал А.Ю. Геровский, появление Бобринского в зале суда «произвело сенсацию и сильно приободрило обвиняемых» (Геровский 1961: 3). По словам В.А. Комарова, «не только места для публики, но и места за судьями и скамьи журналистов были переполнены зрителями, явившимися подивиться на “русского графа”» (Комаров 1914с).

Допрос Бобринского продолжался около пяти часов – венгерский суд согласился выслушать российского политика за одно заседание, чтобы не создавать ему дополнительных проблем с австрийскими властями (Комаров 1914с). Отвечать на вопросы суда по-русски, чтобы сказанное им было понятно обвиняемым русинам, Бобринскому не разрешили ввиду отсутствия в суде переводчика, понимавшего русский язык. На последовавшую просьбу графа давать свои показания по-французски, а потом дублировать их по-русски также последовал

отказ. Очевидно, писал один из спутников Бобринского, прокурор посчитал русский язык «опасным, так как его будут понимать обвиняемые» (Процесс угроруссов 1914d). В итоге допрос велся на французском. Российский политик показал, что возглавляемое им Галицко-русское благотворительное общество является легальной организацией, преследует исключительно «литературно-культурные цели» и направлено не против законных властей Габсбургской империи, а против полонизма и украинства. Граф отверг обвинения в том, что он якобы говорил об «австрийском иге», под которым страдают русские в Галиции, отметив, что речь шла о «польском иге». Бобринский также указал на то, что вся литература на русском языке, которая направлялась в русинские школы Галиции, являлась классическими произведениями, а не творчеством современных авторов, а выпущенные Галицко-русским обществом брошюры имели культурно-этнографическое содержание и были чужды какой-либо политики. Что же касается финансовой поддержки русского движения в Галиции, то оно, по словам Бобринского, заключалось лишь в 200 руб., которые он выдал иеромонаху Алексию (Кабалюку) на поездку не то на Афон, не то в Америку, и «некой сумме», переданной А. Дулишкевичу, оказавшемуся агентом-провокатором. Мнение о том, что он проповедовал присоединение Галичины и Угорской Руси к Российской империи, граф назвал нелепым, поскольку он не писал русинам: «вы живете в России», но «на русской земле», призывал их бороться не за Россию, а за «русскую национальность», что «совершенно лояльно». Признавая, что он критиковал политику австро-венгерских властей в отношении русского (русинского) населения империи, Бобринский вместе с тем подчеркнул, что он как монархист никогда не позволял себе критиковать императора Франца-Иосифа. «Я интересовался и никогда не перестану интересоваться судьбой родного племени угроруссов, – твердо заявил Бобринский, – но далек от того, чтобы поддерживать среди них какую-либо пропаганду против их законного государя».

На вопрос, из каких соображений он поддерживал переход русинов-униатов в православие, Бобринский заявил: «Я убежденный православный, считаю православную веру единственной совершенной, и вполне естественно, что я стремлюсь приобщить к православной церкви как можно больше адептов» (Допрос 1914; Процесс угроруссов 1914а; Процесс угроруссов 1914b). При этом граф заявил, что термина «русофильская партия» в отношении русинов он «не понимает», поскольку «среди русских не может быть русофильской партии, ибо русские не могут быть русофилами или русофобами; француз, венгерец, немец может быть русофилом или русофобом; русские же могут быть просто русскими» (ГД 1914: 386).

В целом позиция графа, озвученная на процессе, заключалась в следующем: «В Австро-Венгрии нет никакой политической пропаганды, идущей будто бы из России. <...> Налицо исключительно православное религиозное движение, семена которого брошены эмигрантами из Америки» (Гр. В.А. Бобринский 1914). Позже, поясняя сказанное им на процессе, Бобринский добавит: «Угрорусский народ давно и всегда считал себя православным, а что если есть теперь стремление открыто порвать с навязанной ему унией, то это идет не из России, а из Америки, ибо угрорусы и галичане, переселяясь в Америку, там поголовно переходят из унии в православие и, возвращаясь на родину, раскрывают глаза своим соплеменникам» (ГД 1914: 385–386). (Об этом же писали и «Московские ведомости», отмечавшие тесную связь «заокеанской Руси» с Галичиной и Угорщиной (В борьбе 1914)).

По окончании допроса российский депутат поклонился до земли подсудимым, чем вызвал у некоторых из них слезы (Геровский 1961: 3; Земной поклон 1914). По словам сопровождавшего Бобринского Комарова, допрос обнаружил «изумительное, полное незнание венгров с русскою жизнью и партиями», поскольку суд полагал, что граф является не то председателем Союза русского народа, не то Союза русских людей, одновременно состоит членом Святейшего Синода и некой загадочной «Лиги общественного спасения». Немало неточностей было допущено и в переводах выступлений графа в печати, которые суд собирался использовать как улики, изобличающие преступность намерений российского политика (Комаров 1914b).

Однако необходимо отметить, что, выступая на суде, граф не был до конца откровенным и на аспектах, способных навредить как ему, так и подсудимым, останавливаться не стал. В России хорошо было известно, что Бобринский является убежденным сторонником «идеи покровительства и помощи со стороны России зарубежным славянам, испытывающим национальный гнет» (Санькова 2004: 210), оказывает им помощь и приглашает в Россию русинских активистов (Чемакин 2015: 106, 115, 118, 120). Современный американский автор отмечает, что Бобринский выступал «с предложением включения Галиции и Карпат как земли русинов, "то есть русских" в состав Российской империи, причем выступал он на самой думской трибуне» (Аксенов-Меерсон 2014: 107). Обнаружить таких публичных призывов Бобринского нам не удалось, напротив, с думской кафедры граф говорил прямо противоположное: «Никаких стремлений к отторжению какой-либо части Австро-Венгерской монархии мы, конечно, не имеем, и подобной деятельности и подобным стремлениям мы не сочувствуем. <...> Мы, гг., никто из нас, ни один серьезный политик в

России, не занимаемся перекой карты Европы. Мы чужих владений не собираемся делить» (ГД 1914: 384–385).

В своих пылких думских речах, тем не менее, граф действительно упоминал про «старый вопрос, нам, русским, особенно близкий, который находит себе разрешение только на Карпатах». При этом, правда, тут же оговариваясь: «Я все это говорю без всякого воинственного задора; Боже упаси нас толкать на такую ужасную войну» (ГД 1913: 348). Выступая в 1913 г. в Галицко-русском благотворительном обществе, граф выражал пожелание, чтобы «правительство русское во исполнение исторических заветов России нашло способы воздействия для прекращения страданий православных» (Пашаева 2001: 136).

Как отмечал консервативный «Колокол», «тем, кто был на докладах г. В. Бобринского и его сателлита г. Вергуна, вероятно, памятна повторявшаяся как припев фраза – «славяне (балканские, австрийские, мадьярские, смотря по обстоятельствам) с надеждой взирают на Россию великодержавную». Эта по форме вполне безобидная фраза, однако, обладает роковой растяжимостью и при желании свободно вмещает то, о чем и не думал произнесший ее оратор» (Граф Бобринский в экстазе 1914).

В докладной записке, поданной Бобринским в МИД в том же 1913 г., граф уже открыто указывал, что, поскольку «в Австрии сильно рассчитывают на украинский народ в случае войны с нами», необходимо давать симметричный ответ: усиливать поддержку пророссийских настроений в русинских землях Австро-Венгрии. На финансирование этих мероприятий политик предлагал выделять из казны 200 тыс. руб. ежегодно. Запрашиваемые средства Бобринский собирался распространять через «преданных частных лиц», чтобы не дать повода обвинить официальный Петербург во вмешательстве в дела другого государства (Клопова 2016: 232–235). Кроме того, как сообщал летом 1913 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов С.Д. Сазонову, Бобринский к этому времени уже получал от правительства «некоторые суммы», которые тратил на поддержку русского дела в австрийских землях (Клопова 2016: 239). Так что у властей Австро-Венгрии были вполне обоснованные подозрения относительно планов русского графа на галицких и карпатских русинов. В связи с этим заверения Бобринского в отсутствии у него каких-либо политических устремлений относительно закарпатских русинов доверия у суда вызвать не могли. Да и относительно религиозных вопросов Бобринский был не до конца честен. На закономерный вопрос председателя суда, допустили бы в Российской империи движение, ставящее своей целью обращение в другую веру, Бобринский заявил: «В России переход из одного вероисповедания в другое не встречает никаких препятствий»

(Процесс угроруссов 1914b). Хотя указом от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в Российской империи действительно был разрешен свободный переход из православия в другие христианские исповедания, прозелитизм продолжал преследоваться в уголовном порядке (Амбарцумов 2014: 165, 237).

Несмотря на негативное отношение к деятельности Бобринского, суд вел себя по отношению к нему подчеркнуто корректно и с «самою изысканною вежливостью». Это же подтверждал один из спутников графа: «С внешней показной стороны венгерская предусмотрительность к нам, русским журналистам, не оставляет желать лучшего. Нас не только ни в чем не стесняют, за нами ухаживают во время перерыва» (Процесс угроруссов 1914d). В связи с этим российский политик счел нужным поблагодарить суд за «лояльное поведение и проявленную любезность» (Телеграмма 1914). Тревоги русской печати относительно возможного ареста Бобринского австрийскими властями сразу же после его выступления на процессе оказались ложными. Версия о том, что венгры «заманили» Бобринского, сговорившись с австрийцами о последующей его выдаче (Арестуют ли 1914), не подтвердилась. Как отмечала одна из венгерских газет, Венгрия «потеряла бы престиж за границей», если бы граф Бобринский был бы арестован по требованию Австрии (Гр. Бобринский 1914). Но и австрийские власти не спешили с арестом российского политика. По сообщению анонимного венгерского сановника, Министерство внутренних дел Австро-Венгрии решило не выписывать предписание об аресте Бобринского, дабы не превращать «аристократического авантюриста» в «мученика национальной идеи» (Процесс угроруссов 1914c). Согласно сообщениям в венской прессе, австрийские власти сочли, что, с точки зрения международного имиджа, им выгоднее показать свою лояльность. «Ни один иностранец в России, – писала "Райхспост", – не посмел бы говорить так открыто, как Бобринский в Мармарош-Сигете» (Гр. Бобринский 1914).

По данным Н.А. Кудашева, итоговому решению австрийского правительства не препятствовать выступлению Бобринского в суде и не арестовывать его поспособствовали хлопоты лидера Всероссийского национального союза и фракции русских националистов в Государственной Думе П.Н. Балашева, встретившегося в Вене с министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Л. фон Берхтольдом. Российский дипломат сообщал С.Д. Сазонову: «Полагаю, что, с одной стороны, было очень уже неловко отвести такого важного свидетеля, каким является граф Бобринский, в то время как он уже находился на венгерской территории. С другой – здесь желали избежать последствий какого-либо инцидента, жертвою которого явился бы русский

политический деятель, имеющий связи как в аристократических, так и общественных кругах России» (Международные отношения 1931: 308).

Глава австрийского МИДа заверил Балашева, что он ничего не имеет против дачи Бобринским показаний, «облегчающих положение подсудимых» и разъясняющих истинное положение вещей, а также «облегчающих венгерскому суду осуществление правосудия», но «правительство австрийского императора не может допустить и не допустит вмешательства русских политических организаций во внутренние дела австрийской империи». После того как Балашев согласился с точкой зрения графа Берхтольда, он получил заверение «в полной личной неприкосновенности гр. Бобринского во время его пребывания на землях австрийского императора» (Донесения 1999: 12; Свидание 1914). Поэтому, хотя австро-венгерская пресса и сообщала, что «дело графа Бобринского <...> имеет не дипломатический, а юридический характер» и венгерские власти обязаны его выдать по первому требованию австрийского прокурора, тут же намекала: постановление об аресте если и последует, то по формальным поводам его задержат, позволив Бобринскому беспрепятственно вернуться на родину (Вопрос 1914).

По просьбе начальника местной полиции граф В.А. Бобринский и его спутники под охраной покинули Мармарош-Сигет ранним утром 24 января. Во избежание неприятностей с австрийскими властями венгры пообещали задержать телеграмму об отъезде российского политика на сутки (Комаров 1914с). (В связи с этим замечание митрополита Евлогия (Георгиевского), рассказывавшего, как граф Бобринский после процесса, протекавшего «в столь накаленной атмосфере», «едва унес оттуда ноги», следует признать ошибочным (Путь моей жизни 1994: 236)).

29 января граф Бобринский прибыл в столицу Российской империи. На Варшавском вокзале его встречали многочисленные друзья и сторонники, члены думской фракции русских националистов, Государственного совета и Всероссийского национального союза, представители студенческих организаций, члены Галицко-русского и Славянского благотворительного обществ; весь перрон был заполнен публикой. Графу была устроена шумная орация, ему кричали «Ура!», дамы подносили цветы, лидеры общественных организаций поздравляли, читали стихи, дарили памятные подарки и восхищались его поступком. Тронутый такой встречей депутат «со слезами на глазах благодарил всех и сказал, что этот день он считает одним из самых счастливейших в своей жизни» (Возвращение 1914; Ясный 1914).

Праволиберальные и умеренно-правые газеты пели Бобринскому дифирамбы, называя его «бесстрашную поездку» в Мармарош-Сигет не иначе как национальным подвигом, воспевали «самоотверженную красоту его поступка» и утверждали, что своим «сильным благородным порывом» он покорила сердца членов венгерского суда (Без названия 1914; К возвращению 1914; Меньшиков 1999: 440). На страницах газет, сочувствовавших деятельности Всероссийского национального союза, печатались хвалебные статьи о Бобринском, направленные ему приветственные телеграммы со всех уголков России и посвященные графу стихи.

Вы были там, вы их видали –
Их с исстрадавшейся душой,
Их взор, исполненный печали
В сиянии веры неземной.

И вы склонились перед ними
Поклоном от Руси земным –
Пред их стараньями святыми,
Пред горем русским вековым... <...>

Вы были там, но не попали
Во власть кровавых палачей,
С тревогой сердца вас здесь ждали,
В столице северных ночей. <...>

Среди врагов, за честь отчизны
Вы русской смелою рукой –
Знаменщик наш без укоризны! –
Подняли стяг Руси родной (Балясный 1914b).

Не имея возможности всех поблагодарить лично, В.А. Бобринский опубликовал в газетах письмо, в котором от себя лично и «от имени всех русских людей в Угорской Руси» писал: «Дай Бог, чтобы все наши партии и все различные слои русского общества "едиными усты и единым сердцем" встали бы на защиту попираемой правды и в оборону наших родных русских братьев, терзаемых как в Угорской Руси, так и в Руси Червонной» (Бобринский 1914).

В связи с большим вниманием, которое вызывала его поездка в Мармарош-Сигет, Бобринский дважды выступил с докладами, в которых подробно остановился на процессе и своей роли в нем. На выступлении в Клубе общественных деятелей, собравшем полный зал

публики, в числе которой были председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, депутаты и члены Государственного совета, сенаторы, генералы, представитель румынского посольства, Бобринский под громкие аплодисменты заявил: «После Мармарош-Сигетского процесса мы, конечно, будем защищать наших православных братьев в Венгрии и оказывать им свою поддержку. <...> До тех пор, пока весь русский народ не объединится и не станет на защиту своей веры, до тех пор не прекратятся издевательства над православием, преследование православной веры в Венгрии и Австрии» (Ив. Н. 1914). Об этом же граф говорил и на съезде Всероссийского национального союза, открывшем свою работу 2 февраля 1914 г. (Съезд 1914). Поездка Бобринского в Венгрию вызвала интерес и у императора Николая II, пожелавшего в начале марта 1914 г. видеть графа. В ходе 20-минутной беседы государь попросил подробно рассказать о процессе, передал депутату 12 тыс. руб., предназначенных для внесения залога за о. Алексия (Кабалюка), и отозвался об австрийцах недружелюбно (Донесения 2000: 6).

Несмотря на полные пафоса публикации и выступления, трубившие о «победе» графа Бобринского над судом Габсбургской монархии, на участь обвиняемых русинов выступление российского политика повлияло мало. Иеромонах Алексей (Кабалюк) был приговорен к четырем с половиной годам и штрафу в 1 000 крон, остальные – к меньшим срокам и денежным штрафам. Так что рассуждения некоторых российских изданий, писавших, что «несчастные страдальцы угорорусы, с пламенной верой ждавшие приезда графа с далекого севера, не обманулись в своих надеждах», поскольку тот «облегчил им тяжесть их страданий», выглядели малоубедительными. Да и австро-венгерская пресса оценивала итоги визита российского графа совершенно иначе. Как видно из приводившихся в российских изданиях переводов из австрийских газет, венская и будапештская пресса придерживалась мнения, что своими показаниями Бобринский лишь навредил венгерским русинам, невольно подтвердив в суде существование панславистских устремлений России. При этом австро-венгерская пресса указывала своим читателям на то, что граф Бобринский – это лишь «ширма», за которой стоят влиятельные российские круги, ведущие русофильскую пропаганду за рубежом и вынашивающие агрессивные планы в отношении Дунайской монархии (Гр. Бобринский 1914; Отклики 1914).

Российский МИД также полагал, что правительству Австро-Венгрии удалось не только обезвредить выступление российского политика, но и извлечь из него для себя некоторую пользу: «...графу Бобринскому был дан случай высказать очень многое

о своей деятельности среди угрорусов, а сказанное им в суде всегда может быть впоследствии истолковано в том или ином освещении в зависимости от надобности минуты. Со своей стороны, пресса сделала свое дело: подробно передавая показания графа, она стремилась его выставить в роли обвиняемого, старающегося оправдать свои собственные поступки, причем искусственно создавалось впечатление о нем как о человеке, к которому применима поговорка: "Qui s'excuse s'accuse" ("Кто оправдывается, тот сам себя выдает". – А.И.)».

Вердикт российского поверенного в делах в Вене был неутешительным: «Как ни понятна и даже похвальна, с точки зрения личных побуждений графа Бобринского, им самим на себя возложенная миссия, – с точки зрения наших отношений к Австрии, о ней можно только пожалеть. Обаяние свое или России среди подсудимых угрорусов граф Бобринский едва ли увеличил своею же настойчивостью явиться на суд и там отстаивать положение, которому здесь решительно никто не верит, – об отсутствии у его пропаганды всякой политической подкладки, – он только еще больше раздражил и правительство, и здешнее общественное мнение» (Международные отношения 1931: 308). Более того, как полагал Кудашев, заявление Бобринского о необходимости защиты русинов от полонизма и украинства могли поспособствовать сближению украинских националистов с поляками, что также было невыгодно России. Не могла понравиться МИДу и позиция некоторых сочувствовавших поездке графа Бобринского русских газет, например, октябристского «Голоса Москвы», писавшего в таком тоне: «Неужели же наше Министерство иностранных дел останется глухо и немо? Неужели оно не видит, не слышит и газет не читает? <...> Приходится, увы, напоминать, что Российская империя есть, действительно, первое из православных государств, и что угнетение православных в Венгрии не должно быть для нее безразлично» (Куманин 1914).

Российское общество также не было едино в оценке активной деятельности графа Бобринского в защиту живших на территории Австро-Венгрии русинов. Если левой и леволиберальной прессе участь угорских русинов была, в общем-то, безразлична (лишь широкое сочувствие карпатским русинам в российском обществе заставило кадетскую «Речь» сменить риторику и признать факт религиозных гонений в Австро-Венгрии (Котов 2014: 296–298)), да и делать рекламу видному представителю партии русских националистов она не собиралась, то ряд консервативных изданий не без оснований увидел в деятельности графа угрозу и без того непростым отношениям двух империй – Российской и Австро-Венгерской.

Издаваемый князем В.П. Мещерским «Гражданин» откликнулся на «вояж» Бобринского в крайне резком духе. Называя «неукротимого графа» «образчиком националистического идиотизма», Мещерский писал: «Мы не видели у себя в России австрийских графов, вмешивающихся в наши внутренние дела, и находим, что австрийцы так любезны, что если не прогоняют этого бедного умственно графа Бобринского, то хотя бы из благодарности этот один из шутов национализма должен был убраться из австрийских владений домой и сидеть смирно. А тут еще и скудоумный Балашев сунулся» (Мещерский 1914).

Не испытывало никакого восторга от вмешательства графа Бобринского в дела Австро-Венгрии и черносотенное «Русское знамя». Иронизируя по поводу того, как нахваляют графа «все четыре большие газеты», орган Всероссийского Дубровинского союза русского народа отмечал: «Сколько лжи и фальши в этой рекламе: конечно, графа Бобринского влекла в Венгрию вовсе не "безудержная жажда" помочь угрорусам, а "безудержная жажда" к рекламе и самопрославлению. Если бы он хотел ехать только для пользы подсудимых, то для чего было бы ему брать с собой четырех репортеров и одного члена Госдумы? Для чего такой эскорт? Венгры превосходно угадали сущность графа Бобринского, и в венгерских газетах было напечатано, что "граф Бобринский будет очень огорчен, что его в Венгрии не арестовали". Действительно, этим венгры лишили графа Бобринского 99 % саморекламы». Вердикт газеты относительно итогов поездки графа был следующим: «Какая глупая и нелепая комедия! Можно себе представить, как внутренне хохотали венгры, видя потуги графа Бобринского сыграть какую-то роль "благородного" человека и его полную неудачу надеть на свою голову мученический венец и слушая его длинные разговоры, по существу не стоящие выеденного яйца, которые, конечно, ни на волос не повлияют на заранее постановленное решение венгерского суда. По всей вероятности, и несчастные русские прекрасно оценили пустую фанфаронаду Бобринского и следили за ней с большим удручением. <...> Графу Бобринскому гораздо бы более соответствовало нести свои обязанности в Государственной Думе, нежели кататься и искушать венгров» (Обо всем 1914).

Не в восторге от активности Бобринского была и церковно-политическая газета «Колокол». Подчеркивая, что «Колокол» всем сердцем сочувствует братьям-единоверцам, издание указывало, что, в отличие от Бобринского, оно видит улучшение участи карпатских русинов «не в кликушестве "неославянофилов" и не в банкетных речах, а в прочном согласии русской и австро-венгерской дипломатии». Характеризуя Бобринского как человека «благородных возвышенных порывов», «импульсивного и страстного националиста», издание, вместе с тем,

полагало, что он «не способен к роли терпеливого кроткого православного миссионера», поскольку он – «весь порыв и пламя». Отмечая далее, что Бобринский – «поэт, а не организатор», газета приходила к выводу, что своими неосторожными речами и действиями граф не только вышел за рамки «международной корректности», но и невольно поспособствовал тому, что его благие намерения привели лишь к тому, что «малые сии» – угорские русины – очутились на скамье подсудимых (Граф Бобринский в экстазе 1914).

Реакция графа Бобринского на неожиданные для него выпады справа была предсказуемой. «Я не могу назвать русской прессой ни "Русское знамя", ни "Колокол", ни "Гражданин", – говорил он с трибуны Государственной Думы, – но я скажу в отношении к этим крайним правым газетам, я презираю их» (ГД 1914: 388).

Таким образом, мнение российской прессы (а значит, и русского общества) о роли графа В.А. Бобринского в Мармарош-Сигетском процессе не было единым. За редким исключением изданий, оставшихся равнодушными к преследованию карпаторусов австро-венгерскими властями, большинство ведущих российских газет выражало сочувствие православным русинам и осуждало действия австро-венгерской власти. Однако в оценке роли Бобринского в этом процессе единства не наблюдалось. Правительственный официоз «Россия» сообщал своим читателям о поездке Бобринского в Венгрию довольно скупое, воздерживаясь от оценок; леволиберальные издания («Биржевые ведомости», «Речь», «Русское слово»), в целом сдержанно освещавшие процесс, подтрунивали над графом; праволиберальные и умеренно-консервативные («Голос Москвы», «Голос Руси», «Свет», «Новое время») горячо поддерживали депутата, восхищаясь его мужеством и благородством; правоконсервативные («Гражданин», «Колокол», «Русское знамя») считали графа невольным виновником гонений на русинов, а также политическим авантюристом, толкающим Австро-Венгрию к военному конфликту с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В современной литературе встречается двоякое написание названия этого процесса: Мармарош-Сигетский и Мармарош-Сиготский. Поскольку официальное венгерское название главного города комитата Мармарош (Марамарош), в котором проходил процесс, – Сигет (ныне румынский город Сигету-Мармацией), в русской дореволюционной печати процесс именовался исключительно Мармарош-Сигетским. Для единообразия в данной статье используется именно такое наименование города и процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Bachmann 2001 – *Bachmann K.* Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rissland (1907–1914). Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2001. 292 s.

Аксенов-Меерсон 2014 – *Аксенов-Меерсон М.* Империй призрачных орлы. Повесть о том, как русская епархия в Америке оказалась решающим фактором в развязывании Первой мировой войны. USA: Franc-Tireur, 2014. 272 с.

Амбарцумов 2014 – *Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 256 с.

Арестуют ли 1914 – Арестуют ли гр. Бобринского? // Русское слово. 1914. 22 янв.

Балясный 1914а – *Балясный М.* Графу Владимиру Бобринскому // Голос Руси. 1914. 19 янв.

Балясный 1914б – [*Балясный М.А.*] Привет графу В.А. Бобринскому // Голос Руси. 1914. 30 янв.

Без названия 1914 – [Без названия] // Голос Руси. 1914. 25 янв.

Бобринский 1914 – *Бобринский В.А.* Письмо в редакцию // Голос Руси. 1914. 2 февр.

В борьбе 1914 – В борьбе за веру // Московские ведомости. 1914. 30 янв.

Возвращение 1914 – Возвращение на родину гр. Бобринского // Свет. 1914. 30 янв.

Вопрос 1914 – Вопрос о выдаче // Русское слово. 1914. 23 янв.

Геровский 1961 – Геровский А. Иза и Сиготский процесс. (Продолжение) // Свободное слово Карпатской Руси (Ньюарк, США). 1961. № 11–12. С. 3–5.

ГД 1913 – Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. СПб.: Государственная типография, 1913. 2438 стб.

ГД 1914 – Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб.: Государственная типография, 1914. 1928 стб.

Грабец 1934 – *Грабец М.* К истории Мармарошского процесса. Ужгород: Школьная помощь, 1934. 56 с.

Гр. Бобринский 1914 – Гр. Бобринский на процессе угроруссов // Утро России. 1914. 25 янв.

Гр. В.А. Бобринский 1914 – Гр. В.А. Бобринский о процессе угроруссов // Русское слово. 1914. 30 января.

Граф Бобринский в пути 1914 – Граф Бобринский в пути // Свет. 1914. 22 января.

Граф Бобринский в экстазе 1914 – Граф Бобринский в экстазе // Колокол. 1914. 4 февраля.

Данилець 2013 – *Данилець Ю.В.* Переслідуванн я русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого Мараморош-Сиготського процесу 1913–1914 рр.) // Русин. 2013. № 4 (34). С. 16–31.

Данилец 2014а – Данилец Ю.В. Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014. № 2 (36). С. 249–269.

Данилец 2014b – Данилец Ю.В. К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свьѣтъ») // Русин. 2014. № 3 (37). С. 9–21.

Данилец 2017 – Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморош-Сиготского процесса 1913–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 59–70.

Донесения 1999 – Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 3–28.

Донесения 2000 – Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 3–28.

Допрос 1914 – Допрос гр. Бобринского на процессе угроруссов // Русское слово. 1914. 24 янв.

Земной поклон 1914 – Земной поклон мученикам // Свет. 1914. 25 янв.

Ив. Н. 1914 – Ив. Н. Впечатление процесса угроруссов // Новое время. 1914. 3 февр.

К возвращению 1914 – К возвращению графа В.А. Бобринского // Новое время. 1914. 26 янв.

К поездке 1914 – К поездке графа В.А. Бобринского на угрорусский процесс // Свет. 1914. 12 янв.

Клопова 2016 – Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Комаров 1914а – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 24 янв.

Комаров 1914b – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 25 янв.

Комаров 1914с – Комаров В. Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 2 февр.

Котов 2014 – Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис.... канд. ист. наук. М., 2014. 712 с.

Куманин 1914 – Куманин Б. Процесс угроруссов и России // Голос Москвы. 1914. 25 января.

Международные отношения 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3: 1914–1917. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изда-во, 1931. Т. 1. 614 с.

Меньшиков 1999 – *Меньшиков М.О.* Сроки близятся // Меньшиков М.О. Письма к русской нации / вступ. статья и примечания М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

Мещерский 1914 – Лас-Нанас [Мещерский В.П]. Тайновед // Гражданин. 1914. 2 февр.

Младенович 1914 – *Младенович А.Р.* Беседа с гр. В.А. Бобринским // Свет. 1914. 13 янв.

Обо всем 1914 – Обо всем // Русское знамя. 1914. 26 янв.

Отказ 1914 – Отказ австрийского посольства // Свет. 1914. 13 янв.

Отклики 1914 – Отклики австрийской печати // Русское слово. 1914. 25 янв.

Отъезд 1914 – Отъезд гр. В.А. Бобринского на выручку к угроруссам // Свет. 1914. 18 янв.

Пашаева 2001 – Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001. 201 с.

Передерко 2010 – *Передерко В.* Участь В. Бобринського в другому Мараморош-Сігетському судовому процесі // Вісник Прикарпатського університету. Історія, 2010. № 18. С. 90–97.

Процесс мучеников 1914 – Процесс мучеников за православие // Свет. 1914. 20 янв.

Процесс угроруссов 1914a – Процесс угроруссов // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 24 янв.

Процесс угроруссов 1914b – Процесс угроруссов // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 28 янв.

Процесс угроруссов 1914c – Процесс угроруссов // Речь. 1914. 23 янв.

Процесс угроруссов 1914d – Процесс угроруссов в Мармарош-Сигете // Голос Руси. 1914. 24 янв.

Путь моей жизни 1994 – Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.

С гр. В.А. Бобринским 1914 – С гр. В.А. Бобринским // Свет. 1914. 21 янв.

Санькова 2004 – *Санькова С.М.* Владимир Алексеевич Бобринский как представитель консервативно-либерального направления общественно-политической жизни России начала XX века // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 2. С. 195–217.

Свидание 1914 – Свидание П.Н. Балашева с Берхтольдом // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. 28 янв.

Суляк 2009 – *Суляк С.Г.* Русинский и украинский вопрос накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.

Съезд 1914 – Съезд националистов // Новое время. 1914. 4 февр.

Телеграмма 1914 – Телеграмма гр. Бобринского // Русское слово. 1914.

26 янв.

Чемакин 2015 – Чемакин А.А. «Единая Свободная Русь: Львов – Киев – Москва». Русские национальные социалисты в начале XX в. // Вопросы национализма. 2015. № 3 (33). С. 99–127.

Ясный 1914 – Ясный М. Приезд графа В.А. Бобринского // Голос Руси. 1914. 30 янв.

REFERENCES

Bachmann, K. (2001) *Ein Herd der Feindschaft gegen Russland. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rissland (1907–1914)*. [A hearth of enmity against Russia. Galicia as a hotbed of crisis in the relations of the Danube monarchy with Rissland (1907–1914)]. Vienna: Verlag für Geschichte und Politik.

Aksenov-Meerson, M. (2014) *Imperiy prizrachnykh orly. Povest' o tom, kak russkaya yeparkhiya v Amerike okazalas' reshayushchim faktorom v razvyazyvanii Pervoy mirovoy voyny* [Eagles of Ghostly Empires A Tale about Russian Diocese in America becoming a Decisive Factor in the Outbreak of World War I] USA: Franc-Tireur.

Ambartsumov, I.V. (2014) *Nepravoslavnyye khristianskiye ispovedaniya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti (konets XIX v. – iyul' 1914 g.)* [Non-Orthodox Christian confessions in the system of Russian statehood (the late 19th century – July 1914)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.

Russkoye slovo. (1914) Arestuyut li gr. Bobrinskogo? [Will Count Bobrinsky be arrested?]. 22nd January.

Balyasnyy, M. (1914) Grafu Vladimiru Bobrinskomu [To Count Vladimir Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 19th January.

[Balyasnyy, M.A.] (1914) Privet grafu V.A. Bobrinskomu [Greetings to Count V.A. Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 30th January.

Golos Rusi. (1914) [Untitled]. 25th January.

Bobrinskiy, V.A. (1914) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. *Golos Rusi*. 2nd February.

Moskovskiye vedomosti. (1914) V bor'be za veru [In the struggle for faith]. 30th January.

Svet. (1914) Vozvrashcheniye na roдинu gr. Bobrinskogo [Count Bobrinsky's return to the homeland]. 30th January.

Russkoye slovo. (1914) Vopros o vydache [On the extradition]. 23rd January.

Gerovskiy, A. (1961) Iza i Sigotskiy protsess. (Prodolzheniye) [Iza and the Sziget process]. *Svobodnoye slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12.

Russia. The State Duma. (1913) The State Duma. Verbatim records. Convening IV. Session I. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya (In Russian).

Russia. The State Duma. (1914) The State Duma. Verbatim records. Convening IV. Session II. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya (In Russian).

Grabets, M. (1934) *K istorii Marmaroshskago protsesssa* [To the history of the Marmarosh trial.]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch'.

Utro Rossii. (1914) Gr. Bobrinskiy na protsesse ugororussov [Count Bobrinsky at the trial of Hungarian Rusins]. 25th January.

Russkoye slovo. (1914) Gr. V.A. Bobrinskiy o protsesse ugro-russov [Count V.A. Bobrinsky at the trial of Hungarian Rusins]. 30th January.

Svet. (1914) Graf Bobrinskiy v puti [Count Bobrinsky on the road]. 22th January.

Kolokol. (1914) Graf Bobrinskiy v ekstaze [Count Bobrinsky in ecstasy]. 4th February.

Danilets, Yu.V. (2013) Persecution of Rusins for the faith in Austria-Hungary before WWI (the 100th Anniversary of the Second Marmaros-Sziget Trial in 1913–1914). *Rusin*. 4 (34). pp. 16–31. (In Ukrainian) DOI: 10.17223/18572685/34/2

Danilets, Yu.V. (2014a) Newspapers “Delo” and “Delo and Novoye slovo” as a source of history of the Marmaros-Sziget trial in 1913–1914. *Rusin*. 2 (36) (In Russian) DOI: 10.17223/18572685/36/16

Danilets, Yu.V. (2014b) K istorii pravoslaviya v Ugorskoy Rusi nakanune Pervoy mirovoy voyny (po materialam amerikanskoy gazety “Svet”) [To the history of Orthodoxy in Ugric Rus' on the eve of WWI (based on the materials of the American newspaper “Svet”).] *Rusin*. 3 (37). pp. 9–21 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/1

Danilets, Yu.V. (2017) Irkutsk newspaper “Sibir” as source on history of the Second Marmaros-Sziget trial in 1913–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 59–70 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/8

Kumanin, L.K. (1999) Doneseniya L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavi'l'ona Gosudarstvennoy Dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda [Reports by L.K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911 – February 1917]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 3–28.

Kumanin, L.K. (2000) Doneseniya L.K. Kumanina iz Ministerskogo pavi'l'ona Gosudarstvennoy Dumy, dekabr' 1911 – fevral' 1917 goda [Reports by L.K. Kumanin from the Ministerial Pavilion of the State Duma, December 1911 – February 1917]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 3–28.

Russkoye slovo. (1914) Dopros gr. Bobrinskogo na protsesse ugororussov [Interrogation of Count Bobrinsky on the Marmaros-Sziget Trial]. 24th January.

Svet. (1914) Zemnoy poklon muchenikam [A bow to the martyrs]. 25th January.

Iv. N. (1914) Vpechatleniye protsesssa ugororussov [Impression of the Marmaros-Sziget Trial]. *Novoe vremya*. 3rd February.

Novoe vremya. (1914) K vozvrashcheniyu grafa V.A. Bobrinskogo [To the return of Count V.A. Bobrinsky]. 26th January.

Svet. (1914) K poyezdke grafa V.A. Bobrinskogo na ugorusskiy protsess [To the trip of Count V.A. Bobrinsky to the Marmaros-Sziget Trial]. 12th January.

Klopova, M.Ye. (2016) *Rusiny, russskiye, ukrainsy. Natsional'nyye dvizheniya*

vostoch-noslavjanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka [Rusins, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik.

Komarov, V. (1914a) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 24th January.

Komarov, V. (1914b) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 25th January.

Komarov, V. (1914c) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox martyrs]. *Svet*. 2nd February.

Kotov, B.S. (2014) *Obrazy Germanii i Avstro-Vengrii v rossiyskoy presse naka-nune Pervoy mirovoy voyny. 1912–1914 gg. (po materialam liberal'noy i konservativnoy pechati)* [The images of Germany and Austria-Hungary in the Russian press on the eve of the First World War. 1912–1914 (based on the materials of the liberal and conservative press)]. History Cand. Diss. Moscow.

Kumanin, B. (1914) Protsess ugororussov i Rossii [The trial of the Ruthenians and Russia]. *Golos Moskvy*. 25th January.

Grimm, E.D. (ed.) (1931) *Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu imperializma: do-kumenty iz arkhivov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv 1878–1917 gg.* [International Relations in the Epoch of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878-1917]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izda-vo.

Menshikov, M.O. (1999) *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian nation]. Moscow: Moskva.

Las-Nanas [Meshchersky, V.P.]. (1914) Taynoved [Knowing the secrets]. *Grazhdanin*. 2nd February.

Mladenovich, A.R. (1914) Beseda s gr. V.A. Bobrinskim [Conversation with Count V.A. Bobrinsky]. *Svet*. 13th January.

Russkoe znamya. (1914) Obo vsem [About everything]. 26th January.

Svet. (1914) Otkaz avstriyskogo posol'stva [Refusal of the Austrian Embassy]. 13th January.

Russkoe slovo. (1914) Otkliki avstriyskoy pechati [The responses of the Austrian press]. 25th January.

Svet. (1914) Ot'yezd gr. V.A. Bobrinskogo na vyruchku k ugororussam [Departure of Count V.A. Bobrinsky to the rescue to Hungarian Rusins]. 18th January.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX – XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Perederko, V. (2010) Uchast' V. Bobrins'kogo v drugomu Maramorosh-Sígets'komu sudovomu protsesí [Participation of V. Bobrinsky in the second Maramoros-Sziget trial]. *Vísnik Prikarpat'skogo uníversitetu. Ístoríya*. 18. pp. 90–97.

Svet. (1914) Protsess muchenikov za pravoslaviye [The trial of Orthodox

martyrs]. 20th January.

Birzhevye vedomosti. (1914a) Protsess ugororussov [The trial of Hungarian Rusins]. 24th January. 28th January.

Birzhevye vedomosti. (1914b) Protsess ugororussov [The trial of Hungarian Rusins]. 28th January.

Rech'. (1914) Protsess ugororussov [The trial of Hungarian Rusins]. 23th January.

Golos Rusi. (1914) Protsess ugororussov v Marmarosh-Sigete [The trial of Hungarian Rusins in Marmaros-Sziget]. 24th January.

Manukhina, T. (1994) *Put' moey zhizni: vospominaniya mitropolita Eevlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [The path of my life: the memoirs of Metropolitan Evlogii (Georgievsky), set out from his stories by T. Manukhina]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

Svet. (1914) *S gr. V.A. Bobrinskim* [With Count V.A. Bobrinsky]. 21th January.

Sankova, S.M. (2004) Vladimir Alekseyevich Bobrinskiy kak predstavitel' konservativno-liberal'nogo napravleniya obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii nachala XX veka [Vladimir Alekseevich Bobrinsky as a representative of the conservative-liberal direction of socio-political life in Russia in the early 20th century]. In: Minakov, A.Yu. (ed.) *Konservativizm v Rossii i mire: v 3 ch.* [Conservatism in Russia and the World: in 3 parts]. Vol. 2. Voronezh: Voronezh State University.

Birzhevye vedomosti. (1914c) Svidanie P.N. Balasheva s Berkhtol'dom [The meeting of P.N. Balashev with Berchtold]. 28th January.

Sulyak, S.G. (2009). Rusinskiy i ukrainskiy vopros nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Rusin and Ukrainian questions on the Eve of WWI]. *Rusin*. 2 (16). pp. 96–119.

Novoe vremya. (1914) S'ezd natsionalistov [Congress of Nationalists]. 4th February.

Russkoe slovo. (1914) *Telegramma gr. Bobrinskogo* [Telegram of Count Bobrinsky]. 26th January.

Chemakin, A.A. (2015) "Yedinaya Svobodnaya Rus': L'vov – Kiev – Moskva". Russkie natsional'nye sotsialisty v nachale XX v. ["United Free Russia: Lviv – Kiev – Moscow". Russian national socialists in the early 20th century]. *Voprosy natsionalizma*. 3 (33). pp. 99–127.

Yasnyy, M. (1914) Priezd grafa V.A. Bobrinskogo [Arrival of Count V.A. Bobrinsky]. *Golos Rusi*. 30th January.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

УДК 94(478)"1913"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/10

ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ, ОТЕЧЕСТВО И ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМ (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛОВ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА В ХОТИНСКОМ УЕЗДЕ БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

С.Г. Суляк

Санкт–Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E–mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Восемь членов ломачинского отдела Союза русского народа участвовали в торжествах по случаю 300-летия дома Романовых в феврале 1913 г. Вернувшись, они стали распространять среди крестьян Секурянской волости Хотинского уезда Бессарабской губернии сведения о том, что вскоре будет передел земли и вышел соответствующий указ императора, который скрывают от них. В соседнем с. Михалково от имени «общества» местным крестьянам было запрещено выходить на работу к местным землевладельцам и брать в аренду принадлежавшую им землю. Также под угрозой насильственного удаления с полевых работ, штрафа и избиения не допускались к обработке земли крестьяне из других сел, которых приглашал местный землевладелец. Таким путем пытались заставить землевладельцев отказаться от своей земли, которая затем перейдет в пользу крестьян. Полицейское управление по жалобам местного землевладельца и священника начало расследование, в результате которого несколько членов союза были арестованы. Вскоре некоторых из них освободили. В мае часть из них приняла участие в торжествах, прошедших в Москве и Костроме.

Ключевые слова: Бессарабия, Хотин, Ломачинцы, Михалково, Союз русского народа, русины

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

FOR FAITH, TSAR, FATHERLAND AND LAND TO PEASANTS (ON THE ACTIVITIES OF THE BRANCHES OF THE UNION OF RUSSIAN PEOPLE IN THE KHOTIN UEZD OF BESSARABIAN PROVINCE)*

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Eight members of Lomachintsi Branch of the Union of Russian People participated in the celebrations on the occasion of the 300th anniversary of the Romanovs' house in February, 1913. Having returned, they began to disseminate among the peasants of the Sekuryan Volost of Khotin Uezd of Bessarabian Province the information that there was the Emperor's Decree, kept secret from peasants, according to which the land would be redistributed. In the neighboring village of Mikhalkovo on behalf of "society" it was announced that local peasants should not go to work for local landowners and rent their land. Peasants from other villages hired by local landowners were not allowed to start working under the threat of forcible removal from fieldwork, fines and beatings. This was the attempt to force landowners to abandon their land to be later distributed among peasants. The Police Department launched the investigation by the complaints of a local landowner and a priest, which resulted in arrest of several members of the Union. Soon some of them were released. In May, some of members of the Union took part in the celebrations held in Moscow and Kostroma.

Keywords: Bessarabia, Khotin, Lomachintsi, Mikhalkovo, Union of Russian People, Rusins.

В свое время российский политический деятель В.В. Шульгин так высказался о политических предпочтениях бессарабцев: «Окраины, населенные так называемыми "инородцами", иногда больше ценили Россию, нежели природные русские. В частности, Бессарабия послала во Вторую Государственную Думу П.Н. Крупенского, В.М. Пуриш-

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 "Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".

кевича, П.А. Крушевана, П.В. Синадино и других убежденных сторонников монархии и величия России» (Шульгин 1990: 51). На выборах в III Государственную Думу (1907) крайне правые добились в Бессарабской губернии стопроцентного успеха (Степанов 2013: 273). В последний год III Думы среди 129 депутатов правого толка крайне правых было 52 чел., националистов – 77, а также 16 независимых националистов среди центристов. В первый год работы IV Думы 152 депутатов были правыми, крайне правыми – 64 чел., националистами – 88, а также 33 независимых националиста среди центристов (Первый год 1913: 10).

В III Думе правые делились на крайних правых и умеренно-правых (националистов). В IV Думе среди них было уже пять групп. Накануне ее открытия депутат от Бессарабской губернии националист П.Н. Крупенский организовал фракцию консервативных конституционалистов, получившую (по начальным буквам и по фамилии В.Н. Коковцова, председателя Совета министров Российской империи в 1911-1914 гг.) ироничную кличку – «партия ко-ко» (Аврех 1981: 29). Противники иронично называли ее членов «кокотами», что было связано не только с обыгрыванием первых букв названия группы и фамилии премьера, но и с отсылкой к слову «кокотка» (фр. cocotte), означающему женщину легкого поведения, живущую на содержании своих поклонников (Иванов 2018: 360). Фракция собиралась играть роль правительственного «центра» вместо октябристов. В IV Государственной Думе консервативные силы были представлены фракциями правых (к ним причисляли тех, кого можно отнести к «крайне правым» и «просто» правым), националистов и умеренно правых, группой центра. В 1915 г., после раскола фракции националистов, образовалась фракция прогрессивных националистов. Ее лидерами были председатель фракции В.А. Бобринский, В.В. Шульгин и А.И. Савенко (Глушков 2016: 99, 102). После раскола фракции правых в конце ноября – декабре 1916 г. из нее выделилась фракция независимых правых под председательством Б.А. Голицына (Иванов 2013: 366–367).

Самой многочисленной организацией в Бессарабской губернии в то время был Союз русского народа (СРН). В мае 1909 г. бессарабское отделение Союза русского народа состояло из 7 отделов и 55 подотделов, в которых числилось 18,5 тыс. чел. Кроме того, север Бессарабии охватывал почаяевский (волынский) отдел СРН. Численность почаяевского отдела Союза русского народа в 1908 г. достигла 104 289 чел. Этот отдел распространил свою деятельность не только на территорию Волынской, Подольской, частично Киевской и Бессарабской губерний (Степанов 2013: 182–183). В Почаяевском союзе в

1906–1907 гг. было 1 155 сельских подотделов. В Бессарабской губернии в тот же период действовали 178 деревенских дружин СРН (Степанов 2013: 414). Возглавлял созданный в 1906 г. почтаевский отдел СРН архимандрит лавры Виталий (в миру Василий Иванович Максименко) (Омельяничук 2008: 410), после революции ставший архиепископом Восточноамериканским и Джерзейситским.

Почтаевский союз и ряд дубровинских отделов СРН (Всероссийский Дубровинский союз русского народа) попытались наладить потребительскую кооперацию в деревне. Черносотенцы призывали население к бойкоту лавочников, перекупщиков, ростовщиков из близлежащих городов и местечек. Почтаевский отдел взял на себя оптовую выписку соли, рыбы, муки и других товаров, которые продавались через десять окружных лавок. Окружные лавки поставляли товары в потребительские лавки Союза русского народа, размещавшиеся в деревнях (Степанов 2013: 431). Все это привлекало в союз крестьян. Однако, если сельский отдел СРН не пользовался покровительством местной администрации или духовенства, в нем оставалась в основном бедняки (Степанов 2013: 432). К примеру, староста с. Ломачинцы Секурянской волости Хотинского уезда Бессарабии Никита Семенов (до революции отчество обычно записывалось в такой форме, написание с *-ич* было привилегией дворянского сословия. – С.С.) Багрий на предложение вступить в отдел Союза русского народа ответил: «Я и так русский, и мне не для чего записываться в союз» (НАРМ 1: 8). Хотя в составе организации числилось немало священников, для значительной их части членство было чисто формальное, другие же, наоборот, активно помогали движению (Степанов 2013: 331).

Как сообщал бессарабский губернатор М.Э. Гильхен департаменту полиции Министерства внутренних дел в 1914 г., «в пределах Хотинского уезда образовалась сеть отделов Союза русского народа, членами которых являются в большинстве крестьяне, имеющие самое смутное понятие о задачах и целях союза и ожидающие от участия в нем практических для себя выгод, почему при тяжелых местных аграрных условиях почтаевские отделы стоят на скользком пути, имея ясные оттенки крестьянских союзов» (Степанов 2013: 436–437).

Хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдовы документы (Ф. 297. О. 1. Д. 216 и Ф. 297. О. 1. Д. 218) позволяют ближе рассмотреть черносотенное движение в Хотинском уезде Бессарабии и отношение к нему представителей местных органов власти. Этот самый северный и самый населенный уезд Бессарабии был единственным, где большинство населения составляли русины. Угол

Хотинского уезда, который соприкасался с австрийской Буковиной, называли русской Буковиной (Несторовский 1905: 20). Согласно переписи населения 1897 г., из 307 532 чел., населявших уезд, 163 738 чел. обозначили родным языком малорусский (Перепись 1905: XIII, 70). В 1907 г. русинов в уезде было не менее 182 000 чел. (Бутович 1916: 11). Всего же к началу XX в. только в четырех северных уездах Бессарабии проживало не менее 270 тыс. русинов (Суляк 2015).

14 марта 1913 г. хотинский уездной исправник С.О. Славинский написал рапорты на имя бессарабского губернатора М.Э. Гильхена и начальника Бессарабского губернского управления полковника К.Ф. Нордберга под грифом «секретно». В них, в частности, говорилось, что «в селах Михалково и Ломачинцах Секурянской волости и Непоротово Романкоуцкой волости среди крестьян началось брожение и агитация». Это заключалось в требованиях к местным владельцам не отдавать землю в аренду никому, кроме крестьян своего села, и к крестьянам не выходить на работу в экономии за плату меньше одного рубля в день. Эти сведения были собраны лично исправником на месте 12-13 марта. Он же выяснил, что «агитация по означенным выше требованиям исходит от открытых недавно в этих селах отделений Союза русского народа, причем последними рассылались по селам письма с предупреждением крестьянам, что земля будет отдаваться землевладельцами в аренду только крестьянам своего села, и чтобы за поденную работу в экономиях брать не меньше одного рубля в день». Данные письма рассылали крестьяне с. Михалкова – председатель подотдела Союза русского народа 24-летний Гавриил Васильев Колбасюк (в некоторых документах – Ковбасюк. – С.С.) и член этого подотдела Порфирий Иванов Гуйда (в некоторых документах – Уйда. – С.С.), 36 лет. До окончания дознания они были арестованы (НАРМ 1: 1, 5). В конце докладной на имя К. Нордберга исправник сообщал, что «к прекращению членами отделов Союза русского народа агитации среди крестьянского населения будут приняты меры» (НАРМ 1: 1–1об.). Губернатору же он обещал принять все меры, «чтобы агитация членов Союза русского народа не получила более широких размеров» (НАРМ 1: 5об.).

К этому донесению прилагаются рапорт пристава 3-го стана Хотинского уезда Г.Н. Масютина, полученные в результате опроса сведения, восемь постановлений для подписи у губернатора для ареста на три месяца Г. Колбасюка, П. Гуйды, Я. Петрика, И. Молошага, П. Сапожника, К. Шафранского, В. Гусаря и С. Твердохлеба.

Г. Масютин в рапорте на имя хотинского уездного исправника от 14 марта 1913 г. сообщал, что два месяца назад в с. Михайлково Секурянской волости открылся подотдел Союза русского народа,

который к настоящему времени насчитывал свыше 200 членов. Изначально деятельность отдела, как пишет пристав, «не выходила из рамок утвержденного устава, но в последнее время, с открытием полевых работ, положение резко изменилось». От имени союза местным крестьянам было запрещено выходить на работу к местным землевладельцам и не брать у них в аренду землю. В противном случае им угрожали насильственным удалением с полевых работ, избиением и штрафом. Также было решено не допускать на работу к местным землевладельцам и крестьян из соседних сел. Оповещение об этом разослали во все близлежащие села. Как считал пристав, руководство отдела предполагало «таким путем заставить землевладельцев отказаться от земли, и тогда она сама по себе перейдет в пользу крестьян». В результате дознания им было установлено, что «все эти распоряжения, а равно и распространение смуты среди населения исходят от председателя отдела Гавриила Васильева Ковбасюка» Им же были при помощи члена союза П. Гуйды разосланы письма или приказы. Пристав их задержал из-за «особого враждебного настроения и оказываемого им вредного влияния», отправил их в полицейское управление и просил исправника разрешить подвергнуть их административному взысканию. При задержании Г. Ковбасюк в присутствии посторонних лиц дерзко заявил, что он пошлет телеграмму непосредственно государю императору с жалобой на действия пристава. Также оба задержанных перед тем, как явиться на допрос, пытались собрать местных крестьян, но им это не удалось, т. к. был рабочий день (НАРМ 1: 6.).

Пристав на основании «дознания о распространении ложных слухов и возбуждении населения крестьянами с. Ломачинцы (село, соседнее с Михалково. – С.С.) Яковом Петриком, Иваном Малошагом (в некоторых документах – Молошаг. – С.С.), Платоном Сапожником, Кондратом Шафранским, Василием Гусарем и Семеном Твердохлебом» просил подвергнуть их административному взысканию. Он докладывал, что «население с. Ломачинцы действительно враждебно настроено против помещика и духовенства благодаря подстрекательствам членов Союза русского народа, которые, очевидно, уклонились от истинной цели своего назначения и сеют вражду и смуту среди народа» (НАРМ 1: 6об.).

Из протоколов опросов следует, что около полутора лет назад священник с. Ожево Секурянской волости Хотинского уезда о. Михаил Васильковский организовал в с. Ломачинцы отдел СРН, который начал функционировать в конце 1912 г. До февраля 1913 г. никаких явных конфликтов с местными властями не было. Как сообщил земский начальник 8-го участка Хотинского уезда Б.В. Полит-

ковский, в начале февраля члены ломачинского отдела получили от Комитета для устройства празднования трёхсотлетия царствующего дома Романовых приглашение присутствовать на юбилейных торжествах 21 февраля в Санкт-Петербурге. Несколько «союзников» обратилось к земскому начальнику с просьбой выдать билеты для льготного проезда. На что он ответил, что у него «таких билетов не имеется» и «если они желают ехать, то должны ехать за свой счет» (НАРМ 1: 6об.-7).

17 февраля восемь членов союза поехали в Санкт-Петербург частью за свой счет, частью на деньги, собранные частным путем. По возвращении, как утверждает Б. Политковский, они стали вести себя «в высшей степени вызывающе». Как следует из дальнейшего повествования, к этому их подтолкнули действия местного священника о. Василия Василевского, который отказался принять в церковь привезенное ими знамя. Участники юбилейных торжеств говорили, что император, удалив всех должностных лиц, сказал всем «союзникам»: «Вот, люди, я знаю, как вы живете, теперь вся земля моя, и я ее вам разделю». Подобные рассказы, как сообщал Б. Политковский, в самых разнообразных версиях и со слов «союзников» «передаются крестьянами друг другу, и в большинстве из них явилась полная уверенность в том, что им вновь будет произведен надел земли». Несколько членов отдела вместе с односельчанами попросили священника прочитать им еще раз манифест, т. к. на молебне не был прочитан «пункт о наделении землей». При чтении манифеста во время духовной беседы «грамотные с напряженным вниманием следили и проверяли чтение священника» и «очень были удивлены, что в манифесте нет ничего о наделении их землей». Позже крестьяне начали распускать слухи, что местный земский начальник «уговорил священника ничего не упоминать о наделении землей». Члены отдела и другие крестьяне стали распределять между собой владельческую землю (НАРМ 1: 7).

Б. Политковский отмечал, что «какое-то брожение, направленное против владельца и даже властей», началось после возвращения членов Союза русского народа. 3 марта он собрал сельский сход, где предложил «союзникам» рассказать о своей поездке. Когда один из участников мероприятий, посвященных 300-летию дома Романовых, С. Твердохлеб, закончил свой рассказ, земский начальник сказал: «Вы, люди добрые, слышали про торжества и про все, что делалось в Петербурге, и остальное, что вам будут говорить, - наглая ложь и вранье, и вы ничему не верьте», и, «конечно, государь император с ними отдельно о наделении землей не говорил». Земский начальник предупредил, что «за распространение ложных слухов,

тревожащих население, они могут быть наказаны, как это было в соседнем селе Коболчине (тоже село Секурянской волости. – С.С.)). По мнению Б. Политковского, «главными вожаками и подстрекателями являются Семен Твердохлеб, Платон Сапожник, Яков Петрик, Кондрат Шафранский, Василий Гусарь» (НАРМ 1: 7об.).

14 марта пристав Масютин допросил в Секурянах вызванных из Ломачинец Петрика, Гусаря, Молошага и Сапожника. Утром следующего дня он взял с них «подписку о том, чтобы они не устраивали собраний без разрешения полиции, причем лица эти арестованы не были, а ночевали в м. Секуряны в частном заезжем дворе и 15 утром уехали домой в Ломачинцы» (НАРМ 2: 17).

Я. Петрик, И. Молошаг, С. Твердохлеб в числе других были в Петербурге в дни празднования 300-летия дома Романовых. По приезду они явились в Главный совет Союза русского народа, где получили билеты. 21 февраля были у Казанского собора, вечером – в Михайловском манеже, 22 февраля – в Государственной Думе и Мариинском театре, 23 февраля – в Зимнем дворце. 24 февраля выехали домой. Секретарь ломачинского отдела Союза русского народа В. Гусарь объяснил, что слухов о наделении землей не распространял. П. Сапожник и К. Шафранский из-за их отсутствия опрошены не были (НАРМ 1: 10).

Здесь же приведены сведения о «зачинщиках»:

«1. Яков Марков Петрик, 40 лет, малограмотный, владелец более 7 $\frac{3}{4}$ десятин земли, судим не был, занимается сельским хозяйством, имеет дом с усадьбой, пару лошадей и одну корову, женат, жена Анна, 40 лет, дети: Елена, 18 лет, и Василий, 11 лет.

2. Иван Романов Молошаг, 35 лет, малограмотный, судим не был, занимается сельским хозяйством, земли не имеет, кроме дома с усадьбой ничего нет, жена Мария, 24 лет, дети: Александра, 6 лет, Анисья 4 л., Елена 2 л.

3. Василий Алексеев Гусарь, 27 л., малограмотный, судим не был, занимается сельской работой, земли и дома не имеет, живет у брата, холост.

4. Семен Никифоров Твердохлеб, 47 лет, неграмотный, судим не был, занимается хозяйством, имеет около 18 $\frac{1}{2}$ десятин земли, дом, 4 лошади и 1 корову, женат, жена Варвара, 40 л., дети: Иван, 20 л., Василий, 12 л., Михаил, 8 л., и Никифор, 2 г.

5. Платон Петров Сапожник, 28 л., малограмотный, судим не был, занимается сельской работой, имеет мукомольную мельницу с нефтяным двигателем и дом с усадьбой, женат, двое малолетних детей.

6. Кондрат Афанасьев Шафранский, 40 лет, неграмотный, судим не был, занимается сельской работой, имеет дом с усадьбой, женат,

жена Анна, 38 лет, и семеро малолетних детей» (НАРМ 1: 10).

Причем Я. Петрик, И. Молошаг, П. Сапожник, К. Шафранский, В. Гусарь и С. Твердохлеб – «состоятельные хозяева, пользуются уважением поселян» (НАРМ 1: 28).

22 марта, как сообщил полковнику Нордбергу исправник, в Ломачинцы приехал из Санкт-Петербурга уполномоченный от Главного отдела СРН «дворянин Александр Кузьмич Щекин², где, вопреки Временным правилам от 4 марта 1905 г. о собраниях, 22 и 23 марта устраивал в доме предводителя местного отдела Союза русского народа собрания членов этого отдела, а также в непоротовском и михалковском отделах, о чем приставом Масютиным составлены протоколы»» (НАРМ 2: 17–17об.).

Как следует из протокола допроса сельского старосты с. Ломачинцы Н.С. Багрия от 23 марта: уполномоченный главного управления Союза русского народа Щекин проводил расследование действий местной администрации 22 и 23 марта. 22 марта вечером он собрал в доме Петрика около 40 членов ломачинского отдела Союза русского народа, а также представителей из сел Михалково и Непоротова. Он расспрашивал, что делал и говорил пристав в канцелярии отдела, у местного урядника поинтересовался, на каком основании были арестованы и отправлены в Секуряны Петрик, Твердохлеб и Гусарь. Узнавал у присутствовавших, действительно ли земский начальник «нехорошо называл союзников на сходе». Все ответили: «Так».

23 марта урядник Федоров сообщил приставу Г. Масютину, что 22 марта А. Щекин объявил ему, что прибыл для ревизии деятельности отделов СРН в селах Ломачинцы, Михалково и Непоротове, устроил собрание членов союза, проводил расследование действий местной администрации. Масютин опросил Щекина. Последний объяснил, что прибыл в Ломачинцы 22 марта, попросил Петрика созвать всех членов совета. Те рассказали ему, что 14 марта двое или трое из них были отправлены со стражниками в Секуряны, ночевали на частной квартире под надзором и на следующий день после двух часов были отпущены. Щекин выразил желание, чтобы присутствовали и председатели михалковского и непоротовского отделов. Их пригласил Я. Петрик. 23 марта члены совета снова собрались в доме Петрика, председатель михалковского отдела и один из членов союза рассказали, что они также были арестованы полицией (НАРМ 2: 23–23об.).

Как написал Щекин в протоколе от 23 марта, «ни 22 и 23 сего марта все происходившее в доме Петрика не носило характера собраний. Из бесед с председателями и членами я убедился, что в

этих отделах происходят такие случаи, как, например, аресты председателей и других членов союза, по-видимому, по подозрению их в участии в противозаконных действиях; находя такие случаи крайне нежелательными и требующими самого строгого расследования о поведении и направлении арестованных лиц, дабы в случае их виновности путем ихнего удаления из союза восстановить законную деятельность отдела, а будет это окажется недостаточным, то закрыть такие отделы». С этой целью он попытался выяснить причины ареста от задержанных лиц, просил местного пристава ознакомить с составленным им дознанием, когда узнал, что материалы дознания переданы уездному исправнику, который передал его губернатору. Поэтому Щекин решил поехать к губернатору и просить его ознакомить с деятельностью названных отделов. В конце протокола Щекин написал: «Настоящее показание мною дано вследствие категорического требования г. пристава как должностного лица дать показание, что им было заявлено в присутствии приглашенных сторонних людей Якова Петрика и Федора Шумбрий, после чего я дал настоящее показание» (НАРМ 2: 23–23об.).

22 марта бессарабский губернатор М. Гильхен обратился конфиденциально к полковнику К. Нордбергу, где «в дополнение к личным переговорам, препровождая при сем дознание, произведенное чинами хотинской полиции о незаконных действиях поселяна названного уезда Якова Петрика, Ивана Молошага, Порфирия Гуйда, Гавриила Колбасюка, Платона Сапожника, Кондрата Шафранского, Василия Гусаря и Семена Твердохлеба», просил его «проверить лично на месте в Михалково, Ломачинцах и других прилегающих к этим местностям селах изложенные в полицейском дознании обстоятельства, и, если указанные сведения подтвердятся, предложить хотинскому уездному исправнику исполнить в отношении лиц виновных прилагаемые при сем мои постановления о подвержении их административному взысканию за нарушение обязательных постановлений». В заключение губернатор просил сообщить о результатах расследования и о лицах, подвергнутых взысканиям, и возвратить всю переписку (НАРМ 1: 2–2об.).

Произведенное местными органами власти расследование вызвало вопросы у полковника К. Нордберга. Он еще раньше, 18 марта, поручил начальнику Бессарабского губернского управления в Бельцком, Хотинском, Сорокском и Оргеевском уездах ротмистру Н.Ф. Марачевскому «произвести негласное расследование и об оказавшемся мне донести» (НАРМ 1: 1об.).

Как докладывал Нордбергу исправник С. Славинский в рапорте от 24 марта, несмотря на просьбу пристава разрешить арестовать

«агитаторов», исправник потребовал предоставить доказательства и поручил ему провести дознание, не подвергая подозреваемых аресту (НАРМ 2: 17).

К. Нордберг, «усматривая, что дознание, произведенное чинами полиции, не объясняет в достаточной степени положение, занятое Союзом русского народа в возникающем, по-видимому, в этой местности деянии, и придавая серьезное значение этому делу в виде возможности развития аграрного движения в этой местности, приграничной с Подольской губернией и населенной исключительно малороссами», выехал в Хотинский уезд «для проведения подробного расследования» (НАРМ 1: 28об.–29).

С 24 по 30 марта Нордберг лично проводит дознание в селах Ломачинцы и Михалково. Описывая в докладной записке департаменту полиции от 9 апреля 1913 г. обстоятельство дела, он указал: «с.с. Ломачинцы, Михалково, Ветрянка, Кобольчин находятся на расстоянии 3-5 верст одно от другого, имеют довольно значительное население, доходящее до 3 000 жителей в первом из них, весьма многие из жителей совершенно не имеют ни собственной земли, ни надельной земли». Далее он упомянул, что средством существования служат исключительно работы в экономии, главным образом аренда земли «из полу», т. е. «крестьянин обязан вспахать, засеять своим зерном, собрать и смолотить хлеб, отдав имеющуюся в зерне, соломе и полове половину урожая, и доплачивать сверх того до 5 рублей деньгами с десятины при заключении условия. Заработная плата колеблется в зависимости от времени от 25 коп. до 1 руб. в разгар полевых работ». В экономии генерал-майора Крупенского¹, которая находилась близ Ломачинец, было около 3 000 десятин земли, из которых 2 000 под лесом и 1 000 пахотной земли, обрабатывавшейся силами экономии. В окрестностях Михалково и других сел было значительное количество мелких собственников, владевших от 50 до 300 десятин земли. Эта местность получила название «сорокопановка». Почти все владельцы земли, отметил Нордберг, «сами не ведут хозяйства». Они «сдают крестьянам землю “из полу” или же, предпочитая получать наличные деньги, сдают ее в аренду евреям. Стремясь повысить доходность, владельцы земли держатся высоких цен (арендная цена доходит до 32 рублей с десятины) и в большинстве действуют в этом отношении по взаимному соглашению. Все это вызвало значительную задолженность крестьян, по заявлению земского начальника, хорошо знающего положение экономии генерала Крупенского как состоящего управляющим черепичным и другими заводами этой экономии (имеется в виду земский начальник 8-го участка, отставной корнет гвардейской кавалерии Б.Н.

Политковский - С.С.), в конторе генерала Крупенского имеется на 10 000 рублей исполнительных листов на крестьян одного только села Ломачинцы». Такое тяжелое положение крестьян и «подготовило благоприятную почву для возникновения аграрного брожения». Возможно, что «члены Союза русского народа, побывав в С.-Петербурге и имея общение с крестьянами других губерний, выяснили существующие в других местах цены на землю и на рабочие руки, и у них возникла мысль понизить аренду путем обвинения, причем в с. Ломачинцы дальше слухов дело не дошло». В Михалкове «уже намечаются попытки осуществить намеченную цель путем сношения с окрестными селами и путем воздействия угрозами на лиц, не подчиняющихся решениям большинства, хотя ... случая приведения этих угроз в исполнение не установлено». «Постановление же в с. Михалково о том, чтобы не давать доплаты за землю, взятую “с половины”, состоялось по решению всего сельского схода, не исключительно членом Союза русского народа, последним можно лишь приписать инициативу в этом деле». Доказательством этому служит «факт записи в союз в течение нескольких дней до 240 человек из одной деревне Михалково после установления владельцами земли из полу без доплаты». Однако при этом «священник и еврей-арендаторы все-таки сумели сдать землю с оплатой по 2 руб. 50 коп. с десятины» (НАРМ 1: 29–29об.). Неудивительно, что в такой ситуации, как упоминал в своем рапорте хотинскому уездному исправнику пристав 3-го стана, население «действительно враждебно настроено против помещика и духовенства» (НАРМ 1: 6об.)

После допроса «весьма значительного количества лиц» (39 протоколов допроса с 25 по 29 марта) полковник Нордберг констатировал, что только путем немедленного приведения в исполнение постановления бессарабского губернатора об аресте на три месяца крестьян с. Михалково П. Гуйды и Г. Ковбасюка «возникающее в этой местности брожение может быть парализовано». Крестьяне с. Ломачинцы К. Шафранский, «заподозренный в распространении ложных слухов», и И. Молошаг, «выдающийся своим дерзко неуважительным отношением к священнику», тоже должны подвергнуться тому же наказанию. В отношении их полковник просил хотинского уездного исправника немедленно привести данные постановления в исполнение. Касательно П. Сапожника, В. Гусаря, С. Твердохлеба, Я. Петрика, «в отсутствие каких бы ни было данных, уличающих их приписываемом им преступном распространении ложных слухов», полковник Нордберг ходатайствовал перед губернатором об освобождении от наложенных на них в административном порядке наказаний упомянутыми постановлениями губернатора. Также он

ходатайствовал о наложении ареста на два месяца на крестьянина с. Михалково Моисея Федорова Сливки, который «угрожал тем крестьянам, которые, вопреки постановлению общества, вступали на работы на поля помещика» (НАРМ 1: 35–35об.).

С 22 марта трехмесячный арест отбывали при Хотинском уездном полицейском управлении И. Молошаг, П. Гуйда, Г. Колбасюк, И. Шафранский «по постановлению бессарабского губернатора за нарушение обязательных постановлений, изданных для жителей Бессарабской губернии на основании высочайшего указа от 11 июня 1907 г.». М.Ф. Сливка остался на свободе (НАРМ 2: 3).

В продолжение юбилейного празднования 300-летия царствующего дома Романовых 15-27 мая 1913 г. Николай II с семьей совершил поездку по древним русским городам и вотчинным землям бояр Романовых. Особые торжества проходили в Костромской губернии, откуда был призван на царство Михаил Федорович Романов. Заключительные торжества состоялись 24-27 мая в Москве.

В Бессарабии для участия в юбилейных торжествах в честь 300-летия царствования дама Романовых от СРН были избраны 17 чел., все из ломачинского отдела: проживавшие в с. Ломачинцах Яков Марков Петрик, Иван Романов Молошаг, Семен Никифоров Твердохлеб, Кондрат Афанасьев Шафранский, Леонтий Афанасьев Кривой, Василий Андреев Беженарь, Еремей Карпов Белоткач, Василий Иванов Петрик, Александр Семенов Попаднюк, живший в Гвоздоуцах Андрей Гаврилов Кучерявый, Федор Степанов Дорофеев и Иван Иванов Цыбульский из Белоусовки, проживавший в Ожево Софроний Петров Пшеничнюк, Стратон Андреев Рудой из Волошково, живший в Распопинцах Дмитрий Иванов Скакун и проживавшие в Иванковцах Подольской губернии Максим Васильев Процек и Тимофей Семенов Гора (НАРМ 3: 1).

Губернатор Бессарабии по запросу московского градоначальника и костромского губернатора сообщил, на основании рапортов начальника жандармского управления и уездного исправника, сведения о благонадежности данных лиц. Начальник Бессарабского жандармского управления полковник Нордберг в рапорте бессарабскому губернатору от 11 мая 1913 г. писал, что из перечисленных к Союзу русского народа не принадлежат Максим Васильев Процек и Тимофей Семенов Гора, которые проживают в с. Ивановцах Подольской губернии. «Неблагонадежных в политическом отношении сведений о них в делах вверенного мне управления нет, за исключением Якова Маркова Петрика и Семена Никифорова Твердохлеба, на которых в марте месяце сего года падало подозрение в распространении ложных слухов и агитации среди крестьян Секурянской

области Хотинского уезда». Однако, как сообщил Нордберг, в результате проведенного расследования «возникшее на них означенное обвинение не подтвердилось». Что касается Ивана Романова Молошага и Кондрата Афанасьева Шафранского, то «они, согласно постановлению Вашего превосходительства от 22 марта этого года, подвергнуты административному взысканию в размере 3-месячного ареста за нарушение обязательных постановлений, изданных для жителей Бессарабской губернии на основании Высочайшего указа от 11 июня 1907 г.» (НАРМ 3: 5–5об.).

16 мая в телеграмме губернатор сообщил, что только Петрик, Твердохлеб «неодобрительного поведения», об остальных «неблагоприятных сведений» нет (НАРМ 3: 2). Ранее он в телеграмме от 8 мая написал, что от ломанчинецкого отдела Союза русского народа отправляются на торжества Максим Процек и Тимофей Гора – их благонадежность не установлена, ибо они проживают в Подольской губернии; местные Иван Молошаг и Кондрат Шафранский «неодобрительного поведения» (НАРМ 3: 3–4).

В письме от 18 января 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков сообщал обер-прокурору Святейшего синода В.К. Саблеру о том, что в течение последних двух лет среди крестьян юго-западного края и Бессарабии «возникло брожение чисто аграрного свойства». Крестьяне организовали целый ряд экономических стачек, требуя увеличения заработной платы и уменьшения арендных цен на землю. «Кроме того, крестьяне, резко критикуя правительственную политику по аграрному вопросу и поставив себя в оппозиционные отношения с местными властями, начали говорить о том, что вообще вся русская земля должна быть принудительно отчуждена от иностранцев и разделена между крестьянами». Он же указывал, что «брожение обычно начинается в тех местностях, где открываются отделы почтаевского Союза русского народа» (Аврех 1981: 234).

Губернский земский гласный от Хотинского уезда Н.Е. Крупенский (представитель многочисленного дворянского рода в Бессарабской губернии, владевшего значительными поместьями, в т. ч. и в Хотинском уезде) представил в Бессарабское губернское земское собрание доклад, в котором упомянул о жалобах «на разлагающую деятельность на местах, особенно в селах и деревнях, подделов и дружин Союза русского народа». По его словам, с этим можно было бы еще примириться, если бы лозунги СРН держали крестьян в рамках законности. Однако они служат «лишь прикрытием истинных стремлений и самых низменных инстинктов темной крестьянской массы, вожделения которой всегда и во всех случаях сводились к одному: к земле и чужой собственности вообще». В

ряде мест, констатировал он, деревенские подотделы Союза русского народа стали учинять разбойные нападения, поджоги, подстрекать крестьян «на аграрной почве», «во многих случаях они дошли уже до открытого вмешательства в расчеты между помещиками и крестьянами и всюду сеют яд озлобления, недоверия и недовольства». Все эти случаи известны администрации. «Но стоило местной власти реагировать на это и делать попытки поступить с виновными по закону», как заправили подотделов и дружин тут же посылали телеграммы с жалобами на имя Главного совета или Главной палаты Союза Михаила архангела (правильное название: Русский народный союз имени Михаила архангела. - С.С.) с копиями министрам, и, «смешно сказать, были случаи, когда по телеграмме союзников непосредственно в Петербург оттуда посылались даже для расследования должностные лица. Естественно, что все это окончательно вскружило голову не только заправилам подотделов и дружин, но и рядовым их членам, ставшим под сенью своей организации считать себя безнаказанными»; более того, «крестьяне стали взирать на союзные подотделы и дружины как на учреждения высшего порядка, которым чуть ли не дано право менять не только порядки, но и законы». И получилось то, что «следовало ожидать»: полный произвол «союзников», с одной стороны, «бессилие местных властей» – с другой. Все это слишком серьезно, считал Крупенский, чтобы обо всем этом можно было молчать. Поэтому «священный долг» настоящего собрания – обратить на изложенное «внимание высшего правительства» и просить его принять неотложные меры. Доклад Крупенского был принят губернским земским собранием и опубликован во всех местных газетах. Однако бессарабский губернатор М. Гильхен (будучи знаком с истинным положением дел, как показано выше. – С.С.), приостановил постановление губернского земского собрания, а начальник Бессарабского губернского жандармского управления полковник К. Нордберг в своем донесении в Департамент полиции от 23 января 1914 г. поддержал решение губернатора (Аврех 1981: 235–236).

В мае 1914 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов после переписки с министром внутренних дел о «незаконной» деятельности почаяевского отдела бывшего Дубровинского СРН по аграрному вопросу принял меры «к прекращению угрожающей общему спокойствию деятельности местных отделов Союза русского народа». На этом попытки аграрной агитации со стороны архимандрита Виталия были прекращены (Аврех 1981: 237).

В своих мемуарах бывший бессарабский губернатор С.Д. Урусов (1903-1904) отметил, что «особняком среди бессарабского дворян-

ства стояла огромная семья Крупенских, имевшая, как говорили, в дворянском собрании 52 голоса, считая 138 женские доверенности». «Семья эта, очень сплоченно действовавшая в общественных собраниях, играла при выборах огромную роль и отчасти давила на прочих общественных деятелей Бессарабии, за что не все любили Крупенских считая их гордецами, аристократами и обвиняя их в некоторой семейной исключительности. Будучи людьми богатыми, имея связи в Петербурге, Крупенские вносили в местную среду дух, почерпнутый в привилегированных заведениях, в гвардейских полках, в рядах придворного чиновничества и дипломатического ведомства. Но они не были людьми узко партийными, имели известную свободу мнений и, например, к правительству времен Плеве относились без подобострастия и даже с некоторой критикой. В вопросах о расширении местного самоуправления, во взглядах на еврейское законодательство они являлись отчасти либералами». Но после роспуска I Государственной Думы 9 (22) июля 1906 г. Крупенские, будучи крупными землевладельцами, «сильно подались в сторону правительства и, увлекшись ограждением своих семейно-сословных интересов, утратили значение беспристрастных общественных деятелей». Эту перемену С. Урусов объяснял «боязнью аграрной реформы, устрашающее влияние которой отразилось в то время на большинстве помещиков» (Урусов 1907: 138–140).

Как видим, местные органы власти (в данном случае Хотинского уезда, где остро стоял земельный вопрос) пытались любыми способами дискредитировать деятельность сельских отделов и подотделов Союза русского народа. Представители власти выражали интересы местных помещиков, которые видели угрозу в росте влияния «союзников» на крестьянскую массу и опасались потери своих доходов, полученных в результате жестокой эксплуатации крестьян. Поэтому классовый подход возобладал над национальным. Неспособность решения аграрной проблемы привела к потере популярности союза среди крестьян. Определенную роль сыграло также острое противостояние клана Крупенских (в том числе и в Хотинском уезде) с крайне правыми союзами (Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила архангела) и их лидерами, в частности с В.М. Пуришкевичем, который дал П.Н. Крупенскому множество остроумных эпитетов, в т. ч. «хотинский престижиджигатор³» (Иванов 2018: 340–363).

Крупные землевладельцы оказались не такими уж верными «столпами самодержавия». К примеру, бессарабские помещики П.Н. Крупенский, один из лидеров Всероссийского национального союза, член II, III и IV Государственных Дум от Бессарабской губер-

нии, и Н.Д. Крупенский, член IV Государственной Думы от Бессарабской губернии, перешли в Прогрессивный блок, лидеры которого после Февральской революции вошли во Временное правительство России. А их «коллега», волынский помещик, член II, III и IV Государственных Дум В.В. Шульгин вместе с А.И. Гучковым был в составе думской делегации, потребовавшей от Николая II отречения от престола.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крупенский Матвей Егорович (15.06.1859 - ?) – генерал-майор (1904) со старшинством от 21.01.1905 года, состоял при его императорском высочестве великом князе Николае Николаевиче (6.11.1904 - 1917), генерал-лейтенант (14.04.1913), кавалер орденов Св. Владимира III ст. (1906), Св. Анны II ст. (1898), I ст. (1915), Св. Станислава I ст. (1909), Почетного Легиона офицерского креста, Св. Александра II ст., Золотой Звезды II ст., Князя Даниила IV ст., итальянского Короны офицерского креста (Биографический словарь 2017: 191).

2. Щекин Александр Козьмич (1858 - 10.04.1914) – общественный деятель, кандидат в члены Главного совета Союза русского народа, секретарь союза. Родился в Курской губернии в старинном дворянском роду. Окончил Орловский кадетский корпус и Горный институт в Петербурге. По окончании института занялся хозяйством в собственном имении в Рыльском уезде, избирался земским гласным, одно время был земским начальником. С началом Первой русской революции принял активное участие в патриотическом движении в Курской губернии, был одним из членов-учредителей Партии правового порядка, организовал Союз русских рабочих, в котором председательствовал. Являлся также членом Русского собрания, членом Совета Курского губернского отдела СРН, почетным членом многих местных отделов союза. Принимал участие в работах Съезда русских людей в Москве (27 сентября - 4 октября 1909 г.). 23 января 1912 г. был избран членом Устроительного совета Всероссийских съездов. Участвовал в работе IV Всероссийского съезда Союза русского народа в Петербурге (13-15 мая 1912 г.) и V Всероссийского съезда русских людей в Петербурге (16-20 мая 1912 г.), где был членом программного отдела, а также в деятельности VI Всероссийского съезда русских людей в Петербурге (19-23 февраля 1913 г.). Был председателем монархического хозяйственного комитета по устройству празднования 300-летия дома Романовых (Степанов 2008: 617–618).

3. Престиджитатор (от лат. presto быстро и digitus палец) – фокусник, мастерство которого основано на быстроте и ловкости движений, ускользающих от внимания зрителей; манипулятор (Словарь 1999: 385).

ЛИТЕРАТУРА

Аврех 1981 – Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912-1914 гг. М.: Наука, 1981. 292 с.

Биографический словарь 2017 – Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 - 2.03.1917). Т. II. И–П. / Сост. Е. Л. Потемкин. М., 2017. 661 с.

Бутович 1916 – Бутович В.Н. Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916. 59 с.

Глушков 2016 – Глушков А.В. Становление и эволюция прогрессивного национализма в позднеимперской России. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2016. 200 с.

Иванов 2013 – Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. 520 с.

Иванов 2018 – Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной Думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. 634 с.

НАРМ 1 – Национальный архив Республик Молдова (далее – НАРМ). Ф. 297. О. 1. Д. 216. 41 л.

НАРМ 2 – НАРМ. Ф. 297 О. 1. Д. 218. 104 л.

НАРМ 3 – НАРМ. Ф. 2. О. 1. Д. 9423. 9 л.

Несторовский 1905 – Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. 174, II с.

Омельяничук 2008 – Омельяничук И. Почаевский отдел Союза русского народа (ПО СРН) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 410–412.

Перепись 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. 3. Бессарабская губерния. СПб.: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. XXIV, 254 с.

Первый год 1913 – Первый год жизни Четвертой Государственной Думы. СПб.: Тип. 3. Соколинского, 1913. 32 с.

Словарь 1999 – Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 3. П–Р. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 385.

Степанов 2013 – Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

Степанов 2008 – Степанов А. Щекин Александр Козьмич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 617–618.

Суляк 2015 – Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русини. 2015. № 1 (39). С. 95–115.

- Урусов 1907 – Урусов С.Д. Очерки прошлого. Т. 1: Записки губернатора. Кишинев 1903–1904 гг. М.: Изд. В.М. Саблина, 1907. 377, IX с.
- Шульгин 1990 – Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 / Предисл. В. Владимирова, С. Пионтовского. М.: Новости, 1990. 832 с.

REFERENCES

- Avreh, A.Ja. (1981) *Carizm i IV Duma. 1912–1914 gg.* [Tsarism and IV Duma. 1912–1914]. Moskva: Nauka.
- Butovich, V.N. (1916) *Materialy dlya etnograficheskoy karty Bessarabskoy gubernii* [Materials for the ethnographic map of Bessarabian province]. Kyiv: [s.n.].
- Glushkov, A.V. (2016) *Stanovlenie i evolyutsiya progressivnogo natsionalizma v pozdneimperskoi Rossi* [Formation and evolution of progressive nationalism in the late imperial Russia]. History Cand. Diss. Perm.
- Ivanov, A.A. (2013) *Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917)* [Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo.
- Ivanov, A.A. (2018) *“Delo chesti”: deputaty Gosudarstvennoi Dumy i duel'nye skandaly (1906–1917)* [“A matter of honor”: deputies of the State Duma and dueling scandals (1906–1917)]. St. Petersburg]. SPb.: Vladimir Dal', 2018.
- Potemkin, E.L. (ed.) (2017) *Biograficheskij slovar': Vysshie chiny Rossijskoj Imperii (22.10.1721–2.03.1917)* [Biographical dictionary. The highest ranks of the Russian Empire (10.22.1721–2.03.1917)]. Vol. II. I–P. Moskva: [s.n.].
- Omel'janchuk, I. (2008) *Pochaevskij otdel Sojuza russkogo naroda (PO SRN) // Chernaja sotnja. Istoricheskaja jenciklopedija. 1900–1917* [Department of the Union of the Russian People in Pochaev (ON NRC)]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. pp. 410–412.
- Pervyj god zhizni chetvertoj Gosudarstvennoj Dumy (1913)* [The first year of life of the fourth State Duma]. St. Petersburg: Typography Z. Sokolinskogo.
- The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) Fund 2. List 1. File 9423.
- The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) Fund 297. List 1. File 216.
- The National Archive of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) Fund 297. List 1. File 218.
- Nestorovskiy, P.A. (1905) *Bessarabskie rusiny. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [Bessarabian Rusins. A historical and ethnographic essay]. Warsaw: Saturn.
- Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire in 1897].

St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior.

Evgen'eva, A.P. (ed.) (2017) *Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. 4-e izd., ster. T. 3. P–R* [Dictionary of the Russian language. In 4 vol. / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies 4th ed., Sr. Vol. 3. P–R]. Moscow: Russian language; Polygraphs, 1999. p. 385.

Stepanov, S. (2013) *Chernaya sotnya* [The Black Hundred]. 2nd ed. Moscow: Eksmo, Yauza.

Stepanov, A.D. (2008) Shchekin Aleksandr Koz'mich [Shchekin Aleksandr Kozmich]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. pp. 617–618.

Sulyak, S.G. (2015) *The Rusins of Bessarabia in the 19th – early 20th centuries: the question of Numbers*. Rusin. 1 (39). pp. 95–115 (In Russian).

Shulgin, V.V. (1990) *Gody. Dni. 1920* [Years. Days. 1920]. Moscow: Novosti.

Urusov, S.D. (1907) *Ocherki proshlogo. T. 1: Zapiski gubernatora. Kishinev 1903–1904 gg.* [Essays of the past. Vol. 1: Notes of the governor. Kishinev 1903–1904] Moscow: Publishing of V.M. Sablin.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/11

«НАШИ БРАТЯ ПО КРОВИ»: ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОКА РОССИИ (ВЕСНА–ОСЕНЬ 1918 г.)*

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена восприятию и осмыслению роли Чехословацкого корпуса, а также репрезентации его образа в периодической печати востока России на начальном этапе гражданской войны. Именно чехословацкие легионеры запустили механизм гражданской войны в Сибири, сыграли ключевую роль в свержении советской власти и обеспечили на тот момент перевес сил антибольшевистского движения. Автор ставит перед собой задачу определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся прессой для позиционирования Чехословацкого корпуса, встраивания его в основополагающий для антибольшевистских сил «нарратив возрождения» – сверхтекстовое повествование, в котором сотнями рассказчиков для миллионной российской и зарубежной аудитории повествовалась история освобождения страны от большевиков. Данный сюжет рассматривается в контексте фундаментальной проблемы «Я–Другой», где в роли «Я» выступает субрегиональное сообщество, а в роли «Другого» – чехословацкие легионеры. Автор приходит к заключению, что пресса того времени проявляла двойственность в интерпретации этого образа. С одной стороны, прослеживается стратегия сближения («присвоения»), в рамках которой Чехословацкий корпус воспринимается как коллективный «Другой», который близок к тому, чтобы стать «Своим». Чехи и словаки представлены в

* Исследование проведено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

образе «братьев по крови», славян, в трудную минуту пришедших на помощь России в борьбе с «тевтоно-мадьярами» и большевиками. С другой стороны, пресса стремится сохранить Чехословацкий корпус именно как коллективного «Другого», наделенного качествами, отличающими его от «Своего» и в силу этого делающего его своеобразным культурным эталоном, примером для подражания (стратегия дистанцирования).

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, Чехословацкий корпус, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), политический нарратив, дискурсы контрреволюции.

“OUR BROTHERS IN BLOOD”: CZECHOSLOVAKIAN LEGIONNAIRES IN THE INFORMATION SPACE OF THE EAST OF RUSSIA (SPRING–AUTUMN 1918)*

D.N. Shevelev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the role of the Czechoslovakian corps and its image in the periodical press of the East of Russia at the beginning of the Civil War. It was the Czechoslovakian Legionnaires who launched the Civil War in Siberia, played a key role in the overthrow of the Soviet system and ensured the superiority of the anti-Bolshevik movement. The author determines the main explanatory models and strategies of argumentation used by the press for positioning the Czechoslovakian corps, its embedding to the fundamental anti-Bolshevik “narrative of the revival” – a super-text narrative in which hundreds of tellers told the story of country liberation from the Bolsheviks to millions of Russians and foreigners. This plot is interpreted in the context of the fundamental problem of “I – Other”, where “I” is a sub-regional community, and “Other” is Czechoslovakian Legionnaires. The author concludes that

* The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

the press of that time showed duality in the interpretation of this image. On the one hand, it demonstrated a strategy of rapprochement (“appropriation”), within which the Czechoslovakian corps was perceived as a collective “Other”, close to becoming “Our”. Czechs and Slovaks were represented as “brothers in blood”, Slavs who came to help Russia in the fight against “Teutonic Magyars” and the Bolsheviks in difficult times. On the other hand, the press seeks to preserve the image of the Czechoslovakian corps as of a collective “Other”, endowed with qualities that distinguish it from “Ours” and therefore makes it some kind of cultural sample to follow (the strategy of distancing).

Keywords: Civil War, Siberia, Czechoslovakian corps, Provisional Siberian Government, Provisional All-Russian Government (Directory), political narrative, counterrevolution discourses.

История Чехословацкого корпуса – самого крупного и организованного регулярного иностранного военного соединения на территории России в годы гражданской войны – традиционно привлекает внимание отечественных исследователей. За последние полтора десятка лет было опубликовано немало научных статей, историографических обзоров, защищено несколько диссертаций по этой проблематике (Валиахметов 2005; Недбайло 2005; Салдугеев 2006; Васильченко 2014). Современные исследователи, с одной стороны, преодолевают наследие советской исторической традиции, пересматривая или даже отказываясь от присущих ей понятий «мятеж» и «белочехи», смещая акценты в интерпретации действий чехословацких легионеров весной-летом 1918 г. от полностью скоординированных руководством Антанты в сторону случайности и стихийности их выступления. С другой – неизменной остается оценка Чехословацкого корпуса как решающего фактора в установлении антибольшевистской власти в Поволжье, на Урале и в Сибири, а также интервенционистского характера его вооруженного вмешательства в российские дела «независимо от мотивов, которыми руководствовались легионеры» (Ларьков 1996: 293).

В меньшей степени Чехословацкий корпус рассматривается в контексте идеологического, политико-пропагандистского противостояния «красных» и «белых», его включенности в дискурсивные практики, символическую репрезентацию и политические нарративы того времени. С этой точки зрения значительный интерес представляет совместное исследование А.Г. Рыбкова и Е.И. Демидовой, посвященное «вопросам пропагандистской деятельности в годы гражданской войны в России, объектом и субъектом которой выступал Чехословацкий корпус». Авторы вполне правомерно связывают

перемены в репрезентации образа легионеров, интерпретации их целей и побудительных мотивов с изменением военно-политической обстановки. Разработанная ими периодизация отдает инициативу в руки большевиков, которые являются активной действующей силой, навязывающей свою волю всем остальным участникам коммуникации. «В конце 1917 – самом начале 1918 г. пропаганда сводилась к тому, чтобы удержать военный корпус чехов и словаков на позиции соблюдения нейтралитета (15 марта 1918 г. большевистское правительство приняло постановление о том, чтобы Чехословацкий корпус покинул пределы Советской России); с конца мая – начала июня 1918 г. характер пропаганды стал иным: Чехословацкий корпус представлялся враждебной силой, угрожающей делу революции» (Рыбков, Демидова 2014: 109). Действия же чешской стороны в такой ситуации становятся вынужденными и лишь ответными.

Эволюции образа Чехословацкого корпуса в сибирской прессе посвящено несколько статей М.М. Стельмака, одна из которых охватывает интересующий нас период «демократической контрреволюции». В изображении лояльной антибольшевистским правительствам периодической печати чехословацкие легионеры, по мнению автора, представляли собой «силу, готовую содействовать до конца новой антибольшевистской власти», они «разделяли демократические воззрения и ценности свободы и в этом должны стать примером для всех народностей России» (Стельмак 2016: 51).

Отдельные аспекты участия чехословацких легионеров в символических и коммеморативных практиках российского антибольшевистского движения рассматриваются в работах чешских авторов. Отметим статьи Т. Якла (Якл 2016) и Д. Вахи (Ваха 2016), а также обобщающее многотомное исследование В.М. Фица (Fic 2008).

В целом опубликованные к настоящему времени исследования не дают ясного понимания того, каким образом Чехословацкий корпус был встроен в дискурсивные практики нарождавшейся политической пропаганды антибольшевистских государственных образований востока России.

Цель данной работы – определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся официальной и проправительственной периодической печатью, политической пропагандой Временного Сибирского и Всероссийского правительств для формирования необходимого для реализации их военно-политических планов образа Чехословацкого корпуса, закрепления этого образа в сознании регионального сообщества. Объектом исследования являются информационное пространство и политическая коммуникация, сложившиеся в годы гражданской войны на востоке

России; предметом – дискурсивные практики, основным коллективным актором в которых выступали чехословацкие легионеры.

Рабочая гипотеза: летом-осенью 1918 г. собственные интересы, обусловленные военно-политической обстановкой, приоритетными задачами внутренней и внешней политики, а также имевшимися ресурсами, вынуждали Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское, а затем и Временное Всероссийское правительства, подчиненный им аппарат политической пропаганды и лояльную новой власти прессу время от времени воздействовать на формирующийся в информационном пространстве образ Чехословацкого корпуса с целью его корректировки.

Рассмотрим основные события. В конце мая – начале июня 1918 г. внезапно западная часть Сибири становится ареной военных действий. Основные события при этом разворачиваются вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. «Выступлению чехословацкого отряда против "совдепа" предшествовало разоружение красной гвардии отрядом партизанов, отправлявшихся против Семенова. Узнав об этом, чехословаки 25 мая, около 5 ¹/₂ вечера, почти безоружные (у чехословаков было только 24 винтовки) напали на партизанский отряд и отобрали у него все оружие (пулеметы, винтовки, 2 орудия). Минут через 15 чехи заняли город» (Голос народа 3). Так описывала произошедший на станции Мариинск переворот газета «Голос народа».

Спустя несколько часов ситуация повторяется в другом уездном центре Томской губернии – Новониколаевске. «Свержение власти большевиков здесь совершили чехословаки: в 12 часов ночи они, имея всего около 60 винтовок, решительными действиями без сопротивления разоружили красную армию на вокзале, а затем оцепили Дом революции (Коммерческое собрание), где заседал исполнительный комитет, и арестовали всех там находившихся. Хотя при этом и произошла небольшая перестрелка, но все дело окончилось незначительными жертвами: убит был один чех, двое красноармейцев, ранена случайно женщина. Одновременно был окружен лагерь военнопленных и обстрелян, после чего произведен обыск и отобрано оружие. Утром город облетела радостная весть о свержении большевиков. Начались обыски у большевиков: находились запасы сахара, муки, разных продуктов, связки золотых колец и другие предметы, отобранные во время обысков и реквизиций» (Свободная Сибирь 1). В руках чехов оказались богатые трофеи – 1 623 винтовки, 2 пулемета, 20 тыс. патронов. Одновременно с захватом Новониколаевска командиру 1-го батальона 6-го Ганацкого полка был отдан приказ о занятии станции Чулымской и движении на Барабинск (Голос Сибирской армии 1).

31 мая 1918 г. советская власть была свергнута в Томске, 7 июня – в Омске. В дальнейшем, по словам одного из участников военной организации капитана А.А. Кириллова, «восстание в Сибири приобрело все более стихийный характер и разрасталось из центрального инсurreкционного района Томск – Омск на восток и запад» (Кириллов 1928: 46). 11 июня большевики были изгнаны из Тобольска, 15 июня – из Барнаула, 20 июня – из Красноярска и Бийска, 11 июля – из Иркутска, 26 августа – из Читы. Не менее успешно, чем сибирская (во главе с капитаном Р. Гайдой), действовали пензенская (под командованием поручика С. Чечека) и челябинская (полковник С.Н. Войцеховский) группы Чехословацкого корпуса. 27 мая они взяли Челябинск, 29 мая – Пензу, 8 июня – Самару, 19 июня – Бугуруслан, 4 июля – Уфу, 25 июля – Екатеринбург.

«Без какого-либо плана, без руководящих указаний свыше, спасая свою свободу и существование, чешские войска вступили в борьбу с большевиками, – писал впоследствии генерал А.И. Деникин, – захватывая железнодорожные линии и станции, разгоняя советы, разоружая или уничтожая красную гвардию. Силы большевиков за Волгой были по численности и боевой пригодности ничтожны; действия чехов сопровождалось поэтому быстрым, ошеломляющим успехом. Повсюду их выступления вызывали местные восстания и организацию добровольческих отрядов, по преимуществу офицерских, отчасти возникавших стихийно, отчасти созданных местными военными и политическими центрами. Эти отряды добровольно присоединялись к чешским войскам, увеличивая их силу и значение и придавая выступлению чехов, вызванному стремлением открыть себе путь на восток, смысл и характер идейного движения» (Деникин 1924: 91–92).

Таким образом, с одной стороны, чехословацкие легионеры запустили механизм гражданской войны в Сибири, сыграли ключевую роль в свержении советской власти и обеспечили на этом этапе перевес сил антибольшевистского движения. «Выступление чехословаков против советской власти, – писала в годовщину переворота газета "Речь Алтая", – должно быть записано золотыми буквами в историю возрождения России, оказав этому возрождению неоценимые услуги» (Речь Алтая 1919).

С другой стороны, на обширной территории Урала, Сибири и Дальнего Востока происходит встреча местного населения, общест-венности и нарождавшейся государственной власти с новой, хорошо вооруженной и организованной силой, дальнейшие цели и побудительные мотивы которой были не до конца ясны.

Восприятие, осмысление и репрезентация Чехословацкого корпуса в периодической печати востока России на начальном этапе гра-

жданской войны напрямую выходят на фундаментальную проблему «Я–Другой», где в роли «Я» выступает субрегиональное сообщество, а в роли «Другого» – чехословацкие легионеры.

В то время пресса, придерживавшаяся официального направления (т.е. поддерживавшая идеологию и политику новой государственной власти) приступила к конструированию «нарратива возрождения» – сверхтекстового повествования, в котором сотнями повествователей для миллионной аудитории рассказывалась история освобождения страны от большевиков. Зададимся вопросом: какое место в этом нарративе занял Чехословацкий корпус?

В прессе того времени сложились определенные модели позиционирования Чехословацкого корпуса, чехословацких легионеров, Чехословакии, чешского и словацкого народов, объяснявшие их присутствие (реальное и воображаемое, непосредственное и подразумеваемое) и роль в происходивших в России событиях, закреплявшие эти диспозиции в сознании регионального сообщества.

1. Чехословацкие легионеры как коллективная жертва происков большевиков и немцев. Лояльная Временному Сибирскому правительству периодическая печать стремилась представить не только чехословацких легионеров, волей случая оказавшихся на востоке России, но и всех чехов и словаков пострадавшей стороной, жертвой внешних сил и обстоятельств, причем в нескольких отношениях. Чехи и словаки подавались политической пропагандой как «родственные нам по происхождению, наши братья, славяне», «живущие в Австрии под страшным гнетом австро-германского империализма». «Чехи и словаки, – отмечал томский "Голос народа", – много веков тому назад попали под владычество Австро-Венгрии, которая их угнетает и до сих пор... Особенно угнетают чехов и словаков мадьяры» (Голос народа 4).

Многие беды пришлось пережить чехам и словакам за 500 лет. «Немецкие Габсбурги, – говорилось в брошюре, изданной российским отделением Чехословацкого национального совета, – с диким неистовством набросились на несчастный народ и в слепой ярости старались все чешское уничтожить. Вся чешская аристократия и мещанство, не признававшие католичества, были из чешских земель изгнаны, а крестьянам как сословию несвободному было просто приказано отказаться от веры отцов и перейти в насаждаемое иезуитами католичество... Одновременно были приняты всесторонние меры для полного искоренения чешского языка» (Велеховский 1918: 5–7).

Переломным моментом стала Первая мировая война, когда у чешского и словацкого народов появилась надежда на обретение национальной независимости. «Когда вспыхнула общеевропейская война, – писала красноярская "Воля Сибири", – чехи и словаки резко и

определенно стали на сторону антигерманской коалиции. Они связали судьбу всего своего народа с судьбами европейских демократий и в осуществлении идеалов, которыми были проникнуты лучшие представители европейской демократии, видели и освобождение своего народа от векового немецкого гнета и насилия» (Воля Сибири 1918). Не желая «проливать братскую русскую кровь» и «ковать цепи для русского народа», «целыми полками они добровольно сдавались в русский плен». Из чешских и словацких добровольцев, подданных Российской империи и эмигрантов, уже в самом начале войны была сформирована «Чешская дружина», пополненная перешедшими на сторону союзников военнопленными и развернутая в бригаду.

С большим воодушевлением восприняли чехословацкие легионеры Февральскую революцию в России. «Принципы, провозглашенные в марте этой революцией, – самоопределение национальностей и демократизация государства – вполне соответствовали тем идеям, которыми руководствовались чехословаки во все времена своей борьбы против немецкого засилья. Успех русской революции окрылил чехов, запись в добровольческие отряды шла необыкновенно успешно, и это обстоятельство в связи с полученным от Временного правительства разрешением создавать национальные войска привело к тому, что в состав русской армии вошел особый чехословацкий корпус» (Воля Сибири 1918). Кроме того, весной 1917 г. было создано Отделение Чехословацкого национального совета (ЧНС) для России во главе с Т. Масариком, рассматривавшееся как «Правительство будущей Чехии».

Произошедший в конце октября 1917 г. переворот «разбил лучшие надежды чехов», а с подписанием Брестского мира ожидания «чехов и словаков, храбро и беззаветно боровшихся в рядах русской армии против германского империализма, рухнули». «После этого позорного мира для чехословаков создалось положение безвыходное. На родину им нельзя возвращаться, ибо их угнетатели австро-германцы им никогда не простят того, что они вместе с русскими боролись против них» (Голос народа 4).

В такой непростой для легионеров ситуации они не растерялись и не пали духом, будучи уверены в том, что «союзные демократии будут продолжать борьбу с германскими насильниками». Чехословацкий национальный совет и командование корпуса принимают решение, «уйдя от изменивших делу европейских демократий большевиков, отдать свои силы и свою жизнь за лучшее будущее своего народа в рядах французских войск». В середине января 1918 г. российское отделение ЧНС провозгласило Чехословацкий корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции» (Клеванский 1965: 147). «Уже около

половины их эшелонов проехало через Сибирь беспрепятственно, – свидетельствовала красноярская "Свободная Сибирь", – но затем большевики по требованию своего начальства из Берлина стали препятствовать свободному продвижению чехословаков на восток и потребовали их разоружения» (Свободная Сибирь 4).

Таким образом, в интерпретации периодической печати востока России чехословацкие легионеры оказались на сибирской земле не по своей воле, они стали жертвой коварных и вероломных большевиков, действовавших по указке из Берлина и обязавшихся «перед германским правительством, обезоружив чехословаков, выдать их Австрии, где их, несомненно, частью расстреляли, частью заключили в тюрьму».

2. Чехословацкие легионеры (Чехословацкий корпус) как коллективный герой-спаситель. Итак, первоначальные планы чехословацких легионеров, продвигавшихся во Владивосток, не были связаны ни с Сибирью, ни с Россией в целом. Российское же общество в то время пребывало в состоянии «невероятной апатии и отчаяния, которые овладели русскими умами» при виде «страшного развала великого государства». «Появление в Сибири родственной могучей силы, – отмечала в годовщину чехословацкого выступления газета "Русская армия", – на которую смог опереться больной русский богатырь в то время, когда, казалось, уже не было никакого просвета, представляется событием поистине чудесным. Помощь пришла совершенно неожиданно и оттуда, откуда никто не ожидал» (Русская армия 1919). При этом чехословацкие воины показали все свои боевые навыки и умения. «Здесь, в Сибири, чехословаки показали чудеса храбрости. Вдумайтесь. Как немного было их, когда они, по указке Мирбаха, были разбросаны разрозненными эшелонами по всей линии Сибирской железной дороги, как мало было у них оружия, и вы поймете, с каким героизмом, отвагой и смелостью вступили они в борьбу с господствующими повсюду вооруженными до зубов большевиками» (Свободная Сибирь 3).

Жители Урала, Сибири и Поволжья чествовали чехословацкие отряды как своих освободителей, чему сохранилось немало свидетельств. «С какой радостью мы встречали их у себя в Сибири, мы в порыве восторга и радости бросали под ноги запыленных бойцов цветы и слезы радости» (Свободная Сибирь 3). Так, например, вошедшие в Томск чехословацкие легионеры (которые, кстати, не принимали участия в боях за город) в составе одной пехотной роты, артиллерийской части и конной разведки «торжественно были встречены у здания (гостиницы. – Д.Ш.) "Европы" почетным караулом сибирских добровольцев» (Кириллов 1928: 44). «Впервые для Сибири, – вспо-

минал капитан А.А. Кириллов, – раздались здесь чешские рожки встречи, громкое братское "наздар" (чешское приветствие. – *Д.Ш.*), и вместе с большим бело-зеленым стягом, развевающимся около коренастой фигуры подполковника Пепеляева, вырос бело-красный стяг свободной Чехии как символ единения двух братских славянских народов» (Кириллов 1928: 45). Газета «Сибирская жизнь» приводит интересный эпизод, произошедший во время этой встречи: «Начальник томского гарнизона полковник Н.Н. Сумароков обратился к отряду с приветствием, покрытым марсельезой чешского оркестра. Затем растроганный Н.Н. Сумароков обратился к командиру эшелона капитану Гайда с просьбой разрешить ему поцеловать первого стоявшего в рядах солдата. Этот братский по оружию поцелуй был, в свою очередь, покрыт старым чешским национальным гимном "Kde domov můj" ("Где дом мой?". – *Д.Ш.*). От "Европы" эшелон двинулся по Почтамтской между шпалерами публики, густо стоявшей вдоль тротуаров и криками приветствовавшей маршировавший отряд и частью присоединявшейся к нему» (Сибирская жизнь 4).

В Омске горожане так же тепло встретили своих освободителей. «Вечером, – записал 7 июня 1918 г. в своем дневнике будущий премьер-министр Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский, – по городу разъезжали в грузовых автомобилях чехи и словаки, бурно приветствуемые населением. Крики "наздар", "ура" раздаются со всех концов города» (Вологодский 2006: 56). Восстановившее после падения советской власти свою работу Тобольское чрезвычайное губернское земское собрание постановило «приветствовать родные нам по крови, близкие по духу славные чехословацкие войска, ставшие на решительную борьбу с советской властью для уничтожения Брестского договора, воссоздания совместного с русскими войсками фронта в титанической схватке с жестоким врагом славянства» (Сибирский вестник 2).

Признательность населения, общественных кругов и нарождавшейся власти на занятых чехословацкими частями территориях выражалась не только в приветственных телеграммах, но и в праздничных торжествах, закладках памятников, благотворительных мероприятиях и добровольных пожертвованиях. В Екатеринбурге, к примеру, для чехословаков был устроен праздник, на проведение которого было потрачено около 700 тыс. руб. По воспоминаниям главного организатора этого мероприятия, руководителя отделения Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В.П. Аничкова, «каждому воину (а их, по показаниям чешского командования, оказалось более пяти тысяч человек, тогда как на самом деле едва ли участвовала в освобождении города и тысяча) приготавливался подарок стоимостью в 40 рублей» (Аничков

1998: 163). Кроме того, был организован торжественный ужин для чешских и русских офицеров на 600 чел.

Периодическая печать востока России лета-осени 1918 г. рассматривала чехословацких легионеров как своеобразного коллективного героя, отважного, благородного, самоотверженного и бескорыстного славянского воина, спасшего в трудную минуту русскую землю. Общую тональность хорошо отражает стихотворение, опубликованное в одной из челябинских газет:

Словаки – чехи! Вы явились к нам случайно,
Могучей, стройною, веселую толпой,
И будто знали вы, как тяжко чрезвычайно
Нам было переносить Совдепа дикий вой!
Явились в майский день, природа ликовала
И солнца луч играл, как никогда.
Веселый день! Беда нас миновала!
Тот светлый майский день запомним навсегда.
Могучею волной Челябинск наш обмыло
И унесло всю грязь без всякого следа,
С могучею волной страдание уплыло,
И унеслась волной тяжелая беда (Власть народа 1918).

3. Чехословацкие легионеры (чехословаки) как идеал, культурный образец и пример для подражания. Проправительственная пресса и политическая пропаганда неоднократно подчеркивали: чехословаки (и те, кто оказался в России, и те, кто остался у себя на родине) – это особенные, выдающиеся люди, герои, наделенные исключительными, абсолютными чувствами, качествами и способностями, такими, как свободолюбие, патриотизм, обостренное чувство гражданского долга или верность общеславянскому единству. «Когда в 1914 году разразилась мировая война, – заострял внимание "Голос Сибирской армии", – то *все* (здесь и далее курсив мой. – Д.Ш.) чехословаки, бывшие на территории России, от границ Германии до берегов Тихого океана, несмотря на свое австрийское подданство, точно по уговору, как один человек стали на сторону России и ее союзников. *Точно так же* поступили чехословаки, жившие в пределах других стран противогерманской коалиции» (Голос Сибирской армии 2).

Делая акцент на выдающихся свойствах чешского и словацкого народов, периодическая печать сравнивала их с российскими обывателями, «обыкновенными, средними людьми», не героями. «Чехословаки, – писала газета "Свободная Сибирь" – признанные в нашем сознании герои. Это не обыкновенные, средние люди, это борцы за свободу и счастье своей родины. Они не заключали Брестского мира, они не распродавали врагам своих пушек и пулеметов,

они не братались, не бежали как стадо баранов с поля битвы, едва завидев неприятеля, не покидали самовольно фронта. А мы, мы средние, обыкновенные люди, все это делали» (Свободная Сибирь 2). Сопоставление, как мы видим, не в пользу российского обывателя. «Нет, как подумаешь и сравнишь русский народ с чехословаками, так делается страшно и до слез обидно. Не нам, сынам Великой России, явиться борцами за освобождение славянства. Малодушные, мы слишком рабы, нам надо учиться многому у чехословаков» (Свободная Сибирь 3).

Таким образом, использовавшееся прессой противопоставление носило не только дидактический, поучительный и морализаторский характер, но, в первую очередь, предполагало и вполне определенное убеждающее воздействие, и воспитательный эффект. «Теперь наступил такой момент, – призывала та же "Свободная Сибирь", – когда не время ссылаться на свою серость и обыденность. В момент битвы каждый должен исполнить свой долг для спасения общего дела, каждый должен проявить высшее напряжение своих сил и общее должен ставить выше личного, о личном должен даже забыть» (Свободная Сибирь 2). В этом отношении чехословаки, с точки зрения российских изданий, подавали достойный пример, а возможно, являлись идеалом, образцом, которому стоило следовать и даже подражать.

Можно выделить несколько важных качеств, проявленных (или приписываемых пропагандой) чехословаками, приводивших в восхищение русскую прессу того времени. Во-первых, это сохранение своей внутренней свободы, самобытности, национального единства и славянской идентичности «в минуты тяжелого гонения Центральными державами», твердая вера в возрождение своей государственности. Во-вторых, «не связанные с нами никакими договорами, только в силу своей принадлежности к славянству, чехи-словаки были надежными союзниками России и союз свой закрепили преданностью и кровью» (Свободная Сибирь 2). В-третьих, то мужество, самоотверженность и великодушие, которые продемонстрировали чехословацкие легионеры в борьбе с большевиками в Поволжье, на Урале и в Сибири. «Что, – подытоживала "Свободная Сибирь", – как не сознание долга, любовь к родине, служение общему славянскому делу в борьбе с неметчиной заставило чехословаков сражаться за наше освобождение!» (Свободная Сибирь 2).

Кроме того, пресса неоднократно подчеркивала: чехи – культурная и образованная нация, и этим они также выгодно отличаются от русского народа, пребывающего в темноте и невежестве, обусловившими ту легкость, с которой большевики его «одурманили». «Просвещение народных масс поставлено очень высоко чехами, – отмечал "Сибирь-

ский вестник"; – здесь существуют самые разнообразные ученые, литературные, музыкальные, певческие, гимназические и другие общества и процветают различные благотворительные учреждения, народные дома, театры и т. п.» (Сибирский вестник 1). Высокий уровень образования был достигнут в трудных условиях, создававшихся правящими кругами Австро-Венгрии, правительство которой в этом направлении «чехов и вообще славян никогда не только не поощряет, а, напротив, всячески им в этом препятствует», на собранные всем обществом средства. Из чего «нетрудно понять, каким широко развитым национальным самосознанием, каким патриотическим духом и какой самоотверженной дисциплиной должен обладать небольшой народ для того, чтобы из года в год в течение десятка лет на добровольные пожертвования производить миллионные расходы на самые разнообразные цели, которыми, главным образом, держится его национально-культурная жизнь» (Сибирский вестник 1). В этом отношении русскому народу также следовало брать пример с чехословаков.

4. Чехословацкий корпус как источник легитимности новой государственной власти в Сибири. Летом-осенью 1918 г. Чехословацкий корпус (ЧСК) представлял собой значительную вооруженную и хорошо организованную на востоке России силу. Он подчинялся Чехословацкому национальному совету, который был признан правительствами ведущих мировых держав – Великобритании, Франции, США, Японии – в качестве официального представителя будущего чехословацкого государства. В январе 1918 г. ЧСК был формально подчинен французскому военному командованию, а в начале июня страны Антанты объявили его частью своих вооруженных сил. Таким образом, у ЧНС и его вооруженных формирований в России (ЧСК) было явное преимущество перед Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (Комучем), областным правительством Урала и Временным Сибирским правительством – их признавали союзники. Однако само присутствие в регионе дружественной военной силы заставляло местное население если и не поддерживать, то хотя бы считаться с новой властью. Эти два фактора активно использовали антибольшевистские государственные образования для придания правомерности своим действиям, получения одобрения со стороны общества, сочетая традиционный и рациональный (по М. Веберу) типы легитимности.

Выделим основные формы политической коммуникации, направленные на закрепление легитимности новых режимов:

- правительственные декларации и официальные заявления;
- участие представителей Чехословацкого национального совета,

его российского отделения, командного состава Чехословацкого корпуса в официальных церемониях (открытие второй сессии Сибирской областной думы, Уфимского государственного совещания);

- обмен официальными приветствиями, телеграммами;
- участие представителей ЧНС и ЧСК в работе (главным образом, в торжественных открытиях) съездов, конференций и совещаний общественно-политических, социально-классовых, профессиональных и национальных организаций;
- совместные военные парады и смотры.

Приведем один пример. 15 августа 1918 г. в Томске состоялось торжественное открытие второй сессии Сибирской областной думы. «Великая честь этого начала собирания и спасения России, – сообщила накануне газета "Сибирская жизнь", – выпала на долю нашей родины – Сибири... Освободившись сама, при помощи доблестных и родственных чехословаков, от губельного ига почти всех сибирских совдепов с их союзниками немцами и мадьярами, Сибирь оказалась первой из областей Великой России, проявившей здоровый инстинкт самосохранения и истинное понимание государственного единства своего со всей Россией» (Сибирская жизнь 1).

Церемонии открытия думы предшествовал совместный парад чехословацких и сибирских войск, их приветствовали председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский и представитель Чехословацкого национального совета И. Глосс. «На штыках чехословацких ружей развевались их национальные флажки. Место парада было окружено толстым кольцом любопытных, пришедших посмотреть на давно невиданное зрелище – стройно марширующих солдат... Затем состоялся парад. Стройными рядами проходили войска, и в каждом звуке команды, в каждом движении, в каждом повороте видны были и дисциплина, и знание, и сознание важности совершающегося» (Сибирская жизнь 2).

В половине второго в зале университетской библиотеки председатель И.А. Якушев объявил заседание Сибирской областной думы открытым. Чехословацкая делегация занимала особую лужу, представителю ЧНС в думе И. Глоссу было предоставлено слово для приветствия. «При появлении его на трибуне аплодисменты переходят в овацию.

– Дорогие братья русские, – говорит он, – с чувством братской радости приветствую я вас от имени Чехословацкого национального совета, чехословацкой армии и всего чехословацкого народа... Мы оправдали на деле, подчеркиваю, на деле любовь к вашему народу. Мы верим, что живые силы страны сольются в одно могучее русло для сокрушения германского империализма. Скоро освобождена

будет ваша опозоренная матушка Москва (гром аплодисментов). Граждане, воскреснет Россия, будет восстановлена Сербия, освобождены Польша и Чехия! Да здравствует великая свободная Россия! Да здравствует автономная Сибирь! Да здравствуют союзники и весь свободный славянский мир! (овация)» (Сибирская жизнь 3).

Таким образом, обладавшие авторитетом, статусом и популярностью представители ЧНС и чехословацких войск словно передавали часть своей харизмы лидерам антибольшевистского движения, обеспечивая общественную поддержку их действиям и проводимому им политическому курсу в целом.

5. Чехословацкие легионеры как посредник между антибольшевистскими правительствами востока России и правительствами стран Антанты. Германия, понимая, что проигрывает войну, «сумела подло использовать революционные брожения масс в России, бросив в него и умело раздув пламя социальной вражды». Обессиленная Россия не выдержала. «Русский фронт распался вследствие истощения страны, принесшей непосильные жертвы. Яд революционной демагогии, так искусно использованный германской рукой, разложил стойкость и выносливость русских солдат». К власти в стране пришли подкупленные Германией «большевики-предатели», заключившие с ней Брестский мир. «Он опозорил всю Россию: нас всех назвали изменниками наши союзники, потому что мы их бросили в очень опасное время, оставили одних и отказались воевать».

Брест-Литовский мирный договор оценивался участниками антибольшевистского движения как несмыаемый национальный позор. «Эта измена гнетет нас и отравляет чистоту нашей радости». И хотя вина за это бесчестье целиком и полностью лежит на большевиках, которые «купили себе власть ценой фактического разрыва с союзниками», а пострадавшей стороной стала сама Россия, преступно и легкомысленно отданная «на поток и разграбление врага», «в полнейшую кабалу германскому капиталу» (Голос народа 1), это не отменяло самого факта вероломного предательства. «И одновременно с этим Брестскими же соглашениями, – резюмировал "Голос народа", – был нанесен предательский и жестокий удар союзникам России, державам согласия. Всем, конечно, памятно, сколько корпусов сняли немцы, благодаря соглашению с большевиками, с нашего фронта и бросили на западный. И мы еще не знаем окончательных результатов тех стремительных и решительных сражений, которые немцы дали французам и англичанам на Ипре, под Парижем» (Голос народа 1).

На России, таким образом, лежит тяжелый груз вины перед ее союзниками, но есть и смягчающие обстоятельства. «Народная Россия, как известно, отвергла Брестский договор. Тем самым она осталась в

отношениях войны с Германией». «Мы, русские, с Германией никогда не мирились. Мы продолжали бороться, как могли, и если не активным, то пассивным сопротивлением помогали победе до конца». Подняв оружие против изменников, восстанавливая российскую государственность и армию как воплощение нации, «государственно мыслящие» люди России искупают позор Бреста. «Мы вновь летом этого года начали войну с Центральными державами и с того времени сделали все, что могли». «Одним из самых значительных последствий ликвидации власти германских марионеток является то, что Россия, согласно решению Всероссийского Учредительного собрания и огромного большинства демократии, отбрасывает прочь позорный брестский "договор", эту удавку на шею России, становясь по отношению к Германии в то же положение, что и до захвата большевиками власти, т. е. Россия вновь приступает к борьбе за свою независимость и свободу вместе с нашими союзниками» (Голос народа 2).

В такой ситуации «государственно мыслящим» людям, ставшим у руля возрождавшейся России, необходим был своеобразный медиатор, посредник для нормализации отношений с бывшими союзниками по антигерманской коалиции. Таким арбитром могли выступить чехословаки, пользовавшиеся доверием и признанием у правительств стран Антанты и США. Восстановление Восточного фронта в этом процессе могло стать первым шагом в необходимом антибольшевистском силам направлении.

6. Чехословацкие легионеры как посредник между антибольшевистскими правительствами востока России и славянскими народами. Антибольшевистским правительствам востока России необходим был такого же рода посредник и для урегулирования еще одного важного вопроса – восстановления отношений со славянскими народами. Они отчетливо понимали, что окончание Первой мировой войны, несомненно, приведет к пересмотру границ и появлению в Европе новых государств, в т. ч. и славянских. «Считая предрешенным вопрос о создании Польши, – констатировали "Отечественные ведомости", – мы с уверенностью можем предполагать, что Данциг, Познань и Бреславль, а также австрийская Польша войдут в состав нового государства. Далее от границ Польского государства начнутся границы другого славянского государства – Чешского, и, возможно, что границы Чехии несколько перейдут прежние границы Австрии с Германией... Далее, от границ Чехии, Венгрии и румынских владений потянутся сплошной полосой до Адриатического моря самостоятельные югославянские государства, объединенные, вероятнее всего, в одну федерацию с балканскими славянами» (Отечественные ведомости 1918).

Отношения же России со славянскими народами оврачались

несколькими обстоятельствами. С одной стороны, революционные события 1917 г. с их «полным пренебрежением не только к славянским, но даже русским национальным интересам» увеличили разрыв между Россией и славянскими народами, создав все условия для того, чтобы славяне «с горечью отвернулись от России, которая так позорно бросила их на произвол судьбы в момент самой страшной борьбы». К тому же ослабленная войной и революцией Россия утратила свой традиционный статус защитницы и покровительницы славянских народов, сама нуждалась в помощи.

С другой стороны, отношения между славянскими народами далеко не всегда были братскими. «Вопрос о полном прекращении многовековой вражды между Польшей и Россией, об установлении между ними твердого соглашения, – писала, к примеру, "Сибирская речь", – имеет громадное значение не только для этих стран, но и для всего славянства. Нелепейшая политика царского правительства в Польше больше всего мешала нашему тесному сближению со славянами, и если кому была выгодна, то исключительно Германии» (Сибирская речь 1918).

Подведем итоги. В материалах официальной и проправительственной периодической печати лета-осени 1918 г. прослеживаются вполне определенные модели, риторические стратегии, повторяющиеся схемы аргументации, использовавшиеся для позиционирования Чехословацкого корпуса. Действия чехословацких легионеров, их мотивация преподносились сибирской аудитории в более возвышенном, благородном и героическом, чем это было в реальности, свете (стратегия валоризации); имевшееся недопонимание, взаимные претензии, нараставшие разногласия и назревавшие конфликты сглаживались, смягчались, маскировались или просто замалчивались (стратегия завуалирования). Реализуя эти две риторические стратегии, пресса официального направления и политическая пропаганда востока России создала и иллюзорный, воображаемый объект, который они наделили не реальными, а приписанными ему ценностями, свойствами и побудительными мотивами, проецируя на Чехословацкий корпус собственные представления и фантазии.

В интерпретации образа чехословацких легионеров пресса того времени проявляла двойственность. С одной стороны, в определенном смысле прослеживается стратегия сближения («присвоения»): Чехословацкий корпус воспринимается как коллективный «Другой», очень близкий к тому, чтобы стать «Своим». Чехи и словаки представлены в образе славянских «братьев по крови», в трудную минуту пришедших на помощь России в борьбе с «тевтоно-мадьярами» и большевиками. Происходит своеобразное присвоение «Другого» и наделение его качествами «Своего».

С другой стороны, пресса стремится сохранить Чехословацкий корпус именно как коллективного «Другого», наделенного качествами, отличающими его от «Своего», и в силу этого делающего его своего рода культурным эталоном, примером для подражания (стратегия дистанцирования). Все это говорит о том, что на начальном этапе гражданской войны Чехословацкий корпус играл очень важную для антибольшевистской пропаганды роль *внешнего конституирующего «Другого»*, призванного не только сплотить и мобилизовать население региона на борьбу с советской властью, но и оформить, наделив его необходимыми свойствами, субрегиональное сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

Аничков 1998 – *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М.: Русский путь, 1998. 368 с.

Валиахметов 2005 – *Валиахметов А.Н.* Чехословацкий корпус в России (1917–1920): историография: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. 267 с.

Васильченко 2014 – *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в гражданской войне: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 210 с.

Ваха 2016 – *Ваха Д.* Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 88–118. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Велеховский 1918 – *Велеховский Ф.* Чехословаки в России. Екатеринбург: Издание Чехословацкого национального совета (Отделение для России), 1918. 40 с.

Власть народа 1918 – Чехословакам // Власть народа. Челябинск, 1918. 30 июня.

Вологодский 2006 – *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное издательство П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

Воля Сибири 1918 – Чехословаки и Сибирское Временное правительство // Воля Сибири. Красноярск, 1918. 23 июня.

Голос народа 1 – Антигерманская коалиция // Голос народа. Томск, 1918. 12 июня.

Голос народа 2 – Перелом // Голос народа. Томск, 1918. 19 июня.

Голос народа 3 – По городам и весям // Голос народа. Томск, 1918. 6 июня.

Голос народа 4 – Почему чехословаки помогают нам? // Голос народа. Томск, 1918. 5 июня.

Голос Сибирской армии 1 – Переворот в Новониколаевске // Голос Сибирской армии. Б.м., 1919. 26 мая.

Голос Сибирской армии 2 – Чехословаки в России // Голос Сибирской армии. Б.м., 1919. 26 мая.

Деникин 1924 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1924. Т. 3. 278 с.

Кириллов 1928 – *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 36–68.

Клеванский 1965 – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 366 с.

Ларьков 1996 – *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. 575 с.

Недбайло 2005 – *Недбайло Б.Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 231 с.

Отечественные ведомости 1918 – 29 (9) ноября 1918 года. Перед конгрессом // Отечественные ведомости. Екатеринбург, 1918. 29 (9) нояб.

Рыбков, Демидова 2014 – *Рыбков А.Г., Демидова Е.И.* Пропаганда как средство борьбы в годы гражданской войны (на примере Чехословацкого корпуса) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3 (52). С. 108–110.

Речь Алтая 1919 – К годовщине падения советской власти // Речь Алтая. Барнаул, 1919. 15 июня.

Русская армия 1919 – Военный обзор. Ко дню годовщины свержения советской власти чехословаками в Сибири // Русская армия. Омск, 1919. 4 июня.

Салдугеев 2006 – *Салдугеев Д.В.* Чехословацкий корпус и меньшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 230 с.

Свободная Сибирь 1 – Корреспонденция // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 28 (15) июня.

Свободная Сибирь 2 – Мы не герои // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 11 июля (28 июня)

Свободная Сибирь 3 – Чему нас учат чехословаки // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 10 сент. (28 авг.).

Свободная Сибирь 4 – Чехословаки // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 27 (14) июня.

Сибирская жизнь 1 – К открытию Сибирской областной думы // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 15 авг.

Сибирская жизнь 2 – Перед открытием Думы // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 17 авг.

Сибирская жизнь 3 – Сибирская областная дума (Сибирское телеграфное агентство) // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 17 авг.

Сибирская жизнь 4 – Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 6 июня.

Сибирская речь 1918 – Славянское единение // Сибирская речь. Омск, 1918. 14 авг.

Сибирский вестник 1 – Образование в Чехии // Сибирский вестник. Омск, 1918. 3 сент.

Сибирский вестник 2 – Чехословацкая жизнь // Сибирский вестник. Омск, 1918. 3 сент.

Стельмак 2016 – *Стельмак М.М.* Чехословацкий корпус: образ союзника в общественно-политической печати Западной Сибири в первые месяцы «демократической контрреволюции» // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Омск: Амфора, 2016. С. 47–51.

Якл 2016 – *Якл Т.* «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-82-96

Fic 2008 – *Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. 3. díl. Selhání americké politiky v Rusku a na Sibiři. Wilsonovo rozhodnutí neinterventovat. Březen – říjen 1918. Brno: Stilus, 2008. 505 s.

REFERENCES

Anichkov, V.P. (1998) *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. Moscow: Russkiy put'.

Valiakhmetov, A.N. (2005) *Chekhoslovatskiy korpus v Rossii (1917–1920): istoriografiya* [Czechoslovak corps in Russia (1917–1920): Historiography]. Kazan: [s.n.].

Vasilchenko, M.A. (2014) *Chekhoslovatskiy korpus na territorii Povolzh'ya v 1918 g.: ot neytraliteta k uchastiyu v Grazhdanskoy voyne* [Czechoslovak Corps on the territory of Volga region in 1918: From neutrality to participation in the Civil War]. Saratov: [s.n.].

Vacha, D. (2016) Dosug chekhoslovatskikh legionerov v Rossii i na puti domoy v 1919–1920 gg. [Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 3 (20). pp. 88–118 (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Velevkovskiy, F. (1918) *Chekhoslovaki v Rossii* [Czechoslovakia in Russia]. Ekaterinburg: Czechoslovak National Council (Branch for Russia).

Vlast' naroda. (1918) *Chekhoslovakam* [To Czechoslovaks]. 30th June.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In the

power and exile: Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

Volya Sibiri (1918) Chekhoslovaki i Sibirskoe Vremennoe pravitel'stvo [Czechoslovakia and the Siberian Provisional Government]. 23rd June.

Golos naroda. (1918a) Antigermanskaya koalitsiya [Anti-German coalition]. 12th June.

Golos naroda. (1918b) Perelom [The turning point]. 19th June.

Golos naroda. (1918c) *Po gorodam i vesyam* [By cities and villages]. 6th June.

Golos naroda. (1918d) Pochemu chekhoslovaki pomagayut nam? [Why do Czechoslovakians help us?]. 5th June.

Golos Sibirskoy armii. (1919a) Perevorot v Novonikolaevske [The coup in Novonikolayevsk]. 26th May.

Golos Sibirskoy armii. (1919b) Chekhoslovaki v Rossii [Czechoslovakia in Russia]. 26th May.

Denikin, A.I. (1924) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian troubles]. Berlin: Slovo.

Kirillov, A.A. (1928) Sibirskaya armiya v bor'be za osvobozhdenie [Siberian army in the struggle for liberation]. *Vol'naya Sibir'*. 4. pp. 36–68.

Klevanskiy, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voennyye formirovaniya v Rossii 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and the sold corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia 1914–1921]. Moscow: Nauka.

Larkov, N.S. (1998) *Armiya i bor'ba za vlast' v Sibiri v kontse 1917–1918 gg.* [The army and the struggle for power in Siberia in the late 1917–1918]. Tomsk: [s.n.].

Nedbaylo, B.N. (2005) *Chekhoslovatskiy korpus v Rossii (1914–1920 gg.)* [Czechoslovak corps in Russia (1914–1920)]. Moscow: [s.n.].

Otechestvennye vedomosti. (1918) Pered kongressom [Before the Congress]. 29th November.

Rybkov, A.G. & Demidova, E.I. (2014) Propaganda kak sredstvo bor'by v gody Grazhdanskoj vojny (na primere Chekhoslovatskogo korpusa) [Propaganda as a means of struggle during the Civil war (a case study of the Czechoslovak corps)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 3 (52). pp. 108–110.

Rech' Altaya. (1919) K godovshchine padeniya sovetskoy vlasti [On the anniversary of the fall of Soviet power]. 15th June.

Russkaya armiya. (1919) Voennyi obzor. Ko dnyu godovshchiny sverzheniya sovetskoy vlasti chekhoslovakami v Sibiri [Military review. On the anniversary of the overthrow of Soviet power by Czechoslovaks in Siberia]. 4th June.

Saldugeev, D.V. (2006) *Chekhoslovatskiy korpus i nebol'shevistskie pravitel'stva Povolzh'ya, Urala i Sibiri: problemy vzaimootnosheniy: 1918–1920 gg.* [Czechoslovak corps and the small governments of the Volga region, the Urals

- and Siberia: problems of relations: 1918–1920]. Chelyabinsk: [s.n].
- Svobodnaya Sibir'*. (1918a) Korrespondentsiya [Correspondence]. 28th June.
- Svobodnaya Sibir'*. (1918b) Мы не герои [We are not heroes]. 11th July.
- Svobodnaya Sibir'*. (1918c) Chemu nas uchat chekhoslovaki [What do Czechoslovaks teach us]. 10th September.
- Svobodnaya Sibir'*. (1918d) Chekhoslovaki [Czechoslovaks]. 27th June.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918a) K otkrytiyu Sibirskoy oblastnoy dumy [To the opening of the Siberian Regional Duma]. 15th August.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918b) Pered otkrytiem Dumy [Before the opening of the Duma]. 17th August.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918c) Sibirskaya oblastnaya дума (Sibirskoe telegrafnoe agentstvo) [Siberian regional Duma (Siberian Telegraph Agency)]. 17th August.
- Sibirskaya zhizn'*. (1918d) Chekhoslovatskiy eshelon v Tomske [Czechoslovak troop train in Tomsk]. 28th June.
- Sibirskaya rech'*. (1918) Slavyanskoe edinenie [Slavic unity]. 14th August.
- Sibirskiy vestnik*. (1918) Obrazovanie v Chekhii [Education in Czechoslovakia]. 3rd September.
- Sibirskiy vestnik*. (1918) Chekhoslovatskaya zhizn' [Czechoslovak life]. 3rd September.
- Stelmak, M.M. (2016) [Czechoslovak Corps: The Image of an Ally in the Socio-Political Press of Western Siberia in the First Months of the “Democratic Counter-Revolution”]. *Vaganovskie chteniya* [The Vaganov Readings]. Proc. of the 8th Regional Conference. Omsk: Amfora. pp. 47–51 (In Russian).
- Yakl, T. (2016) “V pamyat' o brat'yakh, pavshikh na Rusi”: stroitel'stvo pamyatnikov pavshim cheshskim dobrovol'tsam v Rossii v 1918–1920 gg. [“In the Memory of Brothers Who Died in Rus”: Building the Monument for the Czechoslovakian Volunteers Who Deceased in 1918–1920]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-82-96
- Fic, V.M. (2008) *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918* [Czechoslovak legions in Russia and struggle for the emergence of Czechoslovakia 1914–1918]. Brno: Stilus.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

УДК 94(47157)<1918/1920>

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/12

ЮГОСЛАВЯНЕ В ПОЛИТИКЕ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ. 1918–1920 гг.*

Н.И. Наумова¹, В.И. Зиновьева²

¹ Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: tomnin@yandex.ru

² Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40
E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Гражданская война в России поставила перед борющимися сторонами важную проблему поиска союзников, консолидации политических, дипломатических, военных сил в решении внутренних и внешнеполитических, геополитических задач. Особую роль в этом процессе правительства адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина отводили взаимодействию с новыми славянскими государствами – Югославией и Чехословакией. Официальные документы свидетельствуют о стремлении сохранить ведущую роль России в судьбах славян, упрочить международное положение славян при решении их судеб на Парижской мирной конференции. Власти добивались консолидации славянского сообщества, связанного не только культурной идентичностью, системой ценностей, но и общими военно-политическими установками борьбы с «германизмом и порожденным им большевизмом». Из общеславянского мира белогвардейские лидеры адмирал Колчак и генерал Деникин, представители общественно-политических организаций выделяли наиболее близ-

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

ких для России «по своим симпатиям и общим интересам» югославян – сербов, хорватов, словенцев, а также карпатороссов. Антисоветские правительства полагали, что память о борьбе России за свободу, в первую очередь, югославян сформировала у них необходимость защитить Россию с оружием в руках в трудной для нее ситуации. Поэтому антибольшевистские власти юга и востока поддерживали формирование военных отрядов для борьбы с советской властью из военнопленных югославян, которых насчитывалось более 200 тыс. чел. на российской территории, оказывали финансовую помощь югославянским организациям. Антисоветские правительства установили дипломатические отношения с Сербией и югославянским правительством. В новых условиях белогвардейцы не смогли добиться единства действий югославян по защите российских интересов.

Ключевые слова: белогвардейцы, Колчак, Деникин, югославяне, военнопленные, югославянские организации, гражданская война.

YUGOSLAVS IN THE POLITICS OF RUSSIA'S WHITE ARMY GOVERNMENTS, 1918–1920*

N.I. Naumova¹, V.I. Zinovieva²

¹ Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050 Russia
E-mail: tomnin@yandex.ru

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

The Civil War in Russia posed an important problem for the fighting sides to find allies and consolidate political, diplomatic, and military in solving internal and geopolitical tasks. As heads of governments, Admiral Kolchak and General Denikin saw the interaction with newly formed Slavic states – Yugoslavia and Czechoslovakia – as a special factor in these processes. Official documents indicate their aspiration to retain Russia's leading role in the life of the Slavs to strengthen their international position

*The research was supported by Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program under Grant Nr. 8.1.27.2018.

The results were obtained in the framework of the Government Contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 28.8279.2017/8.9.

in deciding their own fate at the Paris Peace Conference. The White Army governments sought to consolidate the Slavs, who shared cultural identity, the system of values and military and political attitudes in their struggle against "Germanism and Bolshevism". Kolchak and Denikin, as well as some representatives of socio-political organisations, considered Serbs, Croatians, Slovenians, and Carpatho-Rusins as particularly congenial in terms of "their inclinations and general interests" among all other Slavic peoples. The anti-Soviet governments believed that the memory of Russia's fighting for Slavs' freedom had resulted in their loyalty to Russia and readiness to defend it. Thus, these governments supported the formation of military units consisting of Yugoslav prisoners of war (approximately 200,000 people in Russia) to fight against the Soviet power and also funded Southern Slavs' organisations. They established diplomatic relations with Serbia and the Yugoslav government. In the new conditions, the White Guards failed, however, to achieve a desired unity among Yugoslavs to protect Russian interests.

Keywords: White Army, Kolchak, Denikin, Yugoslavs, prisoners of war, Yugoslav organisations, Civil War.

На протяжении всей Первой мировой войны славянский вопрос являлся важнейшим фактором всех военно-политических процессов и способствовал распаду Австро-Венгерской империи. Австро-германские правящие круги представляли, что мировая война должна стать «могилой для славянских народов». Чехи, словаки, сербы, словенцы, хорваты надеялись, что Австро-Венгрия не выдержит ударов войны и в результате будут созданы условия для образования независимых славянских государств. В свою очередь, война идеологически обосновывалась российским правительством как освобождение славян от германо-австрийского порабощения. О ее причинах и целях было сказано в августовском манифесте Николая II. В нем говорилось о защите славян Россией, «единой по вере и крови со славянскими народами», «о братских чувствах русского народа к славянам». Подчеркивалась необходимость заступиться не только за несправедливо «обиженную» страну – Сербию, но и «оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав» (Дьяков 1994: 3). Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в августе этого года разъяснил позицию России, объявив, что страна по отношению к народам Австро-Венгрии ищет «восстановления права и справедливости», стремится к тому, чтобы каждый народ «мог развиваться», храня «драгоценное достояние отцов – язык и веру» (Серапионова 2006: 221). Нападение Австро-Венгрии на Сербию было воспринято как намерение уничтожить, погубить славянское государство на Балканах.

В течение всего периода Первой мировой войны и после ее окончания политики и общественно-политические деятели антибольшевистских правительств продолжали отстаивать идею славянской общности и особых отношений с югославянами. Прослеживалась преемственность и с политикой прежних лет по отношению к военнопленным. Но при этом ставилась новая задача – сделать славянский мир сплоченным в противовес объединению на основе идей пролетарского интернационализма. Предполагалось упрочить отношения со славянскими государствами и использовать военнопленных славян для организации борьбы за освобождение от австро-германской зависимости.

Славяне, проживавшие в многонациональной Австро-Венгрии, в годы войны составляли 44 % военнослужащих армии австро-венгерской монархии (из них 9 % – сербы и хорваты, 2 % – словенцы) (Интернационалисты 1987: 33). Во многих сформированных славянских частях, отправлявшихся против российской армии, вспыхивали волнения, часть военнослужащих сдавалась в плен. В 1917 г. среди военнопленных на российской территории сербов, хорватов и словенцев насчитывалось 200–250 тыс. (Интернационалисты 1987: 33). Число болгар-военнопленных было невелико к концу 1917 г. – 1 473 солдата (по другим данным – 1 633) (Интернационалисты 1987: 32).

Российским властям приходилось взаимодействовать с новой многочисленной группой «невольных мигрантов». Необходимо было решать проблемы плена не только материального порядка. Судьба югославян изменялась в зависимости от политической ситуации в России (царское правительство, Временное правительство, советская власть, белогвардейские режимы) и внешнеполитических условий, когда была разгромлена Германия, распалась Австро-Венгерская империя и образовались славянские государства – Чехословакия и Сербско-хорватско-словенское королевство. Существенную роль в жизни югославян, находившихся в России, играли Франция и Англия.

Российское правительство проявило особое отношение к славянским пленным уже в 1915–1916 гг. в размещении, передвижении, общении с соотечественниками, разрешило формировать воинские части. Это было открытое проявление политических симпатий. Наиболее благосклонно власти относились к формированию по инициативе Сербской военной миссии в России югославянских военных отрядов, в которые входили не только военнопленные. Между сербским и царским правительствами в 1915 г. было подписано соглашение о формировании на территории России сербских добровольческих частей из военнопленных. Деятельность по привлечению пленных в ряды добровольческих отрядов, их формированию и обучению коор-

динировалась сербской военной миссией (Интернационалисты 1987: 58). В начале 1916 г. после оккупации территории Сербии австро-германскими и болгарскими войсками беженцы-сербы появились в России и стали пополнять эти отряды.

На российскую территорию смогли эвакуироваться отдельные сербские воинские части. Во время войны там оказались небольшие по численности группы сербских военнослужащих. Они были откомандированы с острова Корфу в Россию сербским правительством Н. Пашича для обеспечения командным составом воинских частей из добровольцев-югославян. В феврале-марте 1916 г. для формирования 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессу были отправлены несколько высших сербских офицеров во главе с полковником С. Хаджичем. Новые контингенты сербских военнослужащих прибывали с острова Корфу по мере формирования 2-й Сербской дивизии (Интернационалисты 1987: 43). В начале 1917 г. дивизии были сведены в корпус, в котором служили сербы, хорваты, боснийцы, словенцы, чехи, словаки, галичане. Это был теперь Югославянский корпус (Интернационалисты 1967: 28).

Временное правительство продолжило в этом вопросе политику прежних властей. Эмигрантские группы из Черногории, Сербии, югославянских земель, находившихся под властью Австро-Венгрии, создавали национальные общества в России и пропагандировали необходимость борьбы с Австро-Венгерской империей, призывали к единству югославян. Наибольшую активность среди военнопленных проявляла Сербия, выступая с собственной внешнеполитической линией. В 1917 г. сербское королевское правительство находилось еще в эмиграции на острове Корфу. Вместе с Югославянским комитетом они договорились после войны добиваться объединения Сербии и югославянских земель (Интернационалисты 1987: 351). Официальные представители сербского правительства вели агитацию за великую Сербию и короля Петра I (Очак 1967: 254).

Октябрьская революция привела к политической дифференциации югославян. Часть югославянских военнопленных поддержала большевиков, другая, во главе с официальным представителем Сербии посланником в России М. Спалайковичем и военным агентом полковником Б. Лонткиевичем, – командование Добровольческого корпуса, офицеры Сербской коронной службы присоединились к антисоветским организациям и правительствам. Для югославян в тот период важное значение имело решение проблемы государственно-политического единства славян. Подчиняясь распоряжениям правительства Сербии, его представительства и возникшие в конце 1917 г. «Югославянское общество в Петрограде», «Югославянский союз» и другие

организации стремились поставить под свой контроль югославянских военнопленных и призывали их к выезду на Салоникский фронт или на работы во Францию. Многочисленные вербовщики, разосланные во все области России (Киев, Одесса, Вознесенск, Поволжье, Урал), где находились лагеря военнопленных с представителями югославян, агитировали за вступление их под сербские знамена. Разрешение на подобные действия они получили еще от Временного правительства. Эта деятельность происходила при финансовой и политической поддержке со стороны дипломатических и военных представителей стран Антанты (Интернационалисты 1987: 324).

По-иному складывались отношения с советской властью, которая отказала в допуске на формирование добровольческого корпуса из числа военнопленных сербов, хорватов и словенцев на основании того, что они являлись иностранными подданными (Интернационалисты 1987: 324). Особое недоверие у югославян к советскому правительству вызвали сепаратные мирные переговоры с Германией и боязнь насильственного возвращения в Австро-Венгрию.

В период оккупации Украины австро-немецкими войсками покинули эту территорию подготовленные к отправке на Салоникский фронт остатки Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев. Запасной батальон корпуса в количестве 2 тыс. югославян сербский посланник М. Спалайкович направил в распоряжение англо-французского отряда, высадившегося в Кандалакше на Кольском полуострове. Так они оказались вовлечены в интервенцию против Советской России (Интернационалисты 1987: 325). Основные массы югославян разместились в 1918 г. в Царицыне, Саратове, Самаре, Астрахани, Казани, Тамбове, Пензе (Интернационалисты 1987: 325), сибирских городах. Практически все эти территории были подчинены сначала антибольшевистским, а затем, во второй половине 1918 г., белогвардейским правительствам, которые видели в югославянах потенциально значимую военную помощь в борьбе с большевиками.

Осенью 1918 г. были освобождены Сербия и Черногория, распалась монархия Габсбургов, югославянские земли отделились от Австро-Венгрии, образовались славянские государства – Югославия и Чехословакия. С декабря 1918 г. стало действовать правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС). Новая проблема возвращения на родину военнопленных встала перед Королевством СХС. Весной 1919 г. правительство отправило в Одессу гуманитарную миссию во главе с Баничем, офицером добровольческого корпуса. Миссия занималась эвакуацией, в первую очередь, офицерства. В то же она время вербовала бывших военнопленных в армию интервентов (Очак 1967: 255).

Новые обстоятельства оказывали влияние на взаимоотношения с белогвардейскими правительствами адмирала А.В. Колчака на востоке и генерала А.И. Деникина на юге России. Белогвардейские власти определили свою роль и роль России в тот период в славянском вопросе на основе традиционной политики могущественных защитников балканских единоверцев, их свободы и независимости. Колчаковская власть, утвердившаяся во второй половине ноября 1918 г. на территории Урала и Сибири, в период, когда Первая мировая война закончилась, сформулировала главную стратегическую задачу – «славянское единение». Солидарны с этим были другие лидеры белого движения.

Об этом свидетельствуют позиции председателя Совета министров Омского правительства П.В. Вологодского, Наказ Особому совещанию генерала А.И. Деникина, доклад последнего начальника штаба Вооруженных сил юга России генерала П.С. Махрова, который был одобрен генералом П.Н. Врангелем. Подобная политика отвечала «защите национальных и исторических интересов России» (Вологодский 2006: 202; Деникин 2002: 324; Махров 1994: 279). В декларации, принятой Южнорусским правительством 26 февраля 1920 г. и одобренной А.И. Деникиным, Верховным кругом Дона, Кубани и Терека, было записано, что «славянское единение необходимо в целях обеспечения Европе длительного и прочного мира» и правительство будет развивать «братскую дружбу с единокровными нам славянскими странами» (Краснов 1991: 155).

Важным фактором, определившим политику деникинской власти в отношении славянских народов, как полагали участники событий на юге России, стало их место в связях с Западной Европой, что следовало обязательно учитывать. Они могли послужить в «критический момент истории России», в частности, «мостом между Антантой и Добровольческой армией». Россия «вступила в войну из-за Сербии», но при этом «имелось в виду освобождение всего славянства, а не только защита балканского». Объективно в «борьбе германо-мадьярства» со славянством Добровольческой армии можно было «опереться на славянство» как западноевропейское, так и балканское (Михайловский 1993: 213–214).

Обоснование позиции по этой проблеме присутствовало в высказываниях белогвардейцев Сибири и официальных документах. Публикации служили военно-пропагандистским целям. Для белогвардейских властей важное значение имело привлечение для военных целей готовой боевой силы – военнопленных славян. Консолидация усилий стала бы необходимым средством достижения цели. После окончания Первой мировой войны добровольное объединение дик-

товалось, по мнению авторов газетных материалов, сохранившимся большевизмом, который был «порожден Германией» и «встал камнем на пути возрождения и восстановления России». Славяне признавались полноправным субъектом борьбы с германизмом, «который еще не сломлен», как и «его слуги – большевики» (Верус 1919). В то же время подчеркивалась организующая сила России, ибо без нее, могучей и единой, безопасное и свободное развитие славянства невозможно. Без сильной России «славяне не найдут надлежащей поддержки» (Семипалатинский 1919). Делался вывод о том, что это «дело не только русское», но и общеславянское.

Одновременно отмечалась «неизбежность объединения славянских народов» с Россией не только в настоящее время. Российское государство оказалось в тяжелой ситуации, раздираемое войной, «которая создана германскими руками». «Слияние славянских ручьев с русским морем» определялось необходимостью борьбы против «большевистской гидры», которая разрушает европейскую цивилизацию и «попирает национальные традиции под знаком самого циничного интернационализма». Единение славян – единственный путь «спасения своей национальной культуры» (Омск 1919b). Славяне не должны следовать «безумному примеру Болгарии». Будущее «народов славянских» будет в единении с великой, свободной и мирно развивающейся Россией, оно станет основываться «на добровольном соглашении» и «общности национальных идеалов». Дружественная Россия поддержит «младшие славянские государства» (Омск 1919b).

В некоторых публикациях и документах общественно-политических организаций присутствовало напоминание о том, что «на славянстве лежит долг по отношению к впавшей в беду России», которая в свое время принесла немало жертв и оказала огромные услуги общему делу (Всероссийский национальный центр 2001: 108). Это рассматривалось как «долг крови» для славян, поскольку в прошлом на Балканах кровь проливали русские солдаты (Жуковский 1919).

Определена была общеславянская политика. Намечалась политическая линия в отношении к Болгарии – возможность ее возвращения «в русло славянских отношений» (Всероссийский национальный центр 2001: 355). В условиях, когда славянские государства стали свободными, представители белогвардейцев предлагали новую стратегию в отношениях между ними. Это касалось и балканских славян. Задачи южных славян должны быть направлены на единение: «Болгарию нужно примирить с Сербией, Югославия должна объединить племенные ветви сербского народа» (Жуковский 1919). Таким образом, обозначались сложности в создании южнославянских государств, и подчеркивалась необходимость их преодоления.

Важную роль в российской политике отводили взаимодействию с югославянами и особенно отношениям с Сербией. В материалах, подготовленных 1-м отделом МИД колчаковского правительства в феврале 1919 г., отмечалось, что «наиболее близки для России по своим симпатиям и общим интересам карпаторусы и югославяне», заинтересованные «в создании Великой России». Это формировало благоприятную почву «для пропаганды русской ориентации»: Прикарпатская Русь «мыслит, как часть России»; Югославия, ядром которой является Сербия, помнит, кто «первым выступил с оружием в руках» в ее защиту.

Сотрудничество и поддержка, как предполагали авторы документа, позволят решить России и международные вопросы. Проблема новых экономических проектов французов и возможного союза по ряду вопросов Италии и Румынии вызывает опасения у сербов, и потому они относятся «с большим доверием» к России. По их мнению, конкретно это проявляется в том, что все действующие в России югославянские организации хотят перейти на «русский кредит» и «уклониться от материальной поддержки со стороны Франции». Доверие к России в этом случае позволит получить их голоса «на конференции со стороны малых народов». Использование «надлежащим образом славянских организаций, находящихся в России», даст возможность «при их помощи влиять на общественное мнение Европы и Америки». Подобная политика увеличит влияние, подчеркивали авторы, на некоторые славянские государства. Выгода тесных связей с Югославией, «от которой будет зависеть свободный выход Чехословакии в Адриатическое море», позволит оказывать при поддержке сербов «воздействие на чехов и вовлечь... в нашу орбиту».

Исходя из изложенных соображений, рекомендовалось ежемесячно «оказывать материальную поддержку Временному Югославянскому национальному совету, Карпаторусскому совету и Славянскому союзу». Югославянскому совету предлагалось выдавать 60 тыс. руб. (30 тыс. – на литературные издания и газету, 30 тыс. – на агентурную и пропагандистскую работу). Карпаторусский совет, «работающий в целях присоединения Прикарпатской Руси к России», просил 50 тыс. руб. (30 тыс. на издание газеты «Карпаторусское слово» и литературные работы, 20 тыс. – на агитацию и пропаганду в России и за границей). Славянскому союзу необходимо было 15 тыс. руб. «для работы по культурно-экономическому сближению славян» и подготовки «славянского политического союза», а также для пропаганды этих идей в славянских воинских частях (ГАРФ 4: 6–7). Эти суммы предлагалось передать МИДу на секретные расходы при условии обязательной отчетности организаций за их расхо-

дование. И Омское правительство поддерживало их по мере возможности.

Взаимодействие со славянскими государствами и помощь от них, в том числе от Сербии, зависели от многих обстоятельств. Об этом свидетельствовали воспоминания генерала Деникина, который отмечал «сердечность отношений Сербии» и «особенно регента королевича Александра» к Добровольческой армии. В начале 1919 г. была достигнута договоренность о возможности формирования из сербов Добровольческого корпуса в 30–40 тыс. чел., чтобы отдать затем его командованию юга России. Препятствием стали «огромное истощение сербского народа войной и экономическая немощь государства». Сербия больше других стран пострадала в войне. Снабжение такого отряда зависело всецело от союзных держав, переговоры с которыми не увенчались успехом. Отрицательно отнеслись союзники к предложению болгарского правительства оказать помощь «формированием и посылкою значительного контингента добровольцев». Они видели в этом лишь желание Болгарии обойти предписанную договором норму вооруженных сил и «создать лишний корпус для собственных нужд». Сербский королевич в этой ситуации поручил своему представителю «приступить к формированию из югославян, живущих на территории Вооруженных сил Юга воинских частей». Таким образом, он хотел, по собственному его признанию, «содействовать нам в доблестном и упорном деле воссоздания» единой России, имеющем «неизмеримое значение для всех славян» (Деникин 2002: 172). В знак уважения к личной доблести генерала Деникина и «сочувствия к великому делу» королевич Александр наградил его орденом Белого Орла первой степени с мечами (Лехович 1992: 247).

На международной арене дипломатическим способом белогвардейцы стремились обозначить свою стратегию в отношении славян, представить Россию как защитницу их интересов. Колчаковская власть надеялась получить приглашение на Парижскую мирную конференцию. Документы МИД правительства Колчака свидетельствуют о продуманной подготовке на заседаниях специально созданного Особого совещания для предъявления своих предложений по «правильному разрешению славянских вопросов». В числе их были названы сербский, югославянский, болгарский (а также польский, чехословацкий, украинский, карпаторусский). Признавалась сложность их решения. К югославянам должен быть применен принцип свободы и самоопределения. Задача заключалась в том, чтобы «укрепить международное положение славянства в его целом» и одновременно «укрепить международное и славянское значение России» (ГАРФ 3: 1). Делегация не была допущена на конференцию. Большое сожаление по этому

поводу выразили югославы, опубликовав декларацию, в которой они заявили о «великой незаслуженной обиде, нанесенной России и в ее лице всему славянству» (Югославянская декларация 1919).

Белогвардейцы стремились установить дипломатические отношения с Сербией и созданной в декабре 1918 г. Югославией. На востоке специальным представителем Сербско-хорватско-словенского королевства был назначен Миланкович. В Омске его торжественно встретили югославянская делегация и сербская добровольческая рота. В своей речи он заявил: «Мы понимаем в отношении братской великой России свои обязанности» и по «мере сил будем помогать» (Прибытие Миланковича 1919). Он был принят Верховным правителем. Присутствовали официальные представители югославыян и на севере. В Ставку генерала Деникина приезжал сербский посланник М. Ненадич (Серрапионова 2006: 311). По некоторым сведениям, правительство Королевства СХС согласилось принять Штрандмана, вновь назначенного российского посланника в Белграде, о чем был уведомлен МИД колчаковского правительства (10 мая. Омск 1919). В свою очередь, отправлялись делегации в славянские государства. 25 января 1919 г. генерал Деникин подписал распоряжение о выделении 100 тыс. франков «на командирование миссии в славянские земли для укрепления дружественных отношений этих стран к России и получения помощи живую силою в борьбе с большевиками». Основанием для этого стала докладная записка исполнительного комитета Союза объединенных славянских организаций (Журналы заседаний Особого совещания 2008: 313). Но постоянных прочных связей на межгосударственном уровне достичь не удалось.

Официальные власти Омска стремились поддерживать отношения с югославянскими организациями. В частности, исполняющий обязанности советника II политического отдела Язвицкий обращался к управляющему МИД с просьбой выдать из секретных сумм 25 тыс. руб. Югославянскому комитету в Омске «ввиду полного отсутствия средств» (ГАРФ 1: 101, 145). Должным образом обеспечивалось пребывание официальных лиц Югославии в Омске. Представитель Министерства иностранных дел Жуковский просил дать распоряжение «об отводе помещения для дипломатической канцелярии Миланковича» В.Н. Пепеляева, министра внутренних дел Омского правительства (ГАРФ 1: 111). В Омске проводились празднования в честь образования новых славянских государств – Польши, Чехословакии, Югославии, на которых присутствовали Верховный правитель адмирал Колчак, члены правительства (Торжественное заседание Славянского союза 1919). В Омске «Союз славянский» был создан для укрепления взаимоотношений славян и славянских организаций в

Сибири. В его состав вошел председатель Югославянского комитета Б.И. Иеремич. Верховный правитель принимал делегации «Союза славянского», приветствовал его деятельность. Сибирь виделась как пример сотрудничества славян, которое продолжится в будущем.

Одна из важнейших задач для власти заключалась в обеспечении совместных военных действий с югославянами в военной области. На подконтрольной белогвардейским властям территории действовали сербо-югославянские отряды из военнопленных Австро-Венгерской армии. Наиболее крупными из них являлись 1-й Добровольческий полк сербов, хорватов и словенцев им. майора Благодича и 1-й Югославянский полк «Матия Губец». Югославяне и сербы сражались против Красной армии весной 1918 г. под Уфой, Казанью и Челябинском. В полку им. Благодича насчитывалось в ноябре 1919 г. 1 200 штыков и сабель. Полк «Матия Губец» был расквартирован в Томске и имел в своем составе 1 650 штыков.

Немногочисленные отряды югославян численностью до роты находились в Барнауле, Красноярске, Иркутске, Тюмени, Чите, Хабаровске, Харбине и других городах Сибири и Дальнего Востока. Они занимались в основном охранной службой в тыловых районах Восточного фронта армии адмирала Колчака. Небольшими подразделениями сербов располагали соединения атаманов. Они служили в Особом казачьем отряде И.П. Калмыкова, партизанской дивизии Б.В. Анненкова, Особом Маньчжурском отряде Г.М. Семенова (Капустин 2017: 62–67). В конце 1918 г. в мурманской группировке войск интервентов насчитывалось 1 200 сербов (Голдин 1993: 120).

В военном отношении сербские и югославянские формирования находились по договоренности с сербским правительством под командованием генерала М. Жанена, представителя Высшего межсоюзного командования и главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. Другая особенность заключалась в том, что воевать сербы на востоке начали в отдельных случаях с чехами и не имели полной самостоятельности. Отсутствие единого командования российских войск и югославянских ослабляло их военный потенциал.

Кроме того, летом 1918 г. возникло разногласие между формируемыми частями югославян и сибирской властью. Генеральный консул Сербии и ряд других официальных лиц предложили свой вариант целей и действий югославянского отряда. Главная задача – борьба против общих врагов совместно с «нашими союзниками» за освобождение от Центральных держав и их союзников. Расходы на содержание отряда должны были взять союзники. В боевые действия отряд вступал после получения официальных данных (от сербских или

от союзных властей) о выступлении уже существовавших «в России наших военных частей на русской территории против центральных сил». Командование частью переходило «к чешскому главнокомандующему. Созданная часть не будет вмешиваться во внутренние русские дела» (ГАРФ 2: 41–42).

Министерство иностранных дел в Омске после рассмотрения данного проекта рекомендовало дождаться «выявления нашего международного положения» и обмена мнениями с союзниками по вопросу о югославянском отряде под чешским командованием, а до того времени признать «нежелательным» его формирование. В докладе МИДа в Совет министров была отмечена неясность целей – воевать против австро-германских войск, но не «против их агентов» – большевиков. Непонятной являлась их подчиненность, поскольку, как было сказано в докладе, формируется отряд в Сибири, находится под чешским командованием. А вступление в боевые действия он начнет в зависимости от выступления югославын в России. В документе подчеркивалось, что подобных требований не выдвигали ни поляки, ни чехи, находившиеся под чешским командованием (ГАРФ 2: 88–88об.). Все это вызывало сомнения в содержании действий отряда.

Осенью 1918 г. обозначились противоречия с военными-югославянами. На I Съезде югославын в Челябинске в сентябре 1918 г. была определена главная задача – «формирование воинских частей для борьбы с Центральными державами» (Югославянский съезд 1918b). Съезд был созван по инициативе консула Миланковича. Был избран Временный Югославянский национальный совет для координации деятельности (Югославянский съезд 1918a). II Югославянский съезд в декабре 1918 г. в Томске усилил разрыв между целями югославын и российской властью. Делегаты приветствовали создание свободного Югославянского государства. Обсуждались вопросы возвращения на родину, которое будет «определяться югославянским правительством». Сербо-хорвато-словенский совет высказался «против вовлечения сербов, хорватов и словенцев во внутреннюю политику России». Для убеждения в отказе от участия в гражданской войне съезд избрал особую делегацию (Политические новости 1919).

Колчаковская власть не теряла надежды на сотрудничество с югославянами и западными славянами даже осенью 1919 г., в период своего кризиса и отказа в помощи со стороны Англии и Франции. Усилились обращения к славянам, «дружественным народам», которые «должны сплотиться вокруг русского дела». Аргументация изменилась. Объединять должна была борьба за сохранение духовной культуры. Единение вокруг России – это «единственный правильный путь для славянских народов», если они не хотят «гибели своей национальной

культуры» и ассимиляции ее «с культурой инородной» (Омск 1919b). Активизировалась пропагандистская деятельность «Союза славянского». Омское правительство с целью поддержки на государственном уровне славянской политики назначило чиновником особых поручений журналиста, активного славянского деятеля В.И. Язвицкого. На него было возложено «установление связи со славянскими общественными организациями в их объединительной работе по возрождению России» (Омск 1919а). Стала издаваться газета «Наш путь», которая являлась органом славянского объединения. Редактором был назначен начальник славянского отдела Министерства иностранных дел В. И. Язвицкий (Из газет 1919). Омская власть всеми средствами боролась за сохранение своих союзников-славян.

Необходимым условием победы белогвардейцев в годы гражданской войны становился поиск союзников на основе политического и военного сотрудничества. С этой целью была использована идея славянского объединения для борьбы за свою свободу против Германии и ее «агентов большевиков». Россия, по мнению белогвардейцев, выступала в роли защитника славянства – и в первую очередь южного – не только в прошлом, но и в новых условиях послевоенного развития и создания нового мира, в котором славяне стали свободными. Обеспечить это единство белогвардейские власти стремились на международном, дипломатическом, межгосударственном и военном уровнях. Совпадение интересов в военном отношении действовало, пока не были разгромлены Германия и ее союзники и не были созданы национальные славянские государства – Чехословакия и Югославия.

Подъем национального самосознания, стремление защитить свои интересы и не участвовать в борьбе за чужие, подвергая опасности свою жизнь, стали преобладать в этой ситуации у славян, в т. ч. и у югославян. Белогвардейцы не смогли добиться славянского единения в условиях создания нового миропорядка после Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

10 мая. Омск 1919 – 10 мая. Омск // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 16 мая.

Верус 1919 – Верус. Вечер славянского единения // Правительственный вестник. Омск. 1919. 7 мая.

Вологодский 2006 – *Вологодский П.В.* Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае. Рязань: Частный издатель П.А. Трибунский, 2006. 619 с.

Всероссийский национальный центр 2001 – Всероссийский национальный центр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 608 с.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 367. Переписка с российскими послами в Париже и Белграде о международном положении Югославии и взаимоотношениях правительства Колчака с Югославией. 11 октября 1918 – 29 октября 1919.

ГАРФ 2 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 26 Переписка с Советом министров, военным командованием, Чехословацким национальным советом и представителями иностранных держав в Сибири о взаимоотношениях Временного Сибирского правительства с союзным командованием о высадке на Дальнем Востоке союзного десанта, об аресте шведской дипломатической миссии, открытии Сибирской областной думы, об автономии Башкирии и по другим вопросам. 12 июня – 21 декабря 1918.

ГАРФ 3 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 360 Доклад Второго политического отдела МИД о политическом и экономическом положении Польши, Прикарпатской Руси и переписка с министерствами военного и внутренних дел о положении поляков в Сибири. 26 октября 1918 – 22 июля 1919.

ГАРФ 4 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 205 Переписка с военным командованием, войсковым атаманом Всевеликого войска Донского и российскими послами за границей об отношении иностранных государств к России, военных заказах, о положении за границей и о помощи сибирскому правительству со стороны Франции. 24 декабря 1918 – 27 декабря 1919.

Голдин 1993 – *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. 200 с.

Деникин 2002 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Дьяков 1994 – *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1917 годов // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 3–11.

Жуковский 1919 – *Жуковский В.* Задачи общеславянской культурной работы // Наш путь. Омск. 1919. 22 (9) сент.

Журналы заседаний Особого совещания 2008 – Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 1003 с.

Из газет 1919 – Из газет // Сибирская жизнь. Томск, 1919. 27 сент.

Интернационалисты 1967 – Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967. 614 с.

Интернационалисты 1987 – Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. М.: Наука, 1987. 452 с.

Капустин 2017 – *Капустин Л.Г.* Обмундирование и форменные отличия сербо-югославянских частей на востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. 2017. № 24. С. 62–78.

Краснов 1991 – *Краснов В.М.* Из воспоминаний. 1917–1920 гг. // Архив русской революции. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. XI. С. 106–166.

Лехович 1992 – *Лехович Д.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 368 с.

Махров 1994 – *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 304 с.

Михайловский 1993 – *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2 кн. Кн. 2: Октябрь 1917 – ноябрь 1920. М.: Международные отношения, 1993. 688 с.

Омск 1919а – Омск, 4 сент. // Правительственный вестник. 1919. 4 сент.

Омск 1919б – Омск, 1-го окт. // Русская армия. 1919. 1 окт.

Очак 1967 – *Очак И.* Югославянские «возвращенцы» из России // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М.: Наука, 1967. С. 252–268.

Политические новости 1919 – Политические новости // Карпаторусское слово. 1919. № 1.

Прибытие Миланковича 1919 – Прибытие Миланковича // Русская армия. 1919. 23 марта.

Семипалатинский 1919 – *Семипалатинский П.* Несколько заметок о славянском сближении // Русская армия. 1919. 9 марта.

Серапионова 2006 – *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1930 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 511 с.

Торжественное заседание Славянского союза 1919 – Торжественное заседание Славянского союза // Военные ведомости Омск. 1919. 4 мая.

Югославянская декларация 1919 – Югославянская декларация // Правительственный вестник. 1919. 25 февр.

Югославянский съезд 1918а. – Югославянский съезд в Челябинске // Голос народа. Красноярск. 1918. 17 сент.

Югославянский съезд 1918б. – Югославянский съезд в Челябинске // Алтай. Бийск. 1918. 21 сент.

REFERENCES

Dal'nevostochnoe obozrenie. (1919) 10 maya. Omsk [Omsk. May 10]. 16th May.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Verus. Vecher slavyanskogo edineniya [Verus. The Evening of Slavic Unity]. 7th May.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i izgnanii: Dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye* [In power and exile: Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and Emigrant in China]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

Shelokhaev, V.V. (2002) *Vserossiyskiy natsional'nyy tsentr* [All-Russian National Center]. Moscow: ROSSPEN.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Perepiska s rossiyskimi poslami v Parizhe i Belgrade o mezhdunarodnom polozhenii Yugoslavii i vzaimootnosheniyakh pravitel'stva Kolchaka s Yugoslaviyey. 11 oktyabrya 1918 – 29 oktyabrya 1919* [Correspondence with Russian ambassadors in Paris and Belgrade on the international situation of Yugoslavia and relations between the Kolchak government and Yugoslavia. October 11, 1918 – October 29, 1919]. Fund 200. List 1. File 367.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Perepiska s Sovetom ministrov, voyennym komandovaniyem, Chekhoslovatskim natsional'nyim sovetom i predstavatelyami inostrannykh derzhav v Sibiri o vzaimootnosheniyakh Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva s soyuznym komandovaniyem o vysadke na Dal'nem Vostoke soyuznogo desanta, ob areste shvedskoy diplomaticheskoy missii, otkrytii Sibirskoy oblastnoy dумы, ob avtonomii Bashkirii i po drugim voprosam. 12 iyunya – 21 dekabrya 1918* [Correspondence with the Council of Ministers, the military command, the Czechoslovak national Council and representatives of foreign powers in Siberia on the relations between the Provisional Siberian government and the allied command on the landing of the allied landing in the far East, the arrest of the Swedish diplomatic mission, the opening of the Siberian regional Duma, the autonomy of Bashkiria and other issues. June 12 – December 21, 1918]. Fund 200. List 1. File 26.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Doklad Vtorogo politicheskogo otdela MID o politicheskom i ekonomicheskom polozhenii Pol'shi, Prikarpat'skoy Rusi i perepiska s ministerstvami voyennogo i vnutrennikh del o polozhenii polyakov v Sibiri. 26 oktyabrya 1918 – 22 iyulya 1919* [Report of the second political Department of the Ministry of Foreign Affairs on the political and economic situation in Poland, Carpathian Russia and correspondence with the ministries of Military and Internal Affairs on the situation of Poles in Siberia. October 26, 1918 – July 22, 1919]. Fund 200. List 1. File 360.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Perepiska s voyennym komandovaniyem, voyskovym atamanom Vsevelikogo voyska Donskogo i rossiyskimi poslami za granitsey ob otnoshenii inostrannykh gosudarstv k Rossii, voyennykh zakazakh, o polozhenii za granitsey i o pomoshchi sibirskomu pravitel'stvu so storony Frantsii. 24 dekabrya 1918 – 27 dekabrya 1919* [Correspondence with the military command, the military chieftain of the Great Army of the Don

and Russian ambassadors abroad about the attitude of foreign States to Russia, military orders, the situation abroad and the assistance to the Siberian government from France. December 24, 1918 – December 27, 1919]. Fund 200. List 1. File 205.

Goldin, V.I. (1993) *Interventsiya i antibol'shevistskoye dvizheniye na Russkom Severe. 1918–1920* [Intervention and anti-Bolshevist movement in the Russian North. 1918–1920] Moscow: Moscow State University.

Denikin A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty: Vooruzhennyye sily Yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyy period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920* [Essays on Russian troubles: Armed forces of South Russia. The final period of struggle. January 1919 – March 1920.] Minsk: Kharvest.

Dyakov, V.A. (1994) *Slavyanskiy vopros v russkoy obshchestvennoy mysli 1914–1917 godov* [Slavic question in the Russian public thought of 1914–1917]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 3–11.

Zhukovskiy, V. (1919) *Zadachi obshch斯拉vianskoy kul'turnoy raboty* [Tasks of all-Slavic cultural work]. *Nash put'*. 22nd September.

Mironenko, S.V. (ed.) (2008). *Zhurnaly zasedaniy Osobogo soveshchaniya pri Glavnokomanduyushchem Vooruzhennymi silami na Yuge Rossii A.I. Denikine. Sentyabr' 1918-go – dekabr' 1919 goda* [Journals of Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia A.I. Denikin. September 1918 – December 1919] Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.

Sibirskaya zhizn': (1919) Iz gazet [From newspapers]. 27th September.

Manusevich, A.Ya. et al. (eds) (1967) *Internatsionalisty. Trudyashchiesya zarubezhnykh stran – uchastniki bor'by za vlast'* [Internationalists. Workers of foreign countries as participants in the struggle for power]. Moscow: Nauka.

Manusevich, A.Ya. (1987) *Internatsionalisty. Uchastie trudyashchikhsya stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii* [Internationalists. Participation of workers of Central and South-Eastern Europe in the struggle for the Soviet power in Russia]. Moscow: Nauka.

Kapustin, L.G. (2017) The Uniform and Military Insignia of the Units of Serbs and South Slavs in the East of Russia. *Belaya armiya. Belaye delo. Istoricheskiy nauchno-populyarnyy al'manakh*. 24. pp. 62–78 (In Russian).

Krasnov, V.M. (1991) Iz vospominaniy. 1917–1920 gg. [From the memories. 1917–1920]. In: Gessen, G.V. (ed.) *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Vol. 11. Moscow: Terra: Politizdat. pp. 106–166.

Lekhovich, D. (1992) *Belye protiv krasnykh. Sud'ba generala Antona Denikina*. [The White against the Red. The fate of General Anton Denikin] Moscow: Voskresen'e.

Makhrov, P.S. (1994) *V Belay armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomanduyushchego Vooruzhennymi silami Yuga Rossii*. [In the White army of General Denikin: Notes of th Chief of Staff of the Commander of the Armed

Forces of the South of Russia]. St. Petersburg: Logos.

Mikhaylovskiy, G.N. (1993) *Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914-1920 gg.* [Notes. From the History of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) 4th September.

Russkaya armiya. (1919) 1st October.

Ochak, I. (1967) Yugoslavyanskiye “vozvrashchentsy” iz Rossii [Yugoslav “returnees” from Russia]. In: Mints, I.I. (ed.) *Uchastie trudyashchikhsya zarubezhnykh stran v Oktyabr'skoy revolyutsii* [Participation of foreign workers in the October Revolution]. Moscow: Nauka. pp. 252–268.

Karpatorusskoe slovo. (1919) Politicheskie novosti [Political news]. 1.

Russkaya armiya. (1919) Pribytie Milankovicha [The arrival of Milankovic]. 23rd March.

Semipalatskiy, P. (1919) Neskol'ko zametok o slavyanskom sblizhenii [Some notes on the Slavic convergence]. *Russkaya armiya.* 9th March.

Serapionova, E.P. (2006) *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1930 gody: Ideynye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiyskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatelyami.* [Karel Kramarzh and Russia. 1890–1930: Ideological views, political activity, relations with Russian state and public figures]. Moscow: Nauka.

Voennyye vedomosti. (1919) Torzhestvennoe zasedanie Slavyanskogo soyuza [Ceremonial meeting of the Slavic Union]. 4th May.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Yugoslavyanskaya deklaratsiya [The Yugoslav Declaration]. 25th February.

Golos naroda. (1918) Yugoslavyanskiy s'ezd v Chelyabinske [The Yugoslav Congress in Chelyabinsk]. 17th September.

Altay. Biysk. (1918) Yugoslavyanskiy s'ezd v Chelyabinske [The Yugoslav Congress in Chelyabinsk]. 21st September.

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Natalia I. Naumova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Valentina I. Zinovieva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/13

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В СИМВОЛИЧЕСКИХ И КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ АНТИ- БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ ЛЕТОМ 1918 – ОСЕНЬЮ 1919 г.*

К.А. Конев¹, Д.Н. Шевелев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: konev-k-92@rambler.ru

²E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности вовлечения Чехословацкого корпуса в коммеморативные и символические практики, формировавшие политическую идентичность антибольшевистского движения востока России (1918–1919 гг.). Образ чехословацких легионеров был встроен в «нарратив возрождения» – ключевой для восточной контрреволюции идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавшее связную картину освобождения страны от большевиков не только дискурсивно, но и через включение чехословаков в официальные торжества, церемонии и ритуалы государственных образований, сформировавшихся в тот период на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Авторы ставят перед собой следующие задачи: с одной стороны, определить основные формы символических практик того времени, в которые были вовлечены чехословацкие легионеры и в рамках которых происходила презентация Чехословацкого корпуса региональному сообществу; с другой – выявить механизмы включения недавних (лето 1918 г.) событий в акты коммеморации – актуальные для текущей политической повестки публичные «вспоминания» прошлого. Чехословацкие легионеры являлись постоянными и неотъемлемыми участниками военных торжеств, официальных приемов

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

и празднований, банкетов и траурных мероприятий, проводившихся в Сибири в рассматриваемый период. Данные события, получая особый символический статус в рамках «сценариев власти» антибольшевистских правительств, призваны были обеспечивать формирование позитивных образов сильной власти и ее союзников, в т. ч. чехословаков. Мотив общеславянского единения при этом являлся ключевым. Идея «братства по оружию» между русскими и чехословаками выражалась посредством проведения совместных военных церемоний, а также в процессе формирования образов героев, «павших за общее дело славянства», в ходе торжественных похорон и установки памятников на местах захоронений погибших чехов и словаков. Авторы приходят к заключению, что символические и коммеморативные практики, в которые был вовлечен Чехословацкий корпус, использовались политической пропагандой антибольшевистских правительств востока России, лояльной прессой с целью создания образа «наших братьев по крови» как коллективного героя-спасителя, в качестве источника легитимности новой государственной власти в Сибири, посредника для восстановления отношений с бывшими союзниками по Первой мировой войне, другими славянскими народами.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, Чехословацкий корпус, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), Российское правительство адмирала А.В. Колчака, политический нарратив, символическая политика, коммеморации.

THE CZECHOSLOVAKIAN CORPS IN THE SYMBOLIC AND COMMEMORATIVE PRACTICES OF THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN THE EAST OF RUSSIA IN THE SUMMER OF 1918 – THE AUTUMN OF 1919*

K.A. Konev¹, D.N. Shevelev²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: konev-k-92@rambler.ru

²E-mail: shev-dn@yandex.ru

* The research was supported by the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

Abstract

The article discusses the formation of the image of the Czechoslovakian Legion within the framework of symbolic and commemorative practices carried out by the Provisional Siberian and Provisional All-Russian governments in the summer of 1918 – the autumn of 1918. The image of the Czechoslovak legionnaires was built into the narrative of the “revival of Russia”, which was considered a key element of anti-Bolshevik ideology. The image was formed in the official representation of the state power through the implementation of various celebrations, rituals, commemorations, and demonstration of certain symbols. Following R.S. Wortman, the authors analyse the representations of the Czechoslovakian Legionnaires within the practices that were part of the “scenarios of power” of anti-Bolshevik governments in Siberia in the summer of 1918 – the autumn of 1919. Czechoslovakian Legionnaires were permanent and integral participants of the military festivities, official receptions and celebrations, banquets and mourning events held in Siberia during the period under analysis. Having a a special symbolic status within the “scenarios of power” of the anti-Bolshevik governments, these events were to create a positive images of a strong state power and its allies, including Czechoslovaks. The motive of the all-Slavic unity was the key one. The idea of “brotherhood in arms” between Russians and Czechs was expressed through joint military ceremonies and in the images of heroes who “died for the Slavdom” in the process of solemn funeral and installation of monuments at the burial places of the Czechs and Slovaks victims. The authors conclude that symbolic and commemorative practices in which the Czechoslovak Corps was involved were used by the political propaganda of the anti-Bolshevik governments in Eastern Russia and by the loyal press to create the image of “brothers in blood” as a collective Hero-Saviour, a source of legitimacy of the new state power in Siberia, a mediator for the restoration of relations with former allies in the First World War and other Slavic nations.

Keywords: Civil War, Siberia, Czechoslovakian corps, Provisional Siberian government, Provisional All-Russian government (Directory), Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, political narrative, symbolic politics, commemorations.

30 июня 1918 г. вся полнота государственной власти на территории Сибири перешла от Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) в руки Временного Сибирского правительства (ВСП), сформированного еще в конце января на нелегальном заседании Сибирской областной думы. «Г.К. Гинс (управляющий делами ЗСК, а потом и ВСП – К.К., Д.Ш.), – записал в тот же день в своем дневнике премьер-министр нового правительства П.В. Вологодский, – взялся оформить переход власти объявлением официальных актов населению Сибири. И, по моему мнению, исполнил свою миссию блестяще. Он составил про-

екты нескольких грамот. Проекты эти были тщательно обсуждены, исправлены и сегодня же вылились в окончательной форме» (Вологодский 2006: 62). Одна из этих грамот была адресована «доблестным чехословацким эшелонам». «Судьба объединила нас в борьбе против одного врага, – говорилось в ней. – Вынужденные выступить против большевиков и, выйдя, таким образом, из состояния нейтральности, вы не отказались заключить тесный союз с военными организациями Сибирского правительства и помочь им в борьбе с темными силами, разрушившими русскую государственность... Сибирское правительство отдает должное героическим подвигам своих войск, их энтузиазму и проявленной уже способности к самопожертвованию. Но правительство почитает долгом чести открыто и с благодарностью признать, что в общем ходе военных действий помощь чехословацких войск играет огромную роль как в ускорении момента повсеместного признания его власти, так и в неизменной успешности военных действий». С «искренней и глубокою признательностью» отмечая крупные заслуги чехословацких легионеров в «истории не только Сибири, но и всего славянства», Временное Сибирское правительство выражало «твердую уверенность, что и предстоящие совместные наши действия будут сопровождаться таким же выдающимся успехом» (ВСП 2007: 105).

В начале июля последовал ответ исполнительного комитета чехословацких войск в России: «Преступными действиями большевистских органов, действующих по указу из Берлина, чехословацкая армия была вынуждена выступить на защиту своей неприкосновенности. Выступление почти везде сопровождалось искренним сочувствием и поддержкой местного населения. Народ Сибири, правильно понимая свои интересы и задачи, отмежевывается от советской власти, строит новую жизнь. Чехословацкая армия, сформированная для борьбы за свободу, с искренней любовью содействует освобождению братских народов, она с глубокой радостью следит за созданием новой государственности, нового правового порядка в Сибири, в твердой уверенности, что это будет началом возрождения великой свободной России» (Воля Сибири 1918).

Перед нами не только официальное признание Временным Сибирским правительством вклада легионеров в «освобождение Сибири от самодержавия большевиков», но и своеобразный, заданный новой властью сценарий репрезентации Чехословацкого корпуса в публичном дискурсе того времени.

Политическая символика, церемонии, ритуалы и коммеморации, являющиеся, по словам Б.И. Колоницкого, «важными компонентами политической культуры» (Колоницкий 2012: 10), сегодня все чаще становятся предметом исследования отечественных и зарубежных

специалистов. Как отмечает В.В. Журавлев, само понятие «политическая культура» «прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны» (Журавлев 2015: 31), тем не менее единая трактовка данного концепта еще не сложилась. Это, однако, не мешает гуманитариям обращаться к изучению тех или иных элементов революционной и ранней советской политической культуры. Так, Е.И. Красильникова в ряде статей исследует такие составляющие советской политической культуры 1920–1940-х гг., как коммеморации, революционные праздники и «красные похороны», рассматривая их на сибирском материале (Красильникова 2014; Красильникова 2017; Красильникова 2018).

В то же время аналогичные символические практики антибольшевистского движения изучаются в меньшей степени. Интерес в данном контексте представляют работы В.В. Журавлева, в которых затрагиваются характер репрезентации верховной власти в лице адмирала А.В. Колчака, символика и особенности титулования в организационных структурах антибольшевистского движения. Чешский историк Т. Якл рассматривает интересную проблему, связанную с возведением на территории Сибири мемориалов, посвященных погибшим чехам и словакам, что проливает свет на особенности практик символической репрезентации легиона (Якл 2016). Особенности формирования представлений о Чехословацком корпусе и участниках антибольшевистского движения в исторической памяти русской эмиграции, советского и современного российского общества представлены в работах Е.В. Волкова (Волков 2007; Волков 2008; Волков 2011; Волков 2015).

Для антибольшевистских правительств востока России (Временное Сибирское, Директория, Российское адмирала А.В. Колчака) Чехословацкий корпус представлял интерес не только в качестве реальной военной силы и серьезного политического фактора, но и как ресурс символической политики – действий власти, направленных на «производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» (Малинова 2011: 106) с целью легитимации собственного политического режима. В качестве такового он был встроен в «нарратив возрождения» – ключевой для антибольшевистского движения идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавшее связную картину освобождения страны от большевиков, интегрированную в разделяемые властной элитой того времени представления о прошлом Российского государства.

«Нарратив возрождения» развертывался не только в публичном дискурсе, в правительственных сообщениях, декларациях,

воззваниях и заявлениях, трансляция и пересказ которых осуществлялись по каналам политической пропаганды и лояльной власти прессы. Он также воспроизводился и проигрывался в символических практиках – официальных актах, ритуалах и церемониях, проходивших на разных уровнях (государственный / местный) и носивших военный / гражданский или религиозный / светский характер.

Цель исследования заключается, с одной стороны, в определении основных форм символических практик того времени, в которые были вовлечены чехословацкие легионеры и в рамках которых происходила презентация Чехословацкого корпуса региональному сообществу; с другой – в выявлении механизмов включения недавних (лето 1918 г.) событий в акты коммеморации – актуальные для политической повестки публичные «вспоминания» прошлого.

Каким образом чехословацкие легионеры оказались задействованы в сценариях власти, разыгранных Временным Сибирским, Временным Всероссийским и Российским адмирала А.В. Колчака правительствами? Все они имели в своем арсенале примерно одинаковый набор инструментов, с помощью которых осуществлялась символическая репрезентация новых политических режимов и их союзников.

Военные церемонии. Буквально сразу после свержения советской власти в сибирских городах военнотружущие чехословацкого корпуса были вовлечены в военные торжества. Импровизированные парады, проводившиеся на улицах отбитых у большевиков городов, привлекали к себе внимание обывателей и порой сопровождались эмоциональными сценами братания. Прибывший в Томск 31 мая 1918 г. чешский отряд в тот же вечер проследовал церемониальным маршем по улицам города к вокзалу. Как отмечала «Сибирская жизнь», прибытие чехов «превратилось в народный прием желанных гостей для обмена приветствиями» (Сибирская жизнь 1). В Красноярске 23 июня марш отрядов 2-го Томского полка и чехословаков также сопровождался «большой толпой», «любовавшейся редким зрелищем военной маршировки» (Свободная Сибирь 1).

В конце мая – начале июня 1919 г. в сибирских городах прошла череда официальных торжеств, посвященных годовщине «освобождения Сибири» от большевиков. Важным элементом этих торжественных мероприятий стали и военные парады. Разумеется, особое внимание в ходе мероприятий уделялось чехословакам как ключевым героям антибольшевистского восстания. Помимо частей гарнизона, в праздничном параде, состоявшемся в Омске 7 июня, участвовал также 6-й чехословацкий полк, занявший город в 1918 г., что, по всей видимости, имело особый символический смысл – герои возвращались

на место своей славы, заново проживая события, ставшие «историческими» (Сибирская речь 1).

В рамках актуализации событий годичной давности происходили их публичное «вспоминание», героизация, вплетение в исторический и текущий политический контексты. «Один год нашего существования вне советской власти – срок небольшой в медленной поступи Истории, но качественно он велик и огромен», – подчеркивала «Сибирская речь». Отмечалась в газете и значимость пережитого: «Если представить себе, что за это короткое время Воскресающая Русь приобрела твердую опору и нашла своего национального Вождя, несущего на Себе Крест Власти, то станет ясно, что этот год равен десятилетию» (Сибирская речь 2).

Во Владивостоке «годовщина освобождения от большевистского ига», отмечавшаяся 29 июня, практически совпала с празднеством по случаю заключения мира в Версале, прошедшего 1 июля, и ознаменовалась масштабными торжествами. Парад в честь чехов запечатлели и американские кинооператоры (Allied expeditionary forces in Siberia). В рамках мероприятия часть одной из центральных улиц города была переименована в Чехословацкий проспект (Голос Приморья 1). Именно там и состоялся парад всех союзных войск (американских, китайских, французских, британских, итальянских, японских, польских, русских, сербских и чехословацких) по случаю «праздника мира» (Голос Приморья 2).

В результате военные церемонии, будучи одним из средств укрепления авторитета антибольшевистских правительств и демонстрации мощи армии, становились значимым инструментом репрезентации идеи единства антибольшевистских и союзных им сил. Парады, являвшиеся «неотъемлемой частью городской зрелищной культуры» (Гефнер 2015: 139), привлекали к себе внимание значительной части городского населения. Подтверждается это не только газетными сообщениями о «десятках тысячах» зрителей, но и кино- и фотоматериалами, запечатлевшими очевидцев, зачастую с интересом наблюдавших за смотрами и парадами в таких городах, как Омск, Екатеринбург, Владивосток. Происходило вовлечение городского населения в публичный ритуал, демонстрировавший воссоздание братства по оружию между возрожденной русской армией и союзниками, который, в свою очередь, символизировал начало восстановления величия страны и возвращения ее в сообщество великих держав.

Торжественные заседания и банкеты. Праздничные застолья с участием представителей союзных «возрождающейся России» наций являлись неотъемлемой частью всех крупных официальных церемоний. После создания единой антибольшевистской власти

рауты и банкеты, так же, как и военные торжества, призваны были укреплять статус Омского правительства своим размахом. Так, по воспоминаниям И.И. Серебренникова, банкет по случаю образования Всероссийского Совета министров, состоявшийся 6 ноября 1918 г., отличался «большой роскошью и, нужно думать, стоил немалых денег». Это, по словам министра, являлось «новшеством в омской практике» (Серебренников 2003: 428).

Представители Чехословацкого национального совета, его российского отделения, командного состава Чехословацкого корпуса принимали активное участие как в официальных церемониях (открытие второй сессии Сибирской областной думы, Уфимского государственного совещания), так и в работе (главным образом, в торжественных открытиях) проходивших тогда многочисленных съездов, конференций и совещаний общественно-политических, социально-классовых, профессиональных и национальных организаций самого разного уровня.

Антибольшевистские силы, придавая большое значение мемориализации антисоветского восстания, стремились превратить устраиваемые ими военные церемонии, а также связанные с ними определенные территории, ритуалы и символы в то, что П. Нора назвал местами памяти (Нора 1999: 17–50). События и объекты, превращаясь в символы, призваны были формировать представления общества о недавнем прошлом, в то же время укореняя в сознании людей ряд вполне определенных идей.

Неизбежным следствием участия чехословацких легионеров в российской междоусобице стали боевые и небоевые потери. **Торжественные похороны** погибших, **мемориализацию** памяти о них также следует рассматривать как один из способов формирования символического единства антибольшевистских сил и дружественного им Чехословацкого корпуса. «Могилы умерших, – писал американский антрополог У.Л. Уорнер, – наиболее могущественные из видимых символов, объединяющих все деятельности обособленных групп сообщества. Кладбище и его могилы становятся объектами сакральных ритуалов, которые позволяют конкурирующим организациям, часто вступающим друг с другом в конфликты, умерить свое обычное противостояние и сотрудничать в коллективном выражении более широкого единства всего сообщества. Эти обряды оказывают высшую степень уважения всем мертвым, но особую честь воздают тем, кто погиб, "сражаясь за свою страну". Смерть солдата в бою воспринимается как "добровольная жертва", принесенная им на алтарь родной страны» (Уорнер 2000: 311). Остановимся на этом аспекте подробнее.

В конце августа 1918 г. недалеко от ст. Посольская (Селенгинский

уезд Забайкальской области) погиб начальник штаба Восточного фронта подполковник Б.Ф. Ушаков. «Погиб защитник Родины и ее чести, Генерального штаба подполковник Ушаков, – писала по этому поводу красноярская "Свободная Сибирь". – Будучи начальником штаба, он тем не менее не мог усидеть в штабе и не раз во главе войск бросался на врага. Так было и в последний славный подвиг его у озера Байкала. С десантом переплыл он Байкал, высадился в тылу у красных и ударом с тыла помог войскам, наступающим вдоль железной дороги, разбить целый корпус и захватить громадную добычу. В пылу боя подполковник Ушаков попал в плен к социалистам-большевикам, претерпел от них ужасные мучения и пытки и был убит» (Свободная Сибирь 2).

Немного позднее в официальном издании Временного Сибирского правительства газете «Сибирский вестник» были раскрыты некоторые подробности его гибели. Подполковник Ушаков попал в плен случайно, ошибочно принял оборонявшихся красных за свои части. Желая прекратить огонь, которой, как ему показалось, велся по недоразумению, он сам выскочил из вагона с криком: «Братцы, не стреляйте! Это я, подполковник Ушаков!» (Сибирский вестник 1). «Выстрелы продолжались. Будучи уверен, что это свои, [под]полковник Ушаков сбросил с себя пояс с револьвером и направился к красноармейцам» (Голос Сибирской армии). Когда стало известно о пленении подполковника Ушакова, немедленно был поднят чехословацкий ударный батальон. «Ударники побросали все лишнее, захватив с собой столько, сколько могли, гранат и патронов, и отправились к разъезду 19. Однако, несмотря на все усилия, отбить Ушакова уже не удалось. Все патроны были расстреляны, гранаты также, и приходилось отступать с тяжелым чувством бессилия сделать для любимого человека что-либо большее. Тело полковника Ушакова было найдено на линии, выброшенное из вагона. Люди, видевшие труп, сообщают о сильном его изуродовании, причем раны наносились не только штыком, но еще каким-то полуострым предметом» (Новиков 1999: 74; Сибирский вестник 1).

«В этот момент доложили, что прибыла партия пленных, – вспоминал сопровождавший тело убитого подполковника Ушакова русский офицер. – Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал с характерным для него чехословацким акцентом: "под пулемет". Партия пленных, где было много мадьяр, была немедленно отведена в горы и расстреляна из нескольких пулеметов» (Кириллов 1928: 55).

20 августа российское отделение Чехословацкого национально-го совета по представлению командующего Восточным фронтом полковника Р. Гайды и командира Чехословацкого корпуса гене-

рал-майора В.Н. Шокорова постановило произвести Б.Ф. Ушакова в полковники и наградить «за выдающуюся, неоценимую службу в пользу чехословацкой армии и столько раз доказанную беспримерную храбрость» орденом «За свободу», о чем известили полковника Р. Гайду телеграммой, опубликованной многими сибирскими газетами. «Геройская смерть подполковника Ушакова, – отмечалось в телеграмме, – является тяжелой потерей для нашей армии. Память о подполковнике Ушакове, обожаемом всеми, которые имели возможность познакомиться с его выдающимся воинским талантом и беспримерной личной храбростью, никогда не исчезнет из сердец доблестных наших войск» (Свободная Сибирь 3).

Во многих сибирских храмах «по павшем на поле брани подполковнике Ушакове» отслужили панихиду. В Томске, например, богослужение прошло 25 августа в кафедральном соборе. По приглашению уполномоченного российского отделения Чехословацкого национального совета И. Глосса на ней присутствовали председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев, комендант города и представители городского самоуправления (Сибирская жизнь 2).

30 августа Георгиевская дума, созванная командующим Восточным фронтом, приняла решение о награждении полковника Б.Ф. Ушакова, а также командира 7-го Татранского полка Чехословацкого корпуса (ЧСК) полковника Э. Кадлеца и старшего адъютанта оперативного отдела штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса поручика Макарова орденом Святого Георгия 4-й степени. Впоследствии приказом № 65 от 3 декабря 1918 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак утвердил это постановление (Русская армия 1918).

Захоронение подполковника Б.Ф. Ушакова первоначально предполагалось в Верхнеудинске (в настоящее время – Улан-Удэ), о чем командующий Восточным фронтом сообщил в своей телеграмме, опубликованной сибирскими газетами. «Завтра (21 августа. – К.К., Д.Ш.) в Верхнеудинске будут похороны подполковника Ушакова и всех павших чехословаков и русских. На похоронах будет присутствовать большая часть моих войск» (Свободная Сибирь 4).

Однако группа горожан и представители местной земской управы выступили с инициативой похоронить его в Канске. «Назначенной делегации... было поручено отправиться немедленно на фронт с ходатайством. Решение нашло живой отклик в населении, подтвержденный через устную анкету большинством населения, и тем морем людей, которое своим присутствием почтило память о полковнике Ушакове» (Канский земский голос 1). Выбор места погребения был неслучаен. «В этом городе, – писал в годовщину чехословацкого выступления

"Голос Сибирской армии", – 29 мая перед рассветом он созвал ротных командиров и, прочтя им задержанный телеграфный разговор Красноярского и Иркутского совдепов, содержащий приказание обезоружить чехов и отвезти их в лагерь военнопленных, сказал: "Братья, решайтесь в 10 минут, скоро станет светло, и будет поздно". Через полчаса Канск уже был в руках чехов» (Голос Сибирской армии). Уездная земская управа направила полковнику Р. Гайде телеграмму, в которой отмечалось: «Канский уезд своим освобождением от незаконной советской власти всецело обязан погибшему вождю. Который, горячо любя народ, его свободу и независимость, избавил население, благодаря своему исключительному мужеству, уму и такту, от излишних жертв и твердой рукой сразу ввел законный порядок, оградивший личную и имущественную безопасность граждан. Благодарный Канск, желая хранить у себя прах незабвенного героя, просит Вас разрешить перевезти его для погребения в Канск» (Свободная Сибирь 5).

29 августа тело подполковника Ушакова в сопровождении чехословацкого штурмового батальона было доставлено в Канск, где его похоронили у Свято-Троицкого кафедрального собора. На месте захоронения предполагалось построить часовню, однако позднее было решено установить каменный памятник со скульптурой и надгробной надписью:

Спи, орел наш сизокрылый,
Со спокойной спи душой.
Заслужил ты, друг наш милый,
Славу вечную, покой.

Спас ты всех нас от насилий,
Спас от рабства ты народ...
Побеждал всех, могилу
Победить лишь ты не мог.

Спи же, наш герой чудесный,
Путь окончен твой земной,
Путь другой теперь, небесный,
Встал открытым пред тобой.

Так помолимтесь же, братья,
Мы с поникшей головой
И простимся с тем навеки,
Кто поднялся над толпой (Канский земский голос 2).
Акцентирование внимания на потерях, понесенных чехословац-

ким корпусом, позволяло наглядно продемонстрировать читателям высокие моральные качества «братьев-славян», в героическом свете объяснить мотивы их поступков. Приводя письмо одного из бойцов-чехословаков, описывавшего боевые будни их подразделения, редакция «Народной газеты» отмечала, что цель самопожертвования «наших доблестных друзей» – освободить свою родину от немецкого ига (Народная газета 1918).

С другой стороны, смерть воинов-чехословаков должна была стать выражением искреннего стремления союзников оказать России помощь в ее возрождении. «Светлая память о жертвах, понесенных Вами, и имена Ваших героев навсегда останутся в благодарном сознании братского Вам русского народа наряду с именами родных героев, отдающих наивысшее благо – жизнь за светлое будущее Новой Свободной России», – значилось в адресе, поднесенном представителю Чехословацкого правительства И. Глоссу членами Новониколаевской городской думы в годовщину восстания (Военные ведомости 1919).

Материальным воплощением идеи единства русских и союзников, инструментом героизации участников интервенции и увековечивания памяти о них стали памятники, поставленные погибшим солдатам и офицерам союзных армий на огромных пространствах востока России.

После разгрома советских войск в районе ст. Мурино, Танхой, Мысовая и Посольская (Забайкальская область) и взятия Читы (Симонов 2010: 295–298; Ларьков 2017: 80–81) командир 1-го Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев издал приказ. «От лица службы, именем нашей дорогой Родины благодарю бойцов за беззаветную храбрость, – говорилось в нем. – Впереди нас ждет победа. Воодушевленные любовью к родине, мы не можем не победить. Благодарная свободная Сибирь не забудет храбрость сынов своих, покрывших себя славой на далеких полях Сибири, она не забудет также и тех, кто погиб за свободу и счастье России, кровью своей запечатлев любовь к дорогой Родине» (Дело 1918). В память о погибших сибиряках и чехословаках командир корпуса предложил воздвигнуть монумент на берегу Байкала, который бы напоминал «потомству, что были у России сыны, умевшие в тяжкую минуту своей Родины умирать за нее и побеждать». На сооружение памятника из средств корпуса было выделено 10 тыс. руб., а также объявлена подписка.

Центральной фигурой должна была стать скульптура подполковника Б.Ф. Ушакова, а вокруг нее планировалось разместить «группу солдат и офицеров сибиряков и чехословаков смотрящих на Восток, с надписью: “Братья! Умрем, но спасем Россию. Спасем все Славянство! Умирают раз, нам смерть не страшна! Страшно оставить славян в

рабстве! Во имя лучшего будущего всех славян приказываю: Вперед, братья! Ура! Наздар!»» (Сибирский вестник 2).

По обе стороны предполагалось установить барельефы: с правой – с коллективным портретом военного совета штаба Восточного фронта во главе с Р. Гайдой, Б.Ф. Ушаковым и А.Н. Пепеляевым, с левой – символическое изображение «единения всего славянства». На обратной стороне авторы проекта намеревались выбить «имена и фамилии всех лиц, пожертвовавших на сооружение памятника» (Сибирский вестник 2).

Масштабную деятельность в данном направлении развернули и сами чехи, организовавшие три находившиеся вблизи Екатеринбург, в Иркутске и во Владивостоке мастерские по изготовлению надгробий, монументов и других художественных изделий (Якл 2016: 94–95). Силами мастерских был создан и установлен целый ряд памятников во многих сибирских городах, первым из которых стал монумент в Челябинске, заверченный к 27 сентября 1918 г. (Якл 2016: 83). Существовали и иные способы увековечивания. В Иркутске в память о погибших чехах, словаках и русских был заложен храм (Сибирский вестник 3).

Открытие памятников сопровождалось торжествами, в ходе которых актуализировались идеи союзного единства и славянского братства. Кроме того, данные мероприятия играли важную роль в процессе конструирования идентичности самих чехов. Так, на открытии памятника во Владивостоке 1 мая 1919 г. доброволец д-р Хорвата в своей речи отметил важность праздника для всей нации, «которая после 300-летнего порабощения впервые получила возможность познать себя» (Голос Приморья 3).

Так же, как и парады, ритуальные акты, связанные с погребением и отданием почестей, привлекали к себе немалое количество участников и очевидцев – военнослужащих и гражданских лиц. Это подтверждается и газетными сообщениями, и кадрами кинохроники, и фотографиями (Купцов 2014: 274). Так, на церемонии возложения венков на могилу чехословаков на Морском кладбище во Владивостоке американский кинооператор зафиксировал присутствие большого количества посетителей (Allied expeditionary forces in Siberia).

Примечательно, что отсутствие представителей местных властей на мероприятиях, связанных с поминовением или чествованием союзников, обращало на себя внимание прессы. В июне 1919 г. пресса сообщала о возмущении местных жителей поведением Иркутской городской думы, уклонившейся от чествования чехословаков (Правительственный вестник 1919). По сообщению красноярской кадетской газеты, Иркутская дума, где преобладали левые, отказалась

участвовать в празднике по причине того, что Омское правительство не оправдало надежды социалистов. Такая позиция, разумеется, вызвала непонимание и критику в адрес «революционной демократии» (Свободная Сибирь 6).

Таким образом, похоронные обряды, места их проведения, а также памятники, посвященные погибшим союзникам, можно определить как своего рода «места памяти», призванные укоренить в сознании населения позитивно-героический образ Другого помощника в лице союзников и чехов, отдавших свои жизни за «возрождение России». Важно отметить также, что часто упоминания о погибших в Сибири иностранцах звучали на страницах печати как адресованный обществу призыв оказать поддержку правительству или же как упрек в недостаточном патриотизме. Нередкими в печати были слова, подобные призыву томской «Нашей мысли»: «...будем надеяться, что не угасла еще в народе вера в лучшее будущее, что окрылит его на новые подвиги пример хотя бы наших братьев чехословаков, не задумавшихся пожертвовать всеми личными интересами ради блага и свободы их отчизны, столь же многострадальной, как и наша измученная Россия» (Наша мысль 1918).

Подведем итоги. По воле случая заброшенные на восток России воины-чехословаки оказались вовлеченными в символические и коммеморативные практики, формировавшие политическую идентичность развернувшегося в регионе антибольшевистского движения востока России и укреплявшие легитимность установленных им политических режимов. Образ чехословацких легионеров был органично встроен в «нарратив возрождения» не только дискурсивно, но и через включение чехословаков в официальные акты, торжества, церемонии и ритуалы.

Чехословацкие легионеры являлись постоянными и неотъемлемыми участниками военных торжеств, официальных приемов и празднований, банкетов и траурных мероприятий, проводившихся в Сибири в рассматриваемый период. Данные события, получая особый символический статус, в рамках «сценариев власти» антибольшевистских правительств призваны были обеспечивать формирование позитивных образов сильной власти и ее союзников, в т. ч. числе чехословаков. Мотив общеславянского единения при этом являлся ключевым. Идея «братства по оружию» между русскими и чехословаками выражалась посредством проведения совместных военных церемоний, а также в процессе формирования образов героев, «павших за общее дело славянства», в ходе торжественных похорон и установки памятников на местах захоронений погибших чехов и словаков.

Практики символической репрезентации и коммеморации, в которые был включен Чехословацкий корпус, использовались политической пропагандой антибольшевистских правительств востока России и лояльной прессой с целью создания образа «наших братьев по крови» как коллективного героя-спасителя русского народа, призванного своим авторитетом легитимировать новую государственную власть в Сибири, выступить в качестве своеобразного посредника для восстановления отношений с бывшими союзниками по Первой мировой войне и другими славянскими народами.

ЛИТЕРАТУРА

ВСП 2007 – Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов. Новосибирск: Сова, 2007. 818 с.

Военные ведомости 1919 – Из местной жизни. К 25 мая // Военные ведомости. Новониколаевск, 1919. 31 мая.

Волков 2007 – *Волков Е.В.* Память о гражданской войне и Общество русских ветеранов в Сан-Франциско // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 396–417.

Волков 2008 – *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. 392 с.

Волков 2011 – *Волков Е.В.* Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920–1930-е годы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 416–426.

Волков 2015 – *Волков Е.В.* Площадь павших революционеров: чехословацкий «мятеж» глазами советского художника. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 158 с.

Вологодский 2006 – *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное издательство П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

Воля Сибири 1918 – Ответ чехословаков Временному Сибирскому правительству // Воля Сибири. Омск, 1918. 11 июля.

Голос Сибирской армии – Полковник Борис Федорович Ушаков // Голос Сибирской армии. Б. м., 1919. 26 мая.

Голос Приморья 1 – Годовщина освобождения владивостокских граждан от большевистского ига // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 1 июля.

Голос Приморья 2 – Праздник мира // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 1 июля.

Голос Приморья 3 – Открытие памятника чехословакам // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 3 мая.

Гефнер 2015 – *Гефнер О.В.* Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 136–139.

Дело 1918 – Приказ по 1-му Средне-Сибирскому корпусу // Дело. Иркутск, 1918. 10 сентября.

Журавлев 2015 – *Журавлев В.В.* Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 17–31.

Канский земский голос 1 – Организационный отчет по погребению в г. Канске тела погибшего в бою русского героя полковника Б.Ф.Ушакова // Канский земский голос. Канск, 1918. 3 сентября.

Канский земский голос 2 – Пред могилой Б.Ф.Ушакова // Канский земский голос. Канск, 1918. 3 сентября.

Кириллов 1928 – *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 36–68.

Колоницкий 2012 – *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.

Красильникова 2014 – *Красильникова Е.И.* Коммеративное значение массовых похорон жертв гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.

Красильникова 2017 – *Красильникова Е.И.* Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 55–59.

Красильникова 2018 – *Красильникова Е.И.* Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о гражданской войне в городах Сибири // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 57–75.

Купцов 2014 – *Купцов И.В.* Краткая история чехословацкого корпуса (К установке памятника чехословацким legionерам в 2011 году) // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции. Челябинск, 7 ноября 2014 г. Челябинск, 2014. С. 269–280.

Ларьков 2017 – *Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.

Малинова 2011 – *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3–4. С. 106–122.

Народная газета 1918 – Интересное письмо с Иркутского фронта // Народная газета. Томск, 1918. 11 июля (28 июня).

Наша мысль 1918 – К формированию Сибирской армии // Наша мысль. Томск, 1918. 27 июня.

Новиков 1999 – *Новиков П.А.* Борис Федорович Ушаков: штрихи к портре-

ту // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1999. № 6. С. 73–75.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция–память / П. Нора и др. СПб., 1999. С. 17–50.

Правительственный вестник 1919 – Телеграммы. Красноярск // Правительственный вестник. Омск, 1919. 6 июня.

Русская армия 1918 – Официальный отдел. Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России № 65 // Русская армия. Омск, 1918. 11 декабря.

Свободная Сибирь 1 – Военная прогулка // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 27 (14) июня.

Свободная Сибирь 2 – Нарышкин П.А. Память героя Генерального штаба подполковника Ушакова // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 18 (5) сентября.

Свободная Сибирь 3 – По Сибири. Чехословацкий национальный комитет о подполковнике Б.Ф. Ушакове // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 1 сентября (19 августа).

Свободная Сибирь 4 – Телеграммы. Занятие чехословаками и войсками Сибирского Временного правительства Верхнеудинска // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 24 (11) августа.

Свободная Сибирь 5 – Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 1 сентября (19 августа).

Свободная Сибирь 6 – Красноярск, 4 июня // Свободная Сибирь. Красноярск, 1919. 4 июня.

Серебренников 2003 – *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В.А. Майера. М.: АСТ; Ермак, 2003. 695 с.

Сибирская жизнь 1 – Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 6 июня.

Сибирская жизнь 2 – Томская жизнь. Панихида по подполковнику Б.Ф. Ушакову // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 27 августа.

Сибирская речь 1 – Местная жизнь. Парад войскам // Сибирская речь. Омск, 1918. 8 июня.

Сибирская речь 2 – Омск, 7 июня. 1919 г. // Сибирская речь. Омск, 1918. 7 июня.

Сибирский вестник 1 – Подробности гибели полковника Ушакова // Сибирский вестник. Омск, 1918. 7 сентября.

Сибирский вестник 2 – Проект памятника погибшему Ушакову // Сибирский вестник. Омск, 1918. 6 сентября.

Сибирский вестник 3 – Памятник воинам // Сибирский вестник. Омск, 1918. 25 октября.

Симонов 2010 – *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: НГУ, 2010. 613 с.

Уорнер 2000 – Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.

Якл 2016 – Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95.

Allied expeditionary forces in Siberia – Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985. National Archives. URL: <https://catalog.archives.gov/id/246666> (дата обращения: 15.04.2018).

REFERENCES

Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian government (May 26– November 3, 1918)]. Novosibirsk: Sova.

Voennye vedomosti. (1919) Iz mestnoy zhizni. K 25 maya [From local life. To May 25]. 31st May.

Volkov, E.V. (2007) Pamyat' o grazhdanskoj vojne i Obshchestvo russkikh veteranov v San-Frantsisko [Memory of the Civil war and the society of Russian veterans in San Francisco]. In: Narskiy, I.V. (ed.) *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. pp. 396–417.

Volkov, E.V. (2009) “*Gidra kontrrevolyutsii*”. *Beloe dvizhenie v kul'turnoy pamyati sovetskogo obshchestva* [The Hydra of Counterrevolution]. White Movement in the cultural Memory of the Soviet Society]. Chelyabinsk: Chelyabinskij Dom pechati.

Volkov, E.V. (2011) *Obrazy Oktyabrya, ego geroev i vragov na sovetskom ekrane v 1920–1930-e gody* [Images of October, his heroes and enemies on the Soviet screen in the 1920s-1930s]. In: Alevras, N.N., Grishina, N.V. & Krasnova, Yu.V. (2011) *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vekov* [History and historians in the space of national and world culture of the 18th – 21st centuries]. Chelyabinsk: Entsiklopediya. pp. 416–426.

Volkov, E.V. (2015) *Ploshchad' pavshikh revolyutsionerov: chekhoslovatskiy “myatezh” glazami sovetskogo khudozhnika* [The Square of the Fallen Revolutionaries: The Czechoslovak “rebellion” through the eyes of a Soviet artist]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918–1925 gg.)* [In the power and exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

Volya Sibiri. (1918) Otvét chekhoslovakov Vremennomu Sibirskomu pravitel'stvu [Czech answer to the Provisional Siberian Government]. 11th July.

Golos Sibirskoy armii. (1919) Polkovnik Boris Fedorovich Ushakov [Colonel Boris Fedorovich Ushakov]. 26th May.

Golos Primor'ya. (1919a) Godovshchina osvobozhdeniya vladivostokskikh grazhdan ot bol'shevistskogo iga [Anniversary of the liberation of the citizens of Vladivostok from the Bolshevik yoke]. 1st July.

Golos Primor'ya. (1919b) Prazdnik mira [Peace Holiday]. 1st July.

Golos Primor'ya. (1919c) Otkrytie pamyatnika chekhoslovakam [Opening of the monument to the Czechoslovakians]. 3rd May.

Gefner, O.V. (2015) Voennyye parady v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni gorodov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Military parades in the social and cultural life of the cities of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. "Istoricheskiye nauki" – Herald of Omsk University. Historical Studies.* 2(6). pp. 136–139.

Delo. (1918) Prikaz po 1-mu Sredne-Sibirskomu korpusu [Order on the 1st Central Siberian Corps]. 10th September.

Zhuravlev, V.V. (2015) Ponyatiye "politicheskaya kul'tura" v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Rossii [The notion of "political culture" in modern studies on the history of the Revolution and the Civil War in Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 6. Novosibirsk: Parallel'; SB RAS. pp. 17–31.

Kanskiy zemskiy golos. (1918a) Organizatsionnyy otchet po pogrebeniyu v g. Kanske tela pogibshogo v boyu russkogo geroya polkovnika B.F. Ushakova [Organizational report on the burial in Kansk of the body of the Russian hero Colonel B.F. Ushakov]. 3rd September.

Kanskiy zemskiy golos. (1918b) Pred mogiloy B.F. Ushakova [Before the tomb of B.F. Ushakov]. 3rd September.

Kirillov, A.A. (1928) Sibirskaya armiya v bor'be za osvobozhdenie [Siberian army in the struggle for liberation]. *Vol'naya Sibir'*. 4. pp. 36–68.

Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: to the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.

Krasilnikova, E.I. (2014) The commemorative significance of mass funerals held for Civil War victims in the provincial cities of Western Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2. pp. 71–75 (In Russian).

Krasilnikova, E.I. (2017) Forming the system of memorial places related to the events of revolutions and Civil War in Western Siberia (1920s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 24(1). pp. 55–59 (In Russian).

Krasilnikova, E.I. (2018) Commemoration of the confrontation: the construction of memory's loci about the Civil War in the cities of Siberia. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3 (17). pp. 57–75 (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75

Kuptsov, I.V. (2014) [A brief history of the Czechoslovak Corps (To the installation of a monument to Czechoslovak Legionnaires in 2011)]. *Gorokhovskie chteniya* [The Gorokhov Readings]. Proc. of the Fifth Regional Conference. Chelyabinsk, November 7, 2014. Chelyabinsk. pp. 269–280.

Larkov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.

Malinov, O.Yu. (2011) Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii [The theme of the past in the rhetoric of the presidents of Russia]. *Pro et Contra*. 15(3–4). pp. 106–122.

Narodnaya gazeta. (1918) Interesnoe pis'mo s Irkutskogo fronta [An interesting letter from the Irkutsk front]. 11th July.

Nasha mysl'. (1918) K formirovaniyu Sibirskoy armii [To the formation of the Siberian army]. 27th June.

Novikov, P.A. (1999) Boris Fedorovich Ushakov: shtrikhi k portretu [Boris Ushakov: Poems to the portrait]. *Belaya armiya. Belaye delo*. 6. pp. 73–75.

Nora, P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Realms of Memory]. In: Nora, P. et al. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Telegrammy. Krasnoyarsk [Telegrams. Krasnoyarsk]. 6th June.

Russkaya armiya. (1918) Ofitsial'nyy otdel. Prikaz Verkhovnogo pravatelya i Verkhovnogo glavnokomanduyushchego vsemi sukhoputnymi i morskimi silami Rossii № 65 [Official Section. Order Nr. 65 of the Supreme Ruler and Supreme Commander of all Land and Maritime Forces of Russia]. 11th December.

Svobodnaya Sibir'. (1918a) Voennaya progulka [Military Walk]. 27th June.

Svobodnaya Sibir'. (1918b) Naryshkin P.A. Pamyat' geroya General'nogo shtaba podpolkovnika Ushakova [Naryshkin P.A. Memory of the hero of the General Staff Lieutenant Colonel Ushakov]. 18th September.

Svobodnaya Sibir'. (1918c) Po Sibiri. Chekhoslovatskiy natsional'nyy komitet o podpolkovnike B.F. Ushakove [In Siberia. The Czechoslovak National Committee on Lieutenant Colonel B.F. Ushakov]. 1st September.

Svobodnaya Sibir'. (1918d) Telegrammy. Zanyatiye chekhoslovakami i voyskami Sibirskogo Vremen-nogo pravitel'stva Verkhneudinska [Telegrams. Occupation by Czechoslovakians and troops of the Siberian Provisional Government of Verkhneudinsk]. 24th August.

Svobodnaya Sibir'. (1918e) Korrespondentsiya. Kansk [Correspondence. Kansk]. 1st September.

Svobodnaya Sibir'. (1918) Krasnoyarsk, 4 iyunya [Krasnoyarsk, June 4]. 4th June.
Serebrennikov, I.I. (1918) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy otkhod* [Russian Civil War: Great retreat]. Moscow: АСТ.

Sibirskaya zhizn'. (1918a) Chekhoslovatskiy eshelon v Tomске [Czechoslovak troop train in Tomsk]. 6th June.

Sibirskaya zhizn'. (1918b) Tomskaya zhizn'. Panikhida po podpolkovniku B.F. Ushakovu [Tomsk life. Memorial service for Lieutenant Colonel B.F. Ushakov]. 27th August.

Sibirskaya rech'. (1918a) Mestnaya zhizn'. Parad voyskam [Local life. Military parade]. 8th June.

Sibirskaya rech'. (1918b) Omsk, 7 iyunya. 1919 g. [Omsk, June 7, 1919]. 7th June.

Sibirskiy vestnik. (1918a) Podrobnosti gibeli polkovnika Ushakova [Details of the death of Colonel Ushakov]. 7th September.

Sibirskiy vestnik. (1918b) Proekt pamyatnika pogibshemu Ushakovu [The project of the monument to the deceased Ushakov]. 6th September.

Sibirskiy vestnik. (1918c) Pamyatnik voynam [Monument to the soldiers]. 25th October.

Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Warner, W. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Translated from English. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Yakl, T. (2016) "To the Memory of Brothers Died in Rus'": Building the Monument for Killed Czechoslovakian Volunteers in 1918–1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95 (In Russian).

Federal Government Archives, USA. (n.d.) *Allied expeditionary forces in Siberia – Allied expeditionary forces in Siberia*. [Online] Available from: <https://catalog.archives.gov/id/24666>. (Accessed: 15th April 2018).

Конеv Кирилл Александрович – ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Kirill A. Konev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

УДК 94(437.7):438.081:437:1932/1935

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/14

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ (1932–1935 гг.)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

Раскрываются малоизученные аспекты польско-чехословацких отношений в ключе их направленности относительно Подкарпатской Руси в период 1932–1935 гг., т.е. в контексте перемещения в практическую плоскость при помощи проекта «пакта (директората) четырех» локарнской политики «подталкивания Германии на Восток». Приводится краткое историографическое освещение роли Подкарпатской Руси в исследованиях, рассматривающих международные отношения межвоенного периода. Представлены детали донесений польских военного атташе и посланника в Праге в контексте закарпатской тематики. Особое внимание уделено визиту министра Э. Бенеша в Закарпатье весной 1934 г., проходившему параллельно с посещением его польским визави Ю. Беком Бухареста, преследовавшим, среди прочего, тайную цель – разрушить Малую Антанту. Раскрыты не освещавшиеся прежде в научной литературе донесения весны 1935 г. чехословацкого посланника В. Гирсы и австрийского посланника Марека относительно польско-германских «восточных планов» и причастности к ним Венгрии в контексте Подкарпатской Руси с целью установления общей польско-венгерской границы.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, Подкарпатская Русь, 1932–1935 гг., локарнская политика «подталкивания Германии на Восток», польско-венгерская граница.

SUBCARPATHIAN RUS' IN THE FOREIGN POLICY OF POLAND AND CZECHOSLOVAKIA (1932–1935)

S.V. Morozov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The article reveals the understudied aspects of Polish-Czechoslovak relations with Subcarpathian Rus in 1932–1935 with the help of the draft of the The Four-Power Pact of the Locarno policy of "pushing Germany to the East". The author provides a brief historiographical essay on the role of Subcarpathian Rus' in the international relations during the interwar period, with the focus on the reports of the Polish military attache and envoy in Prague in the context of Transcarpathian problems. Particular attention is paid to the visit of Minister E. Beneš to Transcarpathia in the spring of 1934, held in parallel with the visit of his Polish counterpart J. Beck to Bucharest, which had a secret goal to destroy the Little Entente. The author discusses the unknown reports of the spring of 1935 by the Czechoslovak envoy V. Ghirsa and the Austrian envoy Marek concerning the Polish-German "Eastern plans" and the involvement of Hungary regarding Sub-Carpathian Rus in order to establish a common Polish-Hungarian border.

Keywords: Poland, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus', 1932–1935, Locarno policy of "pushing Germany to the East", the Polish-Hungarian border.

В нынешние непростые времена, когда российско-украинские отношения переживают период испытаний и имеют место попытки переписать заново многие страницы украинской истории, представляется целесообразным обратить внимание на Закарпатье, включенное в состав Украинской ССР после Второй мировой войны. Находясь по соседству с различными странами – Словакией, Венгрией, Польшей, Румынией, определенная часть его населения, являясь потомками русинов, до настоящего времени идентифицирует себя с этим народом. Данный регион занимает стратегически важную позицию, являясь своеобразным мостом из Восточной в Центральную Европу, и обладание им предоставляет немаловажное преимущество государству, в состав которого он входит. Поэтому неудивительно, что в межвоенный

период Подкарпатская Русь, как эта территория именовалась тогда в различных источниках и нормативно-правовых актах, занимала особое место в политике Чехословакии, в которую она тогда входила, и Польши, правящие круги которой вынашивали в отношении ее определенные планы. Нагляднее это стало проявляться в 1930-е гг., в особенности после обнародования инициативы «директората четырех» и т. н. пакта Липского – Нейрата, в связи с чем хронологические рамки статьи определены 1932–1935 гг., что, впрочем, не исключает рассмотрения краткой предыстории вопроса.

В историографии советского времени Подкарпатская Русь нередко присутствовала в исследованиях, посвященных двусторонним отношениям межвоенного периода (Кізченко 1971; Поп 1972). В 1990–2000-х гг. положение стало меняться, и к рассмотрению проблематики, связанной с ролью Подкарпатской Руси в международных отношениях между Первой и Второй мировыми войнами, к настоящему времени обращается все больше исследователей как в России (Пушкаш 2006; Суляк 2007), так и на Украине (Домбровский 2012; Трофимович, Трофимович 2018). Увидели свет и работы, связанные с исследованием Подкарпатской Руси через призму политики двух государств (Марьина 2003), в т. ч. Польши и Чехословакии (Морозов 2004). Рост исследовательской активности на данном направлении, несомненно, является свидетельством актуальности избранной нами темы.

Подкарпатская Русь, включенная в состав Чехословакии Сен-Жерменским и закрепленная Трианонским договорами, граничившая, среди прочего, с Польшей, Венгрией и Румынией и занимавшая, как было указано выше, стратегически важное положение, играла немаловажную роль во внешней политике как Варшавы, так и Праги. Отношения между этими двумя странами после обретения ими в 1918 г. независимости носили весьма непростой характер, во многом обусловленный несправедливым, по мнению польской стороны, присоединением 28 июля 1920 г. Советом послов экономически важного региона – Тешенской Силезии – к Чехословакии, а не к Польше. Холодок был характерен для двусторонних отношений, но попытки их как-то нормализовать все же предпринимались, причем в повестке переговоров в связи с симпатиями Варшавы к Будапешту постоянно присутствовала и тема Подкарпатской Руси.

В качестве некоего первого результата в 1920 г. был подписан, но так и не ратифицирован документ, получивший название «договор Кентшинского». В следующем году польский посланник в Праге Эразм Пильтц продолжил переговоры, завершившиеся подписанием очередного двустороннего документа, известного как «соглашение

Бенеша – Скимунта». Польскому министру иностранных дел К. Скимунту удалось «преодолеть в польском лагере растущую неприязнь к Чехословакии, которую было принято всюду обвинять в негативном отношении к Польше» (Kozeński 1964: 24–26). Он, наверное, утвердился в мысли, что неуступчивость чехословацкой стороны касательно восточных границ Польши могла быть объяснена той поддержкой, которую польские власти оказывали словацким автономистам, а также стремлением Варшавы включить Подкарпатскую Русь в состав Венгрии¹.

Для того чтобы установить с Прагой дружественные дипломатические отношения, главе польского внешнеполитического ведомства пришлось забыть на время о совместной польско-венгерской границе и смириться с мыслью о включении Подкарпатской Руси в состав чехословацкого государства. Заключенный им документ предполагал обоюдостороннее согласие относительно неизменности территориального статус-кво (имелась в виду и Тешенская территория). Польша брала на себя обязательство не ввязываться в подкарпатский и словацкий вопросы, а Чехословакия, соответственно, в проблему Восточной Галиции. Варшава и Прага пообещали, что на своей территории не будут содействовать военным или политическим организациям, функционирование которых могло бы угрожать целостности и безопасности, а споры между ними будут регулироваться посредством арбитража (Monitor 1921).

Польский сейм счел условия данного документа недостаточными и отказался его ратифицировать, тем не менее в обоих документах неизменно так или иначе присутствовала проблема Подкарпатской Руси. В частности, в связи с взаимными польско-венгерскими симпатиями и опасениями перед перспективой установления польско-венгерской границы за счет территории Чехословакии, т. е. земель данного региона, по преимуществу русинского в этническом отношении.

В 1925 г. политическая обстановка в Европе изменилась, что способствовало относительной нормализации отношений между Польшей и Чехословакией. Во многом это было связано с планом Дауэса, финансировавшим экономику Веймарской республики, который был предложен западными державами и принят Германией. Это свидетельствовало о подготовке экономической базы для дальнейшего политического соглашения, которое бы позволило ей приобщиться к «клубу великих держав». Смыслом этого нормативного акта должно было стать создание в европейских международных отношениях правового механизма, позволившего бы западным державам использовать 19-ю статью Устава Лиги Наций о мирной ревизии границ государств Версальской системы для подталкивания Германии на Восток

(Морозов 2016). Поскольку Чехословакия и Польша были ее членами и им в рамках будущего соглашения была отведена определенная роль, то этим странам следовало в срочном порядке урегулировать двусторонние отношения.

В результате длительной предварительной работы, проделанной чехословацким посланником Р. Флидером, в Варшаву 20 апреля 1925 г. прибыл министр Э. Бенеш. Начались переговоры. Уже через три дня были завизированы арбитражное и хозяйственное соглашения, а также конвенция (т. н. ликвидационное, т. е. устранявшее споры, соглашение), которая регулировала положение польского меньшинства в Тешенской Силезии. Эти документы, в отличие от двух предыдущих, были ратифицированы на заседании сейма 30 июля 1925 г. и начали действовать на практике (Kutrzeba 1925: 175). Поскольку закарпатская тема для обеих сторон была своеобразным табу (правда, по диаметрально противоположным причинам), то она была оставлена для будущих соглашений.

Тем самым правовая основа для участия Польши и Чехословакии в локарнской схеме, составленной в кулуарных салонах великих держав, была подготовлена, и обе страны оказались в ней задействованы, среди прочего, и путем заключения арбитражных договоров с Германией. Поскольку в двусторонних документах и Прага, и Варшава, как было отмечено выше, обошли молчанием закарпатскую тему, ибо в ней незримо присутствовал венгерский аспект, то она постепенно стала приобретать черты закамуфлированного взрывного механизма, которому предстояло сдетонировать в определенный день и час.

Упоминания о закарпатских землях в документах того времени крайне немногочисленны и носят косвенный характер. Например, тема Подкарпатской Руси в том или ином ракурсе присутствовала в донесениях польской разведки. В частности, обзор наиважнейших моментов внутренней политики Чехословакии в 1932 г., по оценке польских аналитиков, свидетельствовал о росте центробежных сил. В особенности это касалось Словакии, Подкарпатской Руси и немецкого населения. В варшавском МИДе считали, что «как во внутренней, так и во внешней политике [чехословацкого] государства и экономике проявляются растущие трудности» (РГВА: Ф. 308к. Оп. 19. Д. 515. Л. 78).

Некий подкарпатский момент присутствовал и во время попытки чехословацких военных кругов установить предварительный контакт с польскими дипломатами зимой – весной 1932 г. Польский военный атташе в Праге подполковник Червиньский сообщал 11 января 1932 г., что недавно назначенный на должность заместителя чехословацкого Генерального штаба генерал Прхала неоднократно затрагивал возможные перспективы польско-чехословацкого воен-

ного сотрудничества в беседах с польским генеральным консулом в Ужгороде Свежбиньским². «Подкарпатский момент» заключался в том, что генерал Прхала в течение длительного времени занимал должность командира пехотной дивизии в Ужгороде. Червиньский, комментируя эти беседы, указывал на факт доверительных отношений Прхалы с главой пражского МИДа Э. Бенешем, который, будучи осведомленным о длительном знакомстве чехословацкого генерала с польским дипломатом, «пытался запустить пробный шар» (АВПРИ: Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. К. 32–33).

Не забывали о Подкарпатской Руси и польские дипломаты в своих донесениях из чехословацкой столицы. Вот как оценивал позиции Праги посланник Вацлав Гжибовский в итоговом докладе «Чехословакия в 1933 г.»³ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 78–89). Первая часть этого документа была посвящена внешней политике. Для нее, по мнению Гжибовского, было характерно отсутствие политического реализма, т. к. ее идеология покоилась на прошлом (Версаль, пункты Вильсона и т. д.), не учитывала надлежащим образом современные реалии, в частности приход Гитлера к власти в Германии. В связи с ревизионистскими заявлениями рейхсканцлера Прага пыталась найти политическую опору во Франции, а также в Польше, к которой она обращалась в течение года с предложениями о сотрудничестве. Но поскольку ЧСР встретила холодный прием с польской стороны, ей ничего не осталось, как держаться в тени политики Франции (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 79–80).

Вторая часть доклада была посвящена состоянию экономики ЧСР. Гжибовский особо отметил спад чехословацкого экспорта на 71 % по сравнению с 1929 г., но от его внимания не ускользнуло, что к концу года ситуация стала улучшаться и показатели изменились к лучшему⁴. Он также подчеркнул продовольственную независимость страны и увеличение производства зерна (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 81–84).

Третий раздел охватывал сферу внутренней политики, в которой была отмечена диктатура правящих партий, при помощи чрезвычайного законодательства подавивших проявления сепаратизма немцев, проблема которого вышла в 1933 г. на первый план. Вторым по степени важности Гжибовский считал вопрос о венгерском меньшинстве и давлении, оказываемом на него. В связи с политической жизнью Подкарпатской Руси отмечалась кончина популярного губернатора Антония Бескида, на смену которому пришел Стефан Фенцик. Он и его сторонники создавали партию «Голос Закарпатья», деятельность которой была направлена на обеспечение реальной автономии⁵ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 85–87).

Посланник Гжибовский верно отметил обеспокоенность Праги относительно растущей угрозы ревизии границ после прихода к власти Гитлера, но не меньшей тревогой в связи с той же повесткой была охвачена и Варшава. Тем более что правовым инструментом для ее реализации должен был стать проект «пакта (директората) четырех», обнародованный в марте и подписанный в июле 1933 г. Именно ему предстояло стать арбитром на международной арене в вопросе изменения границ Польши и Чехословакии в пользу Германии на основе арбитражных договоров, подписанных ими в 1925 г. в Локарно. Однако Польша, в отличие от Чехословакии, заручившейся устной гарантией Франции, избрала сомнительный путь шантажа Гитлера, заставив последнего включить ее в свои «восточные планы», дабы упрочить свой тыл установлением общей границы с Венгрией за счет Подкарпатской Руси, входившей в состав ЧСР.

Начало 1934 г. было ознаменовано изменением политической обстановки в международных отношениях к худшему, в частности, в связи с подписанием 26 января т. н. пакта Липского – Нейрата, ознаменовавшего установление прогерманской ориентации Варшавы, которую многие наблюдатели связывали с ростом военной угрозы и активизацией польской внешней политики.

В начале мая 1934 г. Прага была вынуждена в срочном порядке ответить действием на неожиданный ход Варшавы – поездку главы польского МИДа Юзефа Бека в Бухарест. Поскольку министру иностранных дел Франции Луи Барту в апреле было заявлено в Варшаве, что Польшу не интересует Малая Антанта, то визит польского министра в столицу Румынии вызвал в Праге значительную обеспокоенность. Действия Бека противоречили его высказываниям, сделанным для Барту, и их можно было рассматривать как попытку отколоть Румынию от Малой Антанты, прикрытую вежливой улыбкой в адрес Кэ д'Орсэ⁶. Вполне естественно, что министр Бенеш воспринял это как вызов и должен был на него ответить. С этой целью он предпринял срочную поездку в Подкарпатскую Русь, находился там все время, пока Бек пребывал в Бухаресте, и произносил речи о стремлении руководства страны сохранить ее целостность и не допустить раскола⁷ (АВПРИ: Ф. 15. Оп. 1. Д. 85. К. 64–65).

Бенеш стал более внимательно следить за действиями своего польского коллеги и серьезнее к ним относиться после своей беседы с министром Барту. Умудренный житейским и политическим опытом, Барту, разменявший восьмой десяток лет, к тому же историк по образованию, не мог не поделиться с Бенешем, с которым был знаком еще со времен Первой мировой войны, глубоким впечатлением от встречи с Пилсудским. Затронув в беседе с маршалом широкий круг вопросов

и ощутив его горячее желание вернуть Польше былое величие, он без труда понял, что одним из путей, ведущих польское руководство к великодержавному статусу, является установление общей польско-венгерской границы, которая может стать реальностью лишь в случае отчуждения у чехов Закарпатья.

Министр иностранных дел Чехословакии сразу понял истинный мотив бухарестского вояжа Бека: для того чтобы установить общую польско-венгерскую границу, ему необходимо разрушить Чехословакию, а в качестве предварительного шага – развалить Малую Антанту. Румыния была избрана Вежбовой⁸ в качестве того самого слабого звена, с которого следовало начать расшатывание этой не отличавшейся особой прочностью постройки. Своим прибытием в Подкарпатскую Русь и выступлениями с речами о решимости чехословацкого руководства сохранить единство страны Бенеш дал понять Беку, находившемуся в Бухаресте, что ему известны его тайные замыслы и он не приемлет их. Бек в долгу перед Бенешем не остался и, вернувшись из Бухареста, дал указание польской делегации сорвать переговоры об открытии авиационной линии Прага – Москва, что и было исполнено (ВПЧ 1959: 320).

Донесение чехословацкого посланника в польской столице Вацлава Гирсы от 11 июня 1934 г. подтвердило тот факт, что поездка Бенеша в Подкарпатскую Русь в первой декаде мая не была случайной – в Варшаве всерьез заинтересовались венгерским направлением. Гирса делился подозрениями о по-прежнему враждебном отношении Польши и Венгрии к Малой Антанте. В польской столице начали мусироваться слухи о том, что Венгрия должна была напасть на Югославию, а Польша – на Чехословакию. После женевских переговоров и позитивной реакции польского общественного мнения на их результаты Гирса сообщил в рапорте, что нормализация отношений Малой Антанты с Советским Союзом вызвала замешательство в польском лагере, т. к. здесь такая возможность исключалась. В какой-то мере допускалась возможность нормализации отношений СССР с Румынией, но не с целым блоком. Теперь же возникала реальная угроза стремлению Варшавы установить гегемонию в Центральной Европе. В результате нормализации связей с Советским Союзом Чехословакия получила серьезный козырь в отношениях с Третьим рейхом и, по мнению посланника, сорвала польские планы в отношении Словакии и Подкарпатской Руси (Kozieński 1964: 146).

В течение 1934 – весны 1935 г. угроза развязывания войны значительно возросла, и ситуация в польско-чехословацких отношениях усугубилась. Уверенность и последовательность, с которыми действовали функционеры с Вильгельм-штрассе⁹ и Вежбовой в надежде

на реализацию в скором будущем своих совместных «восточных планов» (Морозов 2017: 124–226), не замедлили принести результаты. В начале 1935 г. Вацлав Гирса провел скрупулезный анализ и оценку взглядов польского общества на конфликтную ситуацию в польско-чехословацких отношениях. В январе 1935 г. он сообщал в Прагу, что в Польше под влиянием официальной античехословацкой кампании совершенно открыто говорят о том, что «дело дойдет до военного конфликта между Польшей и Чехословакией» (ВПЧ 1959: 371). Гирса упоминал о недобрых намерениях Пилсудского в отношении Чехословакии: их следует принимать во внимание с учетом богатой фантазии маршала, которая могла продиктовать ему все что угодно. Ходили слухи о возможном вооруженном конфликте между Венгрией и Чехословакией, в котором Польше следует принять участие на стороне Венгрии, чтобы отблагодарить ее за помощь, оказанную в 1920 г. в период польско-советской войны. Ее миссия заключалась бы в том, чтобы, заняв Подкарпатскую Русь, передать его впоследствии Венгрии, гарантировав, таким образом, общую польско-венгерскую границу. Среди прочего к Гирсе также поступили сведения и о якобы приближающемся моменте решения вопроса о принадлежности Тешенской Силезии, Спиша и Оравы, который с некоторых пор в Варшаве принято было связывать со временем после решения проблемы Саара. В частности, высказывалось мнение, что для захвата Тешенского района, Оравы и Спиша достаточно будет сил одной польской дивизии. Гирса отмечал, что доминирует взгляд, в соответствии с которым вооруженный конфликт между Польшей и Чехословакией неизбежен (Kozieński 1964: 156–157).

К весне 1935 г. тайное взаимодействие Вежбовой и Вильгельмштрассе касательно «восточного направления» усилилось в такой степени, что некоторые европейские дипломаты начали о нем ставить в известность вышестоящее начальство. Так, например, поступил австрийский посланник Марек, который отправил из Праги своему шефу в Вену документ под названием «Гитлеровская система (конец марта 1935)»¹⁰, где был и эпизод, касавшийся внешней политики Берлина: «Розенберг с Герингом заявляют о твердой позиции Польши, что она обеспечит поражение русского и литовского военного противодействия». Имелось в нем и свидетельство об участии в данных прожектах Страны восходящего солнца: «Деятельное воздействие Японии и последовательное участие Германии обеспечат отделение Украины от России». К завершающему периоду германо-польского взаимодействия имели определенную причастность Венгрия и данцигский вопрос: «Проведение данной комбинации обеспечит взаимодействие Венгрии и Польши касательно Подкарпатской Руси, имея молчаливую

поддержку со стороны Берлина. Варшава утверждает, что в случае обоюдного добросовестного выполнения обязательств она не возражает против возвращения Данцига и линии соединения с Восточной Пруссией»¹¹ (НАИРИ РАН: Ф. 18-Ж. Д. 39. Л. 46–49).

Таким образом, в период 1932 – 1935 гг. Подкарпатская Русь неизменно присутствовала во внешней политике Польши и Чехословакии в различных политических ракурсах. Если пражское руководство было озабочено проблемой тамошнего сепаратизма, то в Варшаве эта территория рассматривалась как своеобразный мост для будущего сотрудничества с Будапештом с целью установления общей польско-венгерской границы в процессе реализации совместных с гитлеровской Германией «восточных планов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В польской историографии 1930–1950-х гг. встречались утверждения, что чехословацкий президент Т. Масарик и глава МИД Э. Бенеш собирались в 1920 г. выразить готовность советскому представителю Мостовцеву уступить Подкарпатскую Русь с Ужгородом в случае занятия Советской Россией Восточной Галиции (Łurasewicz 1936: 35; Diamond 1947: 192; Pobóg-Malinowski 1956: 302).

2. Военный атташе Червиньский – начальнику II отдела Главного штаба Войска Польского (ВП) из Праги от 11.01.1932 г.

3. Донесение посланника В. Гжибовского в варшавский МИД от 14.03.1934 г.

4. В частности, это позволило в начале 1934 г. заключить экономический пакт Малой Антанты, что стало очередным шагом, направленным на усиление внутренних экономических связей входивших в нее государств. В дальнейшем в сферу влияния этого объединения планировалось вовлечь Австрию и Венгрию (Поп 1972: 17).

5. На самом деле губернатором Фенцик не стал, т. к. как на этом посту его сменил К. Грабарь. По-видимому, имелось в виду политическое руководство части русофилов. Партии под названием «Голос Закарпатья» также не существовало, поскольку он основал Русскую национально-автономную народную партию. Однако он издавал газету «Карпаторусский голос»; вероятнее всего, именно она подразумевается в документе.

6. Улица в Париже, где в то время располагался МИД Франции.

7. Донесение польского поверенного в делах в Вене Гавроньского в варшавский МИД от 5.05.1934 г.

8. Улица в Варшаве, где в особняке Брюля располагался МИД Польши.

9. Улица в Берлине, где располагался гитлеровский МИД.

10. Этот доклад был подготовлен на основе данных, полученных Марекон

через посредника от доктора Отто Штрассера. Его брат Грегори, занимавший высокий пост в СА, был уничтожен гитлеровцами в «ночь длинных ножей». О. Штрассер, долгое время возглавлявший партию «Союз революционных национал-социалистов» и прозванный Гитлером «салонным большевиком», был вынужден покинуть Германию и осесть в Праге (ЭТР 1996: 539–540; Залесский 2002: 777).

11. Донесение посланника Марека бундесминистру. Прага, 1.04.1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

ВПЧ 1959 – Внешняя политика Чехословакии 1918–1939: сб. ст. / Под ред. В. Союка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.

Домбровський 2012 – *Домбровський Д.* Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 392 с.

Залесский 2002 – *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе. М.: АСТ, 2002. 944 с.

Кізченко 1971 – *Кізченко А.Ф.* Напередодні трагедії. З історії зовнішньої політики Чехословаччини (травень 1935 – березень 1939 рр.). Київ: Вид-во Київського держуніверситету, 1971. 249 с.

Марына 2003 – *Марына В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Морозов 2004 – *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.

Морозов 2016 – *Морозов С.В.* К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–89. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1482 (дата обращения: 10.10.2018).

Морозов 2017 – *Морозов С.В.* «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М.: Междунар. отношения, 2017. 592 с.

НАИРИ РАН – Научный архив Института российской истории РАН.

Поп 1972 – *Поп И.И.* Чехословацко-венгерские отношения. 1935–1939. М.: Наука, 1972. 247 с.

Пушкеш 2006 – *Пушкеш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Суляк 2007 – *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Трофимович, Трофимович 2018 – *Трофимович В.В., Трофимович Л.В.* Вопрос Подкарпатской Руси во внешнеполитических расчетах Польши (октябрь 1938 г. – март 1939 г.) // Русин. 2018. № 2 (52). С. 309–328.

ЭТР 1996 – Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид, Миф, 1996. 592 с.

Diamond 1947 – *Diamond W.* Czechoslovakia between East and West. London: Stevens and Sons, 1947. 258 p.

Kozeński 1964 – *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932 – 1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.

Kutrzeba 1925 – *Kutrzeba St.* Traktat tzw. likwidacyjny Polski z Czechosłowacją // Przegląd współczesny. 1925. T. 15. S. 175–192.

Łypacewicz 1936 – *Łypacewicz W.* Stosunki polsko-czeskie. Warszawa: Nakładem Polskiego Instytutu Współpracy z Zagranicą, 1936. 61 s.

Monitor 1921 – Monitor Polski. 9.11.1921.

Pobóg-Malinowski 1956 – *Pobóg-Malinowski Wł.* Najnowsza historia polityczna Polski 1864 – 1945. T. 2. Cz. 1. Londyn: Świderski, 1956. 665 s.

REFERENCES

The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 2. List 1. File 32. Soyak, V. (1959) *Vneshnyaya politika Chekhoslovakii 1918–1939* [Foreign Policy of Czechoslovakia in 1918–1939]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

Dombrovskiy, D. (2012) *Pol'shcha i Zakarpattya: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora.

Zaleskii, K.A. (2002) *Kto byl kto v Tret'yem reykh* [Who was who in the Third Reich]. Moscow: AST.

Kizchenko, A.F. (1971) *Naperedodni tragedii. Z istorii zovnishn'oi politiki Chekhoslovachchiny (traven' 1935 – berezen' 1939 rr.)* [The eve of the tragedy. From the history of Czechoslovakia's foreign policy (May 1935 – March 1939)]. Kyiv: Vid-vo Kiivs'kogo derzhuniversitetu.

Marina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Beneš and Stalin]. Moscow: Novyy khronograf.

Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politiko "ravnodalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of "equidistance" by Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.

Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for "pushing" Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/14

Morozov, S.V. (2017) "Varshavskaya melodiya" dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii*,

Il otдела Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939) ["Warsaw Melody" for Moscow and Prague. Documents from I.V. Stalin's personal archive, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Department II of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Fund 18-RH. File 39.

Pop, I.I. (1972) *Chekhoslovatsko-vengerskie otnosheniya. 1935–1939* [Czechoslovak-Hungarian relations. 1935–1939]. Moscow: Nauka.

Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

The Russian State Military Archive. Fund 308k. List 19. File 515.

Sulyak, S. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29–56.

Trofimovich, V.V. & Trofimovich, L.V. (2018) Questions about Subcarpathian Rus in foreign policy calculations of Poland (October 1938 – March 1939). *Rusin*. 2 (52). pp. 309–328 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/52/21

Voropayev, S. & Egazarov, A. (eds) (1996) *Entsiklopediya Tret'yego reykh* [The Encyclopedia of the Third Reich]. Moscow: Lokid, Mif.

Diamond, W. (1947) *Czechoslovakia between East and West*. London: Stevens and Sons.

Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932 – 1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in the years 1932 - 1938]. Poznań: Instytut Zachodni.

Kutrzeba, St. (1925) Traktat tzw. likwidacyjny Polski z Czechosłowacją [The so-called liquidation of Poland and Czechoslovakia]. *Przegląd współczesny*. 15. Vol. 175–192.

Łypacewicz, W. (1936) *Stosunki polsko-czeskie* [Polish-Czech relations]. Warsaw: Nakładem Polskiego Instytutu Współpracy z Zagranicą.

Monitor Polski. (1921) 9th November.

Pobóg-Malinowski, Wł. (1956) *Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945* [The newest political history of Poland 1864–1945]. Vol. 2. London: Świderski.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru

УДК 94(47)"1941/1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/15

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ПОДАРКОВ В МОЛДАВСКОЙ ССР (1944–1945 гг.)

Е.Д. Твердюкова

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., 7/9
E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru

Авторское резюме

В статье освещаются вопросы распределения гуманитарной помощи, собиравшейся в годы Второй мировой войны для советских граждан американским Обществом помощи России в войне и Национальным отделением Красного Креста. На основе документальных источников (в т.ч. числе из фондов Государственного архива Российской Федерации) показано, что при раздаче американских подарков имели место масштабные злоупотребления. Бóльшую и лучшую часть одежды и обуви, необходимых населению Молдавии, получали представители партийно-хозяйственной номенклатуры. Многие из них не обладали высоким материальным достатком, но имели дополнительные возможности для снабжения (прежде всего, за счет трофейного имущества и т. н. промтоварных лимитов). Излишки одежды и обуви шли на перепродажу и реализовывались по спекулятивным ценам на городских рынках. Вещи попадали к спекулянтам также в результате расхищения на складах и бесхозяйственности лиц, ответственных за хранение. Виновные в злоупотреблениях, как правило, подвергались дисциплинарной ответственности. Проведенное исследование показывает, однако, что указанные проблемы были характерны и для других регионов страны. Это позволяет ставить вопрос о складывании системы коррупционных связей в СССР в конце войны.

Ключевые слова: Молдавская ССР, Великая Отечественная война, американские подарки, гуманитарная помощь, злоупотребления.

ABUSES IN DISTRIBUTION OF AMERICAN GIFTS IN THE MOLDAVIAN SSR (1944–1945)

E.D. Tverdyukova

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru

Abstract

The article covers the distribution of the humanitarian aid collected during the Second World War for Soviet citizens by the American Society for Assistance to Russia in War and the National Section of the Red Cross. The documentary sources (including funds of the State Archive of the Russian Federation) shown there were large-scale abuses in the distribution of American gifts. Representatives of the party and economic nomenclature received most of the best and best clothes and footwear needed by the Moldovan population. Though not wealthy, many of them had additional opportunities for supply (mainly, due to trophy property and so-called manufactured goods limits). Surplus of clothes and shoes were sold for resale often at speculative prices in city markets. Things came to the speculators also as a result of plundering in warehouses and mismanagement of persons responsible for storage. Perpetrators of abuse, as a rule, were subject to disciplinary responsibility. The study shows, however, that these problems were typical for other regions of the country. This allows raising the question of the consolidation of the system of corruption ties in the USSR at the end of the war.

Keywords: Moldavian SSR, Great Patriotic War, American gifts, humanitarian aid, abuse.

В памяти многих жителей СССР, сумевших пережить непростые годы Великой Отечественной войны, остались американские подарки. Сбором их занималось по большей части Общество помощи России в войне (Russian War Relief, РУР), которое в 1941 – первой половине 1946 г. смогло отправить в Советский Союз грузов на сумму свыше 60 556 млн долл. (Поздняков 1992: 54). В отличие от Американского Национального Красного Креста, в поставках которого на протяжении всей войны преобладали лекарства и медикаменты, общество направляло в СССР в первую очередь бытовые комплекты неотложной помощи (household emergency kits). К 1943 г. число региональных и городских его филиалов превысило 400, волонтеры собрали для советских граждан одежды и обуви на сумму более 9 млн 626 тыс.

долл. общим весом 8 млн 938 тыс. фунтов (Васин, Велембовская 2013: 93–94). На специальных пунктах проводились приемка и сортировка вещей. Когда возникли трудности с приобретением на внутреннем рынке США необходимых товаров, члены РУР обратились к простым американцам с призывом поделиться одеждой с русским союзником.

С начала 1944 г. общество полностью переориентировалось на помощь гражданскому населению СССР, в связи с чем была создана сеть собственных предприятий по производству одежды и предметов домашнего обихода. По линии общества с момента его основания до 1 августа 1945 г. в Советский Союз поступило товаров на сумму 42 млн 648 тыс. долл., в том числе 708 тыс. единиц верхней одежды (на сумму 8 400 тыс. долл.), 170 тыс. костюмов и пиджаков (на 2 500 тыс. долл.), 980 тыс. пар обуви (на 2 млн долл.), белья и носильных вещей (на 15 500 тыс. долл.) (Васин, Велембовская 2013: 97).

Всего в виде американских подарков за годы войны в СССР поступило 71,7 т изделий, в том числе 25,9 млн единиц одежды, 1,6 млн пар обуви, более 1 млн одеял (РГАЭ: 281). Но зачастую эти необходимые обнищавшему населению вещи присваивались людьми, имевшими доступ к распределению американских подарков, а затем нередко попадали и на барахолки, где «мордастые молодайки крикливо рекламировали новейший товар: грубо-добротные робы, плащи и комбинезоны из американских посылок частной помощи. Предназначались они рабочим, но, как полагается, оказались в руках спекулянтов» (Нагибин 1991: 221).

Архивные документы свидетельствуют, что описанная ситуация являлась типичной для всех регионов страны, в том числе для разоренной войной Молдавии. Положение местных жителей после разгрома немецко-румынских войск без преувеличения можно назвать бедственным. В годы оккупации в Румынию вывозилось не только продовольствие, но и промышленные товары и дефицитное сырье (например, кожевенное), при том что потребности городского населения в 1942 г. были удовлетворены на 7 %, а в 1943 г. – на 4,37 % (Суляк 2015: 86). Под видом «румынизации» торговли в Молдавию хлынули тысячи мелких спекулянтов. В одной из записок секретной службы информации в Бухарест сообщалось, что «все города и местечки кишат спекулянтами, прибывшими из Старого королевства... которые в своем стремлении нажиться и быстро разбогатеть не брезгают никакими средствами» (Бабилунга, Бомешко 1994: 15). Это способствовало вымыванию товаров из оборота.

В 1944–1945 гг. Молдавия получила из бюджета СССР 448 млн руб. В эти годы в республику поступило оборудование 22 крупных предприятий, монтаж и установку которого выполняли рабочие из

России. Тем не менее в 1945 г. производство верхнего трикотажа составляло только 36 %, кожаной обуви – 46 % от уровня 1940 г. (История 2001: 240).

Для быстрого обеспечения населения обувью и одеждой было предпринято восстановление кожевенных заводов, мастерских индивидуального пошива в Кишиневе, Тирасполе, Бендерах и Оргееве, обувной, прядильно-ткацкой и меховой фабрик в Кишиневе. Уже к августу 1944 г. вступили в строй 32 промкомбината, объединивших десятки портновских, сапожных, слесарных и других мастерских, выпускавших до 50 видов товаров широкого потребления из местного сырья (Наладить учет 1944). Однако объем произведенной ими продукции составил только 43,8 % от плана (Больше товаров 1945).

С учетом массовой реэвакуации с осени 1944 г. ситуация с потребительскими товарами в Молдавии сложилась катастрофическая. Поэтому практически сразу на освобожденную от немецко-румынских войск территорию республики начала поступать американская гуманитарная помощь (25 вагонов). Но действительно нуждавшиеся в ней жители смогли получить только малую ее часть. Например, в Бендерском уезде многим гражданам, вернувшимся из концлагерей и оказавшимся без дома и какого бы то ни было имущества, выдавалось по 2–3 вещи. Дубоссарский отдел государственного обеспечения выделил одежду и обувь только 68 детям-сиротам (Государственная помощь 1945). Рабочие восстанавливавшихся фабрик, члены семей военнослужащих, инвалиды войны (в особенности проживавшие вне столицы республики) получили по 1–2 предмета. Например, работникам Кишиневской фабрики индпошива (174 чел.) с сентября 1944 г. по 13 февраля 1945 г. было выдано для распределения среди членов коллектива лишь 40 вещей. В то же время 40 сотрудников аппарата Совета народных комиссаров Молдавской ССР в августе 1944 г. и в январе 1945 г. получили каждый более чем по 12 американских подарков, в том числе 21 работник – по 20–25 и более предметов.

Необходимо отметить, что к тому времени активно шло формирование республиканской администрации, органов планирования, финансов, промышленности. Еще 12 июля 1944 г. ЦК ВКП(б) направил КП(б) Молдавии список должностей, включенных в номенклатуру ЦК. Большая их часть перебрасывалась из других регионов страны. К 1 января 1947 г. на ведущие посты были назначены 1682 чел., из которых лишь 4,9 % являлись молдаванами (История 2001: 248). Приезжие не обладали высоким материальным достатком. Отчасти поэтому сотрудникам правительства республики, Верховного Совета, ЦК КП(б)М и ВЛКСМ выделялись наиболее ценные и новые вещи, а они активно пользовались служебным положением для самоснабжения.

В августе 1944 г. СНК Молдавской ССР при штатной численности 110 сотрудников получили 944 вещи, а Наркомату легкой промышленности (вместе с подчиненными ему предприятиями) досталось всего 200 предметов, Наркомату пищевой промышленности – 320, Наркомату лесного хозяйства (вместе с леспромхозом и лесозаводами) – 190. Только СНК, ЦК, Президиуму Верховного Совета, ЦК ВЛКСМ Молдавии в августе 1944 г. было выделено 10,3 % всех мужских пальто, поступивших в республику, 19,4 % свитеров, 27,4 % пиджаков, 21,5 % брюк, 14,8 % нижнего белья (ГАРФ 2: 19).

В феврале 1945 г. эта неравномерность еще более усилилась: СНК Молдавской ССР на 150 сотрудников получил 1 тыс. вещей, ЦК КП(б) Молдавии на 780 сотрудников – 3 тыс., Верховный Совет на 25 чел. – 300, ЦК ВЛКСМ на 250 сотрудников – 1,5 тыс. А Наркомат здравоохранения, например, на 2 155 чел. – 1 556 предметов одежды, Наркомат мясомолочной промышленности на 1 998 чел. – 440. Наименее обеспеченными оказались работники Наркомата лесного хозяйства – на 2 160 чел. было выделено только 250 вещей (ГАРФ 2: 20).

Занимавшим номенклатурные должности и их женам была предоставлена возможность предварительного отбора. Комиссия по распределению принимала их индивидуальные заявления на выдачу, причем эта практика была широко распространена. С 18 октября 1944 г. по 7 февраля 1945 г. в таком порядке 199 чел. получили возможность отобрать для себя около 1 600 единиц одежды и обуви (ГАРФ 2: 23).

Конечно, подобные злоупотребления были характерны не только для руководства Молдавской республики. Ю. Нагибин, женившийся в конце войны на дочери директора крупнейшего автозавода И.А. Лихачева, описывал коммерческую деятельность своей тещи, которая вместе с товарками – супругами аппаратчиков разного уровня – по звонку «мчались расхищать» гуманитарную помощь. В результате такого предварительного отбора в руки ответственных работников попадали лучшие вещи, ведь качество и сохранность многих «презентов», по свидетельству писателя, были очень низки: «До сих пор не могу взять в толк, почему американские рабочие – наши союзники в смертельной схватке облекали свою помощь братьям по классу в такую паскудную форму. Они же не могли знать (и никогда бы этому не поверили), что их ношеное, грязное, заскорузлое тряпье проходит фильтрацию у привилегированных дам и лишь остатки попадают станочникам, сборщикам, разнорабочим. С души воротило при мысли, что эти ухоженные, разодетые, раздушенные дамы роются в слипшемся барахле, случалось – собственными глазами видел – со следами крови, сукровицы, жира; вылинявшие от пота в проймах рубашки

сосуществовали с желто-муаровыми в паху джинсами, опорками на сношенных каблуках, дамскими туфельками без подметки, куртки из кожзаменителя на истершемся до мездры мехе, галстуки, превратившиеся в веревочку, дырявое, как дробью побитое, белье, комбинации без бретелек, сально-грязные лифчики. Никому не пришло на ум хотя бы простирнуть подарок, отправляемый соратникам через тысячи-тысячи верст. А ведь я сужу по тем сливкам, которые снимала с щедрых заморских даров Татьяна Алексеевна, что же доставалось самому гегемону?» (Нагибин 2004: 27).

При этом из квартала в квартал самая лучшая часть товаров отправлялась на спецбазу молдавского Наркомторга для снабжения руководящих работников в пределах промтоварных лимитов. Только в четвертом квартале 1944 г. им было отпущено 20 % резиновой обуви от квартального фонда республики, 23,9 % шерстяных тканей, 13 % шелковых; в первом квартале 1945 г. – 57,4 % шелковых тканей и 27,5 % кожаной обуви (ГАРФ 2: 4).

Руководство республики пользовалось также возможностью поправить свое материальное положение за счет вывоза вещей с территории Румынии. В частности, в сентябре 1944 г. исполнявший обязанности первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии Н.Л. Салогор командировал за границу для приобретения мебели сотрудников военного и транспортного отдела ЦК. Они провели около полутора месяцев в районе Ясс, вывозя предметы домашней обстановки из так называемый «бросовых» (выморочных) домов. Заодно с мебелью собирали музыкальные инструменты, ванны и колонки к ним, порой непригодные к использованию, матовые дверные стекла, матрасы и даже семейные портреты в рамках: всего 45 вагонов, из которых 12 автомашин было завезено председателю СНК Молдавской ССР Т.А. Константинову (Твердюкова 2015: 263).

Неудивительно, что подобное самоснабжение позволяло ответственным работникам и лицам, к ним приближенным, не только существенно пополнять гардероб, но и выгодно перепродавать иностранный ширпотреб. Как указывал член Верховного суда Молдавской ССР М. Дзидзоев, к концу войны центральный рынок Кишинева перешел в руки группы спекулянтов, которые устанавливали свои порядки и цены, считая себя полными хозяевами (Дзидзоев 1945). На барахолках появилось множество американских вещей, продававшихся из-под полы по спекулятивным ценам. Только 17–18 февраля 1945 г., по сообщению начальника кишиневского городского отдела милиции Мельникова, на рынках города было задержано 14 лиц, пытавшихся втридорога реализовать одежду заокеанского производства. Среди них – члены семей заведующего сельскохозяйственным отделом

редакции газеты «Советская Молдавия», начальника отдела уполномоченного республиканского Наркомата связи (являвшегося членом комиссии по распределению подарков), столяра совпартшколы, повара столовой ЦК КП(б) Молдавии (ГАРФ 2: 23). 27 февраля 1945 г. среди пяти задержанных за спекуляцию вещами американского производства на одном из рынков молдавской столицы оказалась некто Меджибовская, продававшая мужское кожаное пальто за 20 тыс. руб. Необходимо пояснить, что в конце войны такие пальто стали выступать своеобразным социальным маркером. Как отмечает Н.Б. Лебина, именно по американским макинтошам из светло-коричневой кожи можно было узнать работников наркоматов (Лебина 2015: 161). Задержанная Меджибовская на допросе показала, что получила пальто от жены заместителя председателя Совнаркома республики. По ее словам, столь вожеленный для многих предмет гардероба оказался настолько велик своему владельцу, что было принято решение о реализации его на рынке. Однако сотрудников правоохранительных органов смутил не сам факт перепродажи, а разница в стоимости: ответственному работнику пальто досталось всего за 1 500 руб. (ГАРФ 2: 34).

Справедливости ради надо сказать, что подобные злоупотребления встречались повсеместно. Например, схожая ситуация наблюдалась и в Белоруссии, также разоренной немецкой оккупацией. Подарки из-за границы стали поступать на центральную базу Красного Креста с октября 1944 г. (сначала 20 вагонов, потом еще 30). Руководящим работникам вещи раздавались безо всякого учета со склада, где для их нужд было выделено отдельное помещение. Только за октябрь 1944 г. по запискам и даже устным распоряжениям республиканского руководства было роздано 3 134 вещи. Нередко склад посещала и супруга председателя Президиума Верховного Совета БССР Н.Я. Наталевича, отобравшая для себя в общей сложности свыше полутора сотен предметов и около 150 м ткани под предлогом неудовлетворительного материального положения своей семьи. При этом сотрудники Наркомата госконтроля обнаружили в ЦК «Красный Крест» 413 заявлений бывших партизан, инвалидов войны, детей-сирот с просьбами о помощи, 210 из которых даже не были зарегистрированы. По постановлению Совнаркома БССР в области республики были отправлены 115 тыс. предметов одежды и обуви со строгим указанием оставить в областных городах 5 % из них, в районных центрах – 10 %, оставшиеся вещи доставить в сельскую местность (Жирнов 2010: 64).

В Киришском районе Ленинградской области весной 1945 г., как выяснил районный прокурор Иванищев, «самыми нуждающимися» в подарках оказались директор леспромхоза, парторг, другие служа-

щие управленческого аппарата, а также председатель райисполкома. Часть подарков была присвоена заместителем начальника отдела гособеспечения райисполкома. Однако райком партии, в который обратился прокурор с материалами проверки, постановил виновных к ответственности не привлекать, ограничившись выговором по партийной линии и обязанностью вернуть подарки. Когда Иванищев через областную прокуратуру добился привлечения чиновников к судебной ответственности, райком инициировал снятие его с должности (Говоров 2011: 76).

Самоснабжение номенклатуры не являлось единственным препятствием для обеспечения необходимыми вещами жителей Молдавии. Сохранность подарков при поступлении на склады и в ходе хранения не обеспечивалась. Так, в августе 1944 г. на базе сорокского горторга была установлена недостача 1 415 предметов одежды, в т.ч. числе 108 мужских и 45 дамских пальто, 50 пар мужского белья, 72 пиджаков, 205 кофт и блузок, 757 детских джемперов (ГАРФ 3: 53).

Аналогичные факты были выявлены в Украинской ССР, где в ходе проверки порядка распределения подарков в 190 областных, городских и районных отделах социального и государственного обеспечения органы милиции обнаружили хищения более чем на 100 тыс. руб. и разбазаривание 5 576 предметов одежды (ГАРФ 3: 59–60).

Еще в марте 1944 г. в целях предупреждения хищений американских подарков Главное управление милиции МВД СССР директивами № 29/6/1232 и 29/6/696 обязало местные органы охраны правопорядка обеспечить организации, получавшие подарки, постоянным агентурно-оперативным наблюдением. Массовые сведения осведомителей о злоупотреблениях заставили Наркомат государственного контроля СССР провести масштабную проверку правильности распределения вещей, поступавших из-за границы в порядке гуманитарной помощи. Ревизиям подверглись 220 организаций и учреждений Молдавской, Литовской, Армянской, Карело-Финской, Азербайджанской, Казахской, Белорусской, Киргизской, Грузинской республик. В ходе проверок удалось выявить многочисленные факты «извращений», отсутствия надлежащего контроля за хранением и расходованием подарков, что приводило к расхищению, подмене и присвоению вещей.

Как выяснилось, повсеместно подавляющее большинство предметов одежды и обуви распределялось среди руководящих работников. Например, в Карело-Финской ССР из 16 721 чел., получивших вещи, только 1 340 (или 8 %) составляли инвалиды войны, партизаны и демобилизованные из РККА военнослужащие и еще 3 183 чел. (19 %) – члены их семей (ГАРФ 1: 46).

Во всех проверенных организациях не был налажен учет поступивших вещей. Как правило, они своевременно не приходовались. Так, прием 89 977 предметов, поступивших на базу вильнюсского горпромторга 6 сентября 1944 г., был произведен только 13 октября, а 59 493 предметов, поступивших 25 сентября, – 10 октября. Это позволяло безнаказанно заниматься подменой вещей (например, продавщица Адамус обменяла свое старое пальто на американское) или безнаказанно расхищать их (украдено было 1 398 вещей, не считая недостачи 684 предметов одежды, обнаруженной в ходе запоздавшей приемки) (ГАРФ 1: 43).

Та же бесхозяйственность процветала на складах Наркомторга Молдавской ССР. На день проверки в них оказалось более 26 тыс. неоприходованных вещей. За недостаточный контроль за состоянием учета главному бухгалтеру ведомства С.В. Колчиной было поставлено на вид (ГАРФ 2: 9).

Повсеместно массовыми явлениями стали подделки, подлоги, подчистки в документах. Во многих организациях первичные документы оказались к моменту проверки утеряны или представляли собой груду неоформленных бумаг, которые нельзя было рассматривать как подтверждающие правильность выдачи вещей. Комиссия госконтроля выявила множество фиктивных ведомостей на списание похищенных предметов в утиль и на выдачу нуждающимся, а также включение в раздаточные ведомости вымышленных лиц.

По неполным данным начальника ОБХСС ГУМ МВД СССР В.Я. Громилова (имевшимся у него на 2 апреля 1947 г.), на протяжении 1944–1946 гг. органами милиции за хищения американских подарков было привлечено к уголовной ответственности 587 чел. Организаторами групп в большинстве случаев являлись должностные лица, занимавшиеся приемкой и распределением гуманитарной помощи. По 121 делу были привлечены к ответственности заведующие областными, городскими, районными отделами социального и государственного обеспечения и их заместители (73 чел.), начальники, инспекторы и бухгалтеры этих отделов (87 чел.), председатели исполкомов и их заместители (16 чел.), заведующие, их заместители и инспекторы ОБЛОНО (17 чел.). Удалось доказать похищение 22 423 предметов одежды и обуви и более чем на 2 460 000 руб. других ценностей. Как выяснили сотрудники правоохранительных органов, было разбазарено 15 467 и подготовлено к хищению более 40 130 ценных подарков. В ходе расследования этих дел было изъято 13 296 предметов и более чем на 1 400 000 руб. ценностей (ГАРФ 3: 60).

По вскрытым в 1944–1945 гг. делам о хищениях американских подарков к ответственности было привлечено 67 членов ВКП(б)

и 7 членов ВЛКСМ (ГАРФ 3: 60). Однако в Молдавии по итогам проведенной Наркоматом госконтроля СССР проверки, в ходе которой были выявлены вопиющие факты злоупотреблений при распределении американских подарков, ответственные работники подверглись лишь дисциплинарным взысканиям: приказом наркома от 13 марта 1945 г. за отсутствие должного контроля за правильностью расходования нормированных товаров и самоснабжение выговор был объявлен управляющему делами СНК Молдавии Л.С. Дьяченко и строгий выговор (за разбазаривание товаров и самоснабжение) – его заместителю Г.А. Сухороброму (ГАРФ 2: 36–36 об.).

Таким образом, массовые злоупотребления с американскими подарками, имевшие место в Молдавской ССР, были характерны для всех республик Союза. Самоснабжением активно занимались представители как партийной, так и хозяйственной номенклатуры. При этом реальную ответственность несли только руководящие работники среднего звена. Отдававшие зачастую им указания о бездокументальном отпуске промтоваров сотрудники региональных партийных аппаратов, как правило, отделялись дисциплинарными взысканиями. Всё это позволяет ставить вопрос о складывании масштабной системы коррупционных связей в СССР в конце войны.

ЛИТЕРАТУРА

Бабилунга, Бомешко 1994 – *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Курс лекций по истории Молдавии. Лекция 11: Молдавия в период Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства. Тирасполь: Типар.

Больше товаров 1945 – Больше товаров широкого потребления населения // Советская Молдавия. 1945. 18 февраля.

Васин, Велембовская 2013 – *Васин А.Н., Велембовская К.М.* Комитет «Помощь России в войне». Американская гуманитарная помощь СССР в годы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 84–99.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8300. Оп. 2. Д. 110. Материалы проверки правильности распределения вещей, поступивших из-за границы.

ГАРФ 2 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8300. Оп. 22. Д. 86. Материалы проверки Наркомторга Управления делами Совнаркома, Наркомфина Молдавской ССР и Кишиневского горфинотдела по вопросам спецснабжения совпартактива, правильности распределения американских подарков среди населения и порядка реализации бесхозяйного имущества, вывезенного из Румынии.

ГАРФ 3 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93. Доклад о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1945 год.

Говоров 2011 – *Говоров И.В.* Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81.

Государственная помощь 1945 – Государственная помощь семьям фронтовиков // Советская Молдавия. 1945. 18 февраля.

Дзидзоев 1945 – *Дзидзоев М.* Борьба со спекуляцией – неотложная задача // Советская Молдавия. 1945. 1 июля.

Жирнов 2010 – *Жирнов Е.* «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // Коммерсант-власть. 2010. № 44.

История 2001 – История Бессарабии (от истоков до 1998 года). 2-е изд. / Пер. с румын.; координатор Иоан Скурту. Кишинев: Онисифор и Октавиан Гибу, 2001.

Лебина 2015 – *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Нагибин 1991 – *Нагибин Ю.М.* Рассказ синего лягушонка. М.: Мосгорпечат, 1991.

Нагибин 2004 – *Нагибин Ю.М.* Моя золотая теща. М.: АСТ, 2004.

Наладить учет 1944 – Наладить учет, быстрее организовать массовый выпуск продукции // Советская Молдавия. 1944. 16 августа.

Позняков 1992 – *Позняков В.В.* Американская гуманитарная помощь советскому народу (1941–1945) // Американский ежегодник. М.: Наука, 1992. С. 38–56.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 1055. Переписка с А.И. Микояном по нормированному снабжению.

Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Бессарабия в годы Великой Отечественной войны // Русин. 2015. № 2. С. 80–97. DOI 10.17223/18572685/40/6

Твердюкова (2015) – *Твердюкова Е.Д.* «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // Путь России и судьба историка. Труды исторического факультета СПбГУ: сб. ст. / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб.: Лема, 2015. Т. 21. С. 254–271.

REFERENCES

Babilunga, N.V. & Bomeshko, B.G. (1994) *Kurs lektsiy po istorii Moldavii* [Lectures on the history of Moldova]. Tiraspol: Tipar.

Sovetskaya Moldaviya. (1945) Bol'she tovarov shirokogo potrebleniya naseleniyu [More consumer goods to the population]. 18th February.

Vasin, A.N. & Velembovskaya, K.M. (2013) The American Committee for Russian War Relief in Days of the Great Patriotic War. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 4. pp. 84–99 (In Russian).

The State Archive of the Russian Federation. (n.d.) *Materialy proverki pravil'nosti raspredeleniya veshchey, postupivshikh iz-za granitsy* [On the check of correctness of distribution of the things which have arrived from abroad]. Fund 8300. List 2. File 110.

The State Archive of the Russian Federation. (n.d.) *Materialy proverki Narkomtorga Upravleniya delami Sovnarkoma, Narkomfina Moldavskoy SSR i Kishinevskogo gorfinotdela po voprosam spetssnabzheniya sovparktativa, pravil'nosti raspredeleniya amerikanskikh podarkov sredi naseleniya i poryadka realizatsii beskhozyaynogo imushchestva, vyvezennogo iz Rumynii* [The check of Narkomtorga of the Administration of Council of People's Commissars, Narkomfin of the Moldavian SSR and the Chisinau City Financial Department concerning special supply of the soviet Party Active, correctness of distribution of the American gifts among the population and an order of realization of the ownerless property from Romania]. Fund 8300. List 22. File 86.

The State Archive of the Russian Federation. (n.d.) *Doklad o rabote organov militsii po bor'be s khishcheniyami sotsialisticheskoy sobstvennosti i spekulyatsiy za 1945 god* [The report on work of militia on fight against plunders of socialist property and speculation for 1945]. Fund 9415. List 5. File 93.

Govorov, I.V. (2011) The corruption in the Stalinist society after the Great Patriotic War 1941–1945 (based on the sources of Leningrad and Leningrad Region). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 66–81 (In Russian).

Sovetskaya Moldaviya. (1945) Gosudarstvennaya pomoshch' sem'yam frontovikov [State aid to the families of front-line soldiers]. 18th February.

Dzidzoev, M (1945) Bor'ba so spekulyatsiyey – neotlozhnaya zadacha [Fight against speculation as an urgent task]. *Sovetskaya Moldaviya*. 1st July.

Zhirnov, E. (2010) “V razbazarivanii gosudarstvennogo imushchestva i izlishestvakh povinny rukovoditeli Belorussii” [Heads of Belarus are guilty of squandering the state property and excesses]. *Kommersant-vlast'*. 44.

Skurtu, I. et al. (2001) *Istoriya Bessarabii (ot istokov do 1998 goda)* [History of Bessarabia (from the beginning till 1998)]. 2nd ed. Chisinau: Onisifor i Oktavian Gibu.

Lebina, N.B. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet daily life: norms and anomalies. From military communism to big style]. Moscow: Novoe literaturnoe obozreniye.

Nagibin, Yu. M. (1991) *Rasskaz sinego lyagushonka* [The Story of a Blue Froglet]. Moscow: Mosgorpechat'.

Nagibin, Yu. M. (2004) *Moya zolotaya teshcha* [My Gold Mother-In-Law]. Moscow: AST.

Sovetskaya Moldaviya. (1944) Naladit' uchet, bystree organizovat' massovyy vypusk produktsii [To keep track, to organize mass production]. 16th August.

Poznyakov, V.V. (1992) Amerikanskaya gumanitarnaya pomoshch' sovetскому narodu (1941–1945) [American humanitarian aid to the Soviet people (1941–1945)]. In: Ambramov, Yu.K. et al. *Amerikanskiy ezhegodnik* [American Yearbook]. Moscow: Nauka. pp. 38–56.

The Russian State Archive of Economy. (n.d.) *Perepiska s A.I. Mikoyanom po normirovannomu snabzheniyu* [Correspondence with A.I. Mikoyan on rated supply]. Fund 7971. List 16. File 1055.

Sulyak, S.G. (2015) Bessarabia in days of the Great Patriotic War. *Rusin*. 2 (40). pp. 80–97 (In Russian). DOI 10.17223/18572685/40/6

Tverdyukova, E.D. (2015) “Nemedlenno otmenit' vse nezakonnnye formy snabzheniya”: obespechenie sovetской regional'noy nomenklatury tovarami shirokogo potrebleniya (1943–1947 gg.) [“To abolish all illegal forms of supply immediately”: the guarantee of Soviet regional nomenclature with consumer goods (1943–1947)]. In: Khodyakov, M.V. (ed.) *Put' Rossii i sud'ba istorika* [Way of Russia and Fate of the Historian]. Vol. 21. St. Petersburg: Lema. pp. 254–271.

Твердюкова Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elena D. Tverdyukova – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: e.tverdyukova@spbu.ru

УДК 327(477+497.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/16

СТВОРЕННЯ ТА ПЕРШІ РОКИ ДІЯЛЬНОСТІ СОЮЗУ РУСИНІВ І УКРАЇНЦІВ ЮГОСЛАВІЇ

Г.В. Саган

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторське резюме

Стаття розкриває діяльність Союзу русинів та українців Югославії (з кінця 90-х рр. XX ст. – Союз русинів і українців Сербії та Чорногорії), яку вела організація в перші десять років після свого створення (12 травня 1990 р.). Для презентації теми дослідження було проаналізовано звіти товариства, які публікувалися в періодичних виданнях союзу. Для вивчення долучаються інші матеріали періодики діаспори, котрі розкривають зміст роботи товариства, а також інтерв'ю з нинішнім керівником союзу Богданом Віславським. Союз був утворений з метою об'єднання української та русинської спільноти не тільки в Сербією, але й усіх їх представників на пост-югославському просторі. Організаційна робота союзу спрямовувалася на підтримку національних та культурних традицій русинів, українців, а також інших представників національних меншин, перш за все в Сербії. Свою діяльність товариство вело в тісному співробітництві з дипломатичними інститутами України в Сербії, мало активне спілкування з колегами з України. Робота Союз русинів та українців Сербії та Чорногорії в 90-е рр. XX ст. показав толерантність і боротьбу за збереження прав усіх національних меншин, які мешкали на постюгославському просторі.

Ключові слова: русини, українці, Сербія, Союз русинів та українців Югославії.

СОЗДАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЮЗА РУСИНОВ И УКРАИНЦЕВ ЮГОСЛАВИИ

Г.В. Саган

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторское резюме

Статья раскрывает деятельность Союза русинов и украинцев Югославии (с конца 90-х гг. XX в. – Союз русинов и украинцев Сербии и Черногории), которую организация вела в первые десять лет после своего создания (12 мая 1990 г.). Для презентации темы исследования были проанализированы отчеты товарищества, которые публиковались в периодических изданиях союза. Для изучения темы задействованы другие материалы периодики диаспоры, раскрывающие содержание работы общества, а также интервью с нынешним лидером союза Богданом Виславским. Союз был образован с целью объединения украинцев и русинов не только Сербии, но и всего постюгославского пространства. Организационная работа союза была направлена на поддержку этнических и культурных традиций русинов, украинцев, а также других представителей национальных меньшинств, прежде всего в Сербии. Свою деятельность общество вело в тесном сотрудничестве с дипломатическими представительствами Украины в Сербии, имело активное общение с украинскими коллегами. Указанной деятельностью в 90-е гг. XX в. Союз русинов и украинцев Сербии и Черногории продемонстрировал толерантность и борьбу за сохранение прав всех национальных меньшинств, что населяют постюгославское пространство.

Ключевые слова: русины, украинцы, Сербия, Союз русинов и украинцев Югославии.

THE UNION OF RUSINS AND UKRAINIANS OF YUGOSLAVIA: CREATION AND FIRST YEARS OF ACTIVITY

G.V. Sagan

Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: galinasagan@gmail.com

Abstract

The article discusses the activity of the Union of Rusins and Ukrainians of Yugoslavia (since the late 1990s the Union of Rusins and Ukrainians of Serbia and Montenegro) for the first ten years after its creation (May 12, 1990). The author analysed the reports of the fellowship published in the periodicals of the Union as well as other diaspora periodicals related to it. The Union aimed at unifying the Ukrainian and Rusin community not only in Serbia, but also in the post-Yugoslav space. The organizational work of the union was aimed at supporting the ethnic and cultural traditions of the Rusins, Ukrainians, as well as other representatives of national minorities, primarily in Serbia. The Union cooperated with the diplomatic institutions of Ukraine in Serbia, actively communicated with Ukrainian colleagues. In the 1990s, the Union of Rusins and Ukrainians of Serbia and Montenegro demonstrated tolerance and struggle for the preservation of the rights of all national minorities in the post-Yugoslav space.

Keywords: Rusins, Ukrainians, Serbia, the Union of Rusins and Ukrainians of Yugoslavia.

На території Сербії нині проживає понад 20 тис. русинів та українців, які досить часто ведуть спільну громадську та культурну діяльність, контактують з українським дипломатичними інституціями. Їхні предки почали переселятися на Балкани ще в середині XVIII ст. з прикарпатських сіл і селищ. За століття перебування далеко поза землями свого походження українці і русини зберегли свою ідентичність завдяки тому, що активно підтримували свої етнічні та релігійні традиції. Чистина русинів вважає себе українцями, за якими збереглася давня назва «русини», інші дотримуються думки, що русини – окремий східнослов'янський народ. Такі ж тенденції спостерігаються і в громадському та культурному житті українсько-русинської діаспори Сербії. Так, у травні 1990 р.

був створений Союз русинів і українців Югославії, який є прибічник ідеї, що русини в Югославії є частиною українського народу. Такої ж думки дотримується нинішня голова Союзу русинів-українців Сербії Богдан Віславський, який заодно вказуючи на те, що влада Сербії намагалася пропагувати окремішність двох етнічних груп (Інтерв'ю з головою). На противагу союзу та за підтримки югославського уряду противники ідеї етнічної єдності українців та русинів у грудні того ж року заснували «Руску матку» («Руську матицю»), яка сповідувала ідею окремішності русинів. Вона розпочала співпрацю з тими русинськими організаціями у Центральній Європі, які негативно ставилися до України (Рамач 2016b: 17).

Оскільки наша стаття присвячена створенню та діяльності Союзу русинів і українців Югославії (СРУЮ, а з кінця 90-х рр. – Союз русинів і українців Сербії і Чорногорії), то більш детально зупинимося на цих питаннях. Союз розпочав свою діяльність 12 травня 1990 р. як організація колективних членів БіГ, Хорватії та Сербії. До союзу вступили Союз спілки українців Боснії (Баня-Лука), Союз русинів і українців Хорватії (Вуковар), Культурно-мистецьке товариство ім. Тараса Шевченка (Баня-Лука), Культурно-мистецьке товариство ім. Івана Сенюка (Кула), загальноосвітня школа і гімназія ім. Петра Кузмяка (Руський Керестур) та інші громадські організації. Загалом колективними членами СРУЮ було 37 суб'єктів, а їхні лідери вважалися співзасновниками союзу. Найбільш відомі серед них Янко Сакач (Белград), Володимир Хромиш (Нові Сад), Сімеон Сакач (Нові Сад), Юліан Тамаш (Вербас), Славко Бурда (Загреб), Гавриїл Такач (Вуковар) та ін. (Сакач 2005: 2).

Очолив Союз русинський вчений з Нові Саду Юліан Тамаш, а його заступниками було обрано Теодора Фрицького та Євгена Палишина. Мета діяльності СРУЮ зводилася до публічної декларації і висловлення національних інтересів русинів та українців Югославії. Члени союзу вважали неправильно та історично неприйнятною позицію деяких інших організацій. Мова йде про «Руську матицю», котра згуртовувала русинів без українців, і Товариство української мови, літератури і культури, яке об'єднувало українців без русинів (Хроніка 2006: 1). Засновники союзу вважали, що досягнути своєї мети вони зможуть через забезпечення рівноправності українців та русинів. Союз створив президію, яка складалася з 15 осіб.

Працював союз за дев'ятьма напрямками, керівництво яких здійснювали спеціально створені комісії. Таким чином, діяльність здійснювалася в таких сферах: наука, інформування, міжнародна політика, культура, освіта, збереження культурно-історичної спадщини, матеріальна та фінансова справа, видавництво, сільське господарство (Румянцев 2008: 220).

Праця союзу спрямовувалася на захист ідеї історичної єдності та взаємності русинів та українців. Свою діяльність Союз розпочав зі святкування 100-річчя переселення українців до Прнявора (Боснія і Герцеговина). На урочисте засідання прибули почесні гості. Зокрема, це були владика Славомир Мікловш, а з України – поети Дмитро Павличко, Ростислав Братунь та Роман Лубківський. 22 серпня 1990 р. у Нові Саді Союз підписав договір про співпрацю з товариством «Україна» з Києва. 11 жовтня 1990 р. делегацію союзу прийняв член уряду СФРЮ Драгутін Зеленович, з яким лідери союзу обговорили основні напрями діяльності новоствореної організації українців Югославії (Сакач 2005: 2).

Через військові конфлікти, які розгорнулися на території Югославії на початку 90-х рр. XX ст., Союз русинів та українців Хорватії на знак підтримки незалежності Хорватії вийшов із союзу (15 листопада 1991 р.). Його приклад перебрали й деякі інші організації, тому СРЮЮ скасував систему колективного членства і перейшов до членства приватних осіб. Тоді союз нараховував майже 4000 членів (Сакач 2005: 5).

Попри всі складнощі, які породив процес розпаду СФРЮ, Союз русинів та українців Югославії намагався не припиняти свою діяльність, особливо в контексті співпраці з Україною. Спроба заручитися підтримкою країни свого походження вселяла сподівання на полегшення проблем, які виникали серед українців діаспори в ході військових конфліктів на югославських просторах. Що стосується творчої інтелігенції з України, то вони намагалися робити все можливе, аби діаспора відчула їхню підтримку та розуміння. Тоді пожвавішала культурна співпраця між Україною та українською спільнотою Югославії. 13–22 грудня 1991 р. Київ приймав делегацію союзу у складі Ю. Тамаша, Є. Кулеби, В. Хромишина. Сторони підписали план культурної співпраці на 1992 р. Від України цей документ підписав І. Драч.

Проте реалізувати план було непросто через військові події в Югославії, які 1992 р. ще більше загострилися (Саган 2012: 394). Практично весь 1992 р. пішов на зусилля союзу і України, спрямовані на підтримку українського населення на югославських просторах. Так, з обох сторін були численні звернення до міжнародної спільноти з проханням вплинути на події в Югославії, аби припинити страждання мирного населення, серед якого в зоні конфлікту опинилася велика кількість українців. Найскладніша ситуація склалася в таких населених пунктах, як Петровці, Міклошевці та Вуковар (Сакач 2005: 5). Також культурні заходи, в яких брали участь члени союзу, як правило, проходили на території України чи інших країн світу.

У подальші роки Союз русинів і українців Югославії відчув потребу та можливість свого розширення. Тому 24 червня 1994 р. було засно-

вано секцію союзу в Коцурі, яку очолив М. Цап. А 30 червня цього ж року створено молодіжну секцію союзу, яку очолила Т. Мацевко. Таким чином, йшло як кількісне, так і якісне розростання союзу за напрямками діяльності.

Щодо останнього твердження, то 3 лютого 1996 р. Верховна рада союзу відкрила комісію з економічної співпраці. Згодом, 19 листопада 1996 р. при союзі заснували секцію правників та адвокатів. У пошуках джерел фінансування 1996 р. союз підписав контракт з фірмою «Еуроселектра» (Нові Сад) про співпрацю та матеріальну допомогу, яка надходила від торгової діяльності фірми з Україною. Союз, згідно з договором, сприяв налагодженню торговельним відносинам України та Союзної Республіки Югославії (Значнейши події 2006: 27).

Незважаючи на військові події 90-х рр., союз провадив активну культурну діяльність, спрямовану на співпрацю з Україною. Цьому сприяло налагодження дипломатичних відносин між країнами. 1993 р. у Белграді було відкрито консульство України в Югославії. Генеральним консулом став Володимир Примаченко, який розпочав співпрацю з членами союзу.

Значну роботу керівництво союзу проводило з організації вивчення української мови дітьми з українських родин. Союз допомагав подолати найбільшу проблему – забезпечення підручниками. 1994 р. через Генеральне консульство України в Белграді союз отримав і передав до української школи у Кулі 100 букварів і стільки ж читанок (Значнейши події 2006: 26–27).

Діяльність союзу 1995 р. була тісно пов'язана зі святкуванням 250-річчя переселення українців на землі югослов'ян. З цією метою створили Організаційну раду, до якої від союзу увійшли Ю. Тамаш і Я. Рамач. Насамперед союз 28 січня 1995 р. запропонував Організаційній раді запросити на святкування з України державну делегацію, представників товариства «Україна», творчі колективи з України, Польщі і Словаччини, представників українських громадських організацій Сербії тощо. Також у контексті відзначення ювілею у серпні 1995 р. у Руському Керестурі було проведено таборування української молоді (літня школа), в якій побували гості – Державний Закарпатський народний хор з Ужгорода та ансамбль «Лемковіна» з Польщі (Сакач 2002: 2).

До святкувань була приурочена наукова конференція, що проходила в Руському Керестурі. У роботі форуму взяли участь представники з України: професор І. Ющук, Л. Донець з Міністерства національності та міграції, етнограф Н. Стаценко. І. Ющук презентував наукову доповідь «Поезія Михайла Ковача як віддзеркалення історичної пам'яті». Від союзу на конференції виступали Ю. Тамаш, Я. Сабаш, Я. Рамач, М. Цап, Р. Мизь та ін.

У рамках святкування 250-річчя союз, за сприяння Покраїнського секретаріату з дотримання прав національних меншин, мав намір поставити кілька пам'ятних табличок видатним українцям Югославії. Зокрема, пропонували встановити відзнаки на будинках, у яких народилися Діонізій Няраді та Михайло Мудрий з Руського Керестура, Дюрдов Біндас з Нові Саду. Проте секретаріат відмовив, мотивуючи тим, що це справа місцевих органів влади. Також був зірваний друк книги «Шлях довжиною два з половиною століття», оскільки не зібрали кошти, дві третини яких мали надійти від спонсорів з Югославії (Сакач 2002: 2).

Основні святкові заходи відбувалися упродовж 23 серпня – 1 жовтня 1995 р. у Руському Керестурі, де оселилися перші українські переселенці. У святкуванні взяли участь й представники інших місцевостей Воєводини. Так, 19–21 травня 1995 р. ювілей відзначали у Нові Саді. Тут було організовано тематичну виставку малюнків, присвячених українській діаспорі, святковий концерт за участі ансамблю з України «Новояворщина», приїзд якого організував Р. Мизь.

У середині 90-х рр. відбулася знакова подія, яка засвідчила тісні наукові контакти активних членів союзу з Україною. Так, 1995 р. в Ужгородському університеті (з 2000 р. присвоєно статус національного) докторську дисертацію захистив Янко Рамач з Новісадського університету на тему: «Історія русинів Південної Угорщини» (Рамач 1995), яка стала результатом багаторічного вивчення історії русинства. Нині вчений продовжує плідно співпрацювати з українськими колегами та видавати нові праці з історії русинів-українців на Балканах (Рамач 2016а; Рамач 2017).

Окрім іншого, 1995 р. супроводжувався постійними клопотами, породженими військовими подіями на просторах колишньої югославської федерації. Генеральний консул України в Югославії В. Примаченко та Б. Олійник, голова Комісії з міжнародних відносин при парламенті України, у травні 1995 р. провели консультації з владою СРЮ про проблеми та потреби українців Югославії. Український дипломат та парламентар наполягали на врегулюванні найболючішого питання, виселення та переселення українців з місць їхнього постійного проживання. Складною залишалася ситуація у хорватській Славонії. Також порушувалася проблема, пов'язана з русинським питанням. В. Примаченко та Б. Олійник говорили про необхідність утвердження культурної та національної ідентичності русинів як частки українського народу (Сакач 2002: 3).

З середини 90-х рр. ХХ ст. Україна почала приймати молодь з просторів колишньої Югославії для навчання у своїх вищих школах. Велику роботу у цьому напрямі здійснив Союз русинів і українців Югославії.

Так, у 1994–1995 навчальному році в Україні навчалося 37 студентів з Югославії. Наступного року їх число зросло на чотири особи. Серед них українців було 38 осіб і по одному представнику сербської, чорногорської та словенської народностей (Сакач 2002: 3). Вищу освіту громадяни нових незалежних югославських республік здобували у різних містах України – у Львові, Києві, Івано-Франківську.

Важливими подіями була наповнена діяльність СРУЮ у 1996 р. Так, у березні на філософському факультеті Нові-Садського університету зусиллями членів союзу було відкрито кафедру української мови і літератури. У листопаді 1996 р. на базі цього факультету і за допомоги Сербсько-українського товариства було організовано симпозиум на тему: «Іван Франко і Сербія». Від союзу участь у форумі взяли М. Ковач, Ю. Тамаш, Я. Рамач, М. Цап, Д. Латяк та ін. Наприкінці року засідання Головної ради союзу присвятили важливій темі, яка, на думку членів союзу, з кожним роком ускладнювала життя української спільноти. Мова йде про так зване «русинське питання». Союз висловив свій протест проти нагнітання проблеми, спроб виокремити русинів як окремий народ. На засіданні вирішили черговий раз запропонувати співпрацю русинським та українським організаціям Югославії, зокрема «Руській матиці» і Товариству української мови, літератури і культури. Ніхто із керівників цих організацій не прийняв пропозицію союзу (Сакач 2004: 2). Разом з тим активну співпрацю союз розгорнув з Україною.

На прохання союзу наприкінці 1997 р. посол України В. Примаченко передав чергову партію (100 примірників) букварів до української школи у Вербасі. Також союз сам видавав книги. Так, 1998 р. видрукували працю Г. Костельника «Хроніка Руського Керестура», профінансовану Фондом дружби у Нові Саді. На початку 1999 р. вийшов збірник дитячих пісень Я. Фейси «Пупче», а восени цього ж року в Ужгороді коштом союзу вийшла збірка М. Ковача «Тиха вода», приурочена до його 90-річчя. Над перекладом збірки працювали Іван і Михайло Чендейови.

Презентація книги відбулася 17 грудня в Ужгородському державному університеті. На заході були присутні десятки гостей, частина з яких виступила з вітаннями. Про творчість М. Ковача доповідало близько двадцяти професорів університету. Також на свято приїхали гості з Києва. Зокрема член-кореспондент НАН України О. Мишанич, який розповідав про творчість ювіляра, про переклад його творів. М. Ковачу на святкування надійшло чимало вітальних телеграм з нагоди ювілею. Поздоровлення прислали Інститут літератури НАН України, Союз письменників України, Товариство «Україна-світ» та ін. Закарпатська обласна рада вручила М. Ковачу почесну грамоту за

персональний вклад у налагодження культурних зв'язків русинів та українців Югославії та Закарпаття (Звіт о роботі 2006: 43).

З 1998 р. союз розпочав роботу з організації літніх шкіл для дітей та молоді, які хотіли вивчати рідну мову. Перша така школа мала працювати 17–26 липня 1998 р. в Руському Керестурі. Свої приміщення безкоштовно їм надавав Освітній центр «Петро Кузмяк». Планувалося, що кошти на харчування учнів (75 динарів з особи) надасть уряд Сербії. Відтак на утримання школи із 70 дітей необхідно було 52 тис. динар. Проте держава виділила лише 10 тис. динар, що не дозволило реалізувати план з діяльності літньої школи у 1998 р. (Діялносц Союзу 2006: 38).

Але ця невдача не зупинила союзівців. Деякі проекти їм все ж вдалося профінансувати. Так, Ненад Богданович за підтримки союзу 1998 р. пройшов післядипломну практику в музичній академії ім. П. Чайковського у Києві. Тоді ж Марія Деберній з Вербаса стажувалася у науково-дослідній аптеці фармацевтичного факультету медичного університету Львова. Міністерство освіти України, на прохання союзу, у 1998–1999 навчальному році взяло на безкоштовне навчання Олесю Хому (декоративно-прикладне мистецтво), Бранку Лукич (графіка), Билянну Шипшич (міжнародні відносини) до Львівського університету на відповідні факультети (Діялносц Союзу 2006: 39).

Окрім вище згаданого, союз взяв участь в організації низки заходів, окремі з яких готував разом з колегами з України. Так, 1997 р. у Вербасі відсвяткували 70-річчя заснування Союзу русинських школярів. Цього ж року відзначили 100-річчя наукової експедиції етнографа В. Гнатюка, 90-річчя від народження священика з Вербаса отця Онуфрія Тимка. Цікаво, що на ювілеї останнього в храмі співав зведений хор з церковних громад Вербаса, Керестура, Коцура і Дюрдьова.

Велику популярність в українській діаспорі мали виставки, організовані союзом. Зокрема 24 липня – 3 вересня 1998 р. у Нові Саді демонстрували фотографії Василя Пилипюка, присвячені Дню незалежності України. 23 лютого 1999 р., теж у Нові Саді, було організовано святкування 185-ї річниці з дня народження Т. Шевченка. У рамках відзначення ювілею працювала виставка у музеї Воєводини, відбулися концерти в Нові Саді та Дюрдьово (Значнейши події 2006: 27).

Плідною була культурна діяльність союзу протягом 2000 р. За цей рік вийшло два номери (№ 2 і 3) офіційного видання «Голос Союзу». Друк другого номеру профінансував Секретаріат із забезпечення прав національних меншин, управління та регламентів Виконавча рада Воєводини, який виділив 6 тис. динарів, а також надійшли спонсорські кошти адвокатів Сімеона Сакача і Федіра Колесара (50 динарів від кожного). Третій номер «Голосу Союзу» було видано лише на спонсор-

ські кошти, виділені Володимиром Лікаром з Нові Саду. Видавнича діяльність, звичайно, не обмежилася лише випуском журналу. Так, Вербаська секція видала працю Ганни Тимко «Кухарка», яка була другим доповненим виданням 1938 р. Спонсорами видання виступили фабрика олії «Вітал» з Вербаса та холодокомбінат «АБЦ» з Руського Керестуру (Сакач 2006: 43).

У травні 2000 р. у Нові Саді союз проводив урочисті святкування з нагоди 10-річчя свого заснування. З доповідями виступили члени союзу Марія Сакач, академік Юліян Тамаш та отець Роман Мизь. Вітальне слово від гостей мав Средоє Лалич – голова Сербсько-українського товариства. У концерті, приуроченому ювілею, взяли участь колективи «Роса» та «Бата-бенд», виступ яких фінансували Михайло Біндас та отець Роман Мизь.

Секція союзу та КМТ «Дюра Кіш» з Шида організували 16 грудня 2000 р. літературний вечір, присвячений письменнику Михайлові Ковачу з нагоди його 90-ліття. У вечорі взяли участь поетеса Ірина Гарді-Ковачевич, письменник Володимир Кочиш, секретар союзу Сімеон Сакач та члени КМТ «Дюра Кіш» з Шида. 30 травня 2000 р. секція союзу з Нові Саду організувала урочисте відзначення 75-річчя з дня народження Дюри Варги та 60-річчя його плідної праці, спрямованої на забезпечення добробуту свого народу. Про ювіляра та його діяльність говорили Ірина Папуга, Дюра Латяк та Сімеон Сакач (Сакач 2006: 44).

Окремою сторінкою діяльності Союзу русинів і українців Сербії та Чорногорії є його робота у сфері освіти. За сприяння союзу з 14 лютого до 12 червня 2000 р. на філософському факультеті у Нові Саді було організовано курси з вивчення української мови. Викладачем працювала Людмила Попович, професор філологічного факультету Белградського університету. Курс відвідувало 30 осіб, які після закінчення навчання одержали дипломи. Цей проект профінансував Покраїнський секретаріат з реалізації прав національних меншин, управління та регламентів при автономній області Воєводина (АОВ).

У Києві 20–25 квітня 2000 р. відбувся семінар для вчителів української мови з діаспори. За допомоги союзу у семінарі взяли участь Мариця Лещишин з Кули та Володимир Рахман з Вербаса, які в тих місцевостях викладали українську мову. Дорожні витрати їм оплатив Покраїнський секретаріат з реалізації прав національних меншин, управління та регламентів АОВ.

На прохання союзу і за сприяння Державного комітету України у справах національностей та міграції було продовжено навчання в аспірантурі та стажування у Київському державному інституті театраль-ного мистецтва ім. І.К. Карпенка-Карого Володимиру Надю – дипло-мованому театральному режисеру з Руського Керестура. У 2000–2001

навчальному році за допомоги союзу на безкоштовне навчання до Національної музичної академії України ім. П.І. Чайковського на композиторський факультет було направлено Міодрага Єліча з Нові Саду. Мірославу Аміджич з Руми, яка на відмінно закінчила навчання у Київському національному університеті будівництва і архітектури (архітектурний факультет), було прийнято до аспірантури цього ВНЗ. Архітектурний факультет на безкоштовне навчання прийняв також Федора Ференца із Сремської Митровиці (Сакач 2006: 44).

У Нові Саді за сприяння та допомоги Союзу русинів і українців Сербії і Чорногорії 27 травня 2000 р. було створено Академічне товариство русинів і українців (АТРУ). АТРУ мало перебрати на себе обов'язки, пов'язані з діяльністю діаспорян у сфері освіти та науки. Одним з перших результатів роботи АТРУ була участь 4–5 листопада 2000 р. його членів у Київській науково-практичній конференції на тему: «Просвіта в українському закордонні: досвід, положення і перспектива». Делегатка від АТРУ Людмила Попович з Белграда виступила з доповіддю на тему: «Положення та перспектива розвитку українських студій у Сербії» (Сакач 2006: 44).

Упродовж 2000 р. Союз русинів і українців Сербії та Чорногорії провів значну організаційну роботу, спрямовану на розширення своїх підрозділів. Поряд з існуючими секціями у Руському Керестурі, Коцурі, Вербасі, Нові Саді, Молодіжної секції та Секції юристів, 16 червня 2000 р. було засновано секцію Союзу у Шиді, яку очолив Штефан Щурко, його заступником обрали Василя Мудрого, а секретарем - Саню Тиркайло (Сакач 2006: 43).

Активною позицією відзначився Союз русинів і українців Сербії та Чорногорії щодо захисту прав національних меншин Югославії. Так, на запрошення Першого форуму меншин «Відкритих перспектив» з Суботиці, який проходив 8–10 вересня 2000 р., від імені союзу брали участь академік Юліан Тамаш та журналіст Борис Варга. А 17 і 18 листопада члени союзу у складі Федора Колесара, Миколи Шанти, Сімеона Сакача та Велимира Паплацко взяли участь у семінарі з питань національних меншин, організованому Федерацією європейських меншин та Демократичним союзом хорватів у Воєводині на тему: «Національні меншини у Воєводині, теперішнє положення та перспективи».

Вагома частка діяльності союзу припадала на співпрацю з державними органами СРЮ, що було ознакою не лише активної громадської позиції організації, але й у такий спосіб союз намагався відстоювати інтереси представників українсько-русинської діаспори. Так, на початку 2000 р. союз звернувся з пропозицією до крайового секретаря П. Домонії скликати спільне засідання зацікавлених сторін з метою укладання домовленостей щодо організації та фінансового забезпе-

чення літньої школи в Руському Керестурі для русинських та українських дітей Воєводини, які не вивчають факультативно рідну мову. Але спільне засідання так і не відбулося, як і літня школа для русинських дітей. Організатори спромоглися лише на школу для українських дітей у Бачкому Петровцу.

Без офіційного попередження 3 жовтня 2000 р. директор РТВ «Нові Сад» заборонив транслявання програм всіх редакцій телебачення Нові Сад. Союз надіслав протест міністрові інформування в уряді Республіки Сербії та міністрові без портфеля Івану Седлаку, а також крайовим секретарям з інформування та забезпечення прав національних меншин, управління та регламенту з вимогою негайно анулювати заборону та дозволити подальшу роботу русинської редакції ТВ Нові Сад.

Завдяки цьому зверненню 5 жовтня 2000 р. редакція ТВ «Нові Сад» відновила роботу. Уже через десять днів Союз виступив з пропозицією ввести на ТВ «Нові Сад» програму українською мовою, що й було ухвалено керівництвом каналу. Також у жовтні 2000 р. союз черговий раз запропонував культурно-освітньому комітету Сербії відзначити нагородою ім. Вука Караджича найвідомішого українського письменника Югославії Михайла Ковача. Ця пропозиція не була схвалена керівництвом комітету.

16 листопада 2000 р. заступник союзного міністра національних та етнічних об'єднань Єлена Маркович прийняла у Белграді делегацію Союзу русинів і українців Сербії та Чорногорії у складі Марії Сакач, Федора Колесара, Миколи Шанти та Велиміра Паплацко, які ознайомили урядовця з діяльністю та планами союзу. 7 грудня 2000 р. відбулася зустріч тієї ж делегації союзу з крайовим секретарем із захисту прав національних меншин, управління та регламенту Тамашем Корхецом. Під час розмови союзівці ознайомили Т. Корхеца з проблемами союзу, окреслили можливі шляхи їх вирішення (Сакач 2006: 44).

Загалом активісти союзу вважали, що влада та її представники мало сприяли діяльності союзу. Як правило, чиновники висловлювали свою симпатію, схвалювали дії громадських організацій, але ні фінансової, ні правової підтримки не надавали, що ускладнювало виконання програми союзу (Сакач 2006: 45).

Згадана зустріч із крайовим секретарем Т. Корхецом була радше винятком – на ній союзівці просили 17 тис. динарів для проведення засідання Головної ради союзу та видання четвертого номера «Голосу Союзу». Вже наступного дня на рахунок союзу було перераховано 5 тис. динарів. Можливо, на таку оперативність вплинув контроль союзного міністерства. Суму, якої не вистачало, українцям надали спонсори. Інші обіцянки влади так і не отримали навіть часткової реалізації. Зокрема, міністр без портфеля при владі Сербії І. Седлак та крайовий секретар

із реалізації прав національних меншин, управління та регламенту П.Домоні обіцяли скликати круглий стіл представників усіх русинських та українських організацій з метою обговорення накопичених проблем, але захід так і не відбувся (Сакач 2006: 46).

Отже, Союз русинів і українців Сербії та Чорногорії за перших десяти років свого існування провадив активну діяльність, спрямовану на консолідацію української та русинської громад на землях південних слов'ян, насамперед Сербії. Їхня робота підтримувала самобутність не тільки українців та русинів регіону, але й на державному рівні союз активно відстоював права усіх національних меншин Сербії. Союз провадив плідно співпрацював з колегами з України, мав налагоджені відносини з українськими дипломатичними інституціями. У часи військового конфлікту у першій половині 90-х р. ХХ ст. союз за підтримки України та посольства організував низку заходів гуманітарного та культурного характеру.

ЛІТЕРАТУРА

- Діяльність Союзу 2006 – Діяльність Союзу у 1998 року // Глас Союзу. 2006. № 9. С. 38–42.
- Звіт о роботі 2006 – Звіт о роботі союзу у 1999 року // Глас Союзу. 2006. № 9. С. 40–48.
- Значнейши події 2006 – Значнейши події през 15 роки // Глас Союзу. 2006. № 9. С. 27.
- Інтерв'ю з головою – Інтерв'ю з головою Союзу русинів-українців Сербії Богданом Віславським. URL: <http://lemky.lviv.ua/?p=5877#more-5877> (останній перегляд: 5.07.2018).
- Рамач 1995 – Рамач Я. Історія русинів Південної Угорщини: автореф. дис. ... док. іст. наук. Ужгород, 1995. 52 с.
- Рамач 2016 – Рамач Я. На крижнем драги: Руснаци у Югославії од 1918–1941 року. Нови Сад: Руске слово, 2016. 381 с.
- Рамач 2016 – Рамач Я. Огляд історії русинів у Югославії (1918–2000) // Сумська старовина. Сумський державний університет. 2016. № XLIX. С. 5–22.
- Рамач 2017 – Рамач Я. Руснаци у Новим Садзе од 60-их рокох XVIII по кінець XIX века // Русинистични студии. Нови Сад, 2017. № 1. С. 123–141.
- Румянцев 2008 – Румянцев О. Галичина – Боснія – Воєводина: українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1999 роках. Київ: ФАДА, ЛТД, 2008. 256 с.
- Саган 2012 – Саган Г. Югослов'яни у ХХ столітті: громадські та культурні зв'язки з Україною. Київський університет імені Бориса Грінченка; Інститут української археографії та джерелознавства імені М.С. Грушевського НАН

України. К.: Ун-т ім. Б. Грінченка, 2012. 568 с.

Сакач 2002 – *Сакач С. Діялносц Союзу у 1995 року // Глас Союзу. 2002. № 5. С. 2–4.*

Сакач 2004 – *Сакач С. Діялносц Союзу у 1996 року // Глас Союзу. 2004. № 6–7. С. 2–4.*

Сакач 2005 – *Сакач С. Союз после петнац рокох // Глас Союзу. 2005. № 8. С. 2–4.*

Сакач 2006 – *Сакач С. Звіт про діяльність Союзу за 2000 рік // Глас Союзу. 2006. № 9. С. 43–48.*

Хроніка – *Хроніка // Глас Союзу. 2006. № 9. С. 1.*

REFERENCES

Anon. (2006) *Diyalnosts Soyuzu u 1998 roku* [Activities of the Union in 1998]. *Glas Soyuzu. 9. pp. 38–42.*

Anon. (2006) *Zvyt o roboty soyuzu u 1999 roku* [About the work of the Union in 1999]. *Glas Soyuzu. 9. pp. 40–48.*

Anon. (2006) *Znachneyshy podiyyi prez 15 roky* [Major events for 15 years]. *Glas Soyuzu. 9. pp. 27.*

Vislavsky, B. (n.d.) *Interv"yu z golovoyu Soyuzu rusyniv-ukrayintsiv Serbiyi Bohdanom Vislavs'kym* [Interview with the head of the Union of Rusin-Ukrainians of Serbia Bogdan Vislavsky]. [Online] Available from: <http://lemky.lviv.ua/?p=5877#more-5877> (Accessed: 5th July 2018).

Ramach, Ya. (1995) *Istoriya rusyniv Pivdennoyi Uhorshchyny* [History of Rusins of Southern Hungary]. Abstract of History Dr. Diss. Uzhhorod.

Ramach, Ya. (2016a) *Na krizhnem dragy: Rusnatsy u Yugoslavyy od 1918–1941 roku* [At the crossroads: Rusnatsy in Yugoslavia from 1918-1941]. *Novy Sad: Ruske slovo.*

Ramach, Ya. (2016b) *Ohlyad istoriyi rusyniv u Yuhoslaviyi (1918–2000)* [Review of the History of Rusins in Yugoslavia (1918–2000)]. *Sums'ka starovyna. Sums'ky derzhavnyy universytet. 50. pp. 5–22.*

Ramach, Ya. (2017) *Rusnatsi u Novim Sadze od 60-ykh rokakh XVIII po konets XIX vika* [Rusins in Novy Sad from the 1760s to the 19th century]. *Rusynystychny studyyi. 1. pp. 123–141.*

Rumyantsev, O. (2008) *Halichina – Bosniya – Voyevodyna: ukrains'ki pereselentsi z Halichini na teritoriyi yugoslavs'kykh narodiv v 1890–1999 rokakh* [Halychyna - Bosnia - Voyvodina: Ukrainian settlers from Galicia in the territory of Yugoslavian peoples in 1890–1999]. *Kyiv: FADA.*

Sagan, Kh. (2012) *Yuhoslov'yany u XX stolitti: gromads'ki ta kul'turni zv'yazky z Ukrainoyu* [Yugoslavia in the twentieth century: social and cultural ties with Ukraine]. *Kyiv: Un-t im. B. Hrinchenka.*

Sakach, S. (2002) *Diyalnosts Soyuzu u 1995 roku* [Activities of the Union in 1995]. *Glas Soyuzu*. 5. pp. 2–4.

Sakach, S. (2004) *Diyalnosts Soyuzu u 1996 roku* [Activities of the Union in 1996]. *Glas Soyuzu*. 6–7. pp. 2–4.

Sakach, S. (2005) *Soyuz posle petnats rokov* [The Union after 15 years]. *Glas Soyuzu*. 8. pp. 2–4.

Sakach, S. (2008) *Zvit pro diyal'nist' Soyuzu za 2000 rik* [The activities of the Union in 2000]. *Glas Soyuzu*. 9. pp. 43–48.

Anon. (2006) *Khronika* [Chronicle]. *Glas Soyuzu*. 9. p. 1.

Саган Галина Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

Саган Галина Василівна – доктор історичних наук, доцент, професор кафедри всевітньої історії Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Galyna V. Sagan – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: galinasagan@gmail.com

УДК 32.019.51:327.39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/17

КАРТИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО*

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir.19@mail.ru

Авторское резюме

Статья продолжает исследование славянского мира как политического конструкта, когда славянская идея рассматривалась Ф.М. Достоевским как центральная в картировании Европы и ведущая сила будущего мира. Методологической базой по-прежнему остается субъективистская трактовка миров воображаемого, особый акцент сделан на уникальной коммуникативной модели «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, беспрецедентный для того времени охват аудитории, стиль, основанный на экстраполяции внутренних переживаний, что позволяет судить об эффективности воздействия на картину мира современников. Авторами рассматривается основа картирования славянского мира Достоевским как противопоставление нарождавшейся «славянской идеи» двум предшествовавшим – «католической» (Франция) и «протестантской» (Германия). Показана эволюция данных идей в условиях современного мира.

Ключевые слова: славянский мир, Россия, Европа, картирование, Достоевский, «Дневник писателя», конструкт.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020.

MAPPING THE SLAVIC WORLD IN *THE DIARY OF A WRITER* BY F.M. DOSTOEVSKY*

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir.19@mail.ru

Abstract

The article studies the Slavic world as a political construct, when the Slavic idea was considered by F.M. Dostoevsky as central to the mapping of Europe and as the leading force of the future world. Basing on the subjectivist interpretation of the worlds of imagination and concepts, the author emphasises Dostoevsky's unique communicative model in his book *The Diary of a Writer*. With its unprecedented audience coverage and style, based on the extrapolation of internal experience, it had a great impact on the worldview of contemporaries. The article deals with the foundation of Dostoevsky's Slavic world mapping as the opposition of the nascent "Slavic idea" to the two preceding ones – the "Catholic" (France) and the "Protestant" (Germany). The author demonstrates the evolution of these ideas in the modern world.

Keywords: Slavic world, Russia, Europa, mapping, Dostoevsky, *The Diary of a Writer*, construct.

Продолжая тему картирования славянского мира, поднятую в предыдущих публикациях (Щербинин, Щербинина 2015; Щербинин, Щербинина 2016), авторы обращаются к наследию Ф.М. Достоевского в канун двухсотлетия его рождения. Творчество писателя, включая публицистику, и его личность оказывали и оказывают существенное влияние на понимание Западом России через духовное измерение. «Дневник писателя», вышедший в 70-е гг. XIX в., занимает в этом контексте особое место в судьбе и творчестве Достоевского: «И вот я взял да и высказал последнее слово моих убеждений – мечтаний насчет роли и назначения России среди человечества и выразил мысль, что это не только случится в ближайшем будущем, но уже и начинает сбываться» (Достоевский 1996: 527).

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project Nr. 18-012-90020 "Geopolitical Map and World View of F.M. Dostoevsky".

Чтобы понять, какое влияние имел «Дневник писателя» на современное ему общество, воспользуемся сравнением его с информацией в Интернете, к которому прибегнул Игорь Волгин, сославшийся на статьи Д. Быкова и Л. Андрулайтиса, опубликованные в журнале «Октябрь» в 2002 и 2005 гг. (Волгин 2011а: 7). Действительно, по содержанию, своеобразной коммуникации, производимому им резонансу в различных слоях общества, а главное – по глубоко искренней авторской позиции в отношении проблем внутреннего мира личности и мира внешнего сходство «Дневника» с блоггом поражает. Особо интересна форма коммуникации: исследователи уже указывали на принципиальные отличия «дневниковой прозы» Достоевского: «Ежемесячник Достоевского, вся редакция которого состояла из одного человека, мог успешно конкурировать с крупнейшими современными изданиями, каждое из которых обладало собственным редакционным аппаратом, штатом сотрудников и значительным контингентом авторов» (Волгин 2011b: 20).

Подписчики (и покупатели) «Дневника писателя» исчислялись тысячами (и среди них те, кто состоял в переписке с автором, – одобрял или негодовал, присылал материал для очередного сюжета): «Поток писем, хлынувший в адрес автора-издателя, отразил практически весь спектр российского образованного общества. Достоевскому писали студенты и священники, учителя и чиновники, идеалисты и циники, правдолюбцы и потенциальные самоубийцы» (Волгин 2011а: 7). Но «Сеть» кратно увеличивалась за счет обсуждений, реакции корифеев русской литературы и литературной критики, политических публицистов и идеологов различных направлений, которыми, не в пример нынешнему времени, была богата тогдашняя Россия.

Конечно, во многом причиной популярности стали не одни лишь обсуждения актуальных проблем, стойкая нравственная / идейная позиция по ключевым вопросам, зачастую шедшая вразрез с официальным (ортодоксальным) мнением, а равно и с мнением авторитетных и уважаемых «властителей дум». Проекцию внутреннего мира на духовный и социально-политический ландшафт 70–80-х гг. XIX в., а точнее, картину этого мира, предлагаемую Достоевским читателям, отличают не только сочность красок реальности, но и поистине провидческая сила писателя в отношении будущего России и мира. При этом писатель выступал не регистратором или прозектором прошлого и настоящего, он активно продвигал свое видение будущего с его издержками и выгодами.

В данной статье мы обращаемся к проблеме, которую не обошел практически ни один крупный исследователь, но которую, к сожалению, в целом не сочли достойной пристального внимания, приняв ее, вероятно, за достаточно тривиальную для публицистики той поры или неактуальную ныне. Речь идет о позиции Достоевского в отно-

шении славян и России, «восточного вопроса» и балканских войн. «Достоевский держит в поле своего зрения весь универсум. Но если, скажем, подробное рассмотрение перипетий тогдашней европейской политики представляется сегодня не столь актуальным, а те или иные пророчества о ближайшем будущем Европы, о судьбах католичества и т. д. выглядят достаточно эфемерными (хотя и здесь явлены поразительные угадки), то, пожалуй, ни одно из авторских размышлений, касающихся России, не утратило своей остроты и злободневности. Мы имеем в виду даже не столько вечно повторяющиеся парадоксы российской действительности (хотя их ментальное постоянство не может не изумить читателя), сколько постижение Достоевским того нравственного механизма, который во многом определяет повороты отечественной истории» (Волгин 2011b: 8–9).

Подходя с точки зрения политической науки, мы предлагаем посмотреть на данную проблему с иной стороны. Для этого сделаем отступление, чтобы показать экстраординарное (и в силу этого политическое) положение русского писателя в XIX в., а в нашем случае – выдающегося писателя, находящегося в диалоге с обществом. Б.А. Прокудин, посвятивший ряд своих исследований политическому значению литератора в России, отметил следующее: «Начиная с 1840-х гг., литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была публицистика и литературная критика. Третьим – философия. ...Кроме военной или государственной службы, других форм гражданской жизни в России с этого времени не предусматривалось, и здесь пришла литература. Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать гражданственность больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага, литература звала вперед, литература определяла нашу социальную и политическую жизнь» (Прокудин 2018: 225).

Неслучайно, что в канун и в ходе Русско-турецкой войны, 140-летие окончания которой отмечается в этом году, славянский вопрос, всколыхнувший практически все слои общества, становится центрообразующим для понимания миропорядка Достоевским, что и нашло отражение в «Дневнике писателя». Символически (и метафорически) «картирование» славянского мира задано у Достоевского наличием в Европе трех мировых идей, последовательно приходящих на смену одна другой. Они отрицают друг друга, но на момент написания «Дневника» сосуществуют в духовном, экономическом и идейно-полити-

ческом конфликтах вокруг выбора истинного пути человечеством. Это идеи католицизма, протестантизма и славянства. Географически три мировые идеи привязаны к трем центрам: Франции, Германии и России (как оплоту славянского мира).

Католицизм (Франции) для Достоевского не только (и не столько) религия (на чем делает акцент И. Волгин), сколько, если можно так выразиться, политика, идущая от Древнего Рима с его «насильственным единением человечества», прошедшая внутри себя периоды кровавых трансформаций, но не утратившая сути и последовательно воплощавшаяся в атеизме, социализме и коммунитаризме (в данном случае речь идет о Парижской коммуне).

Протестантизм генетически выводится писателем из непрекращающейся борьбы с первой идеей – от германских племен против Рима, через претендующую на мировое господство идею Лютера, до прославления торжества германской мысли и германского духа.

Третья идея – славянская. Отметим, что здесь Достоевский ее не расшифровывает, только, противопоставляя, пишет, что у нас есть «две страшных силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и тесное единение его с монархом» (Достоевский 2011а: 12). Столкновение этих идей означает, по Достоевскому, «начало конца всей прежней истории европейского человечества, – начало разрешения дальнейших судеб его...» (Достоевский 2011а: 12).

Зададимся вопросом: насколько прав был писатель в определении точек напряжения мировой истории, насколько долговременными являются предсказанные им векторы развития? Выше уже отмечалась точка зрения на якобы имеющую место неактуальность перипетий европейской политики для исследований творчества Достоевского, но думается, что это далеко не так. Начнем с того, что война России и Турции на Балканах, война за свободу славянских народов, действительно положила начало новейшей истории через военный конфликт Болгарии и Сербии, а затем и Первую мировую войну, поводом для которой послужил, как известно, инцидент в Сараево. Война, приведшая, в свою очередь, к крушению трех европейских монархий, а впоследствии и Османской империи, к кардинальной перекройке всего европейского ландшафта, оставила «жало» конфликта в претензии соперничающих идей на мировое господство.

В дальнейшем мы можем обнаружить, как три мировые идеи (в раскладе Достоевского) мутировали в центры противостояния и претензий на мировое господство: либерально-атлантический во главе с Францией и Великобританией, протестантско-реваншистский нацистской Германии и советский (мессианизм как составная часть «замещенной» всеславянской

идеи). В настоящий момент, связанный с ослаблением морально-политических связей с США, мы видим, как происходят попытки вытеснения с доминирующих позиций либеральной концепции Европы, лидером которой стала Германия А. Меркель (Достоевский в своей работе задумывался над тем, что когда Германия достигнет своего идеала, не придет ли конец ей самой). Обратим внимание на то, что Германия сегодня несет уже не «протестантизм», а навязывание содержания первой идеи – того самого «католицизма» с «насильственным единением человечества» и в этой борьбе утратила лидерство, чем пытается воспользоваться Франция Э. Макрона. Третий центр не растерял своего мессианского предназначения. Напротив, Россия Путина для Европы – добавим, «Большой Европы» – олицетворяет не исключительно военную или политическую, но, в первую очередь, идейную угрозу. Поэтому столь пристальное внимание уделялось и уделяется странам Восточной Европы (в т. ч. «славянскому вопросу») и республикам бывшего СССР. Конечно, в данном противостоянии мы не должны сбрасывать со счетов Америку, но для чистоты исследования и в силу упомянутой выше нестабильной стратегии нынешних США ограничимся европейской проблематикой.

Возвращаясь к картированию в «Дневнике», заметим, что славянство как мировая идея должно быть привязано к определенному месту, в нашем случае – не только на географической, но и на ментальной карте-конструкте (писателя и читателей). Судя по текстам публикаций в «Дневнике», Достоевский ограничивал славянский мир Балканами. В это понятие не включались славянские земли, входившие в Австро-Венгерскую империю, не входила и Польша, к которой у Достоевского было устойчиво негативное отношение. Поскольку на тот момент славянство еще было конструктом, основанным на идее единения в ходе и результате освобождения Балкан от османского ига, освобождение его напрямую связывалось с Россией, бесспорно, полагавшейся не столько центром, сколько основой (духовной, военно-политической) и донором славянского мира. Со своей стороны, освобождаемый и рождавшийся на Балканах славянский мир мыслился триггером, способным запустить процесс духовного очищения и обновления самой России. Отсюда и выявление положительных сторон Русско-турецкой войны: подъем морального духа, патриотизм, единение нации во всех слоях, укрепление связей с монархом. Стоит сделать хронологическое отступление и показать, как совсем в иную эпоху сводный батальон российских десантников занял аэропорт «Слатина», не допустив проведения сухопутной натовской операции против союзной Югославии, и как это локальное действие повлияло на моральный дух россиян в конце 1990-х гг.

Однако визуально и по замыслу вряд ли огромная Россия смогла

бы сойти за политический центр. И в марте 1877 г. Достоевский вновь возвращается к мысли, которая кажется ему самому утопической, – о Константинополе-Царьграде. В развернутом виде эта идея была высказана в июне 1876 г. и включала в себя вопрос об альтернативе петербургскому сценарию эпохи Петра Великого. Если на тот момент у Петра, по Достоевскому, не было сил справиться с султаном, к тому же многовековой царедворский опыт греков привел бы к насаждаемой азиатчине вместо немецких порядков, а может быть, и расколу православия на «царьградское» и «старорусское», то к весне 1877 г. рассмотрение данной альтернативы стало, на взгляд писателя, вполне уместным. Для чего? Для увенчания российского великана достойной столицей, а скорее, для укрепления православия как основы государственности в России. Ясно, что виды на Константинов град имели и греки («греческая» составляющая, которую приводил как пример национальной алчности Достоевский, уже стала основой распри Вселенского патриарха и Болгарской церкви), Россия же в этом конфликте не могла стать на чью-либо сторону. В Европе возникали идеи сделать Константинополь «международным городом», что совсем обесценило бы геополитическое значение России и, напротив, усилило Запад, прежде всего Англию (Достоевский 2011а: 77–80).

Чтобы ограничить проблему, обратим внимание на то, что в отношении «карты славянского мира» налицо не только конструктивизм Достоевского, но и показательная деконструкция славянского мира (славянской идеи) как текста. Только что мы упомянули о деконструкции идеи Константинополя-центра. Достоевский, пишущий об очищающем характере войны, о призвании русского народа спасать братьев-славян, вдруг останавливается: пойте, картина в болгарских селах, куда вошло наше войско, совсем не та, которую рисовала пресса и поддерживала общественность. На одну мечеть – две православные церкви, дома беленые, сады ухоженные. Начинают солдаты сравнивать с Отечеством – кого спасать надо?

Не в меньшей степени освежающе действует рассуждение писателя об освобождаемых славянах, когда в ход у Достоевского идут уменьшительные «новоосвобожденные славянские народцы», «славянские земли и землицы». Даже само название публикации «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» маркирует не столь «частность» или «мелочность» вопроса, сколь профанирование «славянской идеи», а больше – досадную механику ее воплощения. Но дело даже не столько в масштабах на мыслимой карте, сколько в идейно-политическом значении, не утратившем актуальности и поныне. «Не будет у России и никогда еще не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как

все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их... в защиту от России...» (Достоевский 2011b: 361). Далее, по мнению автора «Дневника», «мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России... они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее» (Достоевский 2011b: 362). Достоевский предполагает – это подтверждается национальными практиками и поныне, – что «особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» (Достоевский 2011b: 362). Наконец, о чем поминалось нами ранее, что ринувшиеся в Европу славяне заразятся европейскими политическими формами, забыв о «своем особом славянском призвании». Мало того, «между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать». России же «надолго останется тоска и забота мирить их» (Достоевский 2011b: 363), но это обратная сторона ее как основы славянского мира. Надо ли говорить отдельно о том, сколько раз подтверждалось прозрение Достоевского, да и не только в отношении славян.

Возвращаясь к дару писателя видеть узел противоречий, способных повлиять на расстановку сил (и идей) в мире в долгосрочной перспективе, стоит отдать дань оценке его позиции Вселенского патриарха. Сам Достоевский оценивал свои рассуждения как «некое пророчество»: «Столь недавняя у них греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальной, а для будущего как бы неким пророчеством. Вселенский патриарх, порицая послушание болгар и отлучая их и самовольно избранного ими экзарха от церкви, выставлял на вид, что в деле веры нельзя жертвовать уставами церкви и послушанием церковным "новому и пагубному принципу национальности". Между тем сам же он, будучи греком и произнося это отлучение болгарам, без сомнения, служил тому же самому принципу национальности, но только в пользу греков против славян» (Достоевский 2011c: 87). В этом контексте поставившая на грань раскола православную церковь в 2018 г. позиция Константинопольского патриарха по вопросу об Украинском патриархате показывает такие же очевидные политические основания и эгоизм, что и сто сорок лет назад, небрежение задачей поддержки статус-кво

православного мира – это тот же самый «тленный запах», с ощущения которого Достоевский начинает статью «Самые подходящие в настоящее время мысли». И это вновь меняющийся облик мира, его «новая карта», контуры которой намечены в тексте «Дневника писателя».

Ф.М. Достоевский пишет свой текст, понимаемый семиотически как знаковая реальность, и сам же «читает» его, подчеркивая смысловую наполненность знакового ряда. Но это еще не все: он одновременно и комментирует значение прочитанного, и тем самым переосмысливает текст, т. е. подвергает деконструкции. Критический мотив деконструкции «текста славянского мира» проявляется в нахождении смысловых противоречий, которых как бы нет в наличии, но они присутствуют в виде «следов», по терминологии Ж. Дерриды. В данной связи Н. Автономова подчеркивает, определяя деконструкцию, в предисловии к книге Деррида, что «в целом деконструкция – это разборка концептуальных оппозиций, поиск «апорий», моментов напряженности между логикой и риторикой, между тем, что текст «хочет сказать», и тем, что он принужден означать» (Автономова 2000: 71). Само нахождение противоречия ведет к снятию его знаковой неразрешимости и новому познанию смысла. Как бы на полях своего текста или в примечании Достоевский приходит к иному заключению, что дело спасения и освобождения славян, о коем манифестирует официальный медийный конструкт (к которому Достоевский и отсылает читателя), по сути, не нужно славянам, которые станут непременно игнорировать и сам факт, а равно и роль спасителей. Здесь Достоевский выступает уже как критически настроенный «читатель» самого себя. Т. е. в идее о символической роли старого Константинополя-центра Россия не сможет наличествовать в качестве центра бытия славянского мира.

Завершая статью, сошлемся на позицию Д.В. Гришина, назвавшего «Дневник писателя» «заключительным словом в развитии творчества», «последним словом убеждений», по словам самого Достоевского, где он нашел возможность высказывать свое отношение к миру, не скрывая его за текстом художественного произведения, за словами и мыслями его героев (Гришин 1971 : 19).

Драматургия «Дневника» позволила писателю делиться напрямую своими мечтами, сомнениями, включать современников в собственную картину мира, важным элементом которой было призвание России, в т. ч. в отношении нарождающегося на карте Европы славянского мира. Говоря об актуальности произведения, полагаем, что в канун двухсотлетия со дня рождения писателя стоит и политикам, и читателям обратить внимание на великие моменты в истории страны и народа, а равно и на идейные, политические и геополитические «грабли», на которые мы продолжаем наступать.

ЛИТЕРАТУРА

Автономова 2000 – Автономова Н. Деррида о грамматологии // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7–110.

Волгин 2011а – Волгин И. Воссозданный Достоевский: текст как текст // Тарасова Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. С. 5–17.

Волгин 2011б – Волгин И.Л. Поверх барьеров // Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 1. С. 5–42.

Гришин 1971 – Гришин Д.В. Достоевский – человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн: Мельбурнский университет, 1971. 369 с.

Достоевский 1996 – Достоевский Ф.М. 179. Вс.С. Соловьеву. 16 (28) июля 1876. Эмс // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1996. Т. 15. С. 526–527.

Достоевский 2011а – Достоевский Ф.М. Еще раз о том, что Константинополь рано или поздно должен быть наш // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 77–80.

Достоевский 2011б – Достоевский Ф.М. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 360–365.

Достоевский 2011с – Достоевский Ф.М. Самые подходящие в настоящее время мысли // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 83–88.

Достоевский 2011д – Достоевский Ф.М. Три идеи // Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36,6, 2011. Т. 2. С. 7–12.

Прокудин 2018 – Прокудин Б.А. Феминистская повестка первого русского политического романа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 224–237.

Щербинин, Щербинина 2015 – Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4 (42). С. 37–52.

Щербинин, Щербинина 2016 – Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72.

REFERENCES

Avtonomova, N. (2000) Derrida o grammatologii [Derrida on grammarology]. In: Derrida, J. *O grammatologii* [On Grammarology]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem. pp. 7–110.

Volgin, I.L. (2011a) Vossozdannyy Dostoevskiy: tekst kak tekst [Recreated Dostoevsky: text as text]. In: Tarasova, N.A. “Dnevnik pisatelya” F.M. Dostoyevsk-

ogo (1876–1877): *Kritika teksta* [“The Diary of a Writer” by F.M. Dostoevsky (1876–1877): Criticism of the Text]. Moscow: Kvadriga; MBA. pp. 5–17.

Volgin, I.L. (2011b) *Poverkh bar'yerov* [Over the barriers]. In: Dostoevskiy, F.M. *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 5–42.

Grishin, D.V. (1971) *Dostoevskiy – chelovek, pisatel' i mify. Dostoyevskiy i ego “Dnevnik pisatelya”* [Dostoevsky as a man, a writer and myths. Dostoevsky and his “The Diary of a Writer”]. Melburn: Melburn University.

Dostoevsky, F.M. (1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works in 15 vols]. Vol. 15. Leningrad: Nauka. pp. 526–527.

Dostoevskiy, F.M. (2011a) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 77–80.

Dostoevskiy, F.M. (2011b) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 360–365.

Dostoevskiy, F.M. (2011c) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 83–88.

Dostoevskiy, F.M. (2011d) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of A Writer. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 7–12.

Prokudin, B.A. (2018) The feminist agenda of the first Russian political novel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 44. pp. 224–237 (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/22

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37–52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) “Kartirovanie” slavyanskogo mira kak voobrazhaemyy konstrukt [Mapping Slavdom as an Imaginary Construct]. *Rusin*. 4 (46). pp. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Aleksey I. Shcherbinin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mai1.ru

Щербинина Нина Гарьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета (Россия).

Nina G. Shcherbinina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mai1.ru

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/18

ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ РУСИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ (НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

О.В. Ломакина^{1,2}, В.М. Мокиенко³

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Россия, 117198, г. Москва, ул. Иловайская, 9/2

² Российский университет дружбы народов
Россия, 109651, г. Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируются паремии русинского языка в аксиологическом аспекте, извлеченные приемом сплошной выборки. В качестве паремиографического источника выступает «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Димитро Попа, а также украинские и русские словари пословиц. Пословичный фонд распределен по группам в соответствии с типологией ценностей, наиболее репрезентативными среди которых являются следующие группы: *здоровье – болезнь, вера – бог, трудолюбие – лень, богатство – бедность*. Поскольку русинская фразеология является органической частью единого восточнославянского языкового пространства, то русинские пословицы в данной статье анализируются на фоне русских и украинских паремий. Это позволило показать специфику русинских пословиц, проявляющуюся в основном в форме паремий, а не в их содержании. В количественном отношении преобладают паремии, репрезентирующие ценностную диаду *богатство – бедность*, что отражает общую тенденцию паремиологии: пословицы с

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка «Полного фразеологического словаря русских народных говоров»», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете). Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

компонентом деньги частотны в ряде языков. Выявление национально специфического на фоне общего помогает более объективно и детализированно раскрыть аксиологический потенциал как русинской паремииологии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с ней близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: паремииология, пословица, русинские пословицы, русские пословицы, украинские пословицы, ценностные константы.

VALUE CONSTANTS OF THE RUSIN PAREMIOLOGY (COMPARED WITH THE UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)*

O.V. Lomakina^{1, 2}, V.M. Mokienko³

¹ St. Tikhon's Orthodox University,
9/2 Ilovayskaya Street, Moscow, 109651, Russia

² People's Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ St. Petersburg State University
11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The article analyses the axiological aspect of Rusin paroemias extracted by the method of continuous sampling on the basis Dimitro Pop's Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary as well as Ukrainian and Russian proverb dictionaries. The proverbial fund is divided into groups according to the typology of values, the most representative of which are the following groups: "Health – Disease", "Faith – God", "Diligence – Laziness", "Wealth – Poverty". Since the Rusin phraseology is an organic part of the single Eastern Slavic language space, the Rusin proverbs are analysed against the background of the Russian and Ukrainian paroemias. This made it possible to show the specificity of Rusin proverbs manifested mainly in the form of paroemias, not in their content. Quantitatively, the proverbs representing the dyad "Wealth – Po-

* The research is supported by the Russian Science Foundation (Project Nr. 17-18-01062 "Russian Folk Phraseology in Terms of Lexicography (Principles and Development of the "Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects" at St. Petersburg State University). The publication is supported by the "RUDN University Program 5-100".

verty" prevail, which reflects the general tendency of paremiology: proverbs with the "money" component are the most frequent in a number of languages. Identifying specifically national against general allowed more objective and detailed description of the cognitive potential of both Rusin paremiology and its closely related Ukrainian and Russian paroemia.

Keywords: paremiology, proverb, Rusin proverbs, Russian proverbs, Ukrainian proverbs, value constants.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Информация об окружающем мире, перерабатываясь в сознании человека, воплощается вербально и представляет собой хранилище различной информации. Пословицы, будучи кладезем мудрости, рецептом поведения в обществе, своеобразной «упаковкой опыта» (М.А. Бредис), несут культурологическую информацию. По точному наблюдению Т.Б. Радбиля, «в научной парадигме современной лингвокультурологии давно стоит закономерный вопрос о базовых единицах культуры, воплощенных в языковых значениях, моделях и категориях национального языка» (Радбиль 2018: 23). Одним из направлений описания уникального паремиологического материала является аксиологический аспект, который выдвинул опирающийся на идеи антропоцентризма постулат: «Мир человека – это всегда мир ценностей» (Гусев, Тульгинский 1985: 49). Е. Бартминьский считает аксиологический аспект языка достойным внимания сегодня, «так как духовные ценности являют собой "сердцевину" культуры, неразрывно связанную с языком» (Бартминьский 2005: 38). В этом ракурсе социум предстает как маркер оценки людей, их поведения, поступков.

Сравнительно-сопоставительная лингвистическая аксиология ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в «кресте реальности» (В.Н. Телия).

Паремиология русинского языка формировалась под влиянием ряда языков, прежде всего украинского и русского, и не без влияния чешского, словацкого и венгерского. Уже поэтому ценностные константы, отраженные русинским паремиологическим материалом, значимы как субъект особой национальной культуры и объект различных межъязыковых взаимодействий. Кроме того, актуальность исследования связана с необходимостью последовательного описания фразеологического состава русинского языка (см., напр.: Копорова и др. 2016; Ломакина, Мокиенко 2016; Ломакина, Мокиенко 2018).

Цель данной статьи – выявить ценностные константы русинского народа, отраженные в пословицах. В качестве материала исследования выступила авторская картотека, включающая более 100 паремий, отражающих систему ценностей. Паремиографический источник – «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Димитро Попа, а также украинские и русские паремиологические собрания.

АНАЛИЗ РУСИНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ В АКЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время существуют различные классификации ценностей. Например, Л.К. Байрамова выделяет 10 диад конвенциональных ценностей: 1) жизнь – смерть; 2) здоровье – болезнь; 3) счастье – несчастье; 4) родина – чужбина; 5) труд – отдых; 6) богатство – бедность; 7) ум – глупость; 8) правда – ложь; 9) смех – плач; 10) рай – ад (Байрамова 2014: 10). Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава. Русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений за межславянским языковым взаимодействием. «Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» (Ломакина, Мокиенко 2016: 126). В целом такая общая классификация применима и для анализа русинской паремиологии, где представленные константы также весьма репрезентативны. Рассмотрим некоторые из них, выявляя ценностные константы русинской паремиологии в русле конфронтативной методики, т. е. сопоставляя их с близкородственными украинскими и русскими паремиями и проверяя достоверность фиксации последних в наиболее полных собраниях пословиц и поговорок соответствующих языков. Тем самым будет сделана попытка выявления собственно русинской специфики на фоне общих восточнославянских паремий.

1. Группа «здоровье – болезнь» представлена следующими русинскими паремиями: *Кобы здѳрѳвля, а грѳхи будуть* – укр. *Було б здоровя, а грѳхи будуть* – рус. *Было б здоровье, а грехи будут*; *Голові здѳрѳвля не мѳшать* – укр. *Голові здоровя не мѳшає* – рус. *Голове здоровье не мешает*; *И майбѳлшому панови хворота допанує* – укр. *І великого пана хвороба здолає* – рус. *И великого пана болезнь победит*; *Лѳпша хоть яка пѳлла страва, ги добрый лѳк* – укр. *Краще несмачна їжа, нѳж смачнѳ лѳки* – *Лучше невкусная еда, чем вкусные лекарства*.

В представленных пословицах говорится о важности здоровья, о том, что болезнь не выбирает богатых или бедных. Сопоставление этих пословиц с украинскими и русскими, согласно материалам словаря Д. Попа, на первый взгляд, обнаруживает их большое сходство, если даже не тождество. Однако обращение к надежным и обширным украинским паремиологическим источникам показывает, что это далеко не так. Вот украинские параллели к первой пословице, отраженные в фундаментальном собрании М.М. Пазяка.

Первая пословица зафиксирована лишь в одном сборнике, изданном в США¹, и по своей форме полностью совпадает с русинской, зарегистрированной Д. Попом: *Коби здоров'я, а гріхи будуть* (ПП 1990: 172).

Остальные же пословицы, структурно и образно перекликающиеся с ней, имеют иную форму или содержание:

Було б здоров'я, а все інше буде; Було б здоров'я, а все інше наживем; Було б здоров'я – і розум буде (ПП 1990: 170); *Світ великий, було б здоров'я* (ПП 1990: 172); *Було б здоров'я, а робота завжди знайдеться* (ПП 1990: 487).

Эти факты позволяют предположить, что первая (отраженная лишь в американском издании украинских пословиц) фиксация – это именно русинская пословица, а украинские имеют иную структуру и семантику.

Русская же пословица, приведенная Д. Попом как эквивалент украинской, отсутствует в «Большом словаре русских пословиц» (БСРП).

Зафиксированы лишь структурно близкие паремии, где компонент «грех» вообще не представлен: *Было бы здоровье, а остальное приложится* (Спирин 1985: 120); *Было бы здоровье да совесть чиста* (Подобин, Зимина 1956: 74).

Аналогична ситуация и с паремиологической «триадой» русин. *Голові здòрòвля не мішатъ* – укр. *Голові здоров'я не мішає* – рус. *Голове здоровье не мешает*. В украинских источниках ее вообще не зафиксировано, а известны лишь варианты, причем первый, близкий к русинскому, отмечен именно в Закарпатье: *Голові здоров'я ніколи не шкодить; Горе стихає, а здоров'я зникає – і радість минає* (ПП 1990: 171).

Русский же «эквивалент» является, по-видимому, псевдозэквивалентом, т. е. буквальным переводом русинского, ибо в сводном словаре русских пословиц отсутствует.

Подобные несовпадения русинских паремий с украинскими и русскими обнаруживают и две другие вышеприведенные «триады»: *И майбулшому панови хворота допанує* – укр. *І великого пана хвороба*

здолає – рус. *И великого пана болезнь победит*; *Ліпша хоть яка пўлла страва, ги добрый лік* – укр. *Краще несмачна їжа, ніж смачні ліки* – рус. *Лучше невкусная еда, чем вкусные лекарства*. Собственно, даже такие словосочетания, как *великий пан* и *вкусные лекарства*, предсказывают их искусственность в русской паремиологии, что подтверждает отсутствие их реальных фиксаций. Нет этих пословиц и в украинском тезаурусе М.М. Пазяка, что говорит об регионально-национальной русинской самобытности.

2. Группа «вера – Бог» представлена следующими русинскими паремиями: *Дав Бог днину – дасть и годіну* – укр. *Буде день – буде і пожива* – рус. *Будет день – будет и пища*; *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвіст* – укр. *Думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст* – рус. *Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост*; *Кого Бог бє, того и чорт морить* – укр. *Коли Бог карає, дідько добавляє* – рус. *Когда Бог карает, дьявол добавляет*; *Кого Богови не треба, того и чорт не бере* – укр. *Кого Бог не хоче, того й дідько не бере* – рус. *Кого Богу неугодно, того и черт не берет*; *Кому ся видить, най ся перестить* – укр. *Кому мріється, хай перехреститься* – рус. *Кому мерещится, пусть перекрестится*; *Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать* – укр. *Роби небоже, то й Бог поможе* – рус. *Боже, поможи, а ты на боку не лежи*; *Молитва місто не глядять* – укр. *Молитва місця не шукає* – рус. *Молитва места не ищет*; *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так і буде* – укр. *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так и буде* – рус. *Правду говорят люди – как Бог даст, так и будет*; *Не так ся стало, як ся гадало* – укр. *Людина гадає, а Бог рішає* – рус. *Человек предполагает, а Бог располагает*.

Естественно предполагать: на уровне сакрального концепта представления о Боге и вере у трех восточнославянских народов совпадают, что прямо связано с общей христианской традицией. И это действительно так, особенно в случае таких паремий, как *Дав Бог днину – дасть и годіну*; *Правду кажуть люди, як Бог дасть, так і буде*; *Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать*; *Молитва місто не глядять*. Неслучайно первая пословица является прямой цитатой из Библии (ср. греч. *Ὁ τὴν ἡμέραν διδοῦς καὶ τὰ εἰς ἡμέραν σοὶ δώσει* – Матф. 6, 31. Ср.: Лук. 12, 22–24). В двух же русинских пословицах Божья воля отражена имплицитно: *Кому ся видить, най ся перестить*; *Не так ся стало, як ся гадало*. В первом случае упование на Божью помощь выражается обычаем накладывать на себя крест при сложных обстоятельствах или в случае сомнений, нерешительности выбора и т.п. Эта пословица представлена во всех трех языках. Вторая отражает более «закодированное» представление о Боге, причем не только безличной формой глагола, но и неопределенностью предварительных

человеческих планов, предположений, которые в итоге не сбываются. Украинский же и русский эквиваленты прямо эксплицируют представление о судьбоносности Божьих решений – как и большинство их европейских параллелей: англ. *Man proposes but God disposes*; фр. *L'homme propose, Dieu dispose (et la femme impose)*; нем. *Der Mensch denkt, Gott lenkt*; чеш. *Člověk míní, Pánbůh mění*; ит. *L'uomo propone, e Deo dispone* и др. Авторство пословицы приписывается нидерландскому монаху Фоме Кемпийскому, употребившему ее в сочинении «О подражании Христу».

Пословицы же, в которых антиподом Бога выступает черт, являются, по-видимому, реликтами восточнославянского язычества. При этом отождествление русинских пословиц с украинскими и русскими, предложенное Д. Попом в его словаре, можно несколько релятивизировать: *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвіст*. Так, украинская пословица *Думав взяти Бога за ноги, а взяв дідька за хвіст* в украинских сборниках паремий отсутствует. Зафиксированы лишь паремии с близким образом, но без оппозиции *Бог – черт*: *Думає, що Бога за ноги зловив*; *Думає, що вже Бога за бороду впіймав* (ПП 1990: 306); *Бога піймав за ноги*; *Гадає, що вже бога за ноги вхопив* (ПП 1991: 295). Это мифологическое противостояние в украинском языке представлено пословицей с иным значением: *Бог дав, а чорт забрав* (ПП 1991: 295), причем характерно, что она зафиксирована именно в Закарпатье. Русская же пословица *Думал взять Бога за ноги, а взял черта за хвост* – не что иное, как буквальный перевод русинской, сделанный самим Д. Попом, ибо она отсутствует в БСРП.

Аналогичная ситуация и с украинскими, и с русскими эквивалентами русинских пословиц *Кого Бог б'є, того и чорт морить* и *Кого Богови не треба, того и чорт не бере*, приводимыми Д. Попом. Они в сводных собраниях украинской и русской паремиологии отсутствуют. Можно к ним отыскать (и то не без труда) лишь ассоциативно близкие, но периферийные параллели типа рус. *Не сам Бог карает, но площади* (т. е. вшей) *насылает*, зафиксированной в 1741 г. (БСРП 2010: 67).

Вера относится к числу базовых общечеловеческих ценностей. Приведенные пословицы демонстрируют связь между верой и Богом, в руках которого находится судьба человека. Кроме того, народная мудрость заключает, что молитва как инструмент обращения к Богу может совершаться везде, т. е. вера не зависит от времени и места.

3. Группа «трудолюбие – лень» представлена следующими русинскими паремиями:

Кошары – не плітки, и плести їх треба знати – укр. *баляси з баяндрасами* – рус. *Балясы точить – не цепом молотить*; *Кідь ся не изогнеш, та й гриба не урвеш* – укр. *Без труда нема плода* – рус.

Без труда не вытянешь и рыбки из пруда; Догаздовов на край – укр. *Трудився, трудився та й розорився* – рус. *Трудился, трудился, да и разорился*; *Лінивому усе свято* – укр. *Ледачому і в будень свято* – рус. *Трутням праздник и по будням; Земледілиць має на руках мозулі, а пан пирстіні* – укр. *У селянина на руках мозолі, а у пана перстні* – рус. *У крестьянина на руках мозоли, а у пана перстни*; *Лінивому и вода помалы кипить* – укр. *У лінивого і вода поволі закипає* – рус. *У ленивого и вода медленно закипает*; *Лінивому усе еколи* – укр. *П'ять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо* – рус. *У лентяя Федорки всегда отговорки*.

Ета група паремий несколько отличается по качеству украинских и русских паремий, представленных в словаре Д. Попа в качестве эквивалентов к русинским. Большинство из них, как легко увидеть, не тождественно по структуре и образности. Так, первая поговорка требует специальных культурологических комментариев, раскрывающих ее шуточно-иронический подтекст: *кошара* – ‘сарай или загородка для овец’, а *плітка* – ‘плетень’ и ‘сплетня’. Украинский же эквивалент, приводимый Д. Попом, – *баляси з баяндрасами* – не поговорка, а поговорка со значением ‘безделье, бесполезное и бессмысленное занятие’, в то время как рус. *Балясы точить – не цепом молотить* – поговорка, как кажется, искусственно созданная автором русинского словаря как гибрид известного фразеологизма *точить балясы* и реально существующих русских поговорок типа *Брехать – не цепом махать*; *Брехать (врать) – не цепом мотать*; *Языком брехать – не цепом махать*.

Региональная лексическая «маркировка» характерна и для русинской поговорки *Догаздовов на край* (букв. «дохозяйничался вконец»). Глагол здесь образован от слова *газда* ‘хозяин’, заимствованного из венгерского языка, но восходящего, в свою очередь, к славянскому **gospoda* (ЕСУМ 1982: 450–451).

Показательно, что украинский и русский эквиваленты этой русинской поговорки (*Трудився, трудився та й розорився*; *Трудился, трудился, да и разорился*) в известных нам источниках не зафиксированы. Ср. русские поговорки с глаголом *трудиться*: *Много трудился, а толку не добился* (Аникин 1988: 181); *На пашне потрудился, так и хлебушек уродился* (Спирин 1985: 30).

Вообще, наличие лексического или фонетического регионализма является одним из достаточно надежных признаков национальной специфичности русинских паремий. Таковы в нашем тематическом ряду поговорки, где фигурируют такого рода языковые «меченые атомы»: *кідь ‘пока’ (Кідь ся не изогнеш, та й гриба не урвеш)*; *мозулі* – укр. *мозолі* – рус. *мозоли (Земледілиць має на руках мозулі, а пан пир-*

стіні); помалы – укр. *поволі*, рус. *медленно*; *єколи* ‘есть время’ (*Лінивому усе єколи*). Не случайно поэтому некоторые украинские и русские пословицы, приводимые как параллели к соответствующим русинским, являются лишь буквальным переводом последних: *У селянина на руках мозолі, а у пана перстні* – *У крестьянина на руках мозоли, а у пана перстни*; *У лінивого і вода поволі закипає* – *У ленивого и вода медленно закипает*. Во всяком случае, они не зарегистрированы в украинских и русских паремиологических сборниках. Иное же дело – полновесные эквиваленты типа укр. *П'ять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо*, отраженные в несколько ином варианте в академическом собрании украинских пословиц: *Пять день не робим, а два відпочиваємо*; *Пять день нічого не робимо, а шостий відпочиваємо* (ПП 1989: 285); *Без труда нема плода* (ПП 1989: 276). Ср. также украинскую пословицу *Без трудів не їстимеш пирогів* (ПП 1989: 276) и известные русские пословицы *У лентяя Федорки всегда отговорки* или *Без труда не вытянешь и рыбки из пруда*, которые также легко найти в разных вариантах в своде русских пословиц: *У всякого Федорки свои отговорки*; *У ленивой Федорки свои отговорки* (БСРП 2010: 477, 942); *Без труда не вынешь (не вытянешь, не вытащишь) [и] рыбку из пруда* (БСРП 2010: 915). Здесь уже иная образность и структура украинских и русских паремиологических эквивалентов оттеняет национальный колорит русинских паремий.

При этом, с точки зрения отражения ценностных констант, русинские, украинские и русские пословицы полностью адекватны, ибо все они подчеркивают необходимость и значимость труда и осуждают безделье. В этом плане приведенный сопоставительный материал убедительно опровергает констатацию харьковского социолога, что в русской паремиологии труд оценивается негативно, а лень – с некоторой позитивной характеристикой, в то время как приоритеты украинской паремиологии в этих ценностных ориентирах противоположны (Таглін 1994). Такой вывод делается, как кажется, благодаря произвольной подборке пословиц на избранную тему, в то время как их народная диалектика универсальна. Не случайно в новейшей работе по украинской фразеологии на основе объективного исследования подчеркивается: «Відібраний матеріал ми поділили на двадцять мікроконцептосфер, які, на наш погляд, найповніше відтворюють негативні дії, вчинки людини. Українці здавна несхвально ставилися до тих людей, які байдикували, нічого не робили й відповідно їх негативно було охарактеризовано. Тому, очевидно, ця мікроконцептосфера виявилася найбільш репрезентативною» (Венжинович 2018: 211).

4. Группа «богатство – бедность» наиболее представлена в русинской паремиологии и включает около 50 пословиц, среди которых

три включают одноименную дихотомию или ее производные: *Богача спознають по платю, а бідного по платках; Богачови у горьшьку накопять, а бідному укупать; Богач їсть, а бідный слину промыкать, Кобы каждый быв богатый, ба ко бы бідовав*; четыре пословицы – прилагательное *богатый / бедный* или его дериваты: *Богачови дай, а вўн каже: ищи! Богатый, ги бык рогатый – у малі ворота не вміщаться; Бідный и напрудни голодный, Коли ся бідный наладив играти, гудакы вже пўшли спати*. Отдельную группу составляют паремии с русинским компонентом *грōші* (деньги): *Грōші не камінь, на душу не лігавуть; Грōші світом владівуть; Грōші на вшиткых языках говорять; За грōші вшитко купиш, лем не здōрвля и чисть; Фальшиві гроші не пропадуть; За пінязі мелтōвшагoш, а без гроши; Каждый на єдних грошох*, демонстрирующие понимание того, что деньги – главный символ богатства (Бредис 2017: 157). Эти количественные данные отражают лишь общую картину: превалирование пословиц с компонентом *деньги* в различных языках (Ничипорчик 2015: 174). В анализируемой группе лишь одна пословица *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* включает название денежной единицы, что, по мнению М.А. Бредиса, дает «дополнительные культурные сведения, добавляющие исследователю лингвокультурологическую компетенцию» (Бредис 2017: 139). Тем более что эту пословицу не фиксируют ни украинские, ни русские паремиологические собрания – ср. украинские пословицы с иным образным содержанием и иным наименованием денежной единицы: *За гроші не купиш ні батька, ні матері, ні родини* (ПП 1991: 111); *За гроші тільки рідного батька не купиш* (ПП 1991: 111).

Русинская пословица *Коли золото вспливає, правда тоне* демонстрирует связь богатства с правдой как взаимоисключающих понятий. В пословице *Бідный и напрудни голодный* обнаруживается соотношение понятий *бедность* и *голод*. О верховенстве и силе денег говорится в пословицах *Грōші світом владівуть* и *Грōші на вшиткых языках говорять*. Указание на дьявольское происхождение денег, связи богатства с нечистыми делами и помыслами содержат пословица *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* и устойчивое сравнение *богатый, ги чорт рогатый*.

Интернациональными по ценностной ориентации являются следующие русинские пословицы этой группы: *Богачови и чорт діти колыше* (рус. *У богатого черт детей качает*, укр. *Багачові і дідько дитину колише*); *И из-за золота слызы ся лють* (рус. *И через золото слезы льются*).

Пословицу *У богатого черт детей качает* впервые зафиксировал В.И. Даль, а спустя век М.А. Рыбникова в свое собрание включила паремию *У богатого сам черт детей качает, а у бедного и Бог люльки*

бросает (Рыбникова 1961: 148), что дает основание полагать: более распространенным является имплицированный вариант пословицы, это пример диахронического эллипсиса (Ломакина 2009).

В качестве эквивалента пословицы *И из-за золота слезы ся ллють* в своем словаре Д. Поп приводит рус. *Богатые тоже плачут* и укр. *Багаті також плачуть*. В данном случае правильнее было бы привести русскую поговорку *И через золото слезы льются*, которая зафиксирована в ряде паремиографических сборников начиная со словаря «Русские народные пословицы и поговорки» И.М. Снегирева (БСРП 2010: 381). Единица же, приведенная Д. Попом, представляет собой крылатое выражение, осознаваемое рядом носителей как пословица. Подбор таких эквивалентов объясняется распространением этой единицы как в русском, так и в украинском языке, о чем свидетельствует фиксация в книге Л.П. Дядечко «Новое в украинской и русской речи» (Дядечко 2001: 53).

Частичный эквивалент имеет русинская пословица *За грѣші вишитко купиш, лем не здѣрѣвля и чисть*; в русском языке – пословицы, подчеркивающие невозможность купить ум: *На деньги ума не купишь*, почет: *На деньги не купишь почет*, а также здоровье: *Здоровье дороже денег; Здоровье и на золото не купишь* (Зимин, Спиринов 1996: 145).

Как показали примеры, в русинской паремиологии в количественном отношении преобладают пословицы группы *богатство – бедность*. Будет ошибкой по количественному фактору судить о богатстве как ценностной доминанте русинов: такая картина характерна и для других языков, в т. ч. славянских.

ВЫВОДЫ

Изучение природы ценностей и средства их репрезентации в языке является перспективным направлением современной лингвистики, опирающейся на идеи антропоцентризма. Лингвокультурологический подход, предполагающий рассмотрение языка и культуры как единого и взаимно дополняющего друг друга начала, позволяет представить как ценностные константы – ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта.

В соответствии с типологией ценностей русинские пословицы были распределены по наиболее репрезентативным группам: *здоровье – болезнь, вера – Бог, трудолюбие – лень, богатство – бедность*. Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской и русской, проявляется в основном в форме паремий,

а не в их содержании, что подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приповідки або українсько-народна філософія / зібрав та видав В.С. Плавюк. Едмонтон, 1946.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 1988 – *Аникин В.П.* Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

Байрамова 2014 – *Байрамова Л.К.* Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 10–12.

Бартминьский 2005 – *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Бредис 2017 – *Бредис М.А.* Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 346 с.

БСРП 2010 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Венжинович 2018 – *Венжинович Н. Ф.* Фраземіка української літературної мови: когнітивний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 2018. 504 с.

Гусев, Тульчинский 1985 – *Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М.: Политиздат, 1985. 192 с.

Дядечко 2001 – *Дядечко Л.П.* Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие. Ч. 1: А–Г. К.: Комп'ютерпрес, 2001. 145 с.

ЕСУМ 1982 – *Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О.С. Мельничук: у 7 т. Т. 1: А–Г. К.: Наукова думка, 1982. 631 с.*

Зимин, Спириин 1996 – *Зимин В.И., Спириин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.

Копорова и др. 2016 – *Копорова К., Голубкова М., Плішкова А.* Русиньско-російські фразеологічні еквіваленти із звірячим компонентом // Русин. 2016. № 3 (45). С. 68–89. DOI: 10.17223/18572685/45/6

Ломакина, Мокиенко 2009 – *Ломакина О.В.* Диахронический эллипсис паремий как способ появления новых фразеологизмов в русском языке (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // Слово в языке и речи: междунар. сб.

науч. тр. в честь 70-летия д-ра филол. наук проф. О.И. Литвинниковой. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2009. С. 201–205.

Ломакина, Мокиенко 2018 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // *Славянская микрофилология* / Под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies; № 34). С. 103–128.

Ломакина 2016 – *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин*. 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9

Ничипорчик 2015 – *Ничипорчик Е.В.* Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2015. 358 с.

Подобин, Зимина 1956 – *Подобин В.М., Зимина И.П.* Русские пословицы и поговорки. Л.: Лениздат, 1956. 423 с.

ПП 1989 – *Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини.* К.: Наукова думка, 1989. 479 с.

ПП 1990 – *Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру.* К.: Наукова думка, 1990. 524 с.

ПП 1991 – *Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 3: Взаємини між людьми.* К.: Наукова думка, 1991. 440 с.

Радбиль 2018 – *Радбиль Т.Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23–35.

Рыбникова 1961 – *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

Спирин 1985 – *Спирин А.С.* Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1985. 204 с.

Таглін 1994 – *Таглін С.* Про народні паремії, національну свідомість та «малоросіяństwo» як етнопсихологічний феномен // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків: Харків Око, 1994. Т. 3. С. 21–28.*

REFERENCES

Anikin, V.P. (1988) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bayramova, L.K. (2014) Proverbs in “Axiological Dictionary of the Russian Idioms, the Dictionary of Values and Antivalues”. *Vestnik Novgorodskogo*

gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav The Wise Novgorod State University. 77. pp. 10–12.

Bartminskiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [The Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Bradis, M.A. (2017) *Predstavleniya o denezhnykh otnosheniyakh v poslovitsakh (na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliyskogo yazykov)* [Representations of monetary relations in proverbs (in Russian, Latvian, Lithuanian, German and English)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bolshoy slovar' russkikh poslovi* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Venzhinovich, N.F. (2018) *Frazemika ukraïns'koï líteraturnoi' movi: kognítivniy ta língvokul'turologíchniy aspekti* [Phraseology of Ukrainian standard language: Cognitive and Linguocultural Aspects]. Philology Dr. diss. Kyiv.

Gusev, S.S. & Tulchinskiy, G.L. (1985) *Problema ponimaniya v filosofii* [The problem of understanding in philosophy]. Moscow: Politizdat.

Dyadechko, L.P. (2001) *Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatyye slova – krlatí slova (materialy dlya slovary)* [New in Russian and Ukrainian speech: Catchwords (materials for the dictionary)]. Kyiv: Komp'yuterpres.

Melnichuk, O.S. (1982) *Etimologíchniy slovník ukraïns'koï' movi* [Ukrainian Etymological Dictionary]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (1996) *Poslovi* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow: Syuita.

Koporova, K., Golubkova, M. & Plíshkova, A. (2016) Rusin-russian idiomatic equivalents with the zoonymic component. *Rusin*. 3 (45). pp. 68–89 (In Rusin). DOI: 10.17223/18572685/45/6

Lomakina, O.V. (2009) Diakhronicheskiy ellipsis paremiy kak sposob moyavleniya novykh frazeologizmov v russkom yazyke (na materiale tekstologii L.N. Tolstogo) [Diachronic ellipsis of paroemia as a way of the emergence of new phraseological units in the Russian language (a case study of L.N. Tolstoy)]. In: Litvinnikova, O.I. (ed.) *Slovo v yazyke i rechi* [Word in Language and Speech]. Elets: Elets State University. pp. 201–205.

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paraemias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomati, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic Microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. pp. 103–128.

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the russian and ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

Nichiporchik, E.V. (2015) *Otrazheniye tsennostnykh oriyentatsiy v paremiyakh* [Values in paroemias]. Gomel: Gomel State University.

Podobin, V.M. & Zimina, I.P. (1956) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Leningrad: Lenizdat.

Pazyak, M.M. (ed.) (1989) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Radbil, T.B. (2018) Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russskoy yazykovoy kartine mira [Faith as the basis of world perception and world outlook in the Russian language picture of the world]. In: Arutyunova, N.D. & Kovshova, M.L. (eds) *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguocultural studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]. Moscow: Gnozis. pp. 23–35.

Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: USSR AS.

Spirin, A.S. (1985) *Russkie poslovitsy. Sbornik russkikh narodnykh poslovitsy i pogovorok, prislovits, molvushek, prigovorok, priskazok, krylatykh vyrazheniy literaturnogo proiskhozhdeniya* [Russian proverbs. The collection of Russian folk proverbs and sayings, molusvushki, priskazki and catchwords of literary origin]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University.

Taglín, S. (1994) Pro narodni paremií, natsional'nu svidomist' ta «malorosiyanstvo» yak etnopsikhologichnii fenomen [On people's paroemias, national consciousness and “Little Russians” as ethnopsychological phenomenon]. *Zbírnik Khar'kivs'kogo ístoriko-filologíchnogo tovaristva. Nova seriya*. 3. pp. 21–28.

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Olga V. Lomakina – St. Tikhon's Orthodox University, People's Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerij V. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

УДК 32.019.5

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/19

«ЯЗЫКИ НЕ ИЗУЧАЮТСЯ ПО СИМПАТИЯМ ИЛИ АНТИПАТИЯМ, А ПО ТРЕБОВАНИЯМ ПРАКТИЧЕСКОЙ НАДОБНОСТИ»: О СПОРЕ АКАДЕМИКОВ ЛАМАНСКОГО И СТОЯНОВИЧА О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДЕЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СЛАВЯН В НАЧАЛЕ XX в.

В.А. Болдин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект 27/4

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена дискуссии о роли русского языка в деле объединения славян, развернувшейся на страницах венского журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.) между двумя поколениями панславистов: «патриархом российского славяноведения», убежденным славянофилом В.И. Ламанским (1825–1902) и сторонником «нового славянского мировоззрения», лидером сербской Радикальной партии Любомиром Стояновичем (1860–1930). Анализ полемики двух ученых и общественных деятелей позволяет понять сущностные трансформации, происходившие в идеологии панславизма в начале XX в., объяснить причины возрождения интереса к «славянской идее» на рубеже веков, а также охарактеризовать панславизм в начале XX в. как «культурно-экономический».

Ключевые слова: панславизм, культурно-экономический панславизм, В.И. Ламанский, Л. Стоянович.

**“LANGUAGES ARE NOT STUDIED BY
SIMPATHIES OR ANTIPATHIES, BUT ONLY BY
REQUIREMENTS OF PRACTICAL SUITABILITY”:
THE DISPUTE BETWEEN ACADEMISTS
LAMANSKY AND STOYANOVICH ABOUT THE
ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR
INTEGRATION OF THE SLAVS IN THE EARLY
20TH CENTURY**

V.A. Boldin

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosov Avenue, Moscow, 119991, Russia
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Abstract

The article dwells on the discussion about the role of the Russian language for the integration of the Slavs between two generations of Pan Slavists: the “patriarch of Russian Slavic studies” and a convinced Slavophile V.I. Lamansky (1825–1902) and a supporter of the “new Slavic worldview”, leader of the Serbian “Radical Party” Lubomir Stojanovic (1860–1930), which unfolded in the journal “Slavyanskyy vek” (Vienna, 1900–1904). The analysis of their argumentation makes it possible to understand the transformations that took place in the ideology of Pan-Slavism in the early 20th century, to explain the revival of the interest in the “Slavic idea” at the turn of the century, and to characterize Pan-Slavism as “cultural and economic” phenomenon in the early the 20th century.

Keywords: Pan-Slavism, cultural-economic Pan-Slavism, V.I. Lamansky, L. Stojanovich.

**КРИЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПАНСЛАВИЗМА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

К концу XIX в. идеология панславизма¹ пребывала в состоянии кризиса (Прокудин 2018: 22). Основным фактором, предопределившим эволюцию во взглядах русских панславистов, стало бурное развитие капиталистических отношений. Экономический сдвиг требовал новых

идеологических обоснований. Поиск новых рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь, зарождавшаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая в конкуренции немецким производителям, пыталась занять свое место в новой экономической ситуации и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Основным идейно-теоретическим посылом русского панславизма в начале XX в. становится поиск путей экономической интеграции славянских территорий.

В начале XX в. в среде русских панславистов четко оформились два идеологических течения, взгляды которых на пути развития славянской идеи принципиально расходились. Первое, условно консервативное, сгруппировалось вокруг Славянского благотворительного общества и строго хранило верность «старым славянофильским» заветам. К нему можно отнести А.А. Башмакова, П.А. Кулаковского, В.Н. Кораблева, А.И. Соболевского, А.С. Будиловича, И.С. Пальмова и др. При этом было бы ошибочно считать, что представители консервативного направления в русском панславизме начала XX в. не замечали изменения исторических условий и не видели надобности в обновлении своей политической доктрины. О важности пересмотра ряда наиболее устаревших моментов панславизма, например, прямо говорил А.А. Башмаков, отмечая, что он сам видит славянскую идею «за пределами государственности и церковности», ведь «мерило русское – православие, самодержавие, народность – не может совпадать в полной тождественности с мерилом общеславянской истории...» (цит. по: Ненашева 1984: 59–60). Однако для них были характерны приверженность традиционным идеям об особой мессианской роли России в деле объединения славян, о совпадении национальных интересов России с интересами славянских народов (т. к. в отрыве от единственного независимого славянского государства последние не смогут обеспечить себе достойное существование и падут под натиском других народов) и признание «польского вопроса» внутривнутриполитическим делом России, не требующим политических компромиссов.

Вторую «партию» можно охарактеризовать как либеральную, «неославянофильскую». Первоначально она сложилась вокруг петербургского кружка «Славянская беседа», а затем венского журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.). Среди тех, кто относил себя к представителям «неославянофильства», ратовал за пересмотр основ славянской идеи, можно выделить И.В. Каменского, Г.А. Ильинского, Р.Г. Пржевальского, Д.Н. Вергуна, А.Л. Липовского. Для «неославянофилов»² были характерны следующие «новаторские» взгляды на

панславизм: 1) отказ от признания конфессионального фактора как главного в деле объединения славян; 2) пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; 3) отказ от славянофильской идеи противопоставления Востока и Запада, России и Европы; 4) особое внимание к культурной и экономической интеграции как будущей основе для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); 5) готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем.

Тем не менее и либералы, и консерваторы понимали неизбежность передела рынков сбыта, а славянские страны могли представлять собой интерес для набирающей ход русской промышленности. Ведь, как отмечает профессор К. Боекх, в конце XIX в. русский панславизм действительно трансформировался под влиянием процессов модернизации и индустриализации, охвативших Российскую империю. Обновленный «неопанславизм» (Neo-Pan-Slavism), или «неославизм» (Neo-Slavism)³, более не настаивал на доминирующей роли России в славянском мире, переместив акцент на противодействие немецкой гегемонии и распространение пангерманизма (Boesckh 2016: 108).

Однако отказ от старых, традиционных славянофильских схем славянской интеграции происходил достаточно болезненно. Одним из тех, кто до конца оставался верен идеалам славянофильства, был «патриарх российского славяноведения» В.И. Ламанский. Ключевой идеей панславизма Ламанского, характеризующего в современной литературе как «культурный панславизм», было представление об исключительной роли русского языка в деле объединения славян. Только через распространение русского языка как средства межславянской коммуникации возможно достичь славянского единства. Этот пункт являлся краеугольным камнем позиции сторонников «русской интеграции» славян (Гудков, Ширинянец 2001: 99).

Тем не менее к началу XX в. все яснее становится тот факт, что в новых условиях само по себе распространение русского языка не дает никаких политических дивидендов. В этой связи интересна позиция западных и южных славян по вопросу распространения русского языка. Насколько они были заинтересованы в этом?

Показательна дискуссия, развернувшаяся на страницах венского журнала «Славянский век» между двумя академиками и общественными деятелями, двумя поколениями идеологов славянского движения, русским и сербом – славянофилом «старой школы» Владимиром Ламанским и сторонником «нового славянского мировоззрения», лидером Радикальной партии Любомиром Стояновичем.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»

Для начала нужно сказать несколько слов об издании, на страницах которого развернулась эта показательная дискуссия. Журнал «Славянский век» начал выходить в свет в 1900 г. в Вене под редакцией известного деятеля славянского движения, представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства, а по некоторым данным, и вовсе сотрудника российской разведки (Миллер 2008: 175) Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Журнал сразу стал позиционировать себя как новый «всеславянский орган», который «не будет и не желает быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий», которые, по выражению Вергуна, часто носили официальный характер и субсидировались государством. Провозгласив себя «начинателем нового дела» и «хранителем славянофильских заветов», «Славянский век» поставил своими задачами «служить непосредственному распространению русского языка среди юго-западных славян, делу культурного единения славян путем взаимного ознакомления их на общеславянском языке и на почве практических, торговых интересов под девизом Палацкого: Svůj k svému (Свой к своему)» (Вергун 1900: 3). На тот момент издание было единственной независимой площадкой, на которой происходили важнейшие дискуссии о политических судьбах славянских народов. В России же издание подобного журнала до 1905 г. было попросту невозможно из-за действовавшей цензуры.

Кроме долгосрочной цели распространения русского языка как будущего языка межславянской коммуникации, «Славянский век» ставил перед собой и более утилитарные задачи, например, развитие торговых отношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом посредством предоставления возможности производителям и торговцам осуществлять общение при помощи журнала.

В политической программе журнала «Славянский век» четко фиксируется главный тренд в эволюции панславизма начала XX в. – усиление экономической составляющей и приоритет идей экономической интеграции славянских народов как единственного средства противостояния немецкой экономической экспансии. В то же время отмечается и преемственность взглядов с предыдущими поколениями русских панславистов. В связи с этим взгляды «круга» журнал «Славянский век» предлагал характеризовать как *культурно-экономический панславизм*. Данная трактовка дополняет существующие классификации русского панславизма как культурного и политического (Maxwell 2018: 634–635). Панславизм в начале XX в.

эволюционировал в сторону экономики и был именно культурно-экономическим. Данный термин представляется наиболее корректным, т. к., с одной стороны, он подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой – выделяет и его основное отличие – экономический аспект (Болдин 2018: 120–121).

Издание просуществовало до конца 1904 г., но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин, в первую очередь, из-за проблем с австрийскими и российскими властями (Вергун 1904b: 561–562; Егорова 2017: 155–159).

«СПОР ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ» – ДВА ВЗГЛЯДА НА БУДУЩЕЕ ПАНСЛАВИЗМА

Возвращаясь к дискуссии между Ламанским и Стояновичем, отметим, что ее можно смело охарактеризовать как «спор двух поколений». Свои взгляды Ламанский изложил в двух статьях: «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросах народности?».

Первая из двух статей, написанных для венского журнала, была опубликована в сдвоенном выпуске «Славянского века», № 9–10 за 1900 г. Примечательно, что статья вышла на двух языках – русском с параллельным переводом на немецкий. Можно предположить, что она была адресована, в первую очередь, западнославянскому читателю, а точнее, славянскому населению Австро-Венгрии, где представители интеллигенции считали «правилом хорошего тона» говорить скорее по-немецки, нежели знать свои собственные национальные языки.

Необходимо сказать, что к началу XX в. на территории Австро-Венгрии проживало около 46 млн чел., из которых более 20 млн были представителями славянских этносов (чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины) (Шапошников 1927: 23–25; Фоминых, Зиновьев 2015: 88). Таким образом, «славянский вопрос» являлся одним из ключевых во внутренней политике империи Габсбургов. Кроме того, экономическая неоднородность территорий империи, а также отстраненность нарождавшейся славянской буржуазии от основных источников капитала в Австро-Венгрии способствовали тому, что славянские политики и общественные деятели постоянно искали пути увеличения собственной национальной автономии, а также экономической независимости (Sandor 1981: 8). Соответственно, они были заинтересованы в налаживании связей с Россией – единственным независимым славянским государством, на поддержку которого могли рассчитывать.

Ламанский начинает свою статью следующими словами: «В Европе и отчасти в Америке живет с лишком 36 млн западных славян... По-

видимому, западное славянство представляет собой огромную силу и величину весьма почтенную и должно бы было внушать соседям высокое уважение к себе. Но, к сожалению, не так это в действительности» (Ламанский 1900а: 2). Автор отмечает, что, кроме сербов и болгар, ни один западнославянский народ не имеет своего государства. Тем не менее и на территории указанных стран политическая борьба и конфликты ставят под сомнение их успешное процветание. В своей статье он пытается разобраться и дать ответ на вопрос: в чем же причина подобного удручающего положения столь «могучей силы», как славянство?

Ламанский вынужден сделать вывод, что к концу XIX в. западное славянство «не согласно признавать за истину то простое положение, что в борьбе за равноправность народностей с сильным противником нужно иметь если не лучшее, то одинаковое с ним оружие» (Ламанский 1900а: 6). «Немцы, – продолжает он, – как и итальянцы когда-то, как по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературе и образованности и возымели общий литературный язык. У 36 миллионов славян – 7 или 8 (если считать кашубский) литературных языков... Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделенное на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но все же объединенным одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, североамериканца?» (Ламанский 1900а: 6).

Поэтому, по мысли Ламанского, только русский язык может стать универсальным средством коммуникации и межкультурного общения: «Ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория» (Ламанский 1900а: 7).

Вследствие этого единственным способом литературного, а в дальнейшем, возможно, и государственного объединения славянских народов становится распространение русского языка как общелитературного для всех славян. Дополнительным аргументом в пользу русского языка является, по мысли Ламанского, тот факт, что исторические противоречия и конфликты, раздирающие славянский мир,

никогда не позволят, например, полякам признать превосходство чешской культуры или языка, а сербам принять тот факт, что их литература и история менее «блистательна и важна», нежели история хорватов или словенцев. Таким образом, только Россия остается единственным неоспоримым эталоном в культурном, политическом и экономическом плане⁴.

Вторая статья В.И. Ламанского – «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» – была написана для журнала «Славянский век». В ней автор продолжает развивать свою концепцию культурной интеграции славянских земель с помощью русского языка.

Он пишет: «При справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте России никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50–100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200–300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайно развитию всякого рода сношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими» (Ламанский 1900b: 2–3). Т. е. призывы Ламанского способствовать распространению русского языка в славянском мире были продиктованы не только желанием помочь славянским народам избежать «онемечивания», но и геополитическими интересами России.

Автор в который раз убеждает своих читателей, что русский путь интеграции для славян является единственно разумным хотя бы потому, что «ни один из славянских языков, ни болгарский, ни сербохорватский, ни словенский, ни польский, ни чешский, ни словенский, т. е. словацкий, ни серболужицкий, словом, ни один славянский, за исключением русского, и в далеком будущем не может достичь значения языка общеславянского», а «для русского языка предстоит еще самое широкое распространение в Европе, в Азии, в Америке, между германцами, романцами, а затем и в остальном мире» (Ламанский 1900b: 3). Следует отметить, что тезис Ламанского о возрастании роли России в мире в начале нового столетия не кажется беспочвенным. Несмотря на то, что экономическое развитие России на рубеже веков носило скачкообразный характер, все же за относительно короткий срок Российская империя по темпам экономического роста сумела догнать ведущие индустриальные страны, такие, как Великобритания, Франция, США, Германия, а по некоторым показателям и опередить их (Гуторов 2014: 23).

В.И. Ламанскому представлялся очевидным тот факт, что только русская «национальность» и русский язык имеют «политический»

характер: «Эта национальность и этот национальный язык – единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка» (Ламанский 1900b: 6).

Завершая рассмотрение двух работ Ламанского, относящихся к позднему этапу его творческой деятельности, следует отметить последовательную его приверженность концепции «культурного панславизма», основанную на идее распространения русского языка как единственно возможного средства сближения славянских народов в культурном и политическом плане. Автор в «Славянском веке» выступает со схожими идеями, которые он высказал как в одной из первых своих статей «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864), которую Б.Ф. Егоров небезосновательно называет «первой откровенной программой русификаторского панславизма» (Егоров 2003: 100), так и в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». Включая славянский вопрос в антагонизм двух миров, греко-славянского и романо-германского, Ламанский рассматривал идею славянского единства, в первую очередь, как основу самосохранения славянства и России, как доказательство права славян и их культуры на существование.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» ПАНСЛАВИЗМ СТОЯНОВИЧА

С критикой позиций Ламанского, высказанных в вышеупомянутых статьях, выступает на страницах «Славянского века» сербский общественный деятель и ученый Любомир Стоянович (1860–1930). В ответ он публикует статью «Общеславянский язык», в которой пытается опровергнуть отжившие идеологемы «культурного панславизма».

Сербский общественный деятель уверяет, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в нынешних условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича, нет. Он уверяет, что причина столь медленного распространения русского языка не в его трудности, не в боязни обрусения, не в незначительности русской литературы, не в слабой деятельности книжных обществ, не в недостаточных усилиях ученых-филологов. Причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична – экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущается ни у серба, ни у хорвата, ни у чеха или поляка, т. к. все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. И разве в этом не ее вина? Рассуждая об экономическом

положении родной Сербии, Стоянович пишет: «Все мы всей своей жизнью направлены на Запад, особенно на Австрию и Германию. Почти вся наша ввозная и вывозная торговля связана с этими двумя государствами. На первом шагу за границей мы встречаемся с немецким языком. Немецкие торговые агенты являются не только в Белград, но и путешествуют по всем городам, часто научаются и по-сербски. Каждый торговец, и вывозящий, и ввозящий, если он желает преуспевать, должен знать по-немецки. Не только большинство образованных людей дополняет свое образование на Западе, но и книги, и газеты получают с большей быстротой, точностью и дешевизной с Запада, и всякий образованный человек, если он даже не выезжал из Сербии, должен знать по-немецки или по-французски» (Стоянович 1901: 4). В то же время с Россией торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели» (Стоянович 1901: 4). Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»? Важен следующий вывод Стояновича: «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности» (Стоянович 1901: 5).

Кроме того, Стоянович негативно оценивает и внешнюю политику России, и, в первую очередь, молчаливое согласие на оккупацию Австрией двух славянских территорий – Боснии и Герцеговины, а затем и подписание дипломатических соглашений с Австрией, «уступая ее влиянию славянские территории». «Уже тысяча двести лет, как немцы теснят славян; когда наступит конец этому?» (Стоянович 1901: 10). Он считал, что Россия не предпринимает никаких усилий по противодействию этому процессу и что у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, нет времени рассуждать об отвлеченных началах: «у нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению» (Стоянович 1901: 10), иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей.

Именно из-за этого «романтические» тезисы Ламанского кажутся славянскому деятелю уже изжившими себя. Если Россия не вернет себе экономическое влияние в регионе, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлеченные разговоры о философских основах «греко-славянского мира» и мечтания о русском языке как о средстве общения славян так и останутся мечтами.

Выводы Стояновича являются показательными, западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, а наоборот, наблюдая ее сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Им нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы славянским землям занять свое место в формировавшейся мировой капиталистической системе.

Стоянович в своих утверждениях о важности экономики в межславянских связях был не одинок. Подобные идеи были характерны и для славянских общественных деятелей, занявших особое место в кругу авторов журнала «Славянский век», – хорвата Степана Радича (1871–1928), болгар Стефана Бобчева (1853–1940) и Стефана Цанкова (1881–1965), серба Михаила Вуича (1853–1913), поляка Мариана Здеховского (1861–1938). Все они были убеждены, что Россия должна по-новому взглянуть на славянские народы как на равноценных партнеров, ведь обе стороны заинтересованы друг в друге, прежде всего, экономически.

Так, на страницах журнала «Славянский век» основатель Хорватской крестьянской партии Степан Радич выступил с рядом статей, среди которых особенно выделяется цикл работ под общим названием «Второй период славянского возрождения», посвященный идее необходимости консолидации усилий всех славян в новых исторических условиях (Радич 1901). В них он утверждал, что славяне все больше уходят в сторону от «призрачного политического панславизма». Не противопоставляя более себя Западной Европе, они движутся в сторону национального «космополитического сплочения» для обороны от германизма (Фрейдзон 1992: 215–222; Фоминых, Степнов 2015: 86–96).

Особые надежды на возрождение экономических и политических контактов между славянами возлагали болгарские деятели. Так, например, в статье «Славянская идея в Болгарии», опубликованной в 1902 г. в выпуске № 46 журнала «Славянский век», известный богослов Стефан Цанков приходит к выводу, что «болгары стонут под тяжким немецким игом», и вместо того, чтобы развивать собственную промышленность и искать новые рынки для своих продуктов, они оказались в условиях экономического рабства. Поэтому он призывает к развороту во внешней политике к России, активизации работы таких организаций, как «Болгарское славянское общество», «Комитет Царя Освободителя», «Славянская беседа». Именно их деятельность поможет возродить не только культурные и политические, но и экономические связи Болгарии с «великим русским народом», своим «естественным покровителем и другом» (Цанков 1902: 620–624).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

К началу XX в. славянская идея вновь переживала период своего возрождения. Однако в новых реалиях панславизм приобретает и новое наполнение – культурно-экономическое. Вследствие этого «старое славянофильство» с его идеями о мессианской роли России и универсальности русского языка находит все меньший отклик в сердцах западных и южных славян. Кроме того, происходит и изменение социального состава «славянского движения», которое все больше привлекает «практичную» молодую славянскую буржуазию, не оставаясь идеологией «романтиков», ученых-славистов, как это было ранее. Понимая бесперспективность навязывания сугубо «русского пути» интеграции славян, идеологи «нового славянского мировоззрения» отказываются от доминирующей роли русского языка. Западные и южные славяне, по-прежнему надеясь на Россию как на возможного союзника, тем не менее не удовлетворялись ее осторожными шагами во внешней политике, а особенно нежеланием активнее продвигать свои экономические интересы в регионе, что было обусловлено неготовностью портить отношения с Австро-Венгрией и Германией. Кроме того, старые славянофильские схемы казались молодому поколению панславистов иллюзорными, оторванными от реальной политической конъюнктуры и, как следствие, исчерпавшими себя (Кострикова 2017).

Попытка реализации вышеуказанных идей и институализации славянского движения была предпринята в ходе проведения Предварительного съезда русских филологов (Санкт-Петербург, 1903), двух Всеславянских съездов (Прага, 1908; София, 1910), Съезда славянских журналистов (Любляна, 1908), в создании Общества славянской взаимности (Петербург, 1909), Союза славянских врачей (Прага, 1908), Общества славянского научного единения (Петербург, 1912) и др. Более того, в ходе многочисленных встреч и совещаний представителей общественно-политических, научных и промышленных кругов славянских стран не раз поднимались вопросы о проведении славянских промышленных и торговых выставок, обсуждались устав Славянского банка, вопросы развития славянского туризма. Некоторые из этих предложений были успешно реализованы. Однако из-за вышеуказанного раскола в рядах панславистов, а также вследствие геополитических потрясений эпохи (аннексия Боснии и Герцоговины, балканские войны, Первая мировая война и др.) «славянская идея» так и не нашла своего полного воплощения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном исследовании в качестве рабочего используется определение панславизма как идейно-теоретического комплекса, данное А.А. Ширинянцем: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей» (Ширинянец 2008: 75).

2. Интересен тот факт, что, по мнению издателя журнала «Славянский век» Д.Н. Вергуна, название «неославянофильство» было использовано газетой «Санкт-Петербургские ведомости» при нападках на порожденное «Славянским веком» движение и лично на самого Вергуна. Однако сам Вергун отнюдь не считает его негативно окрашенным, так же, как и термин «панславизм», взамен которому некоторые предлагают использовать «великославизм». Для Вергуна подобная игра терминами не более чем схоластика, от которой стоит отказаться. Главным же остается то, какое содержание вкладывается в них (Вергун 1904: 293).

3. В данном исследовании за исходную берется гипотеза о некорректности утвердившейся в отечественной науке дихотомии «панславизм – неославизм», согласно которой в начале XX в. появляется совершенно новая идеология – «неославизм», на корню порывающая с предыдущей традицией «русского панславизма». Нам представляется более корректным, что в начале новой эпохи «панславизм» лишь трансформируется под влиянием исторических условий, а «неославизм» становится его логичным продолжением. Подробнее об этом см.: Болдин 2018: 61–78; Григорьева 2013: 45.

4. Нужно отметить, что тезис Ламанского о необходимости распространения русского языка в качестве средства культурного и дипломатического общения, центральный для культурного панславизма, не был поддержан не только молодыми славистами нового поколения, но и многими общественно-политическими деятелями славянского мира. Так, например, один из постоянных авторов журнала «Славянский век», видный деятель славянского движения начала XX в. Илья Владимирович Каменский, человек уже не славянофильского мировоззрения, в своей программной статье «Тезисы панславизма» писал, что дипломатическим языком будущей славянской федерации (Славянского союза) вполне может стать и французский язык, который позволит избежать конфликтов в славянском мире (Каменский 1903: 323–324).

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин 2018 – *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2018. 376 с.
- Вергун 1900 – *Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1900. Вып. 2. С. 3.
- Вергун 1904а – *Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1904. Вып. 82. С. 293.
- Вергун 1904б – *Вергун Д.Н.* От редактора-издателя // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 561–562.
- Григорьева 2013 – *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск: Аспринт, 2013. 199 с.
- Гудков, Ширинянец 2001 – *Гудков А.Д., Ширинянец А.А.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.
- Гуторов 2014 – *Гуторов В.А.* «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретаций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 2. С. 21–29.
- Егоров 2003 – *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянских культур, 2003. 368 с.
- Егорова 2017 – *Егорова К.Б.* Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому // Библиотека журнала «Русин». 2017. № 1. С. 155–159. DOI: 10.17223/23451734/6/9
- Каменский 1903 – *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322–325.
- Кострикова 2017 – *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.
- Ламанский 1900а – *Ламанский В.И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2–15.
- Ламанский 1900б – *Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 2–8.
- Миллер 2008 – *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Ненашева 1984 – *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М.: Наука, 1984. 239 с.
- Прокудин 2018 – *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с.
- Радич 1901 – *Радич С.* Второй период славянского возрождения // Славянский век. 1901. Вып. 25. С. 4–7; Вып. 26. С. 44–46; Вып. 28. С. 101–105;

Вып. 29. С. 133–136; Вып. 30. С. 163–166.

Стоянович 1901 – *Стоянович Л.* Общеславянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // *Славянский век*. 1901. Вып. 15. С. 4–10.

Фоминых, Зиновьев 2015 – *Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 83–94. DOI: 10.17223/18572685/39/6

Фоминых, Степнов 2015 – *Фоминых С.Ф., Степнов А.О.* Публицистика С. Радича на страницах журнала «славянский век» (1900–1905 гг.) // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 86–96. DOI: 10.17223/18572685/42/7

Фрейдзон 1992 – *Фрейдзон В.И.* Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» (1901 г.) // *Балканские исследования*. Вып. 16: Российское общество и зарубежные славяне (XVIII – начало XX века). М.: Наука, 1992. С. 215–222.

Цанков 1902 – *Цанков Стефан.* Славянская идея в Болгарии // *Славянский век*. 1902. Вып. 46. С. 620–624.

Шапошников 1927 – *Шапошников Б.М.* Мозг армии: в 3 кн. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927. Кн. 1. 259 с.

Ширинянец 2008 – *Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008. 412 с.

Boeckh 2016 – *Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // *Boeckh K., Rutar S.* The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory. Palgrave: Basingstoke, 2016. P. 105–137.

Maxwell 2018 – *Maxwell Alexander.* Effacing Pan-Slavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46, is. 4. P. 633–653. DOI: 10.1080/00905992.2017.1374360

Sandor 1981 – *Sandor Kostya.* Pan-Slavism / ed. by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. 109 p.

REFERENCES

Boldin, V.A. (2018) *Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genezis i evolyutsiya* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution]. Moscow: Akvilon.

Vergun, D.N. (1900) *Ot redaktora* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 2. p. 3.

Vergun, D.N. (1904) *Ot redaktora* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 82. p. 293.

Vergun, D.N. (1904a) *Ot redaktora-izdatelya* [From the editor]. *Slavyanskiy vek*. 92. pp. 561–562.

Grigorieva, A.A. (2013) *Panslavizm: ideologiya i politika (40-ye gody XIX – nachalo XX veka)* [Pan-Slavism: ideology and politics (the 1840s – early 20th centuries)]. Irkutsk: Asprint.

Gudkov, A.D. & Shirinyants, A.A. (2001) *Politicheskaya mysl' Rossii. Tvorcheskie portrety: Vladimir Ivanovich Lamanskiy* [Russian political thought. Creative

portraits: Vladimir Ivanovich Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 1. pp. 94–119.

Gutorov, V.A. (2014) “*Russkiy vopros*” i pervaya mirovaya vojna: o nekotorykh tendentsiyakh sovremennykh interpretatsiyakh [The “Russian Question” and the First World War: Some Trends in Modern Interpretations]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS – Political Expertise: POLITEX*. 10 (2). pp. 21–29.

Egorov, B.F. (2003) *Ot Khomyakova do Lotmana* [From Khomyakov to Lotman]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Egorova, K.B. (2017) Letters from D.N. Vergun to P.A. Kulakovskiy. *Biblioteka zhurnala “Rusin” – Rusin Journal Library*. 1. pp. 155–159 (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/6/9

Kamenskiy, I.V. (1903) *Tezisy panslavizma* [Theses of Pan-Slavism]. *Slavyanskiy vek*. 59. pp. 322–325.

Kostrikova, E.G. (2017) *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavyanskiy vopros: Ideynaya bor'ba v rossiyskom obshchestve v nachale XX veka* [Geopolitical interests of Russia and the Slavic question: Ideological struggle in the Russian society at the beginning of the XX century]. Moscow: Kuchkovo Pole.

Lamansky, V.I. (1900) *Vzglyad na sud'by yugo-zapadnogo slavyanstva* [A look at the fate of southwestern Slavs]. *Slavyanskiy vek*. 9–10. pp. 2–15

Lamansky, V.I. (1900a) *Mozhno li upodoblyat' Rossiyu Avstro-Vengrii v voprose o narodnostyakh?* [Can we liken Russia to Austria-Hungary in the question of nationalities?]. *Slavyanskiy vek*. 11–12. pp. 2–8.

Miller, A.I. (2008) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and nationalism. Essay on the methodology of historical research]. Moscow: NLO.

Nenasheva, Z.S. (1984) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v Chekhii i Slovakii v nachale XX v.* [The ideological and political struggle in the Czech Republic and Slovakia in the early 20th centuries]. Moscow: Nauka.

Prokudin, B.A. (2018) *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Russia's Policy and Thought in the Nineteenth Century]. Moscow: Moscow State University.

Radich, S.A. (1901) *Vtoroy period slavyanskogo vrozozhdeniya* [The second period of the Slavic revival]. *Slavyanskiy vek*. 25. pp. 4–7.

Stojanovich, L (1901) *Obshcheslavyanskiy yazyk (Posvyashchayetsya V.I. Lamanskomu)* [Common Slavic language (Dedicated to V.I. Lamansky)]. *Slavyanskiy vek*. 15. pp. 4–10.

Fominykh, S.F. & Zinoviev, V.P. (2015) The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins. *Rusin*. 1 (39). pp. 83–94 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/6

Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2015) Publicism of S. Radich in the Slavic Century Journal (1900–1905). *Rusin*. 4 (42). pp. 86–96 (In Russian). DOI: 10.17223

/18572685/42/7

Freidson, V.I. (1992) Stat'i Stepana Radicha v zhurnale "Slavyanskiy vek" (1901 g.) [Articles of Stepan Radich in the "Slavic Century" magazine (1901)]. *Balkanskiye issledovaniya*. 16.

Tsankov, S. (1902) *Slavyanskaya ideya v Bolgarii* [Slavic idea in Bulgaria]. *Slavyanskiy vek*. 46. pp. 620–624.

Shaposhnikov, B.M. (1927) *Mozg armii* [The Brain of the Army]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

Shirinyants, A.A. (2008) *Russkiy khranitel': politicheskiy konservatizm M.P. Pogodina* [Russian Guardian: Political Conservatism of M.P. Pogodin]. Moscow: Russkiy mir.

Boeckh, K. (2016) The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13. In: Boeckh, K. & Rutar, S. *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory*. Palgrave: Basingstoke.

Maxwell, A. (2018) Effacing Panslavism: linguistic classification and historiographic misrepresentation. *Nationalities Papers*. 46 (4). pp. 633–653. DOI: 10.1080/00905992.2017.1374360

Sandor, K. (1981) *Pan-Slavism*. Astor Park, Florida: Danubian Press.

Болдин Владимир Алексеевич – преподаватель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Vladimir A. Boldin – Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: boldin.va@gmail.com

УДК 327.7

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/20

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА*

Е.Ф. Троицкий¹, В.П. Зиновьев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: eft@rambler.ru

²E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается история становления и деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – военно-политического альянса, созданного Россией в начале 2000-х гг. и объединяющего в настоящее время Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан. По первоначальному замыслу ОДКБ была призвана служить ключевым инструментом поддержания стабильности и обеспечения безопасности на пространстве СНГ, усилить позиции России на постсоветском пространстве и – через координацию внешней политики стран-участниц – на международной арене. Авторы настоящей статьи выделяют основные этапы эволюции ОДКБ, оценивают реальную роль организации в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве и ее перспективы. В статье рассматриваются нормативные рамки функционирования ОДКБ, ожидания стран альянса от участия в организации. Авторы приходят к выводу, что организацию можно отнести к т. н. режимам мертвой буквы – категории международных режимов, которые отличает высокая формализация нормативных рамок в сочетании с низкими ожиданиями акторов, что зафиксированные нормы действительно будут соблюдаться. Страны-участницы, в сущности, не нуждаются в ОДКБ для реализации своих стратегических целей, за ней закреплена некоторая координационная военно-политическая роль в Центральной Азии. Стагнация остается для ОДКБ наиболее реальной ближайшей перспективой.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Ключевые слова: ОДКБ, Россия, страны СНГ, безопасность.

THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANISATION: EMERGENCE, EVOLUTION AND CRISIS OF THE MILITARY-POLITICAL ALLIANCE*

E.F. Troitskiy¹, V.P. Zinoviev²

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: eft@rambler.ru

² E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

The paper focuses on the history of the emergence and functioning of the Collective Security Treaty Organisation (CSTO), a military-political alliance initiated by Russia in the early 2000s. Nowadays the alliance unites Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Initially, the CSTO was meant to become a key instrument of maintaining stability and providing security in the CIS space and to consolidate Russia's positions as a coordinator of member-states' foreign policies in the post-Soviet space. The authors point out the main stages of the CSTO's evolution and evaluate its role in the interstate relations in the post-Soviet space. Accordingly, the paper focuses on the CSTO's normative framework and member states' expectations from the alliance. The authors argue that the CSTO can be conceptualized as a so-called dead letter regime, an international regime marked with a high formalization of its normative framework combined with low expectations of relevant actors that the established norms would really be followed. Essentially, the participating countries do not need the CSTO for the pursuit of their strategic objectives, though the Organisation performs some residual functions in Central Asia. Thus, stagnation remains CSTO's most likely perspective.

Keywords: CSTO, Russia, CIS countries, security.

ОДКБ была сформирована на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного Россией, Арменией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном в Ташкенте в мае 1992 г. Азербайджан, Белоруссия и Грузия присоединились к договору в 1993 г. ДКБ учреждал военный альянс классического типа: 4-я статья

* The research was supported by the Government contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017/4.6.

договора приравнивала агрессию против одного из государств-участников к агрессии против всех участников. «В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников» стороны обязывались «приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы» (Договор 1992).

В 1990-е гг. Договор о коллективной безопасности оставался, по сути, мертвой буквой. Россия заявляла, что стремится к созданию действенного оборонного союза на основе договора, но на практике демонстрировала безразличие к судьбе ДКБ. В организационно-административном плане ДКБ был связан с приходившими в упадок структурами СНГ. В рамках договора был принят целый ряд документов, в т. ч. Концепция коллективной безопасности, содержащая длинный список общих угроз военной безопасности. В этом документе излагались амбициозные планы на будущее, а также декларировалось создание коалиционных военных формирований и совместной системы противовоздушной обороны; предполагалось даже «рассмотреть вопрос о создании объединенных вооруженных сил» (Концепция 1995).

Однако совместное военное строительство существовало только на бумаге, а в ДКБ не были созданы даже единые штабные структуры. Договор не стал совместным инструментом реагирования на ситуацию в Афганистане. Объединенная система ПВО существовала в усеченном виде, не охватывая Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Остались на бумаге и планы создать единое пограничное пространство, управляемое тремя региональными командованиями.

В рамках ДКБ противоречия между странами-участницами зачастую носили более острый характер, чем между членами альянса и потенциальными внешними противниками. Армения и Азербайджан фактически находились в состоянии войны из-за Нагорного Карабаха. Грузия все более враждебно воспринимала миротворческую операцию СНГ (фактически – российскую миротворческую операцию) в Абхазии и поддержку, оказываемую Россией Абхазии и Южной Осетии. Узбекистан выражал недовольство российской политикой в Таджикистане.

В апреле 1999 г., после истечения первого пятилетнего периода действия ДКБ, Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлевать участие в альянсе. С новым составом участников центр тяжести Договора о коллективной безопасности сместился в Центральную Азию. В «сузившемся» ДКБ не было острых внутренних противоречий, но недоставало сплоченности на основе общих интересов и целей.

За сменой власти в России в конце 1999 г. последовала попытка Москвы трансформировать ДКБ в реально действующий инструмент российской внешней и военной политики. Новое российское руководство поставило проблему безопасности в центр политики на постсоветском пространстве. Центральная Азия стала рассматриваться как регион, уступающий по интенсивности исходящих из него угроз только Северному Кавказу.

В августе 1999 г. вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в Баткенскую область Киргизии продемонстрировало, что давление на правительства стран Центральной Азии со стороны террористических и религиозно-экстремистских группировок, воспользовавшихся для своей консолидации возможностью базироваться в Афганистане и контролировать транзит афганских наркотиков, значительно усиливается. Летом 2000 г. Киргизия и Узбекистан подверглись новым атакам ИДУ. Баткенские события высветили низкую степень готовности центральноазиатских стран к самостоятельному противодействию антиправительственным силам. Обострение обстановки в Центральной Азии активизировало взаимозависимость в сфере безопасности между странами региона и Россией, развернувшей в августе 1999 г. масштабную антитеррористическую операцию на Северном Кавказе.

Усиление исходящих из Афганистана угроз и интенсификация двустороннего военного и военно-технического сотрудничества России с Киргизией и Узбекистаном позволили российскому руководству приступить к реформе Договора о коллективной безопасности. В июне 2000 г. страны ДКБ заключили Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества, открывшее возможность для поставок российской военной техники союзникам по внутренним ценам. В мае 2001 г. на саммите ДКБ было принято решение о создании первого совместного военного формирования – Коллективных сил быстрого развертывания численностью 1,5 тыс. военнослужащих (Секретариат ОДКБ 2006).

Стратегическая обстановка вокруг Центральной Азии резко изменилась после событий 11 сентября 2001 г. Столкнувшись с перспективой начала военной операции США против движения «Талибан» и развертывания американских баз в Центральной Азии, Россия попыталась убедить страны последней в необходимости выработать согласованную позицию по проблеме американского военного присутствия в регионе. Выяснив, что Вашингтон не нуждается в российском посредничестве при взаимодействии со странами Центральной Азии, готовыми допустить размещение у себя американских военных баз и без согласия Москвы, российское руководство заявило, что поддерживает исполь-

зование Соединенными Штатами военной инфраструктуры в этом регионе. При этом Россия дала понять, что рассматривает американское военное присутствие как временное и обусловленное исключительно необходимостью стабилизировать ситуацию в Афганистане.

Содействие, оказанное Россией американской операции в Афганистане, привело к временному снижению напряженности в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Страны ДКБ стали в меньшей степени ощущать необходимость выбора между сотрудничеством с Россией и развитием отношений с США, что облегчило для российского руководства решение задачи переформатирования Договора о коллективной безопасности. В мае 2002 г. на встрече глав государств ДКБ было заявлено о намерении создать на базе договора международную организацию. В октябре 2002 г. был подписан Устав ОДКБ.

Устав определил цели ОДКБ как «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности» и «защиту на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов». В документе закреплён принцип обязательности исполнения решений, принятых в рамках ОДКБ. Страны-члены обязались согласовывать «внешнеполитические позиции по международным и региональным проблемам безопасности» и принимать меры по «гармонизации национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности». Устав оговаривает необходимость консультаций с союзниками при принятии странами ОДКБ решений о «размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры» государств, не входящих в организацию (Устав 2002).

На основании анализа устава и положений об институтах и органах ОДКБ можно заключить, что организация является режимом коллективной обороны, в котором обеспечены высокая формализация и взаимосогласованность принципов и норм, но не правил и процедур принятия решений. В частности, критически важная 4-я статья договора едва ли не «висит в воздухе», поскольку так и не была разработана процедура приведения ее в действие.

В последующие за созданием ОДКБ годы Россия приложила немалые усилия к развитию нормативно-правового базиса и институциональной надстройки организации. В 2004 г. приступил к работе Объединенный штаб ОДКБ. В 2005 г. в рамках ОДКБ было подписано соглашение о подготовке военных кадров, предусматривающее бесплатное для направляющей стороны обучение военнослужащих в ряде военно-учебных заведений остальных стран-участниц. Был принят пакет документов о миротворческой деятельности организации. В 2009 г. у альянса появился еще один военный инструмент –

Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), призванные участвовать в «локализации вооруженных конфликтов» и «мероприятиях по борьбе с международным терроризмом» (Соглашение 2009).

Этнический конфликт, охвативший юг Киргизии в июне 2010 г., подтолкнул Россию к инициированию пересмотра норм ОДКБ. В конце 2010 г. в Ташкентский договор и Устав ОДКБ были внесены изменения, включающие положения о «реагировании на кризисные ситуации, угрожающие безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-членов» (Пресс-релиз 2010). ОДКБ получила право размещать КСОР на территории страны – участницы альянса, если последняя обратится за помощью в «кризисной ситуации», а не только в случае агрессии. Наряду с вооруженными силами ОДКБ получила право использовать подразделения полиции, специальных служб и пограничных войск. Таким образом, мандат альянса был значительно расширен: была предусмотрена возможность вмешательства организации во внутренние кризисные ситуации стран-участниц. В то же время реформа 2010 г. сделала нормативные рамки ОДКБ более размытыми, поставив рядом с четким понятием внешней агрессии расплывчатые концепты «стабильность» и «кризисные ситуации». Кроме того, принятие новых принципов и норм не было подкреплено разработкой соответствующих правил и процедур принятия решений.

Первоначально Россия рассматривала ОДКБ как потенциальный «евразийский аналог» НАТО, альянс, способствующий реализации ее внешнеполитических целей на нескольких региональных направлениях и на международной арене в целом. У других стран ОДКБ изначально были более узкие, локализованные ожидания от участия в организации. Важным для них было стремление избежать втягивания в противоречия между Россией и Западом.

Армения нуждается в союзе с Россией в качестве гарантии, что Азербайджан не возобновит войну в Нагорном Карабахе, где перемирие 1994 г. зафиксировало благоприятный для Еревана статус-кво. При этом Ереван активно развивает сотрудничество с НАТО, официально рассматривая Североатлантический альянс в разительном противоречии с позицией России как фактор, «снижающий угрозы» военной безопасности страны (Military Doctrine 2007: 6). В то же время Армения, в отличие от других стран ОДКБ, прямо заинтересована в действенности 4-й статьи Ташкентского договора и выражала недовольство тем, что ее положения не подкреплены соответствующими процедурными нормами.

Двусторонний союз с Россией, скрепленный присутствием в Армении российской военной базы и пограничников, служит для Еревана

достаточным обеспечением его стратегических интересов. Политическое значение собственно ОДКБ состоит для Армении в расчете на то, что центральноазиатские страны альянса и Белоруссия, будучи формально союзниками Еревана, воздержатся от дипломатической поддержки позиции Азербайджана по карабахской проблеме.

Руководство *Белоруссии* воспринимало как главную угрозу безопасности возможность организации масштабных антиправительственных протестов, которые получили бы поддержку со стороны ЕС и США. Союз с Россией был изначально выбран президентом страны А.Г.Лукашенко в качестве средства сохранения и укрепления белорусской политической и экономической модели. Двусторонний военный альянс с Россией был вполне достаточен для Минска. «Ценность» ОДКБ состояла в том, что организация стала одной из арен, используемых Белоруссией для демонстрации либо лояльности России, либо недовольства действиями Москвы. Показательно, что хотя Концепция национальной безопасности страны содержит «правильный» набор тезисов о «повышении эффективности ОДКБ» и «придании ей роли основного инструмента коллективной безопасности на постсоветском пространстве» (Концепция 2010), законодательство Белоруссии запрещает участие национальных вооруженных сил в военных конфликтах за пределами ее территории. Минск ясно дал понять, что ни при каких обстоятельствах не направит войска в Центральную Азию.

Казахстан является стратегически уязвимой страной с протяженными границами, не защищенными природными барьерами, и низкой плотностью населения. Двусторонний военный союз с Россией, которого Казахстан придерживался с первых дней независимости, служит наиболее адекватным и малозатратным инструментом, позволяющим повысить защищенность страны от внешних угроз. В то же время определенную стратегическую значимость для Казахстана имеет и ОДКБ, обеспечивающая дополнительные гарантии того, что Россия вмешается в случае обострения ситуации в Киргизии или Таджикистане, избавив Казахстан от необходимости самостоятельно нести бремя поддержки стабильности в малых странах региона. Казахстан к тому же может рассчитывать на возможность оказать влияние на действия России в отношении Киргизии или Таджикистана, если таковые будут предприниматься в рамках ОДКБ.

Участие в ОДКБ, однако, не помешало Казахстану активно развивать отношения с США и НАТО. Его военная доктрина 2007 г. содержала тезисы о модернизации вооруженных сил «по стандартам НАТО» и «укреплении сотрудничества с США» (Военная доктрина 2007). В 2006 г. Казахстан подписал Индивидуальный план партнерства с НАТО.

Киргизия, страна с практически недееспособной армией и самыми низкими в СНГ расходами на оборону, нуждалась в военном альянсе с Россией для защиты от вторжений с юга, помощи в случае возникновения внутригосударственных конфликтов и получения помощи деньгами и оружием. Отдавая риторическую «дань уважения» ОДКБ, Киргизия не могла внести собственного вклада в многосторонний режим безопасности и вряд ли рассчитывала на поддержку кого-либо из союзников, кроме России. Хотя Россия оказывала помощь киргизским вооруженным силам и открыла в стране военную базу в 2003 г., Москва стремилась отделить собственные интересы от ожиданий киргизского руководства. В феврале 2009 г. президент Киргизии К.С. Бакиев во время визита в Россию заверил, что американская военная база в стране будет закрыта, получив (если верить обеим сторонам, по случайному совпадению) российскую финансовую помощь и обещания новых, более значительных денежных вливаний. Однако через несколько месяцев Бишкек, добившись от США повышения арендных платежей за базу, принял решение сохранить ее, переименовав в Центр транзитных перевозок. Тем временем переговоры с Россией об открытии в Киргизии второй российской военной базы застопорились.

Неудивительно, что во время событий апреля 2010 г. в Бишкеке, приведших к насильственному отстранению Бакиева от власти, киргизское правительство не получило российской поддержки. Напротив, российские должностные лица публично осудили Бакиева за коррупционность, проявив непривычную солидарность с выступившей против законных властей оппозицией.

Межэтнические столкновения, охватившие юг Киргизии в июне 2010 г., вынудили Временное правительство страны обратиться к России с просьбой об отправке в Киргизию миротворцев. Российское руководство, не имевшее намерений вмешиваться в двусмысленную и чреватую многими рисками ситуацию, ответило, что беспорядки являются внутренним делом Киргизии и бишкекские власти должны «справляться сами» (Медведев 2010). Россия перенаправила вопрос на рассмотрение ОДКБ, ставшей в этом случае полезным инструментом, позволившим России избежать нежелательных действий. Показательно, что Бишкек был фактически лишен возможности обратиться в организацию напрямую, поскольку генеральный секретарь ОДКБ Н.Н. Бордюжа и Временное правительство страны не пришли к согласию относительно того, кто является законным представителем Киргизии в ОДКБ.

Вариант военного вмешательства ОДКБ в события на юге Киргизии был заведомо исключен, поскольку Россия не созвала чрезвычайный

саммит организации, правомочный принимать подобные решения, предпочтя провести встречу консультативного органа – Комитета секретарей советов безопасности. Комитет пообещал помочь Киргизии военным снаряжением и оборудованием и не исключил, что ситуация может потребовать созыва встречи на высшем уровне. Временное правительство отозвало просьбу о миротворцах, но попросило Россию предоставить войска для защиты стратегически уязвимых объектов. Ответ вновь был отрицательным.

Реакция Москвы на киргизский кризис позволила России избежать немалых затрат, возможных человеческих жертв и неизбежно поднявшейся бы волны критики на международной арене. Однако репутации ОДКБ был нанесен урон, и в полной мере проявился разрыв между ожиданиями, связываемыми с лидером организации (Россией) и одной из малых стран-участниц. Российское руководство признало, что ОДКБ нуждается в реформировании, и в декабре 2010 г. был принят рассмотренный выше пакет поправок к уставу организации.

После гражданской войны 1992–1997 гг. *Таджикистан* оставался слабым, внутренне раздробленным государством, где достигнутое мирное урегулирование поддерживалось российским военным контингентом. Хотя позиции президента Э. Рахмона и возглавляемого им кулябского клана постепенно усиливались, российская военная поддержка оставалась критически необходимой для таджикских властей. Россия успешно пресекала предпринимаемые таджикскими властями попытки «выбить» из нее чрезмерные, с точки зрения Москвы, преференции и ограничивала Душанбе в проявляемое время от времени стремлении зайти «слишком далеко» в проведении провозглашенной Таджикистаном «многовекторной» внешней политики. Таджикистан демонстрировал лояльность ОДКБ, неизменно подписывая все документы, и лишь однажды пригрозил бойкотом саммита организации из-за «энергетического кризиса в стране» (намекнув тем самым, что ожидает от России поддержки в разногласиях с Узбекистаном по проблеме строительства Рогунской ГЭС) (Президент Таджикистана 2009). Однако интересы Таджикистана обеспечивались именно союзом с Россией, а не участием в ОДКБ. Собственный вклад Таджикистана в коллективное военное строительство оставался чисто символическим.

Деятельность ОДКБ, как правило, не оправдывала ожиданий *России*, и первоначально проявленный российским руководством энтузиазм относительно перспектив организации явно пошел на спад к концу 2000-х гг. В ОДКБ сложилась устойчивая практика несоблюдения союзниками норм организации. Не работала координация внешней политики по ключевым международным проблемам: союзники проявляли готовность говорить в один голос лишь по отдельным вопро-

сам второстепенной значимости либо в подтверждение наиболее общих, бесспорных принципов международного права. Решения о размещении военных контингентов третьих стран на территории государств ОДКБ принимались правительствами стран-участниц без консультаций с союзниками. Так и не материализовались коалиционные силы ОДКБ: создание КСОР осталось высшей точкой военного строительства в рамках организации. Не увенчались успехом попытки России убедить руководство НАТО взаимодействовать с ОДКБ как с международной организацией хотя бы по политически «нейтральным» вопросам, таким, как борьба с наркотрафиком и нелегальной миграцией: Североатлантический альянс настаивал на сотрудничестве со странами ОДКБ сугубо на двусторонней основе.

В июле 2008 г. важное значение ОДКБ для внешней политики России было закреплено в Концепции внешней политики Российской Федерации (Концепция 2008). Однако вскоре страны ОДКБ провалили тест на солидарность с Россией. На саммите организации, созванном после российско-грузинского конфликта, союзники Москвы, осудив Грузию, не согласились на использование в итоговой декларации термина «грузинская агрессия». Несмотря на давление со стороны России, особенно на Белоруссию, ни одна из стран ОДКБ не солидаризировалась с Россией в признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

Российское недовольство деятельностью ОДКБ усугубляла политика Узбекистана, вступившего в организацию в 2006 г., что стало уступкой Москве в обмен на поддержку во время кризиса в отношениях Ташкента с США и ЕС, последовавшего после андижанских событий. Узбекистан фактически взял курс на бойкот ключевых решений в рамках организации. Реформа ОДКБ 2010 г. не решила проблем альянса: она, по сути, увеличила объем обязательств России, не повысив ответственности ее союзников. В 2011 г. в российской политической элите задумались о новой реформе организации. Экспертный центр, близкий к администрации президента, предложил ввести в ОДКБ практику голосования большинством голосов по ряду вопросов и поставить Узбекистан перед выбором: либо соблюдать Устав и решения ОДКБ, либо покинуть альянс (Габуев, Соловьев 2011).

Узбекистан в скором времени сделал выбор, покинув ОДКБ в 2012 г., но переход к принятию решений большинством голосов, против которого, несомненно, выступили бы даже самые лояльные союзники России, остался мертворожденной идеей. Новым направлением для реализации заинтересованности России в интеграции постсоветского пространства стал проект создания Евразийского экономического союза. Концепция внешней политики России 2013 г. косвенно при-

знала проблемы в деятельности ОДКБ, подчеркнув актуальность его «дальнейшей трансформации... в универсальную международную организацию» и необходимость сделать акцент «на укреплении механизмов оперативного реагирования, ее миротворческого потенциала, а также на совершенствовании внешнеполитической координации государств – членов ОДКБ» (Концепция 2013).

Конфликт на юго-востоке Украины и «санкционная война» между Россией и Западом окончательно разбили иллюзию единства в рядах ОДКБ. Союзники РФ отказались признать Крым российской территорией и не проявили даже минимальной солидарности с Россией в ее конфронтации с США и ЕС. С одной стороны, конфликт между Россией и Западом стал рассматриваться странами ОДКБ как возможность повысить свой международный статус, выступая в качестве посредников или конвертируя отказ от поддержки России в преференции со стороны Запада. С другой стороны, проявленная Россией настойчивость в защите своих интересов вызвала у ее союзников по ОДКБ, особенно у Белоруссии и Казахстана, беспокойство и недоверие относительно дальнейших намерений и планов Москвы.

По мере того как возрастала напряженность между Россией и Западом, союзники России проявляли все меньшую готовность к углублению военно-политической интеграции в рамках ОДКБ. Белоруссия отказалась принять на своей территории вторую российскую военную базу. Казахстан, несмотря на возражения России, открыл каспийские порты Актау и Курык для транзита американских военных грузов в Афганистан. Даже Кыргызстан заявил в декабре 2016 г., что российская военная база должна быть выведена из страны после завершения пятнадцатилетнего срока пребывания. Среди стран ОДКБ только Армения поддержала Россию во время конфликта с Турцией, разгоревшегося после того, как турецкие военно-воздушные силы сбили в ноябре 2015 г. российский бомбардировщик.

Недеепособность ОДКБ проявилась во время возобновления боевых действий в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г. Хотя режим прекращения огня был нарушен Азербайджаном, Казахстан и Белоруссия фактически поддержали Баку. Ереван вряд ли ожидал особых проявлений солидарности от Минска и Астаны, но их подчеркнутый отказ занять хотя бы нейтральную позицию стал для Армении неприятным сюрпризом. Белорусскому послу, вызванному в Министерство иностранных дел Армении, был выражен протест против нарушения Минском обязательств в рамках ОДКБ. Слабым утешением для Еревана стало заявление Н.Н. Бордюжи, возлагавшее на Баку ответственность за нарушение перемирия.

Адресатом демарша Казахстана и Белоруссии была в большей

степени Россия, чем Армения. Суть «послания» заключалась в том, что Астана и Минск не намерены втягиваться в конфликт между Россией и Турцией, которую Москва обвинила в «подливании масла» в огонь карабахского противостояния (Медведев 2016).

Противоречия между Арменией и Казахстаном, поддержанным Белоруссией, почти парализовали альянс. В 2015 г. страны альянса договорились, что пост генерального секретаря ОДКБ будет передаваться от одного участника к другому в алфавитном порядке (ранее действовала неформальная договоренность, что высшее должностное лицо ОДКБ должно быть представителем России). Первым встать у руля организации должен был представитель Армении. Казахстан, однако, блокировал это назначение в течение 2016 г. и первых месяцев 2017 г. В октябре 2016 г. президент Казахстана Н.А. Назарбаев не посетил саммит ОДКБ в Ереване, что стало беспрецедентным поступком со стороны политика, выступавшего на протяжении десятилетий главным адептом евразийской интеграции. Следующий саммит, созванный в декабре 2016 г. в Москве, подверг бойкоту А.Г. Лукашенко, пытавшийся добиться от России уступок по проблемам цен на газ и ввоза белорусской молочной продукции. В июле 2018 г. удар по репутации ОДКБ нанесла сама Армения, где новое руководство, вызвав крайнее недовольство России, предъявило с трудом назначенному в апреле 2017 г. генеральным секретарем ОДКБ армянскому представителю Ю.Г. Хачатурову обвинение в участии в свержении конституционного строя в 2008 г. и инициировало его отзыв с занимаемой должности.

По мере того как в ОДКБ нарастал кризис, снижалась и заинтересованность российского руководства в альянсе, не оправдавшем стратегических ожиданий России. В Москве явно предпочли не прикладывать чрезмерных усилий для «латания дыр» в ОДКБ. Российское руководство сосредоточилось на выстраивании тактических блоков с крупными региональными державами, прежде всего странами БРИКС, Ираном и Турцией, и взаимодействии с постсоветскими странами на двусторонней основе.

Хотя Концепция внешней политики России 2016 г. по-прежнему признает важность ОДКБ (теперь уже не «ключевого», а только «одного из важнейших элементов... системы обеспечения безопасности на постсоветском пространстве») и необходимость «качественного развития» организации, показательно, что из документа 2016 г. исключены указания на конкретные направления совершенствования ОДКБ (Концепция 2016). В целом неудачный опыт функционирования ОДКБ стал одним из факторов, укрепивших российское руководство в убеждении, что у Москвы только «три союзника: армия, военно-

морской флот и оборонно-промышленный комплекс» (Рогозин 2017), а сама Россия (как это ни парадоксально, с учетом ее членства в ОДКБ) «слава Богу, не входит ни в какие альянсы» (Путин 2014).

Таким образом, обзор пятнадцатилетней практики деятельности ОДКБ позволяет отнести организацию к т. н. режимам мертвой буквы – категории международных режимов, которые отличает высокая формализация нормативных рамок в сочетании с низкими ожиданиями акторов, что зафиксированные нормы действительно будут соблюдаться (Krasner 1983; Regime Consequences 2004: 195). Страны-участницы, в сущности, не нуждаются в ОДКБ для реализации своих стратегических целей. В то же время организация сохраняет для России, стремящейся по возможности уберечь ее от явных провалов, статусное и символическое значение. В этой связи маловероятны как распад или роспуск ОДКБ, так и трансформация организации в полноценный международный режим. Дальнейшая стагнация остается для ОДКБ наиболее реальной перспективой.

ЛИТЕРАТУРА

Военная доктрина 2007 – Военная доктрина Республики Казахстан от 21 марта 2007 г. URL: <http://nomad.su/?a=5-200704120432> (дата обращения: 08.08.2018).

Габуев, Соловьев 2011 – *Габуев А., Соловьев В.* ОДКБ разворачивают лицом к НАТО. Россия готовит план реформы организации // Коммерсант. 2011. 6 сентября.

Договор 1992 – Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 08.08.2018).

Концепция 1995 – Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности, принятая Решением Совета коллективной безопасности от 10 февраля 1995 г. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (дата обращения: 08.08.2018).

Концепция 2008 – Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 08.08.2018).

Концепция 2010 – Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. URL: <http://kgb.by/ru/ukaz575> (дата обращения: 08.08.2018).

Концепция 2013 – Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 08.08.2018).

Концепция 2016 – Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 08.08.2018).

Медведев 2010 – *Медведев Д.А.* Киргизия сама должна справляться... URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1277415120> (дата обращения: 08.08.2018).

Медведев 2016 – *Медведев Д.А.* Турция подливает масло в огонь карабахского конфликта. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2741151> (дата обращения: 08.08.2018).

Президент Таджикистана 2009 – Президент Таджикистана отменил переговоры с Медведевым и отказался от участия в саммитах ОДКБ и ЕврАзЭС. URL: <https://www.newsru.com/world/02feb2009/rahmondemo.html> (дата обращения: 08.08.2018).

Пресс-релиз 2010 – Организация Договора о коллективной безопасности. Об итогах проведения очередной сессии Совета коллективной безопасности государств – членов ОДКБ. URL: http://www.dkb.gov.ru/year_ten_month_twelve/e.htm (дата обращения: 08.08.2018).

Путин 2014 – *Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Совета безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46305> (дата обращения: 08.08.2018).

Рогозин 2017 – *Рогозин Д.О.* У России три союзника – армия, ВМФ и ОПК. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2665993/> (дата обращения: 08.08.2018).

Секретариат ОДКБ 2006 – Секретариат ОДКБ. Справка о ходе развития военного сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz00/dcm00100.htm> (дата обращения: 08.08.2018).

Соглашение 2009 – Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14 июня 2009 г. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1376 (дата обращения: 08.08.2018).

Устав 2002 – Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (дата обращения: 08.08.2018).

Krasner 1983 – *Krasner St.* International Regimes. Ithaca: Cornell University Press, 1983.

Military Doctrine 2007 – Military Doctrine of the Republic of Armenia. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/155588/ArmeniaMilitaryDoctrine2007eng.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

Regime Consequences 2004 – Regime Consequences: Methodological Challenges and Research Strategies. Dordrecht: Kluwer, 2004.

REFERENCES

Republic of Kazakhstan. (2007) *Voennaya doktrina Respubliki Kazakhstan ot 21 marta 2007 g.* [Military doctrine of the Republic of Kazakhstan of March 21, 2007] [Online] Available from: <http://nomad.su/?a=5-200704120432> (Accessed: 8th August 2018).

Gabuev, A. & Soloviev, V. (2011) *ODKB razvorachivayut litsom k NATO. Rossiya gotovit plan reform organisatsii* [The CSTO is facing NATO. Russia is preparing a plan to reform the organization]. *Kommersant*. 6th September.

CSTO. (1992) *Dogovor o kollektivnoy bezopasnosti ot 15 maya 1992 g.* [Collective Security Treaty of May 15, 1992]. [Online] Available from: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (Accessed: 8th August 2018).

CSTO. (1995) *Kontseptsiya kollektivnoy bezopasnosti gosudarstv – uchastnikov Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti, prinyataya Resheniyem Soveta kollektivnoy bezopasnosti ot 10 fevralya 1995 g.* [The concept of collective security of the member-states of the Collective Security Treaty, adopted by the decision of the Collective Security Council of February 10, 1995]. [Online] Available from: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (Accessed: 8th August 2018).

Russian Federation. (2008) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 15 iyulya 2008 g.* [Foreign policy of the Russian Federation of November 30, 2016]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed: 8th August 2018).

Belarus. (2010) *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Respubliki Belarus' ot 9 noyabrya 2010 g.* [The concept of national security of the Republic of Belarus of November 9, 2010]. [Online] Available from: <http://kgb.by/ru/ukaz575> (Accessed: 8th August 2018).

Russian Federation. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 12 fevralya 2013 g.* [Foreign policy of the Russian Federation of February 12, 2013]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/499003797> (Accessed: 8th August 2018).

Russian Federation. (2016) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 2016 g.* [Foreign policy of the Russian Federation of November 30, 2016]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Accessed: 8th August 2018).

Medvedev, D.A. (2010) *Kirgiziya sama dolzhna spravlyat'sya...* [Kyrgyzstan must cope on its own...]. [Online] Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1277415120> (Accessed: 8th August 2018).

Medvedev, D.A. (2016) *Turtsiya podlivayet maslo v ogon' karabakhskogo konflikta* [Turkey adds fuel to the fire of Karabakh conflict]. [Online] Available from:

<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2741151> (Accessed: 8th August 2018).

Tadzhikistan. (2009) *Prezident Tadjikistana otmienil peregovory s Medvedevym i otkazalsya ot uchastiya v sammitakh ODKB i EvrAzES* [The President of Tajikistan cancelled talks with Medvedev and refused to participate in the CSTO and EurAsEC summits]. [Online] Available from: <https://www.newsru.com/world/02feb2009/rahmondemo.html> (Accessed: 8th August 2018).

CSTO. (2010) *Organizatsiya Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti. Ob itogakh prove-deniya ocherednoy sessii Soveta kollektivnoy bezopasnosti gosudarstv – chlenov ODKB* [Collective Security Treaty Organization. On the results of the regular session of the Collective Security Council of the CSTO member States]. [Online] Available from: http://www.dkb.gov.ru/year_ten_month_twelve/e.htm (Accessed: 8th August 2018).

Putin, V.V. (2014) *Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta bezopasnosti* [Opening remarks at the meeting of the Security Council]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46305> (Accessed: 8th August 2018).

Rogozin, D.O. (2017) *U Rossii tri soyuznika – armiya, VMF i OPK* [Russia has three allies - army, Navy and the defense industry]. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/online/news/2665993> (Accessed: 8th August 2018).

CSTO. (2006) *Sekretariat ODKB. Spravka o khode razvitiya voyennogo sotrudnichestva v ramkakh Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti* [The CSTO Secretariat. Information on the development of military cooperation within the framework of the Collective Security Treaty Organization]. [Online] Available from: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz00/dcm00100.htm> (Accessed: 8th August 2018).

CSTO. (2009) *Soglashenie o Kollektivnykh silakh operativnogo reagirovaniya Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti ot 14 iyunya 2009 g.* [Agreement on the Collective reaction force of the Collective Security Treaty Organization of June 14, 2009]. [Online] Available from: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1376 (Accessed: 8th August 2018).

CSTO. (2002) *Ustav Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti* [Charter of the Collective Security Treaty Organization]. [Online] Available from: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (Accessed: 8th August 2018).

Krasner, St. (1983) *International Regimes*. Ithaca: Cornell University Press.

Armenia. (2007) *Military Doctrine of the Republic of Armenia*. [Online] Available from: <https://www.files.ethz.ch/isn/155588/ArmeniaMilitaryDoctrine2007eng.pdf> (Accessed: 8th August 2018).

Underdal, A. & Oran, R. (2004) *Regime Consequences: Methodological Challenges and Research Strategies*. Dodrecht: Kluwer.

Троицкий Евгений Флорентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета.

Evgeny F. Troitskiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: eft@rambler.ru

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Томского государственного университета.

Vasily P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 32.019.5

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/21

ОБРАЗЫ СТРАН СЛАВЯНСКОГО МИРА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ)*

А.В. Селезнева¹, Н.В. Смутькина²

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

¹ E-mail: ntonina@mail.ru

² E-mail: smulkina@mail.ru

Авторское резюме

Во внешнеполитических отношениях между странами славянского мира особое значение имеет взаимодействие России с Украиной и Белоруссией. Эти страны имеют общие культурные корни и историческое прошлое, но разное политическое устройство и геополитические ориентиры в настоящем. При этом важно, что понимание специфики восприятия друг друга политическими субъектами позволяет более грамотно и эффективно выстраивать политический курс, предотвращать возникновение международных конфликтов. Эмпирическое изучение образов Украины и Белоруссии в сознании российских граждан проводилось в рамках политико-психологического подхода на основе специальной модели, в центре которой – образ страны как системы взаимосвязанных элементов, включающей образ власти, образ лидера, образ народа, образ территории и геополитический образ государства. Методология исследования включала фокусированные интервью с российскими гражданами, а также комплекс проективных методик. В результате исследования установлено, что Украина и Белоруссия воспринимаются российскими гражданами как часть единого этнокультурного и историко-политического пространства. Народы этих стран определяются как «свои», а отношение к ним – положительное с разными эмоциональными оттенками. При этом образ Белоруссии более конгруэнтен, его структурно-содержательные элементы в целом сочетаются между собой в когнитивном и эмоциональном аспектах. Образ Украины – более сложный и противоречивый:

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

в сознании граждан происходит его своеобразное раздвоение на позитивно воспринимаемую Украину-страну с братским народом и Украину-государство с властью, которую оценивают негативно. Наиболее сильное влияние на восприятие Украины и Белоруссии оказывают международный политический контекст, темпоральный и коммуникативный факторы, ценностно-символические компоненты политической идентичности российских граждан.

Ключевые слова: славянский мир, Украина, Белоруссия, образ страны, образ власти, образ лидера, образ территории, образ народа, геополитический образ государства, символы.

IMAGES OF THE SLAVIC COUNTRIES IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS (A CASE STUDY OF UKRAINE AND BELARUS)*

A.V. Selezneva¹, N.V. Smulkina²

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 1119991, Russia

¹ E-mail: ntonina@mail.ru

² E-mail: smulkina@mail.ru

Abstract

In foreign policy relations between Slavic countries, the interaction of Russia with Ukraine and Belarus is of particular importance. These countries have common cultural roots and historical past, but different political structure and geopolitical guidelines in the present. It is important to understand the specificity of each other's perception by political actors to more effectively build a political course and prevent international conflicts. The empirical study of the images of Ukraine and Belarus in the minds of Russian citizens was carried out within the framework of a political-psychological approach based on a special model, centered around the image of the country as a system of interrelated elements including images of government, leader, people, territory and geopolitical image of the state. The research methodology included focused interviews with Russian citizens and a set of projective techniques. The research has shown that the Russians perceive Ukraine and Belarus as parts of a single ethno-cultural and

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project Nr. 18-011-01138A "The Image of a Country in Russian Society: A Political and Psychological Analysis".

historico-political space. The peoples of these countries are defined as “ours”, and the attitude towards them is positive with different emotional nuances. However, the image of Belarus is more congruent; its structural and informative elements generally combine with each other in cognitive and emotional aspects. The image of Ukraine is more complex and controversial: there is a kind of split into a positively perceived Ukraine-country with its brotherly people and Ukraine-state with a negatively evaluated authority. The strongest influence on the perception of Ukraine and Belarus is exerted by the international political context, temporal and communicative factors, axiological and symbolic components of political identity of the Russians.

Keywords: Slavic world, Ukraine, Belarus, image of country, image of power, image of leader, image of territory, image of people, geopolitical image of state, symbols.

Идея славянского мира занимает особое место в нашем историко-культурном наследии. Несмотря на то что сама категория «славянский мир» не имеет однозначного и четкого определения в научной и публицистической литературе, тема славянства и проблема славянского единения интересовала выдающихся мыслителей прошлого (достаточно вспомнить, например, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и В.И. Ламанского) и занимает умы ученых до сих пор (Щербинин, Щербинина 2015; Щербинин, Щербинина 2016). Во внешней политике нашей страны в имперский, советский и постсоветский периоды также устойчиво присутствует славянский вектор.

На рубеже 2000–2010-х гг. исследователи отмечали рост интереса к идее славянского культурного и политического единения (Расторгуев 2010). Однако в реальности происходит сложное переплетение интеграционных и дезинтеграционных процессов – не только среди славянских стран (в первую очередь, бывших советских республик), но и в более широком – общеевропейском – масштабе. Особое значение в этих процессах имеют взаимоотношения России с ближайшими соседями – Украиной и Белоруссией, с которыми нашу страну связывают единые культурные корни и общее историко-политическое прошлое. При этом в настоящем это государства с разными типами политического устройства, векторами развития и геополитическими ориентирами.

Отношения между Россией, Белоруссией и Украиной анализируются учеными и экспертами преимущественно с международно-политологических позиций. Основное внимание при этом уделяется оценке действий государственных институтов и политических акторов, в том числе и в процессе формирования образов этих государств в информационном пространстве (Машко 2002; Бабенко 2013; Резанова, Шиялев 2015). В результате за скобками остаются собственно психологические аспекты политических процессов. При этом понимание

специфики восприятия друг друга политическими субъектами – от конкретных политиков и граждан до государств в целом – позволяет более грамотно и эффективно выстраивать политический курс, предотвращать возникновение конфликтов.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фундаментальной концептуально-методологической платформой для нашего исследования является теория политического восприятия (Психология политического 2012), позволяющая выявить структурно-содержательные характеристики политических образов в сознании граждан. Поскольку объектами восприятия в данном случае выступают иностранные государства, мы опираемся и на теорию международных отношений (Цыганков 2008), позволяющую объяснить специфику восприятия россиянами других стран в современных геополитических условиях с учетом традиций межгосударственных отношений и особенностей информационных процессов.

Теоретическим основанием нашего исследования является факторная политико-психологическая модель восприятия, в центре которой – образ страны, который, как и любой психологический образ, представляет собой отражение реальных характеристик объекта восприятия, а также проекцию ожиданий субъектов восприятия – российских граждан (Шестопал 2008: 12).

Необходимо отметить, что в современной науке сложились разные подходы к анализу образа страны, обладающие своей концептуально-методологической спецификой (Джгмадзе 2015). Мы не будем останавливаться на их рассмотрении, поскольку это не входит в наши исследовательские задачи. Отметим лишь, что понимание образа страны в рамках политико-психологического подхода шире, чем его политико-географическая трактовка (Замятин 2000) или определение образа (имиджа) государства в рамках международно-политических исследований (Киселев, Смирнова 2003). В качестве рабочей мы используем следующую дефиницию: *образ страны* – это многосоставный ментальный конструкт, являющийся результатом отражения в сознании людей страны как политико-территориального и историко-культурного объекта. Такое толкование позволяет учитывать политический, культурный, темпоральный и пространственный аспекты образа страны (Пищева 2011) и выделить в его структуре следующие компоненты: образ власти, образ лидера, образ народа, образ территории, геополитический образ государства.

Образ власти определяет политическое измерение образа страны и является результатом отражения в сознании граждан сложного фе-

номена «власть», конкретизированного во времени и пространстве (в нашем случае – современная украинская и белорусская власть) и включающего как обобщенные свойства (четкость / размытость, когнитивная простота / сложность, эмоциональный знак образа), так и реальные частные характеристики (субъекты власти – лидеры, группы, институты, действующий режим, реализуемые властью потребности граждан) (Зверев, Палитай, Смулькина и др. 2016).

Образ лидера является неотъемлемым элементом образа страны, поскольку именно лидеры представляют свои страны на международной арене. В силу того что граждане обладают ограниченной информацией о политическом лидере, полученной преимущественно из СМИ и Интернета, они вынуждены домысливать – приписывать ему определенные мотивы поведения, действий и решений. Механизм атрибуции, таким образом, является одним из основополагающих в восприятии политических лидеров (Семенова 2006). Образ лидера отражает различные характеристики и качества, приписываемые политическому деятелю (персональные, социальные, профессиональные и пр.).

Образ народа характеризует идентификационный аспект образа страны, является результатом восприятия общности (этноса / нации в целом и ее составляющих) и ее культурных особенностей. На основе психологических механизмов категоризации и идентификации, ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации формируются представления о «своей» и «другой» социальных общностях, определяются характерные черты и свойства их членов (Евгеньева, Селезнева 2007). Важную роль в образе народа играют этнокультурные стереотипы как устойчивые упрощенные представления о внешности, психологических, нравственных, коммуникативных, профессиональных, поведенческих, бытовых и иных особенностях представителей того или иного этноса или нации (Миньяр-Белоручева, Покровская 2013; Королева 2013).

Образ территории определяет пространственное измерение образа страны и включает в себя представления о ее границах (в политико-географической и символической проекциях), природно-климатических особенностях и экономико-географическом положении. Непосредственным изучением различных аспектов образа территории занимается гуманитарная география (Замятина 2011).

Геополитический образ государства представляет международно-политическое измерение образа страны. Государство рассматривается как актер международных отношений, а его образ выступает фактором принятия внешнеполитических решений (Киселев, Смирнова 2004). Структура образа государства включает в себя иденти-

фикационную роль государства (друг, враг, сосед, конкурент, партнер) и геополитический статус на международной арене.

Все представленные выше компоненты образа страны в своей целостности или отдельных содержательных аспектах могут иметь *символическое значение*, которое им придается различными политическими и неполитическими акторами в рамках символической политики (Щербинин 2014). Особую роль в этом играют государственные символы, которые имеют существенное политическое влияние благодаря мобилизационному, легитимирующему и спланивающему обществу потенциалу (Зверев 2008: 87).

Методология, которая была использована в данном исследовании, включала в себя фокусированные интервью с рядовыми российскими гражданами (50 – в случае изучения образа Белоруссии и 75 – для анализа образа Украины), а также проективные методы – метод «неоконченных предложений», психологический рисунок страны, метод графического картирования и методика «*Bubbles*» ($n = 200$). Применение такого инструментария традиционно для политико-психологических исследований, которые носят количественно-качественный характер.

В нашем исследовании основной фокус внимания сосредоточен на образах двух стран – Украины и Белоруссии – в их структурно-содержательном наполнении. Анализ влияния факторов на их восприятие – задача второстепенная, и ее решение видится в том, чтобы определить наиболее значимые из них.

В соответствии с политико-психологическим подходом восприятие страны анализируется на двух уровнях – рациональном и неосознаваемом по основным шкалам: «привлекательность / непривлекательность», «сила / слабость» и «активность / пассивность» (Психология политического 2012: 17–18).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ Республики Беларусь в сознании российских граждан

Анализ содержательных характеристик образа на **рациональном уровне восприятия** показал, что Белоруссия представляется российским гражданам преимущественно **привлекательной страной** с потенциалом и достаточно позитивным будущим (66%). Респонденты отзывались о ней как о «добром соседе», «братской стране» с «чистой природой» и «хорошими продуктами питания». Позитивные оценки звучали, прежде всего, в отношении белорусского народа (93%). Отвечая на вопрос «Кто такие белорусы для вас?», респонденты чаще всего упоминали нравственные (79,6%) и психологические качества

(69,4%). Жителям страны приписывали такие черты, как *доброта, дружелюбие, искренность, отзывчивость, душевность, трудолюбие*. Важным моментом является то, что некоторые респонденты даже не видели разницы между белорусами и русскими, считая их «одним народом»; они утверждали, что «белорусам присущи все те качества, что и присущи русским». Образ власти в стране не оценивался столь однозначно, 46% респондентов отзываюся о ней позитивно, а 38% – негативно, при этом оценки власти отличались когнитивной простотой (78%), размытостью (62%).

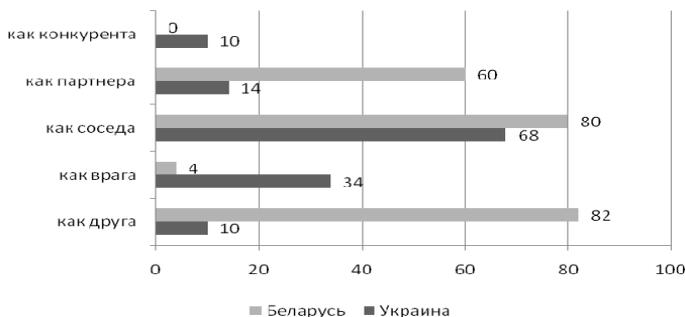

Диаграмма 1. Как бы вы охарактеризовали эту страну по отношению к России? (Возможно несколько вариантов ответа, %).

Параметры *силы и активности* в образе связаны с политическим режимом в стране и фигурой президента. При этом геополитический статус Белоруссии не опирается на представления о силе и мощи. Большинство опрошенных считают государство слабым игроком на мировой арене, однако, по мнению 34% респондентов, влияние на Россию оно все же оказывает. Респонденты связывают это влияние, в первую очередь, с возникшими у России экономическими трудностями (24%) из-за введения обоюдных экономических санкций с западными странами: «поддерживают нас в трудные дни». Сильными сторонами Белоруссии большинство респондентов называли государственность и природные ресурсы. К слабым сторонам страны относили преимущественно вооруженные силы, экономику и сферу финансов, науку и образование (см. табл.)

Что вы считаете сильными / слабыми сторонами этой страны?
(Возможно несколько вариантов ответа, %)

Показатель	Сильные стороны		Слабые стороны	
	Украина	Белоруссия	Украина	Белоруссия
Государство	2	58	74	20
Природные ресурсы	58	48	2	8
Экономика, финансы	4	42	76	46
Вооруженные силы	2	2	50	52
Язык	24	6	10	12
История	6	16	2	2
Культура	44	42	6	6
Наука, образование	8	12	14	42
Спорт	22	14	4	26
Религия	10	14	18	8
Другое	14	4	8	6

Власть в стране в образе выглядела сильной (88%), крепкой, стабильной, «думающей о собственном народе», но несколько авторитарной и не дающей развиваться обществу. Нередко респонденты характеризовали ее как авторитарный режим и даже диктатуру. Интересно, что не все подобные оценки имели негативный окрас, нередко власть даже в этом случае наделялась положительными характеристиками: «сильная диктатура, направленная на порядок, законность, благополучие народа», «стабильная, это то, что нужно Белоруссии».

Знаковой фигурой в образе государства выступает президент А.Г.Лукашенко, узнаваемость которого среди российских респондентов составляет 100%. Для 40% опрошенных он является символом

Белоруссии. Реже в характеристиках станы упоминались и другие символы: прежде всего это были *картошка, трактор, зубр, аист, молочные продукты*. Те же символы встречались в визуальных образах страны (рис. 1). Самыми распространенным сюжетом рисунков оказался символичный ряд *поле, трактор и картошка*, так как для большинства опрошенных Белоруссия является сельскохозяйственной страной.

Рис. 1. Символы Белоруссии.

Активность власти связывалась обычно с деятельной фигурой президента. Характеристики политического лидера были неоднозначны, некоторые упоминали его непривлекательные черты характера («хитрый», «себе на уме»). Примечательно, что непривлекательный профиль лидера раскрывался в отношениях Лукашенко с Россией и другими странами. Зато его внутривластная активность связывалась с морально-нравственной привлекательностью и мотивационным профилем: «лидер, который живет для страны», «думает о своем народе».

На **неосознаваемом уровне восприятия** фигура Лукашенко связывалась не только с образом власти, но и с образом страны вообще. Методика «Bubbles» (изображение государства в виде человека) ярко продемонстрировала, что Лукашенко говорит с миром от лица белорусского народа. В рисунках и ответах-ассоциациях власть выглядела еще более персонифицированной. Даже те респонденты, которые в интервью характеризовали белорусскую власть обезличенно, рисовали именно фигуру главы государства: «президент на тракторе, президент на зубре с мечом и щитом патрулирует рубежи страны», «сильная рука Лукашенко над Белоруссией» (рис. 2).

Рис. 2. Образ политического лидера Белоруссии.

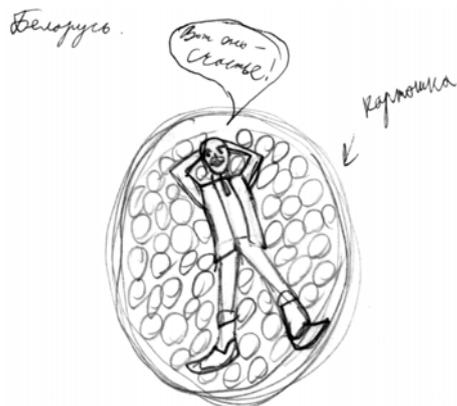

Рис. 3. Белоруссия в виде человека.

Интересно, что на неосознаваемом уровне восприятия Белоруссия чаще, чем на рациональном, изображалась страной, комфортной для жизни, экономически благополучной, счастливой (рис. 3). В глазах некоторых респондентов многоукладность или даже «непрогрессивный вид» страны не делают ее менее спокойной и счастливой (в одном из «бабблсов» счастливый «человек-Беларусь» живет в многоэтажке и выращивает рядом в сарае скот).

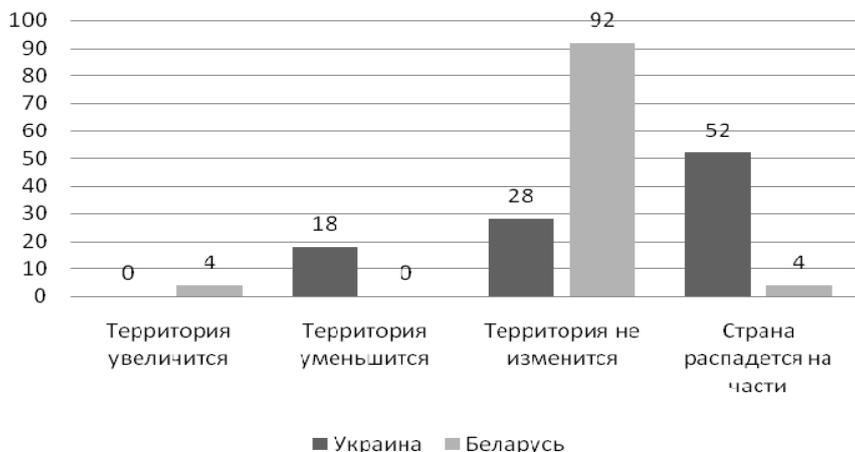

Диаграмма 2. Как вы думаете, могут ли измениться границы страны в обозримом будущем (%)?

Использование метода графического картирования позволило говорить о готовности большинства российских респондентов признавать Белоруссию как независимое государство, существующее в своих границах. В ходе интервью 92% опрошенных предположили, что территория этой страны в будущем не изменится (см. диаграмму 2). Исключение составили только те респонденты, которые сфокусировали свое внимание на идеальном существовании России в границах бывшего Советского Союза. Инициатором данного союза Белоруссия, однако, в представлениях респондентов не выступает, «баблсы» иллюстрировали готовность страны (прежде всего, белорусских властей) «идти собственным путем». Сюжет территориально-го союза на картах встречался лишь в условиях существования значительной внешней угрозы (в первую очередь, от США и стран Запада).

На неосознаваемые оценки государства более заметное влияние оказывает историко-культурная общность россиян и белорусов, тогда как рационализированные оценки респонденты связывают с международной

Рис. 4. Украина в виде человека.

ролью Белоруссии, с характером взаимодействия двух стран. Важным плюсом является то, что Белоруссию видят прежде всего другом России и только потом партнером и союзником (см. диаграмму 1); ее влияние на нашу страну называют преимущественно позитивным, что создает потенциал для последующего плодотворного сотрудничества. Образ Белоруссии выглядит достаточно конгруэнтным, но его стереотипность, когнитивная простота оценок не может не тревожить и заставляет говорить о необходимости углубления международных контактов наших стран.

ОБРАЗ УКРАИНЫ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Восприятие Украины на *рациональном уровне* характеризуется преимущественно когнитивной простотой суждений (86%). Страна ассоциировалась с территориальным или политическим образованием, государством, соседствующим с Россией. В результате кластеризации фактов о стране, упомянутых при её характеристике, было зафиксировано равное упоминание оценок украинского народа, этнической группы (50%) и действующих властей (48%). Нередко упоминали респонденты и международные события, связанные с данной страной (40%), при этом мнения опрошенных россиян о характере отношений России и Украины заметно разделились. 28% респондентов отметили, что их представления об Украине изменились в лучшую сторону. Столько же респондентов отметили ухудшение своего отношения к стране. Положительные оценки были детерминированы преимущественно теплым отношением к народу, сочувствием в отношении складывающейся социально-политической ситуации.

Положительный эмоциональный знак оценок украинского народа преобладал над негативным (53 против 29,1%). В характеристиках народа акцент был смещен на коммуникативные (29,9%), нравственные (27,6%) и психологические (23,1%) качества. Среди приписываемых позитивных оценок чаще встречались упоминания *гостеприимства*, *трудолюбия* украинского народа. Среди непривлекательных качеств чаще всего преобладали *хитрость* (самая распространенная характеристика из всех) и *жадность*. Респонденты, которые отмечали, что их отношение к стране ухудшилось (28%), подкрепляли ответы негативными оценками украинских властей, им приписывали коррупцию и злонамеренность действий. Образ власти этой страны выглядит особенно когнитивно простым и размытым. Он не отождествляется с конкретными субъектами, при этом власть отчетливо выглядит *непривлекательной, слабой и пассивной*.

Самыми распространенными символами страны в ответах респон-

тяжелая доля украинского народа на ближайшие несколько десятилетий), при этом 34% респондентов позитивно смотрят на будущее этой страны, нередко отмечая это при условии отказа от враждебной политики Украины в отношении России. Респонденты дают негативные прогнозы в отношении пространственного образа страны в будущем. Большинство склоняются к мысли о возможных изменениях границ Украины. Не менее 18% считают, что страна уменьшится из-за отсоединения ДНР и ЛНР (см. диаграмму 2, рис. 6). Тревожным симптомом является то, что 52% респондентов отмечают опасность распада Украины на части. Вероятность территориальных потерь они объясняют сложными отношениями страны не только с Россией, но и с Польшей и Румынией (рис. 7).

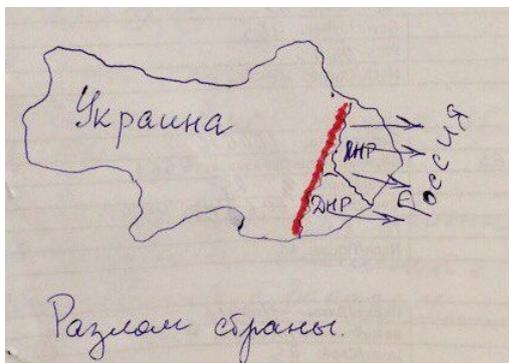

Рис. 6. Украина и территориальные потери.

Оценивая геополитический статус Украины, большинство респондентов дипломатично называли это государство соседом России (68%). Врагом Украину видят 34% опрошенных, другом и конкурентом – 10% граждан. 14% респондентов обращали внимание на партнерские отношения России и Украины (см. диаграмму 1).

Преобладающее негативное влияние Украины на Россию в оценках российско-украинских отношений было связано преимущественно с экономическими сложностями, санкциями и беженцами. 27,3% респондентов видят основной проблемы политический кризис Украины, ее противостояние с Россией и военные действия на юго-востоке страны.

Следует также отметить, что присоединение Крыма к Российской Федерации практически не фигурирует в ответах в качестве события, имеющего отношение к фактам об Украине. Вероятно, это связано с изменившейся информационной повесткой и текущим политическим контекстом. При-

обледающее негативное влияние Украины на Россию в оценках российско-украинских отношений было связано преимущественно с экономическими сложностями, санкциями и беженцами. 27,3% респондентов видят основной проблемы политический кризис Украины, ее противостояние с Россией и военные действия на юго-востоке страны.

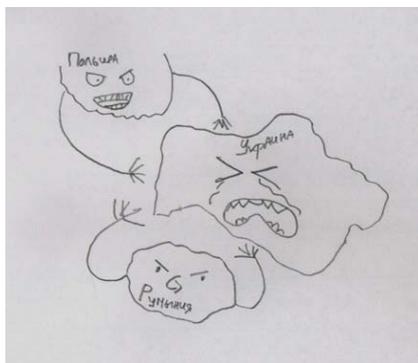

Рис. 7. Украина в международных отношениях.

обледающее негативное влияние Украины на Россию в оценках российско-украинских отношений было связано преимущественно с экономическими сложностями, санкциями и беженцами. 27,3% респондентов видят основной проблемы политический кризис Украины, ее противостояние с Россией и военные действия на юго-востоке страны.

чина этого, возможно, кроется и в общей неконгруэнтности образа Украины на обоих уровнях восприятия, в неосознанном отчуждении от себя некоторыми гражданами всей украинской тематики.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования позволяют заключить следующее.

1. В сознании российских граждан Украина и Белоруссия воспринимаются как современные и самостоятельные, хотя и не всегда развитые страны. При этом на неосознаваемом уровне на своих соседях наши граждане смотрят по-прежнему сквозь стереотип «ненастоящего зарубежья», что значительно влияет на оценку их привлекательности, силы активности на международной арене. Украина и Белоруссия воспринимаются российскими гражданами как часть единого этнокультурного и историко-политического пространства, которое в концептуальном понимании представляет собой скорее не «славянский мир», а «русский мир». Народы этих стран категоризируются как «свои» (как часть «нашей» общности), а отношение к ним преимущественно положительное, но с разными эмоциональными оттенками. Формирование представлений об этих странах как о «русском мире» объясняется, прежде всего, общностью истории, культуры, языка.

2. Образы Белоруссии и Украины обладают своей спецификой. В частности, образ первой более конгруэнтен, его структурные элементы (образ власти, образ лидера, образ народа, образ территории, геополитический образ государства) в целом сочетаются между собой по содержательным и эмоциональным характеристикам. Образ Украины более мозаичный, внутренне противоречивый в смысловом и эмоциональном аспектах: в сознании граждан происходит его своеобразное раздвоение на позитивно воспринимаемую Украину-страну с многострадальным братским народом и Украину-государство с негативно оцениваемой властью и ее политической линией.

3. Восприятие Украины и Белоруссии российскими гражданами детерминировано рядом факторов субъектного и объектного характера (Шестопал, Смулькина 2018), среди которых наиболее значимыми являются следующие.

Темпоральный фактор проявляется в том, что общее историческое прошлое, опыт существования в составе единого государства формируют запрос на изначальную значительную близость России, Украины и Белоруссии, влияют, в первую очередь, на содержательную наполненность их образов, определяют не только большую глубину, но и большую противоречивость оценок этих стран.

Фактор политического контекста включает в себя как конкретные международные события, так и отношения между странами и с другими государствами на мировой арене. В частности, события, произошедшие на Украине в 2013–2014 гг., и изменение характера взаимодействия с Россией значительно повлияли на восприятие, в первую очередь, украинской власти как слабой, коррумпированной и непрофессиональной. Политика украинских властей в отношении России во многом определила то, что треть респондентов считают Украину врагом.

Особенности образов Украины и Белоруссии во многом обусловлены политической идентичностью российских граждан, которая характеризуется актуализацией символов советского прошлого как проявлением ностальгии по советскому, наличием черт имперского доминирования в геополитическом контуре идентификационных представлений, значимостью политических ценностей мира, безопасности, закона и порядка (Евгеньева, Селезнева 2016; Селезнева 2017). Проявления этого – ретроориентации в образе страны, категоризация народов как «своих», актуализация концепта силы в геополитическом образе государства.

Рассматривая влияние коммуникативного фактора, следует отметить, что современные средства массовой информации являются важнейшим каналом формирования представлений российских граждан о других странах: их контент наполнен стереотипическими образами, политическими сюжетами, которые определяют, прежде всего, властный компонент и геополитический статус образов стран (преимущественно Украины, политическая жизнь которой активно освещается в СМИ). Необходимо также обозначить влияние публичной активности главы государства на формирование образа страны. В случае персонификации имиджа страны происходит перенос восприятия лидера на отношение к самой стране и ее народу. Данная тенденция была особенно заметна в образе Белоруссии (непривлекательность образа Лукашенко нередко была связана с его риторикой в СМИ). Большое значение имеет также характер межличностной коммуникации граждан наших стран.

Разно- или однонаправленность факторов определяет сложную модель восприятия. Столкновение противоположных по характеру воздействия факторов формирует противоречивые содержательные характеристики образов и оказывает влияние на их конгруэнтность.

4. Были выявлены некоторые общие тенденции формирования образа страны. На рациональном уровне восприятия внимание обычно фокусируется на образе власти и геополитическом статусе страны. Сильный лидер, крепкая государственность и эффективная власть,

развитые вооруженные силы трактуются как наиболее значимые достоинства страны. На неосознаваемом уровне восприятия актуализируется образ народа (культура, быт, нравы, символы). Значительное влияние здесь оказывает политико-культурный фактор восприятия.

Образы Украины и Белоруссии в сознании российских граждан имеют положительные эмоциональные характеристики. Особенно это заметно в случаях наличия опыта личных контактов россиян с представителями данных стран. Это можно считать серьезным резервом для наращивания экономической, культурной и иной интеграции стран. Несмотря на разногласия между государствами, потенциал их исторического единства не исчерпан. К важным направлениям работы власти, способным повлиять на формирование позитивного образа этих стран в массовом сознании, можно отнести продуманную информационную политику, увеличение числа общих экономических и культурно-просветительских проектов, политику выстраивания национальной идентичности и повышение активности в сфере углубления международных связей и предупреждения конфликтных ситуаций, культивирующих настроения ксенофобии.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко 2013 – *Бабенко В.Н.* Роль СМИ в формировании образа России и Украины в общественном мнении двух стран // *Россия и современный мир.* 2013. № 1 (78). С. 167–178.

Джгамадзе 2015 – *Джгамадзе К.Б.* Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2015. № 3. С. 40–44.

Евгеньева, Селезнева 2007 – *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Образ врага как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2007. Т. 46, № 3. С. 83–92.

Евгеньева, Селезнева 2016 – *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // *Полис. Политические исследования.* 2016. № 3. С. 25–39.

Замятин 2000 – *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность.* 2000. № 1. С. 107–112.

Замятина 2011 – *Замятина Н.Ю.* Создание образа территории – одна из сфер практического применения гуманитарной географии // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран / Под ред. А.С. Фетисова, И.С. Ивановой, И.М. Кузиной.* М.; Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 127–140.

Зверев 2008 – *Зверев А.Л.* Государственный символизм в образе современной России // *Образы государств, наций, лидеров* / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 87–98.

Зверев, Палитай, Смутькина и др. 2016 – *Зверев А.Л., Палитай И.С., Смутькина Н.В. и др.* Особенности политического восприятия в современных российских условиях // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 40–54.

Киселев, Смирнова 2003 – *Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 272 с.

Киселев, Смирнова 2004 – *Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.* Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 4. С. 116–125.

Королева 2013 – *Королева А.А.* Имидж государства и этнокультурные стереотипы России и Испании // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*. 2013. № 2–1. С. 137–143.

Машко 2002 – *Машко В.В.* Образ Белоруссии и белорусов на страницах российских газет // *Новый исторический вестник*. 2002. № 3 (8). С. 157–163.

Миньяр-Белоручева, Покровская 2013 – *Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.* Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*. 2013. № 1. С. 52–65.

Пищева 2011 – *Пищева Т.Н.* Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 2. С. 47–52.

Психология политического 2012 – *Психология политического восприятия в современной России* / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.

Расторгуев 2010 – *Расторгуев В.Н.* Культурное пространство славян и новые границы: образы прошлого, сценарии будущего и политические проекты // *Пространство и время*. 2010. № 2. С. 17–21.

Резанова, Шилаев 2015 – *Резанова З.И., Шилаев К.С.* Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 217–234.

Селезнева 2017 – *Селезнева А.В.* Ценностные основания российской национально-государственной идентичности // *Вестник Российской нации*. 2017. № 4. С. 82–94.

Семенова 2006 – *Семенова Е.С.* Психологические механизмы восприятия образов «своего» и «чужого» политических лидеров (на примере образов В.В. Путина и Г. Шредера) // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2006. № 6. С. 86–94.

Цыганков 2008 – *Цыганков А.П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М.: Научная книга, 2008. 272 с.

Шестопап 2008 – *Шестопап Е.Б.* Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // *Образы государств, наций, лидеров* / Под ред. Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 8–24.

Шестопап, Смутькина 2018 – *Шестопап Е.Б., Смутькина Н.В.* Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.03>

Щербинин 2014 – *Щербинин А.И.* Игры с Родиной: к вопросу о технологиях конструирования политической реальности // *Символическая политика*. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М., 2014. С. 219–231

Щербинин, Щербинина 2015 – *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Славянский мир как политический конструкт // *Русин*. 2015. № 4 (42). С. 37–52. DOI: 10.17223/18572685/42/4

Щербинин, Щербинина 2016 – *Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // *Русин*. 2016. № 4 (46). С. 56–72. DOI: 10.17223/18572685/46/5

REFERENCES

Babenko, V.N. (2013) The Role of Mass Media in Shaping the Images of Russia and Ukraine in the Public Opinion of the Two Countries. *Rossiya i sovremenniy mir – Russia and the Contemporary World*. 1 (78). pp. 167–178 (In Russian).

Dzhgamadze, K.B. (2015) Theoretical and methodological features of studying the image of the country in the mass consciousness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 40–44 (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-3-40-44

Evgenieva, T.V. & Selezneva, A.V. (2007) *Образ врага как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи* [The image of the enemy as a factor in the formation of the national identity of modern Russian youth]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz – Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 46 (3). pp. 83–92.

Evgenieva, T.V. & Selezneva, A.V. (2016) Soviet Past in Value, Image and Symbolic Space of Russian Identity. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 25–39 (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.03.04

Zamyatin, D.N. (2000) *Образ страны: структура и динамика* [A Country's Image: Structure and Dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*. 1. pp. 107–112.

Zamyatina, N.Yu. (2011) *Sozdaniye obraza territorii – odna iz sfer prakticheskogo primeneniya gumanitarnoy geografii* [Creating an image of the territory as a sphere of practical application of humanitarian geography].

In: Fetisova, A.S., Ivanova, I.S. & Kuzina, I.M. (eds) *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran* [Questions of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Moscow; Smolensk: Oykumena. pp. 127–140.

Zverev, A.L. (2008) Gosudarstvennyy simvolizm v obraze sovremennoy Rossii [State symbolism in the image of modern Russia]. In: Shestopal, E.B. (ed.) *Obrazy gosudarstv, natsiy, liderov* [Images of states, nations, leaders]. Moscow: Aspekt Press. pp. 87–98.

Zverev, A.L., Palitay, I.S., Smulкина, N.V. & Rogozar, A.I. (2016) Specifics of Political Perception in Contemporary Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 40–54 (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.03.05

Kiselev, I.Yu. & Smirnova, A.G. (2003) *Dinamika obraza gosudarstva v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The dynamics of the image of the state in international relations]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Kiselev, I.Yu. & Smirnova, A.G. (2004) Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy [The image of the state as a factor in foreign policy decisions]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 116–125.

Koroleva, A.A. (2013) Image of the State, Ethnic and Cultural Stereotypes of Russia and Spain. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religion Studies*. 2-1. pp. 137–143 (In Russian).

Mashko, V.V. (2002) Obraz Belorussii i belorusov na stranitsakh rossiyskikh gazet [The image of Belarus and Belarusians in Russian newspapers]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 3 (8). pp. 157–163.

Minyar-Beloručeva, A.P. & Pokrovskaya, M.E. (2013) Ethnic stereotypes represented by personifications and anthroponyms have been created through visual and verbal images in English speaking area. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – The Moscow State University Herald. Series 14: Psychology*. 1. pp. 52–65 (In Russian).

Pishcheva, T.N. (2011) Political images: Problems of investigation and of interpretation. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 47–52 (In Russian).

Shestopal, E.B. (2012) *Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoy Rossii* [Psychology of Political Perception in Contemporary Russia]. Moscow: ROSSPEN.

Rastorguev, V.N. (2010) Cultural Space of the Slavs and New Frontier: Images of the Past, Scenarios of Future and Political Projects. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 2. pp. 17–21 (In Russian).

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ukraine and Russia in the context of social conflict: metaphorical modeling of the image in the Russian media discourse. *Rusin*. 4 (42). pp. 217–234 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/15

Selezneva, A.V. (2017) Values of Russian national-state identity. *Vestnik*

Rossiyskoy natsii [Bulletin of Russian nation]. 4. pp. 82–94 (In Russian).

Semenova, E.S. (2006) *Psikhologicheskie mekhanizmy vospriyatiya obrazov "svoego" i "chuzhogo" politicheskikh liderov (na primere obrazov V.V. Putina i G. Shredera)* [Psychological mechanisms of perception of the images of "one's own" and "alien" political leaders (on the example of the images of V.V. Putin and G. Schroeder)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 6. pp. 86–94.

Tsygankov, A.P. (2008) *Vneshnyaya politika Rossii ot Gorbacheva do Putina: formirovaniye natsional'nogo interesa* [Russian foreign policy from Gorbachev to Putin: the formation of national interest]. Moscow: Nauchnaya kniga.

Shestopal, E.B. (2008) *Obraz i imidzh v politicheskom vospriyatii: aktual'nye problemy issledovaniya* [Image in political perception: actual problems of research]. In: Shestopal, E.B. (ed.) *Obrazy gosudarstv, natsiy, liderov* [Images of states, nations, leaders]. Moscow: Aspekt Press. pp. 8–24.

Shestopal, E.B. & Smulkina, N.V. (2018) Factors of Political Perception of Post-Soviet Countries in Contemporary Russian Society. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 26–44 (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.01.03

Shcherbinin, A.I. (2014) *Igry s Rodinoy: k voprosu o tekhnologiyakh konstruirovaniya politicheskoy real'nosti* [Games with the Motherland: on technologies for constructing political reality]. In: Malinova, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Moscow: INION RAS. pp. 219–231.

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 4 (42). pp. 37–52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/4

Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) "Charting" slavdom as an imaginary construct. *Rusin*. 4 (46). pp. 56–72 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5

Селезнева Антонина Владимировна – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия).

Antonina V. Selezneva – Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: ntonina@mail.ru

Смулькина Наталья Валентиновна – кандидат политических наук, мл. науч. сотр. кафедры социологии и психологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия).

Natalia V. Smulkina – Lomonosov Moscow State University (Russia).

E-mail: smulkina@mail.ru

УДК 94 (477:439)+811.161"19/20"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/22

Г.А. ДЕ-ВОЛЛАН И УГОРСКАЯ РУСЬ*

С.Г. Суляк¹, В.П. Зиновьев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Г.А. Де-Воллан (де Воллан) (1847–1916) написал немало интересных работ, не потерявших и сегодня своей актуальности. Его иллюстрированные путевые заметки об Испании, Египте, Индии, странах Юго-Восточной Азии, очерки о Японии, США, Мексике до сих пор востребованы специалистами. Собранная им в Мексике коллекция древностей в 1931 г. пополнила фонды Эрмитажа. К сожалению, позабытыми оказались публикации Г.А. Де-Воллана по истории и этнографии русинов Венгрии, которых он назвал русскими, угорскими русскими. Работая в русском консульстве в Пеште, Де-Воллан изучал источники и литературу по истории Угорской Руси и ее коренного населения, посещал северо-восточную часть Венгрии, где проводил этнографические исследования. На наш взгляд, учитывая рост интереса к русинской проблематике во всем мире, введение вновь в научный оборот трудов Г.А. Де-Воллана будет способствовать активизации научных исследований в данной области.

Ключевые слова: Григорий Де-Воллан, этнография, русины, русские, Угорская Русь, Венгрия, Австро-Венгрия.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

G.A. DE WOLLANT AND UGRIC RUSSIA*

S.G. Sulyak¹, V.P. Zinovyev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

² E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

G.A. De-Wollant (de Wollant) (1847–1916) wrote many interesting works that have not lost their relevance today. His illustrated travel notes on Spain, Egypt, India, the countries of Southeast Asia, essays on Japan, the United States, and Mexico are still in demand by specialists. The antiquities he collected in Mexico in 1931 expanded the funds of the Hermitage. Unfortunately, his publications on the history and ethnography of the Rusins of Hungary, whom he called Russians, or Ugric Russians, turned out to be forgotten. Working in the Russian consulate in Pest, he studied sources and literature on the history of Ugric Russia and its indigenous population, visited the northeastern part of Hungary to conduct an ethnographic research. Given the growing interest in the Rusins' problem all over the world, the re-introduction of his works into the academic circulation will contribute to the intensification of research in this area.

Keywords: G.A. De-Wollant, ethnography, Rusins, Russians, Ugrian Russia, Hungary, Austria-Hungary.

Российский дипломат, путешественник, этнограф, публицист, мемуарист и писатель Григорий Александрович Де-Воллан был внуком приглашенного Екатериной II брабантского дворянина Франца-Павла де Воллана (Деволан, Francois Paul Swerts de Wollant). Дед его был личностью весьма известной. Он воевал со шведами и турками, в 1789 г. получил звание первого инженера армии и участвовал в осадах Каушан, Паланки, Аккермана, Бендер, Килии, штурме Измаила и т. д. Под его руководством были укреплены и построены несколько крепостей, в т. ч. порт Ахтиар (так вначале именовали Севастополь), города Одесса, Тирасполь, Овидиополь, Григориополь, Вознесенск и др. Впоследствии он стал инженер-генералом и членом кабинета министров (Русский биографический словарь 1905: 155–158; Военная энциклопедия 1912: 14). Отцом Г. Де-Воллана был гвардии полковник

* The research was supported by the Government contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

Александр Францевич Де-Воллан (1807–1871), матерью – Елизавета Григорьевна Иловайская (1826–1858). После смерти матери Григорий воспитывался в пансионах Пернера при 2-й Санкт-Петербургской гимназии и Гофмана в Гейдельберге. Много путешествовал по Европе. В 1864 г. он стал студентом юридического факультета Московского университета, изучал философию, санскрит, постановку народного образования в России, участвовал в полулегальном студенческом обществе, имевшем целью просвещение рабочих. Познакомившись с В.Ф. Миллером, заинтересовался русским фольклором и судьбами славянства. В 1867 г. учился в Лейпцигском университете, где увлекся идеями Ф. Лассалья. В 1869 г. стал кандидатом права Новороссийского императорского университета.

В 1873 г. поступил на дипломатическую службу. В 1873–1874 гг. был секретарем русского консульства в Пеште, где вел не санкционированную начальством пропаганду в пользу России среди венгерских славян. С середины 1870-х гг. являлся членом петербургского отделения Славянского комитета. Позже он написал о Венгрии и ее русском населении ряд статей и брошюр: «Магьяры и национальный вопрос» (СПб., 1877), «Угорская Русь» (Русский архив. 1878. № 2; отдельной брошюрой, изданной в Москве в 1878 г.), «Угрорусские народные песни» (СПб., 1885). За «Угрорусские народные песни» он был награжден серебряной медалью Русского географического общества, чьим действительным членом являлся.

Осенью 1876 г. Де-Воллан пошел добровольцем в сербскую армию, главнокомандующим которой в то время был русский генерал М.Г. Черняев, бывший военный губернатор вновь образованной Туркестанской области, получивший за взятие Ташкента прозвище «Ташкентский лев». По возвращении в Россию Де-Воллан опубликовал брошюру «Сербский вопрос перед судом русского общества» (СПб., 1877). Позже в «Русском архиве» (1879. № 6) появился его очерк «Недавняя старина» о поездке в Сербию.

В 1883 г. Де-Воллан возглавил отдел печати Азиатского департамента МИДа России. В 1886 г. его назначили консулом в Хакойдате (Япония), куда он добирался окружным путем, посетив по пути Испанию, Египет, Индию, Бирму, Индонезию, французские колонии в Индокитае, Китай. Свои наблюдения и впечатления от поездки Де-Воллан изложил в иллюстрированных путевых заметках «По белу свету» (печатались в 1890–1894 гг. в «Русском обозрении»; отдельное издание: По белу свету. Путевые заметки. В 2 т.: Ч. 1. Испания. Египет. Цейлон и Индия. СПб., 1894; Ч. 2. Бирма. Ява. Китай. Тонкин. Кохинхина. Камбоджа. Сиам. СПб., 1895). В 1894–1896 гг. работал секретарем миссии в Токио. Вернувшись в Россию, он написал книгу «В Стране

восходящего солнца». При его жизни она выдержала два издания (В Стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии. СПб., 1903; 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 1906).

В 1896–1902 г. Де-Воллан служил первым секретарем миссии в Вашингтоне. В 1907 г. вышла его книга «В стране миллиардов и демократии. Очерки и заметки Григория де-Воллана» (СПб.; М., 1907). В ней он описывает США в годы президентства Т. Рузвельта, дает обзор важнейших центров Америки, уделяет внимание социальным, политическим, экономическим вопросам, народному образованию и внешней политике.

В 1902 г. Де-Воллан стал поверенным в делах, а в 1906 г. – чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Мексике. В 1903 г. получил чин действительного тайного советника. В 1905 г. в «Историческом вестнике» (№ 4, 5) вышли очерки Де-Воллана о Мексике «В царстве Монтезумы», в которых содержатся интересные сведения об истории, культуре страны, обычаях ее населения. В 1906 г. в брошюре Де-Воллан обращается «К русской молодежи» (СПб., 1906), призывая ее после октябрьского манифеста 1905 г. прекратить революцию и политический террор (Итенберг 1988: 124–127; Русские писатели 1992: 91–92; Мещеряков 1999: 311–312). В 1910 г. Де-Воллан вышел в отставку (Волков 2016: 18). С 1914 г. публиковал мемуарно-дневниковые «Очерки прошлого» (Голос минувшего. 1914. № 2, 4–6, 8–10; Русская старина. 1914. № 5; 1916. № 3–6). Также Григорий Александрович печатал статьи и рецензии в журналах «Древняя и Новая Россия», «Критическое обозрение», «Юридический вестник», писал романы, которые оказались незамеченными современниками, как, впрочем, и его «История общественных и революционных движений в связи с культурным развитием русского государства» (Ч. 1, т. 1. СПб.; М., 1913; Ч. 1, т. 2. СПб.; М., 1916) и выпущенная ранее брошюра «Свободное слово о современном положении России» (Берлин, 1881). В последней он предупреждал об опасной для государства деятельности революционных социалистических партий и предлагал провести ряд важных реформ, иначе «немного лет понадобится, может быть, достаточно будет одного поколения, чтобы все катастрофы сделались возможными» (Де-Воллан 1881: 157).

В наше время некоторые произведения Де-Воллана переизданы полностью или частично. Выдержки из его воспоминаний «Недавняя старина. Поездка в Сербию в 1876 году» (Русский архив 1879. № 6. С. 339–376) об участии в Сербско-турецкой войне (1876–1877) опубликованы в первом томе сборника «Русские о Сербии и сербах» (Русские 2006: 168–175). Фрагменты из его очерков и заметок о Японии «В Стране восходящего солнца» были изданы вместе

с краткими биографическими сведениями в сборнике «Книга японских обыкновений» (Де-Воллан 1999: 386–399). Три его до-несения из Вашингтона были напечатаны в сборнике документов «Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917» (Россия и США 1999: 18–19, 23–26). Фрагментарно о некоторых аспектах деятельности и исследованиях Г.А. Де-Воллана упоминается в ряде работ. И. Всеволодов и А. Никифоров рассказали о путешествии Де-Воллана по Бирме (Всеволодов, Никифоров 1973: 101–103). С.А. Арутюнов и В.Г. Щебенков приводят сведения исследователя об айнах (Арутюнов, Щебенков 1992: 84–86). Б.С. Итенберг – один из немногих, кто затронул его политические работы, в которых Де-Воллан размышлял о дальнейшей судьбе страны (Итенберг 1988: 124–125). Б.Н. Григорьев опубликовал эпизод из дипломатической службы Де-Воллана (Григорьев 2010: 391). К.Р. Буйнова приводит наблюдения Григория Александровича о Мексике, ее политическом режиме, истории, климате, населении и его традициях и обычаях (Буйнова 2017: 44, 61, 74–75, 86, 94, 106–107, 119, 130, 134, 136–137, 140, 142–143, 162, 165). Упоминаются работы Г. Де-Воллана в многочисленных диссертациях по тематике культурных связей, истории, этнической культуры населения регионов, которые он описал в своих путевых заметках и очерках.

Украинские исследователи издали в 2003 г. найденные в архиве Российской академии наук рукопись статьи В.И. Вернадского «Угорская Русь с 1848 г.» (1880–1885) и его «Заметки, выписки и библиография об Угорской Руси и угрорусах», которые ученый сделал в 1889 г. В этих работах ученый часто ссылался на исследования Де-Воллана (Мазурок, Пеняк, Шевера 2003). Однако в целом материалы Де-Воллана об Угорской Руси и ее коренном населении оказались по каким-то причинам маловостребованными.

Работая в 1873–1874 гг. в русском консульстве в Пеште и изучая историю Венгрии и ее славянское население, Де-Воллан посещал регионы расселения венгерских славян, в том числе и русинов. Он писал, что мадьяры составляют только треть населения страны, остальные две трети – славяне и румыны. Он отметил тенденциозность исследований мадьярских ученых о национальном составе населения (Де-Воллан 1877: 6). Говоря о русинах Венгрии, отметил, что они узнали о своих русских родичах во время подавления Венгерского восстания. Тогда же у них появилась первая русская азбука (Де-Воллан 1877: 7). Не желая «войти в соглашение» с населяющими Венгрию народами, венгерские политики стараются «усилить мадьярский элемент» путем мадьяризации остальных народов (Де-Воллан 1877: 10). Мадьяры, надеясь на пассивность России, считали, что таким образом

они могут ассимилировать сербов, русских словаков. Они не хотели прислушаться к мнению графа Л. Телеки (1811–1861), заявлявшему, что Венгрия должна создать федеративное государство по подобию Швейцарии, что «каждая национальность имеет право на самобытное и независимое существование и на отдельную территорию», и что «мы должны войти в соглашение со славянами; конечно, они нас ненавидят, но им принадлежит будущее, и мы должны всячески примириться с ними» (Де-Воллан 1883: 636–637). Говоря о русских (русунах) Венгрии, занимавших Карпаты с северо-восточной стороны, Де-Воллан писал, что среди других меньшинств Венгрии (румын, саксов, хорватов, сербов, словаков) они слабее всех. Их всего 500 тыс. из 15,4 млн населения Венгрии, но они «составляют продолжение русского населения в Галиции и Буковине (всех русских в Австрии 3 223 000 человек)». Венгры старались отдалить местное русское население от России, окатоличить их. В трех униатских епархиях пытались назначить омадьяренных священников. Семинаристы-униаты обучались в Пеште, их водили в католическую церковь и запрещали читать русские книги. Мукачевский епископ Стефан Панкович изгонял все, что было с «московитизмом» (Де-Воллан 1877: 7, 35).

Правда, это дало обратный эффект: в школах и дома у священников стали появляться книги из России. А. Добрянский, И. Раковский, А. Рубий создали Общество св. Василия, которое стало издавать литературную газету «Свет». Также это общество и Общество св. Иоанна Крестителя выпускали народные календари. Однако, по мнению Де-Воллана, «никто не стоит в таком одиночестве и незащитности, как угорские русские». «Трансильванские саксы пользуются нравственными и материальными богатствами своих родичей немцев. Румыны, сербы получают пособия из княжеств. Одни только угорские русские, одного происхождения с русским народом, беспомощны, незащитны и отданы на посмеяние своих соседей» (Де-Воллан 1877: 36). Их пассивность, считал ученый, служила оправданием различных мер, предпринимаемых венгерским правительством, чтобы «вытравить из них все русское». Была попытка перевести церковные праздники на григорианский календарь. Однако воспротивилось духовенство – на том основании, что народ знает церковные праздники, а при переносе их «может произойти смута». Не увенчалась успехом и попытка внести некоторые католические обряды в русскую церковь – воспротивились А. Добрянский, А. Рубий и др. Намерение правительства заменить кириллицу латинским шрифтом встретило отпор в Мукачевской и Пряшевской консисториях. Причиной, почему угорские русские не превратились в мадьяр, ученый назвал «надежду на Россию» (Де-Воллан 1877: 36–37).

Русское население Венгрии проживало на северо-востоке страны, на южных склонах Карпатских гор. Везде на вопрос исследователя население отвечало: «Я русняк», «Я руска», «Я гуцул», «Мы русские». Мадьяры называли их *orosz* (русские). Австрийское правительство сохранило за ними средневековое название русских – *rutheni*. Однако в России, по словам исследователя, еще есть сомневающиеся в принадлежности этого народа к русскому племени (Де-Воллан 1885: 1). Это население живет в комитатах Гёмёр-Кишхонт (у автора – Гёмёрский), Сепеш (Спишский), Шарош (Шаришский), Земплен (Землянский), Сабольч (Сабольский), Угоча (Угочский), Сатмар (Сатмарский), Берег (Бережский), Унг (Ужанский), Марамарош (Мармарошский), Абауй-Торна (Абаюварский) и Боршод (Боршодский). Население разделялось на верховинцев (жителей гор (верхов)) и долинян (жителей долин) (Де-Воллан 1878а: 236; Де-Воллан 1878b: 6).

Де-Воллан обратил внимание, что наречие угрорусское понятно каждому жителю Южной России. Отметил он и сходство «между нашими обычаями и народной жизнью в Угорской Руси»: «Вам кажется, что вы и не выезжали из Полтавской или Черниговской губернии». Ссылаясь на мнения известных ученых П.И. Шафарика и Г.И. Бидермана и на средневековую венгерскую хронику «Gesta Hungarorum» («Деяния венгров»), Де-Воллан относит угорских русских к коренному населению края (см. о расселении русинов в Паннонии: Юрасов 2013).

Карта комитатов Венгерского королевства ок. 1880 г.

Это подтверждается и наличием в Венгрии большого количества городов с названием *Orozs* (*Русский*) (Де-Воллан 1878а: 236; Де-Воллан 1878b: 7–8). Об этом же писал известный русский славист А.А. Кочубинский, также поднявший и тему русского населения в Трансильвании (Суляк 2018: 27–33). Земля, занимаемая угорскими русскими, называлась крайною, а местное население носило название крайников. Переселение русского населения в Венгрию было и позже. Де-Витте напоминает о приходе в Марамарошский и Бережский комитаты князя Федора Кориатовича вместе со своими людьми. Местное восточнославянское население к приходу венгров уже приняло христианство по восточному обряду (подробнее: Суляк 2015). В венгерском языке сохранилось много слов церковной лексики восточнославянского происхождения. Король Стефан (Иштван) I крестился по обряду восточной церкви, позже подчинился римскому престолу. А. Духнович в своей рукописи «Истинная история карпатороссов или угорских русинов» (1853; впервые издана в Москве в 1914 г.), на которую сослался Г. Де-Воллан, писал, что русинов заставляли принимать латинский обряд и перекрещивали. Из-за этого произошло несколько восстаний (Духнович 1914: 546–547; Де-Воллан 1878а: 237–238; Де-Воллан 1878b: 9–14). Вначале русское население пользовалось в Венгрии такими же правами, как и венгры. Ими управляли свои выборные князья, которые подчинялись выборным воеводам. Сын короля Стефана был *dux Ruissorum*. Русские занимали высшие придворные должности и назначались военачальниками или управителями целых областей. Ряд должностей в Венгерском королевстве носил русские названия: *надворный пан*, *воевода* (*вайвода*), *стольник* (*асталнок* от *астал* – стол). Русские составляли почетную стражу венгерских королей. Потомки этих высокопоставленных русских позже вошли в состав венгерской знати (Любомирские, Петровы, Липтаевы, Березинские, Пастелий, Надажди, Весселений, Оросс де-Баласфальва, князь Тарноций, Телегди, Комлоши, Степан Илловай, Орманди). В Венгрии повторилось то же явление, что и в Польше, где потомки русской аристократии в большинстве своем ополячились. Некоторые роды в Угорской Руси сохранили свою национальность: Добрянские, Бачинские, Ладомирские, Ладыжинские, Духновичи (потомки князей Черкасских) (Де-Воллан 1878а: 238–239; Де-Воллан 1878b: 14–15).

Позже земли, населенные русскими, отдавались венгерским семействам. В XV в. вольные поселенцы на владельческих землях лишились права перехода. Беглые крестьяне были подчинены дворянскому суду. Это вызвало крестьянские бунты, которые были подавлены. Крепостное право в Австрии отменено в 1785 г. В 1848 г. венгерский парламент отменил барщину. Однако крестьяне страдали от неправильного

применения правил о крестьянских повинностях и землевладении (Урбарииум Марии Терезии) (Де-Воллан 1878а: 239–240; Де-Воллан 1878b: 17–18).

Подверглась давлению австрийских властей и вера народа. В 1646 г. была принята Ужгородская уния. Со временем запретили избирать епископов. Последним избранным епископом был Андрей Бачинский (1773). Впоследствии иерархи назначались австрийским правительством. Они находились в зависимости от ягерских католических властей (Де-Воллан 1878а: 241; Де-Воллан 1878b: 22–23).

Возрождение угрорусов началось с Венгерского восстания и прохода через Карпаты армии Паскевича. Австрийское правительство сначала рассматривало национальные меньшинства как противовес венграм. Представители народа, среди которых были Адольф и Виктор Добрянские, в своем меморандуме Францу Иосифу просили автономии Угорской Руси, введения русского языка в школах, учреждения русской гимназии, юридического лицея в Ужгороде и Русского университета во Львове, издания официальной русской газеты, введения кириллицы, равноправия с венграми. А. Добрянскому удалось многое сделать для возрождения своего народа. Его представители получили должности, судебные акты стали писаться и на русском языке, в городах появились вывески на русском. Однако вскоре Добрянский был отозван и получил другое назначение. Большую роль в возрождении народа сыграли А. Духнович, епископ Мукачевский Василий (Попович), И. Раковский и др. (Де-Воллан 1878а: 243–244; Де-Воллан 1878b: 28–33). В Ужгороде, Пряшеве, Хусте было образовано общество «Русская беседа» (Де-Воллан 1878а: 246; Де-Воллан 1878b: 38). В 1866 г. Австрийское правительство примирилось с мадьярами. После смерти епископа Василия (Поповича) в 1866 г. Мукачевскую епархию возглавил «мадьярон» Стефан Панкович (Де-Воллан 1878а: 247; Де-Воллан 1878b: 41–42).

Исследователь, говоря о препятствиях для желавших заниматься русской литературой, упомянул об украинофильстве, которое «находилось под особым покровительством начальства» (Де-Воллан, 1878а: 249–250; Де-Воллан 1878b: 32). В Австро-Венгрии украинофильское движение появилось в 1860-х гг. Как признавал М.С. Грушевский, «почти все старшее поколение относилось к нему несочувственно и более или менее решительно тяготело в сторону москвофильства (так украинская историография обозначает сторонников общерусского единства. – С.С., В.З.). В руках москвофилов находились все национальные организации и в Галиции, и на Буковине, не говоря уже о Закарпатской Украине (Угорская Русь. – С.С., В.З.), а народовство конца 1860-х и затем 1870-х годов представлено было небольшими лишь

кружками, бедными и материальными средствами, и культурными силами» (Грушевский 2004: 540).

Свой исторический очерк «Угорская Русь» Г. Де-Воллан заканчивает вопросом: получится ли у мадьяр «навязать другую веру, другой язык населению, которое, к своему несчастью, принадлежит к великому русскому народу?». Автор поясняет: «Для Угорской Руси несчастье теперь, потому что о ней теперь забыли» (Де-Воллан 1878a: 249–250; Де-Воллан 1878b: 49).

В своей работе «Угорско-русские народные песни» Г. Де-Воллан поместил 525 народных песен и коломыек. Эти песни автор получил от Н. Бачинского и Г. Левицкого – местных собирателей народной поэзии. Они были собраны в Бережском, Угочанском и Марамарошском комитатах («Песни верховинцев» Н. Бачинского) и у крайнян и спишаков (сборник Г. Левицкого).

Вначале исследователь дает «Очерк быта угорских русских». При его написании он, кроме собственных наблюдений, использовал работы Г.И. Бидермана (Hermann Ignaz Bidermann / Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte (Innsbruck, Vol. 1. 1862; Vol. 2. 1867), Ф. Лерепа (Franz von Löher. Die Magyaren und andere Ungarn. Leipzig, 1874) и А.Д. Петерсона (Петерсон А.Д. Венгрия и ее жители. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1873).

Описывая верховинцев – жителей гор, обитавших в горах в Марамарошском (у автора – Мармарусский), Бережском и Ужанском (административный центр – Ужгород) комитатах, исследователь отметил, что они лучше других угорских русских сохранили «свой первоначальный тип сильного пастушеского народа». Любимыми их занятиями были скотоводство и связанная с ним торговля скотом. Летом верховинцы обыкновенно спускаются в низменные долины по ту стороны Тисы, «где полевым трудом зарабатывают себе зерно и деньги» (Де-Воллан 1885: 7–9).

Для них характерно уважение к старикам, любовь к родителям и родственникам. Довольно распространен был патриархальный тип семьи. При встрече крестьяне приветствовали друг друга словами: «Дай боже!». Несмотря на унию, верховинцы придерживались православного обряда, и если священник вводил в православный обряд какие-то новшества, он терял доверие прихожан (Де-Воллан 1885: 9–11).

Сохранились в их среде и суеверия, особенно вера в так называемых упырей, распространено убеждение о вмешательстве в людские дела перевоплощенного дьявола. У них это находит отражение в названиях обломков скал – «чертовы камни» и в сказаниях о похождениях черта (Де-Воллан 1885: 11).

Интерес для исследователя представляли и обычаи верховинцев. Младенец перед крещением опускался бабкой в холодную как лед воду, в которую предварительно клали травы, считавшиеся чудодейственными. В день крестин собирались в доме роженицы многочисленные кумы (кмотры), после обильного завтрака они отправлялись с новорожденным в церковь. По возвращении их ждало еще лучшее угощение, и в это время провозглашались многочисленные здравицы и звучали всевозможные пожелания, читались стихи. В заключение пира с наполненным водкой кубком на деревянном подносе обходили всех присутствовавших, которые старались наполнить его медными монетами. Наполненный таким образом кубок бабка подавала роженице. Та выпивала водку, деньги же высыпала себе за пазуху, для того чтобы новорожденное дитя уже с молоком матери всосало любовь к деньгам и впоследствии усерднее трудилось для их приобретения.

Если умирал какой-либо член семьи, то все присутствовавшие в доме поднимали сильный крик, хватаясь за голову и заламывая руки. Услышав это, в доме умершего собирались соседи. Труп раздевали, укладывали на большой стол, обмывали теплой водой. Умершим мужчинам сбрасывали бороду, приглаживали волосы. Затем, обрядив усопшего в праздничную одежду, надев на голову его любимую шляпу или войлочную шапку, клали его на сено, прикрыв куском грубой льняной ткани. Следующую ночь семья проводила в обществе соседей, которые старались утешить скорбящих соответствующими речами и рассказами. Перед самым погребением покойника клали в гроб; там, кроме любимых его вещей, оставляли и деньги «на дорогу». Когда крышка гроба закрывалась, собравшиеся провожать усопшего сдвигали все предметы в доме с их мест, чтобы в них не оставалось ничего, что могло нести в себе дух его присутствия. Вынося гроб во двор, бросали на него овсяные лепешки и кусочки соли, трижды ударяли ими о порог дома, чтобы самое здание могло почувствовать, что один из его обитателей навсегда прощается с ним. Вынос покойника на кладбище сопровождался жалобными причитаниями, в которых родные и близкие посылали умершему последние свои похвалы. Вся жизнь его припоминалась в стихах или звучных словах, и чем громче звучал голос причитавших, тем глубже оставались воспоминания о покойном переживших его. После погребения все провожавшие собирались за скромным столом. За поминками проводили все вместе и следующую ночь, чтобы по возможности облегчить скорбь родных (Де-Воллан 1885: 12–13).

Из праздников с особенной торжественностью верховинцы чествовали Пасху. Праздновали также и день Ивана Купалы. В некоторых

названиях местностей слышны отголоски языческого культа. Так, например, Волосата своим происхождением напоминало древнее божество Волоса (Велеса). Кое-где еще можно было услышать языческую клятву: «Убій тебя Перун!» (Де-Воллан 1885: 14–16).

Любимым танцем верховинцев была коломыйка, наиболее распространенными музыкальными инструментами – свирель и волынка. До XVII в. особой любовью пользовались лира и бандура. У горных пастухов был духовой инструмент, называвшийся тромпетой (трембитой). Возвращаясь с работы, верховинцы обыкновенно затягивали хоровую песню (натяга, устяга), состоявшую из двух-трех куплетов (Де-Воллан 1885: 16–17).

Образ жизни верховинцев был прост. Пища состояла из овсяного пресного хлеба – отсыпки и овсяного киселя. В южной части Верховины вместо последнего ели токан – разновидность каши, сваренной из пшеничной муки. Из овощей употребляли красную свеклу, ботву, зеленые бобы и молодую тыкву. Как правило, их ели в квашеном виде. Мясо было только по таким праздникам, как Рождество и Пасха, масло тоже было редкостью (Де-Воллан 1885: 18).

Долиняне (влахи) жили в более равнинных местностях тех же комитатов, что и верховинцы, а также в Сатмарском, Угочанском и Сабольском (Де-Воллан 1885: 5). Они, кроме скотоводства, занимались земледелием, а иногда и ремеслами. Более теплый климат и плодородная почва позволяли им иметь более разнообразную пищу, чем у верховинцев. Обычную пищу их составляли свежие и сушеные плоды, сало, свинина, бобы и сыр. Овсяный хлеб был заменен кукурузным.

По архитектуре своих жилищ и костюму долиняне значительно приблизились к венграм. В их языке много иностранных слов, в том числе и немецкого происхождения: например, вместо *нитка* они говорили *цверна*, вместо *оружие (зброя)* – *гвер*, вместо *участок земли (засед)* – *грунт*, вместо *снедати (завтракать)*, как говорил верховинец, долинянин употреблял *фрыштиковати*.

Долиняне менее религиозны и добросовестны, чем горные жители. Воровство, драки, бесчинства были у них нередкими явлениями. Посещать церковь, молиться и поститься – не их дело, но зато они менее суеверны. Обычаями долиняне мало отличались от верховинцев (Де-Воллан 1885: 22–23).

Обитатели Спиша (Спишский комитат) и Крайны (Землянский, Шаришский, Абаюварский комитаты) представляли собой переход к словакам, но преобладающим элементом в них все-таки оставался русский. Их обычаи отличались некоторыми особенностями: в праздник Рождества Христова в комнатах устраивали соломенные настилки, что означало скромную постель новорожденного Спасителя, на Пасху

поливали друг друга водой в знак очищения души. Свадьбы, крестины и похороны сопровождалась пиршествами, которые продолжались иногда, особенно на свадьбах, по несколько дней.

Сохранилось немало суеверий. Большим почетом пользовались вещуны и знахари. Во время засухи женщин заставляли купаться, а в случае отказа насильно бросали их в воду, чтобы обнаружить колдунью, которая наслала это бедствие. Пища у горцев была такой же скудной, как и у верховинцев. У жителей равнин она была лучше и разнообразнее. Любимые кушанья – овсяные пироги с картофельной начинкой.

Горные жители вместо шубы носили «длинную темную юбку старинного покроя, доходившую до колен и снабженную капюшоном или же открытым четырехугольным воротником, покрывавшим спину, воротник был обшит бахромой». Обитатели долин одевались так же, как и жившие около них словаки, от которых они отличались лишь некоторыми особенностями языка и строгим соблюдением православия (Де-Воллан 1885: 24–26).

В своем очерке «Недавняя старина. Поездка в Сербию в 1876 г.» Де-Воллан написал: «Мое сочувствие к славянам было давнишнее. Воспитываясь в Германии во времена всяких Turn- и Schützenverein (гимнастических и стрелковых клубов. – С.С., В.З.), сильного подъема германской национальной идеи, и я стал мечтать о панславизме, о славянской идее, легко осуществимой, если у нас найдутся люди и средства. Судьба толкнула меня в Пешт, и я там познакомился с мадьярами и славянами. Я знал о славянах по книжкам. Теперь мне пришлось воочию увидеть, сколько нравственных страданий переиспытывают эти несчастные забитые парии мадьярского общества, именуемые славянами. Самый талантливый из них, если он останется славянином (а ренегатство не возвышает человека), не будет признан за человека, за джентльмена. Если между ними появится энергичский характер, то нет клеветы и пакости, которой не испробуют на нем его мадьярские сограждане. Toth nem ember (словак не человек), говорит с гордостью чистокровный мадьяр. Мадьярские аристократы славянского происхождения считают это происхождение за позор и стараются всячески скрыть это пятно от своих сотоварищей <...>

Я стал на стороне слабых, перечувствовал с ними их страдания, негодовал с ними на невзгоды, которые становятся их уделом. Я не ограничился избранным кружком пештского общества, но побывал у сербов в Венгрии, у словаков, у русских в Карпатах. Везде одна и та же картина – притеснители и притесняемые. Приехав в Петербург, я думал найти сочувствие к этим несчастным, но, увы, ошибся. Их не знали совсем. Некоторые лица даже советовали мне: "Бросьте вы

этих славян. *Se n'est pas comme il faut* (с фр.: "Это не так, как должно быть". – С.С., В.З.). Общий тон – полное равнодушие, незнание и даже какая-то брезгливость к тем славянам, которые являлись за пособием в министерства. Точь-в-точь приезд бедных родственников к знатному барину. Славяне, которые утратили обеспеченное общественное положение на родине, с горечью отзывались, что они разочарованы в русском обществе. Им казалось, что их примут с открытыми объятиями; на деле выходило, что они встречали ласковый прием лишь у некоторых членов славянских комитетов; они охали с ними и отпускали их, в тайне думая: когда же отвяжется от меня этот бедный родственник!» (Де-Воллан 1879: 339–340).

Не правда ли, знакомая ситуация?

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов, Щебеньков 1992 – *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 208 с.: ил.

Буйнова 2017 – *Буйнова К.Р.* Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – начале XX века. М.: МГИМО-Университет, 2017. 266, [1] с.

Военная энциклопедия 1912 – *Военная энциклопедия*. В 18 т. Т. IX. Двина Западная – Елец / Под ред. ген.-лейт. К.И. Величко, полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца и др. М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. 365 с.

Волков 2016 – *Волков С.В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.

Всеволодов, Никифоров 1973 – *Всеволодов И., Никифоров А.* Настоящая радуга. Рассказы о русских путешественниках в Бирме. М.: Наука, 1973. 176 с.

Григорьев 2010 – *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 521 [7] с.

Грушевский 2004 – *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004. 768 с.

Де-Воллан 1877 – *Де-Воллан Г.А.* Мадыры и национальная борьба в Венгрии. С прил. этногр. карты Венгрии. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1877. 45 с., 1 л. карт.

Де-Воллан 1878а – *Де-Воллан Г.А.* Угорская Русь. Исторический очерк // Русский архив. 1878. № 2. С. 235–250.

Де-Воллан 1878б – *Де-Воллан Г.А.* Угорская Русь. Исторический очерк. М.: тип. Лебедева, 1878. 49 с.

Де-Воллан 1879 – *Де-Воллан Г.А.* Недавняя старина. Поездка в Сербию в

1876 г. // Русский архив. 1879. № 6. С. 339–376.

Де-Воллан 1881 – *Де-Воллан Г.А.* Свободное слово о современном положении России. Berlin: V. Vebr (E. Vock), 1881. [2]. 174 с.; 19.

Де-Воллан 1883 – *Де-Воллан Г.А.* Годы восстания в Венгрии // Вестник Европы. 1883. Кн. 4. Апрель. С. 613–640.

Де-Воллан 1885 – *Де-Воллан Г.А.* Угорорусские народные песни. С прил. очерка быта угор., рус. и этногр. карты Венгрии. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 13, вып. 1). СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1885. [4], 265 с., 1 л. карт.; 23.

Де-Воллан 1999 – *Г. де Воллан.* В стране восходящего солнца (фрагменты из книги) / Книга японских обыкновений / Сост. А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. С. 386–299.

Духнович 1914 – *Духнович А.В.* Истинная история карпато-россов или угорских русинов. Изданная народолюбцем Александром Духновичем в 1853 году. Сообщено Ф.Ф. Аристовым // Русский архив. 1914. № 4. С. 528–559.

Итенберг 1988 – *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция М.: Мысль, 1988. 253, [2] с.: ил.

Мазурок, Пеняк, Шевера 2003 – *Мазурок О., Пеняк П., Шевера М.* Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород: ПП М. Повч, 2003. 94 с.

Мещеряков 1999 – *Мещеряков А.Н.* Записки иностранных путешественников. Вместо введения // Книга японских обыкновений / Сост. А.Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. С. 306–313.

Россия и США 1999 – Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. 856 с.

Русский биографический словарь 1905 – Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 6: Дабелов–Дядьковский / Изд. под наблюдением пред. Императорского ист. об-ва А.А. Половцова. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. 748 с.

Русские 2006 – Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., подгот., введ., заключительная ст. А.Л. Шемякина; коммент.: А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006. 684 с.

Русские писатели 1992 – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 5 т. Т. 2: Г–К / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. 623 с.: ил.

Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Вклад А.А. Кочубинского в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2018. № 2 (52). С. 20–40. DOI: 10.17223/18572685/52/3

Юрасов 2013 – *Юрасов М.К.* Венгерский Аноним о «Порубежье рутенов»

во время «Обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье // Русин. 2013. № 3 (33). С. 21–31.

REFERENCES

Arutyunov, S.A. & Shchebenkov, V.G. (1992) *Drevneyshiy narod Yaponii. Sud'by plemeni aynov* [The most ancient people of Japan. The fate of the Ainu tribe]. Moscow: Nauka.

Buynova, K.R. (2017) *Russkie puteshestvenniki v Latinskoy Amerike v XIX – nachale XX veka* [Russian travelers in Latin America in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: MGIMO-Universitet.

Velichko, K.I., Novitsky, V.F. Schwartz, A.V. fon et al. (eds) (1912) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 9. Moscow: I.D. Sytin.

Volkov, S.V. (2016) *Vysshee chinovnichestvo Rossiyskoy imperii. Kratkiy slovar'* [High officials of the Russian Empire. A brief dictionary]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.

Vsevolodov, I. & Nikiforov, A. (1973) *Nastoyashchaya raduga. Rasskazy o russkikh puteshestvennikakh v Birme* [Real rainbow. Stories about Russian travelers in Burma]. Moscow: Nauka.

Grigoryev, B.N. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke* [The daily life of the royal diplomats in the 19th century]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Grushevsky, M.S. (2004) *Illyustrirovannaya istoriya Ukrainy* [Illustrated history of Ukraine]. Donetsk: BAO.

De-Wollant, G.A. (1877) *Mad'yary i natsional'naya bor'ba v Vengrii* [Magyars and national struggle in Hungary]. St. Petersburg: A. Transhel.

De-Wollant, G.A. (1878a) *Ugorskaya Rus'. Istoricheskiy ocherk* [Ugric Russia. A Historical Essay]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 235–250.

De-Wollant, G.A. (1878b) *Ugorskaya Rus'. Istoricheskiy ocherk* [Ugric Russia. A Historical Essay]. Moscow: Tip. Lebedeva.

De-Wollant, G.A. (1879) *Nedavnyaya starina. Poezdka v Serbiyu v 1876 g.* [Recent antiquity. A trip to Serbia in 1876]. *Russkiy arkhiv*. 6. pp. 339–376.

De-Wollant, G.A. (1881) *Svobodnoe slovo o sovremennom polozenii Rossii* [Free word about the current situation in Russia]. Berlin: B. Behr (E. Bock).

De-Wollant, G.A. (1883) *Gody vosstaniya v Vengrii* [Years of the uprising in Hungary]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 613–640.

De-Wollant, G.A. (1885) *Ugorusskie narodnye pesni* [Ugro Russian folk songs]. Vol. 13(1). St. Petersburg: Ministry of the Interior.

De-Wollant, G.A. (1999) *V strane voskhodyashchego solntsa* [In the land of the rising sun]. In: Meshcheryakov, A.N. (ed.) *Kniga yaponskikh obyknoveniy* [The Book of Japanese Customs]. Moscow: Natalis. pp. 386–299.

Dukhnovich, A.V. (1914) *Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugorskikh rusinov*.

Izdannaya narodolyubtsem Aleksandrom Dukhnovichem v 1853 godu [The true history of the Carpatho-Russian or Ugrian Rusins. Published by the folk lover Alexander Dukhnovich in 1853]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

Itenberg, B.S. (1988) *Rossiya i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya* [Russia and the Great French Revolution]. Moscow: Mysl'.

Mazurok, O., Penyak, P. & Shevera, M. (2003) *Volodimir Vernads'kiy pro Ugors'ku Rus'* [Vladimir Vernadsky about Ugrian Rus]. Uzhhorod: M. Povch.

Meshcheryakov, A.N. (1999) Zapiski inostrannykh puteshestvennikov. Vmesto vvedeniya [Notes of foreign travelers. For introduction]. In: Meshcheryakov, A.N. (ed.) *Kniga yaponskikh obyknoveniy* [The Book of Japanese Customs]. Moscow: Natalis. pp. 306–313.

Yakovlev, A.N. (ed.) (1999) *Rossiya i SSHA: diplomaticheskie otnosheniya. 1900–1917* [Russia and the United States: Diplomatic Relations. 1900–1917]. Moscow: MFD.

Polovtsov, A.A. (ed.) (1905) *Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Shemyakin, A.L. (ed.) (2006) *Russkie o Serbii i serbakh* [Russians about Serbia and Serbs]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya.

Nikolaev, P.A. (ed.) (1992) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar': v 5 t.* [Russian Writers. 1800–1917. The Biographical Dictionary: In 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Sulyak, S.G. (2015) The beginning of Christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus. *Rusin*. 4 (42). pp. 267–307 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Sulyak, S.G. (2018) A.A. Kochubinskii's contribution to Carpathian and Carpathian-Dniestr Rus' studies. *Rusin*. 2 (52). pp. 20–40 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/3

Yurasov, M.K. (2013) An Anonymous Hungarian account about “the boundary of Rusins” during the “founding of the Magyar homeland” in the Inner Danubian Lands. *Rusin*. 3 (33). pp. 21–31.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 930.85

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/23

НИКИТА РЕМЕСИАНСКИЙ – ПАСТЫРЬ И ПОЛИТИК*

(Рецензия на книгу А. Сорочану «Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donaauraum» («Никита Ремесианский. Душепопечение и церковная политика в позднеантичном Нижнем Подунавье») (Zivilisationen und Geschichte 23), Peter Lang: Frankfurt a. M., 2013).

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Авторское резюме

Представлена рецензия на книгу румынской исследовательницы Алины Сорочану «Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donaauraum» («Никита Ремесианский. Душепопечение и церковная политика в позднеантичном Нижнем Подунавье»). Работа является комплексным исследованием жизни и деятельности апостола Балкан свт. Никиты Ремесианского, а также исторического и культурного контекста его эпохи. Рассматривается источниковая и историографическая база работы, исследуется археологический материал, изучается политический аспект проблемы, анализируется роль свт. Никиты Ремесианского как возможного посредника между Константинополем и Римом. Автор рецензии отмечает известную дискуссионность некоторых построений Алины Сорочану, связанных с миссионерским путешествием свт. Никиты Ремесианского, и отстаивает отождествление Urbem Tomitanam в семнадцатой поэме Павлина Ноланского с Томами (современная Констанца).

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-01-00400.

Ключевые слова: Балкано-Карпатский регион, археология, Никита Ремесианский, варварские нашествия, миссионерская деятельность, имперская политика, церковная деятельность, путешествия, проповедь, арианство, богословие, повседневная жизнь, преследования.

ST. NICETAS OF REMESIANA: A PASTOR AND A POLITICIAN*

V.V. Vasilik

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Astract

The author represents a review of the book by the Romanian researcher Alina Soroceanu *Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donaauraum* (St. Nicetas of Remesiana. Spiritual Care and Church Policy in the Late Antique Lower Danube). The work represents a comprehensive study of the life and activities of the Apostle of the Balkans St. Nicetas of Remesiana in the historical and cultural context of his era. The author examines the source and historiographical basis of the work as well the archaeological material, the political aspect of the problem and the role of St. Nicetas of Remesiana as of a possible mediator between Constantinople and Rome. The reviewer points at the debatable nature of certain constructions associated with the missionary journey of St. Nicetas of Remesiana and insists on the identification of Urbem Tomitanam in the seventeenth poem of Pauline of Nola with Tomy (modern Constanța).

Keywords: archeology, St. Nicetas of Remesiana, Balcan Carpatian region, missionary activity, preaching, Arianism, theology, everyday life, persecution.

Книга талантливой румынской исследовательницы Алины Сорочану (Soroceanu 2013) посвящена масштабной личности свт. Никиты Ремесианского, просветителя балканских стран. Значение свт. Никиты Ремесианского тем более велико, что для второй половины IV – первой четверти V в. он был единственным православным богословом

* The article is supported by the Russian Foundation of Basic Research, Grant Nr. 17-01-00400.

на Балканах, чьи сочинения отчасти сохранились (Burn 1905: 1–120). Никита Ремесианский находится между двумя традициями: с одной стороны, на него повлияло предание Галльской церкви, с другой – восточная, в частности каппадокийская, традиция (Burn 1905: XXXIII).

Никита Ремесианский является великим миссионером Балкан: он принес христианство племенам даков, бессов и гетов. Годы жизни и деятельности свт. Никиты приходятся на время катастрофических для Римской империи событий – Адрианопольскую битву 378 г., похоронившую военное могущество Рима, окончательный раздел единой Римской империи на западную и восточную, грабительские походы Алариха на Балканах и в Италии и, наконец, взятие Вечного города готами в 410 г. (Pippidi 1967: 497–498; Sorocseanu 2013: 23) Ответом на эти катастрофы явилась пастырская и проповедническая деятельность свт. Никиты Ремесианского, которая стала небезуспешной попыткой преодоления хаоса через молитву, проповедь, духовное действие. На наш взгляд, в целом это удалось показать автору.

Алина Сорочану опирается на долгую традицию изучения творчества святителя Никиты Ремесианского – работы Берна (Burn 1905), Калера (Kahler 1958), Штефани (Stefan, 1967), Пипиди (Pippidi 1967: 497–516), Сивана (Sivan 1995: 79–90), Кирштайна (Kirstein 2000) и др.

В своей работе румынская исследовательница подробно анализирует как творения самого свт. Никиты Ремесианского, так и поэмы свт. Павлина Ноланского (Paulino di Nola 1996), ставшие традиционными источниками биографической информации о свт. Никите Ремесианском. Однако Алина Сорочану не ограничивается этим. Во-первых, она использует памятники христианской эпистолографии, в частности письма папы Иннокентия I (Innocentius I 1862). Во-вторых, привлекает труды церковных историков – Сократа (Socrates Scholasticus 1860), Созомена (Sozomenos 2004), Феодорита Кирского (Theodoret 1954). В-третьих, А. Сорочану задействовала и работы светских историков, в частности Зосимы (Zosimus 1986), однако используя его данные, на наш взгляд, недостаточно критично. В-четвертых, она использует житийную традицию (Martyrologium 2001).

А. Сорочану стремится поместить своего героя в исторический и церковный контекст эпохи, что, разумеется, является немалым достоинством работы, и все же это стремление может стать объектом для известной критики. Так, на наш взгляд, автор придает чрезмерно большое значение переселению вестготов-тервингов за Дунай, обстоятельствам их восстания 378 г. и битве при Адрианополе. Сорочану считает, что поселение готов южнее Дуная драматически изменило этническую и религиозную ситуацию в этом регионе и в то же время открыло новые возможности для христианской проповеди (Sorocseanu

2013: 30–34). Если со вторым тезисом следует согласиться, особенно если вспомнить факт учреждения православного готского храма с богослужением на готском языке при свт. Иоанне Златоусте, то с первым тезисом можно и поспорить. Ни археологический материал, ни письменные источники не указывают на уничтожение готами местного населения, тем более целых народов, населявших соответственные области Балкан (Вольфрам 2003: 175). Более того, следы готов на Балканах минимальны – и археологические, и топонимические. К тому же не следует преувеличивать ущерб, который готы нанесли местному населению во время восстания 378 г. и движения Алариха 397 г., зачастую они выступали вместе с местными жителями против имперской администрации (Вольфрам 2003: 175).

Что же касается увеличения возможностей для проповеди, то следует вспомнить о проблеме гетов (*Getae*), упомянутых в панегирике Павлина Ноланского, которым проповедовал Никита Ремесианский: *Et Getae currunt, et uterque Dacus* – «и геты бегут, и тот и другой дакиец» (ЛИБИ 1958: 258; Paulino di Nola 1996 120). Вопрос состоит в том, являются ли они фракийским племенем гетов или германским племенем готов. На наш взгляд, в XVII песне Павлина речь идет о тех и о других. И в то же время подчеркнем, что готы не стали одним из ведущих этносов на Балканах (Вольфрам 2003; Chauvot 1995).

Автор придает большое значение политическим границам и административным делениям той эпохи, в частности разделению Западной и Восточной империи при императоре Феодосии I. Однако, на наш взгляд, эти границы были достаточно прозрачны для епископата, особенно для таких миссионерских епископов, как свт. Никита Ремесианский. Конечно, в решениях соборов IV–V вв. постоянно педалируется необходимость разделения епархий по границам провинций, например в 17-м правиле Халкидонского собора (451 г.): «Но аще царскую властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку» (Милаш 1912: 200).

Тем не менее последняя треть IV в. давала яркие примеры игнорирования духовными властями светских границ: когда указом императора Валента Каппадокия была разделена на две провинции – *Sarradocia I* и *Sarradocia II* – и во вторую Каппадокию был назначен альтернативный архиепископ Анфим, сочувствовавший арианам, то свт. Василий Великий, в нарушение светских границ и императорских постановлений, поставлял своих епископов во вторую Каппадокию, на территорию Анфима (Милаш 1912: 203).

В книге, на наш взгляд, недостаточно освещены Второй Вселенский собор и деятельность императора Феодосия Великого по его

утверждению. Между тем торжество православия в 381 г. и его законодательное утверждение императором Феодосием способствовали решительной победе над арианством и пневматологической ересью Македонии и, дерзнем сказать, гораздо сильнее повлияло на жизнь церкви в балканских провинциях, чем варварские нашествия (Захаров 2011). Безусловно, утверждение решений собора потребовало времени и борьбы, которая отражена в ряде трудов свт. Никиты (Василик 2018: 54–60), однако нельзя отрицать его ключевого значения для церковной жизни Балкан. Автор касается Римского собора 382 г., но не затрагивает Аквилейские соборы 382 г. под председательством св. Амвросия Медиоланского (Захаров 2014: 100), что является известным упущением, поскольку они во многом предрешили противоборство православных и ариан на Балканах.

А. Сорочану достаточно подробно рассматривает богословский контекст и справедливо говорит о каппадокийских корнях богословия в трактате «*De diversis appellationibus Christi*», однако, на наш взгляд, последний не полностью раскрывает источниковую базу святителя Никиты. Автор упоминает о влиянии свт. Василия Великого, но забывает упомянуть о прямых или косвенных цитатах из свт. Григория Нисского, а также из Афанасия Великого, найденных автором этой рецензии (Василик 2018). Следует сказать, что христология святителя Никиты еще ждет своего изучения в богословском контексте IV–V в. (Grillmeier 1975).

Румынская исследовательница весьма удачно описала Ремесиану (современная Белая Паланка). Сорочану использует не только письменные источники, но и богатый археологический материал, в котором она прекрасно разбирается. Автор приводит отчет об археологических раскопках в Белой Паланке, а также планы и реконструкции древней Ремесианы, в частности так называемого епископского комплекса, т. е. базилики и епископского дворца. Следует отметить, что при наличии достаточного количества интересных и высокопрофессиональных археологических исследований (Duval 1998; Evans 2006) дополнения Алины Сорочану являются весьма ценными.

Автор особо сосредоточивается на взаимоотношениях Рима и Константинополя на Балканском полуострове и сферах их влияния. Ее точка зрения на то, что святитель Никита Ремесианский мог быть посредником между Римом и Константинополем, не лишена основания. Этим, в частности, объясняют его поездки в Нолу и дружбу с Павлином Ноланским.

На наш взгляд, все объясняется достаточно просто: Ремесиана относилась к юрисдикции Рима (Pietri 1976). В то время митрополия Фессалоник только основывалась, памятниками чего стали ротонда

св. Георгия и базилика св. Димитрия, и необходимость поддерживать церковные связи с римской метрополией, очевидно, была весьма важной. Она была тем более актуальной, что отношения Рима с Константинополем складывались непростые, и не случайно посредниками часто становились выходцы из латиноязычных областей Балкан, как, например, Иоанн Кассиан Римлянин (Фокин 2007). Автор справедливо уделяет значительное внимание миссии Иоанна Златоуста в Восточном Иллирике (Soroceanu 2013: 145). К сожалению, у нас нет прямых свидетельств о связях свт. Иоанна Златоуста и свт. Никиты Ремесианского. На наш взгляд, автор сопоставляет их слишком прямолинейно: творчество Никиты Ремесианского не дает особых оснований для того, чтобы говорить об их прямых контактах или о заимствованиях свт. Никиты из творчества великого архиепископа Константинопольского.

Следует отметить один дискуссионный момент относительно маршрута путешествия свт. Никиты Ремесианского, описанного в XVII поэме Павлина Ноланского. В описании пути свт. Никиты присутствует город Томы в Малой Скифии (Констанца в современной Добрудже) – *Tomitanam urbem*. Определенный круг исследователей считал это ошибкой писца, который написал *Tomitanam* вместо *Stobitanam* (Burn 1905: LXVII). Однако этому противятся как рукописная традиция стихотворений Павлина Ноланского, которая в целом является стабильной и не дает таких серьезных разночтений, так и соображения палеографического характера: во-первых, переписчику гораздо легче «потерять» букву, чем ее прибавить; во-вторых, латинские буквы *m* и *b* слишком далеки друг от друга и в маюскульных, и в минускульных, и в курсивных начертаниях, чтобы их можно было легко спутать (Антонец 2009). Другие ученые предлагают идентификацию *Tomitanam urbem* с городом Томес, упоминаемым Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках». Он действительно находится в «Ремесианской стране» (Ἐν χώρᾳ Ῥεμισιανιστῆς), однако достаточно странно упоминание лишь Томеса из всего ряда, перечисленного Прокопием: Βρίττουραῖο. Σοῦβαρας. Λαμπωνίανα. Στρόγγυς. Δάλματας. Πριμίανα. Φρερραρία. Τόπερα. Τόμης (Procopius 1964: 120). Однако, кроме этого беглого и невнятного упоминания у Прокопия, мы не находим о нем никаких свидетельств. Единственное, что мы знаем из Прокопия – название этого города в ряду других, но мы не знаем даже его местоположения. Как известно, нельзя объяснять одно неизвестное через другое. Наконец, предлагается следующая гипотеза: весь этот фрагмент является поздней интерполяцией. Эту версию выдвинул Кирштайн (Kirstein 2002: 96; см. также Tränkle 2002), и к ней склонилась Алина Сорочану. Однако аргументация Кирштайна не выглядит убедительной: XVII песнь

Павлина Ноланского обладает метрическим и стилистическим единством, к тому же непонятно, какова была цель подобной интерполяции и кто мог быть интерполятором. Следовательно, нам следует оставить чтение *Tomitanam* по принципу *lectio difficilior* и отождествить с Томами в Малой Скифии (современная Констанца). Тогда фрагмент из XVII песни Павлина приобретает более широкое значение: он говорит не только о путешествии свт. Никиты из Ремесианы в Нолу, но и о его миссионерских походах в целом, а также о его проповеднической деятельности в Малой Скифии и Дакии (Blasen 2012).

Наиболее интересными представляются нам главы, посвященные личности святителя Никиты. Автор умело анализирует дошедшие до нас произведения апостола Балкан и воссоздает законченный и весьма впечатляющий образ церковного деятеля, миссионера, жившего в бурную эпоху и трудившегося в тех местах, где церкви еще предстояло утвердиться, касаясь при этом и духовных, и светских аспектов проблемы, весьма актуальных для научной мысли (Liebeschuetz 1990).

Анализ вероучительных, прежде всего катехетических, трудов свт. Никиты позволяет автору коснуться важнейших догматических проблем и споров, а также отчасти реконструировать общественную жизнь конца IV – начала V в. Особенных успехов А. Сорочану добивается при анализе катехетических поучений. На наш взгляд, в реконструкции жизни христиан той эпохи можно было бы пойти и дальше, что мы показали в нашей статье (Василик 2018: 56–59).

Представляется справедливым мнение автора, что аудиторией свт. Никиты были не только автохтоны – романизированные (и не очень) даки, геты, бессы, но и пришельцы – готы, и ко всем святитель находил свой подход.

Автор, на наш взгляд, вполне убедительно говорит о единстве религиозного и политического в деяниях Никиты Ремесианского и выступает против установки искать присутствующие у некоторых авторов только политические смыслы в религиозных событиях, например в паломничестве святителя. По нашему мнению, такая установка является анахронистической и связана со взглядами нового времени на разделение светского и религиозного. Для поздней античности и средневековья характерно как раз единство акта религиозного и политического: религиозное действие обладало одновременно и политическим смыслом.

В целом монография Алины Сорочану выполнена на очень высоком уровне и является ценным вкладом не только в изучение жизни свт. Никиты Ремесианского, но и в религиозную историю позднеантичных Балкан в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Антонец 2009 – *Антонец Е.М.* Введение в римскую палеографию. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2009. 400 с.

Василик 2018 – *Василик В.В.* Никита Ремесианский и этнорелигиозные процессы в Балкано-Карпатском регионе // Русин. 2018. № 1 (51). С. 54–69.

Вольфрам 2003 – *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI в. СПб.: Ювента, 2003. 510 с.

Захаров 2014 – *Захаров Г.Е.* Церкви Иллирика в эпоху арианских споров. М.: ПСТГУ, 2014. 373 с.

Захаров 2011 – *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни Балкано-Дунайского региона: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 27 с.

ЛИБИ 1958 – Латинские извори за българската история. София, 1958. Т. 1. 466 с.

Милаш 1912 – *Милаш Никодим, ep.* Правила Православной Церкви. М., 1912. Т. 1.

Фокин 2007 – *Фокин А.Р.* Иоанн Кассиан Римлянин // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ, 2007. Т. 18. С. 256–286.

Blasen 2012 – *Blasen Ph.* Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? // *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia catholica*. 2012. Nr. 1–2. P. 39–49.

Burn 1905 – *Burn A.E.* Niceta of Remesiana, His Life and Works. Cambridge, 1905.

Chauvot 1995 – *Chauvot A.* Les migrations barbares et leur conversion au Christianisme // *Histoire du Christianisme*. 1995. Vol. II. P. 861–893

Duval 1998 – *Duval Y.-M.* Aquilée et Sirmium durant la crise arienne (325–400) // *L'extirpation de l'arianisme en Italie du Nord et en Occident*. Aldershot, Brookfield. 1998. P. 331–379.

Evans 2006 – *Evans A.* Ancient Illyria: An Archaeological Exploration. London: I.B. Tauris, 2006. 350 p.

Grillmeier 1975 – *Grillmeier A.* Christus in der Glaube der Kirche. Stuttgart, 1975.

Hanson 2005 – *Hanson R.P.C.* Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. London, 2005. 600 p.

Innocentius I 1862 – *Innocentius I Epistulae* // PL 20, 515A–517B (ep. 14); PL 20, 520A–521 (ep. 16); PL 20, 526D–527A (ep. 17).

Kahler 1958 – *Kahler E.* Studien ueber Te Deum. Goettingen, 1958. 160 s.

Kirstein 2000 – *Paulinus Nolanus, Carmen 17* / ed. R. Kirstein. Basel: Schwabe, 2000.

Liebeschuetz 1990 – *Liebeschuetz J.H.W.G.* Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford: Clarendon Press, 1990.

Martyrologium 2001 – Romanum. Roma: Libreria Editrice Vaticana, 2001. 670 p.

Mathisen 1997 – *Mathisen Ralph W.* Barbarian Bishops and the Churches // *Barbaricis Gentibus During Late Antiquity // Speculum* Vol. 72, Nr. 3 (July, 1997). P. 664–697.

Paulino di Nola 1996 – *Paulino di Nola.* I carmi, I–II, Testo latino con introduzione, traduzione italiana, note e indici a cura di A. Ruggiero. Napoli, 1996.

Pietri 1976 – *Pietri Ch.* Roma christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome: École française de Rome, 1976. Vol. I–II. 1792 p.

Pippidi 1967 – *Pippidi D.M.* Niceta din Remesiana și originile creștinis-mului daco-roman in: idem, Contribuții la istoria veche a României (Contributions to the Ancient History of Romania). Bucharest: Editura Științifică, 1967. P. 497–516.

Procopius 1964 – *Procopius Caesariensis.* De aedificiis. (lib. 1–6), ed. G. Wirth (post J. Haury), *Procopii Caesariensis opera omnia.* Leipzig: Teubner, 1964. Vol. 4. P. 5–186.

Sivan 1995 – *Sivan H.* Nicetas' mission and Stilicho's Illyrican Ambition: Notes on-90. Notes on Paulinus of Nola Carmen XVII (Propempticon) // *Revue des Études Augustiniennes.* 1995. Vol. 41. P. 79–90.

Socrates Scholasticus 1860 – *Sokrates Scholasticus Historia Ecclesiastica // Patrologiae cursus complectus. Series Graeca.* Vol. 67. Col. 33–841.

Soroceanu 2013 – *Soroceanu A.* Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donaauraum (Zivilisationen und Geschichte 23). Peter Lang: Frankfurt a. M., 2013. 281 p.

Sozomenos 2004 – *Historia ecclesiastica.* Kirchengeschichte / übers. und eingel. von G.C. Hansen // *Fontes Christiani* 73. Turnhout, 2004. 400 p.

Ștefan, Tomis et Tomea 1967 – *Ștefan Gh., Tomis et Tomea.* À propos des lutes entre Byzantins et Avars à la fin du VI e siècle de notre ère, Dacia // *N. S.* 9. P. 256–257.

Theodoret 1954 – *Theodoret.* Historia ecclesiastica / Hg. L. Parmentier // *Griechische Christliche Schriftsteller.* 1954. Bd. 44.

Tränkle 2002 – *Tränkle H.* Vermeintliche Interpolationen bei Paulinus von Nola // *Hermes.* 2002. T. 130.3. P. 338–361.

Zosimus 1986 – *Zosimus.* Historia nova / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1986.

REFERENCES

Antonets, E.V. (2009) *Vvedenie v rimskuyu paleografiyu* [The introduction to the Roman Paleography]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauki.

Vasilik, V.V. (2018) Nicetas of Remesiana and ethno-religious processes in the Balcan-Carpathian region (St. Nicetas of Remesiana and his treatise “On the Different Names of Christ” – research and translation). *Rusin*. 1 (51). pp. 54–69 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/4

Wolfram, H. (2003) *Goty. Ot istokov do serediny VI v.* [Goths. From the beginning to the middle of the 6th century]. St. Petersburg: Yuventa.

Zakharov, G.E. (2014) *Tserkvi Illirika v epokhu arianskikh sporov* [The churches of Illyric in the era of Arian disputes]. Moscow: PSTGU.

Zakharov, G.E. (2011) *Tserkov' v sisteme obshchestvennoy zhizni Balkano-Dunayskogo regiona* [Church in the system of public life of the Balkan-Danube region]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.

Duychev, I. et al. (eds) (1958) *Latinskie izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin sources for Bulgarian history]. Vol. 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.

Milas, N. (1912) *Pravila Pravoslavnoy Tserkvi* [The rules of the Orthodox Church]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].

Fokin, A.R. (2007) Ioann Kassian Rimlyanin [John Kassian Roman]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: TSNTS. pp. 256–286.

Blasen, Ph. (2012) Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? *Studia Universitatis Babeş – Bolyai Theologia catholica*. 1–2. pp. 39–49.

Burn, A.E. (1905) *Nicetas of Remesiana, His Life and Works*. Cambridge: [s.n.].

Chauvot, A. (1995) Les migrations barbares et leur conversion au Christianisme [Barbarian migrations and their conversion to Christianity]. In: Saxer, V., Maraval, P., Chauvot, A. et al. *Histoire du Christianisme* [History of Christianity]. Vol. 2. Desclée. pp. 861–893.

Duval, Y.-M. (1998) *L'extirpation de l'arianisme en Italie du Nord et en Occident* [The extirpation of Arianism in Northern Italy and in the West]. Aldershot, Brookfield: Routledge. pp. 331–379.

Evans, A. (2006) *Ancient Illyria: An Archaeological Exploration*. London: I.B. Tauris.

Grillmeier, A. (1975) *Jesus Christus in der Glaube der Kirche* [Christ in the faith of the church]. Stuttgart: Herder Verlag.

Hanson, R.P.C. (2005) *Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381*. London: Baker Academic.

Innocentius I. (1862) *Innocentius I Epistulae*. PL 20, 515A–517B (ep. 14); PL 20, 520A–521 (ep. 16); PL 20, 526D–527A (ep. 17).

Kahler, E. (1958) *Studien ueber Te Deum* [Studies on Te Deum]. Goettingen: [s.n.].

Paulinus of Nola. (2000) *Carmen 17* [Carmen 17]. Basel: Schwabe.

Liebeschuetz, J.H.W.G. (1990) *Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.

Martyrologium 2001 - Romanum. Roma: Libreria Editrice Vaticana.

Mathisen, R.W. (1997) Barbarian Bishops and the Churches. *Barbaricis Gentibus During Late Antiquity. Speculum.* 72(3). pp. 664–697.

Nola, P. di (1996) *I carmi, I–II*. Naples: [s.n.].

Pietri, Ch. (1976) *Roma christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)* [Roma christiana. Research on the Church of Rome, its organization, its politics, its ideology from Miltiade to Sixte III]. Vol. 1–2. Rome: École française de Rome.

Pippidi, D.M. (1967) *Contribuții la istoria veche a României* [Contributions to the Ancient History of Romania]. Bucharest: Editura Științifică. pp. 497–516.

Caesariensis, P. (1964) *Procopii Caesariensis opera omnia*. Vol. 4. Leipzig: Teubner. pp. 5–186.

Sivan, H. (1995) Nicetas' mission and Stilicho's Illyrican Ambition: Notes on-90. Notes on Paulinus of Nola Carmen XVII (Propempticon). *Revue des Études Augustiniennes.* 41. pp. 79–90.

Socrates Scholasticus. (1860) Socrates Scholasticus *Historia Ecclesiastica. Patrologiae cursus complectus. Series Graeca.* 67. Col. 33–841.

Soroceanu, A. (2013) *Niceta von Remesiana. Seelsorge und Kirchenpolitik im spätantiken unteren Donauraum (Zivilisationen und Geschichte 23)* [St. Nicetas of Remesiana. Spiritual Care and Church Policy in the Late Antique Lower Danube]. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Sozomenos. (2004) *Historia ecclesiastica. Kirchengeschichte* [Historia ecclesiastica. Church history]. Brepols Publishers Turnhout.

Ștefan, Gh. (1967) *Tomis et Tomea. À propos des lutes entre Byzantins et Avars à la fin du VI e siècle de notre ère, Dacia* [Tomis and Tomea. About the lutes between Byzantines and Avars at the end of the 6th century, Dacia]. [s.l., s.n.]. pp. 256–257.

Theodoret. (1954) *Historia ecclesiastica. Griechische Christliche Schriftsteller.* 44.

Tränkle, H. (2002) Vermeintliche Interpolationen bei Paulinus von Nola [Alleged interpolations by Paulinus of Nola]. *Hermes.* 130.3. pp. 338–361.

Zosimus. (1986) *Historia nova*. Paris: [s.n.].

Василик Владимир Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Vladimir V. Vasilik – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2018. Том 54. Выпуск 4.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 400 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 25.12.2018. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет 1N^o 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 130.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2018 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

РУССКІЙ МАРШ

А. ДУХНОВИЧ

Русски дѣти, вам свѣтает
Уж зорничка всходитъ вамъ,
Слава мати васъ витааетъ
И зоветъ къ своимъ рядамъ;

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Слава, Слава наша мати
Пробудилась отъ сна сновъ,
Зачинаетъ царствовати
Взываетъ храбрыхъ сыновъ.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Сильна наша Слава мати,
Ей золотый крѣпкій щитъ
Не дасть сынамъ погибати,
Она братьевъ помѣритъ.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Бодро, крѣпко, храбро, сильно
Ржавый въ руки беръте зброй,
Безустрашно и правильно
Отважно грядте на бой.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Ноже хлопцы въ имя Боже
Станемъ храбро съ горы въ доль,
Братня сила намъ поможе
Защищать Славы престоль.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Не боится русинъ врага,
Ему нѣт дороги въ задъ,
Грудь отверту все безъ страха
Держить и на кулей градъ.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.

Ноже бодро в рядъ ставайме,
Нась не пугаетъ буря,
И свободу защищайме,
Отечество и Царя.

Ноже хлопцы въ разъ
Поставайте въ Божій часъ,
Скоро, скоро подъ знамя
Ставайте в Боже имя,
Летите на Славы дворъ,
Ставайте въ разъ подъ прапоръ.